НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **16**

Минск
«Беларуская навука»
2025

УДК 316

В сборнике представлены статьи белорусских и зарубежных авторов, посвященные теории и методологии социологической науки, а также анализу эмпирических данных по наиболее актуальным вопросам науки и образования, цифровой трансформации социума, культуры и девиантного поведения.

«Социологический альманах» рассчитан на профессиональных социологов, студентов, аспирантов, а также на читательскую аудиторию, заинтересованную в поиске ответов на вызовы современного общества.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Н. Л. Мысливец (главный редактор),
О. В. Кобяк (зам. главного редактора),
Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, А. К. Джусибалиева, С. В. Костюкевич,
И. В. Лашук, А. Г. Пацеева, А. В. Посталовский, В. А. Симхович,
Н. А. Сосновская, Е. Ю. Смыкова, Н. В. Цыбульская, А. Е. Шифрин,
А. В. Семёнова (ответственный секретарь)

Р е ц е н з е н т ы:

член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов,
доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко

«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы; Подпрограмма 5 «Социология»

© Институт социологии НАН Беларуси, 2025
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Научная жизнь

Обзор круглого стола «Общество будущего: реальность и прогнозы в теоретическом наследии П. А. Сорокина» (*А. В. Посталовский, М. В. Пищикова*) 7
Обзор круглого стола «Женщины в науке: новые тенденции профессиональной самореализации» (*А. П. Соловей*) 10

Теория и методология социологических исследований

Зеленская М. М. Предпосылки формирования социологического подхода к оценке социокультурного потенциала агрогородков в Республике Беларусь 14
Посталовский А. В. Совокупный медиапоказатель «доверие к СМИ» в аудиторных исследованиях 23
Савчук А. А. Факторы формирования демографической ситуации: теоретический аспект 31
Симхович В. А. Корпоративная социальная ответственность и корпоративная устойчивость: управленческий контекст 42
Соловей А. П., Шухно Е. В. Концептуализация социологического изучения научного наставничества 51
Ярощук Р. С. Природоохранная деятельность и человеческая экология в контексте социологической науки 63

Наука и образование

Ворошень О. Г. Деятельность академической аспирантуры в регионах Республики Беларусь за период 2015–2023 гг. 71
Данилов А. Н. Потенциал социологической науки и социологическое образование 78
Джусибалиева А. К. Актуальные вопросы регулирования внешней образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана 86
Кобяк О. В., Яковлева И. А. Социальная модель дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь: опыт становления и развития 97
Сойко А. Д. Социологическое изучение профессиональной самореализации педагогических работников в контексте современных социально-экономических преобразований 110
Титаренко Л. Г. Образовательное воздействие на сознание и поведение студентов как ответ на новые «вызовы» гуманитарной безопасности страны 117
Шарый И. Н. Основные тенденции динамики кадрового потенциала науки в регионах Республики Беларусь с 2010 по 2023 г.: сравнительный анализ 124

Социальные явления и процессы

Бельский А. М. Предпринимательская деятельность женщин в сельской местности в социологическом измерении (по результатам международного исследовательского проекта) 136
Балич Н. Л. Особенности белорусского характера в оценках наиболее многочисленных национальностей Республики Беларусь 147

Барановский Н. А. Суицидальное поведение: особенности этиологии и меры профилактики 157
Воронина С. Н. Особенности практик чтения печатной прессы населением Беларуси. . . 176
Пушкевич С. А. Динамика потенциала внешней трудовой миграции населения Беларуси и ее регионов за период 2017–2024 гг.: социологический анализ. 188
Семёнова А. В. Трудолюбие в контексте преемственности семейных ценностей белорусов 198
Харитонов И. Н. Языковые особенности белорусов в контексте преемственности национального характера. 209
Штеер О. В. О перспективах использования туристического потенциала историко-культурного наследия Республики Беларусь. 217

Цифровая трансформация общества

Бабосов Е. М. Воздействие цифровой трансформации на формирование и реализацию социального и политического капиталов во всех сферах белорусского общества 230
Хамутовская С. В. Электронное голосование в «зеркале» общественного мнения населения Республики Беларусь. 241
Шурко А. В. Коммуникативное взаимодействие индивидов и социальных групп в видеоиграх посредством «цифрового тела» 249
Юйхан Ли. Инновации и интеграция культурной идентичности китайской молодежи, основанной на средствах массовой информации 257
Яковлева Н. И. Система страховой защиты в контексте процессов интеллектуализации 264

Наши юбиляры

Аляксандр Мікалаевіч Данілаў. Да 70-годдзя з дня нараджэння (*Я. М. Бабосаў, П. А. Вадап'янаў, А. А. Каваленя, М. Л. Мыслівец, В. К. Шчэрбін*) 273

Памяти выдающихся белорусских социологов

Из эпохи романтиков и первооткрывателей. К 90-летию профессора Г. Н. Соколовой (1935–2018) (*А. Н. Данилов*). 277
Когда уходят легенды… К 85-летию профессора С. А. Шавеля (1940–2023) (*А. Н. Данилов*). 280

CONTENT

Academic Life

Review of the round table discussion on the topic: “Society of the future: reality and forecasts in the theoretical heritage of P. A. Sorokin” (*A. V. Postalovsky, M. V. Pishchikova*) 7
Review of the round table discussion on the topic: “Women in science: new trends in professional self-realization” (*A. P. Solovey*) 10

Theory and Methodology of Social Studies

Zelenskaya M. M. Prerequisites for the formation of a sociological approach to the assessment of the socio-cultural potential of agro-towns in the Republic of Belarus 14
Postalovsky A. V. Aggregate media indicator “trust in the media” in auditory research 23
Savchuk A. A. Factors of demographic situation formation: theoretical aspect. 31
Simkhovich V. A. Corporate social responsibility and corporate sustainabilty: managerial context 42
Solovey A. P., Shukhno E. V. Conceptualization of sociological analysis of scientific mentoring 51
Yaroshchuk R. S. Environmental protection and human ecology in the context of sociological science 63

Science and Education

Voroshen O. G. Activities of postgraduate school of the NAS of Belarus in the regions of Belarus for the period from 2015 to 2023 71
Danilov A. N. Potential of sociological science and sociological education 78
Jussibaliyeva A. K. Current issues of foreign trade regulation educational and labor migration of youth in Kazakhstan 86
Kabiak A. V., Yakovleva I. A. Social model of additional education for children and youth in the Republic of Belarus: experience of formation and development 97
Soyko A. D. Sociological study of professional self-realization of teaching staff in the context of modern socio-economic transformations 110
Titarenko L. G. Educational impact on the consciousness and behavior of students as a response to new “challenges” to the country’s humanitarian security 117
Shary I. N. Main trends in the dynamics of human resources potential of science in the regions of the Republic of Belarus from 2010 to 2023: a comparative analysis 124

Social Phenomena and Processes

Belski A. M. Entrepreneurial activity of women in rural areas in a sociological dimension (based on the results of an international research project) 136
Balich N. L. Features of the belarusian character in assessments of the most numerous nationalities of the Republic of Belarus 147
Baranovski N. A. Suicidal behavior: features of etiology and prevention measures 157
Voronina S. N. Features of reading printed press by the population of Belarus 176

Pushkevich S. A. Dynamics of the potential of external labour migration of the population of Belarus and its regions for the period 2017–2024: sociological analysis 188
Siamionava A. V. Diligence in the context of the continuity of family values of belarusians . . 198
Haritonov I. N. Linguistic features of belarusians in the context of continuity of national character 209
Shteyer O. V. On the prospects of using the tourist potential of the historical and cultural heritage of the Republic of Belarus. 217

Digital Transformation of Society

Babosov E. M. Impact of digital transformation on the formation and implementation of social and political capital in all spheres of belarusian society 230
Khamutouskaya S. V. Electronic voting in the "mirror" of public opinion of the population of the Republic of Belarus 241
Shurko H. V. Communicative interaction of individuals and social groups in video games through the "digital body". 249
Yuhang Lee. The innovation and integration of media-based chinese youth cultural identity. . . 257
Yakovleva N. I. System of insurance in the context of intellectualisation processes. 264

Our Anniversaries

Alexander Nikolaevich Danilov. On his 70th birthday (*E. M. Babosov, P. A. Vodopyanov, A. A. Kovalenya, N. L. Myslivets, V. K. Shcherbin*) 273

In memory of outstanding belarusian sociologists

From the era of romantics and discoverers. On the 90th anniversary of Professor G. N. Sokolova (1935–2018) (*A. N. Danilov*) 277
When legends leave… On the 85th anniversary of Professor S. A. Shavel (1940–2023) (*A. N. Danilov*). 280

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОГНОЗЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. А. СОРОКИНА»

Современный этап развития социологической теоретической мысли определяется А. Балогом как «мультипарадигмальная социология». Мультипарадигмальность социологического знания предполагает отсутствие универсальной «гранд теории» (Grand theory, Ч. Р. Миллс), которая стремится охватить в контексте интерпретации и осмысления все сферы общества. Сегментизация теоретической социологии привела к формированию инвариантных форм аналитических интерпретаций социума, в то время как «гранд теории» в классическом формате по примеру структурного функционализма в настоящий момент практически не встречаются в социогуманитарном знании. Вместе с тем «гранд теории» в свое время выполнили очень важную в социологическом контексте функцию. Именно глобальные универсальные теории отмечались высокой степенью аналитического и глубинного осмысления социальных процессов, нередко выступая в качестве исследовательской оптики для прогнозирования будущего. Одной из таких классических теорий является «интегральная социология» П. А. Сорокина.

Теоретическое наследие Питирима Александровича Сорокина во многом способствовало развитию американской академической социологии и социологической теории в целом в контексте анализа социальной динамики и конкретного примера прогнозно-аналитического восприятия последующего развития общества. В 2024 г. мировое социологическое сообщество отмечало 135 лет со дня рождения П. А. Сорокина (1889–1968 гг.). В честь указанного юбилея Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» инициировало проведение 21 ноября 2024 г. белорусско-российского круглого стола «Общество будущего: реальность и прогнозы в теоретическом наследии П. А. Сорокина».

Круглый стол состоялся в рамках конструктивного сотрудничества между Институтом социологии НАН Беларуси и кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (далее – СПбГТИ(ТУ)). В мероприятии также приняли участие представители Государственного бюджетного учреждения «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар) и Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Модератором мероприятия стал заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук,

доцент А. В. Посталовский. С приветственным словом выступила заведующая кафедрой социологии (СПбГТИ(ТУ)), кандидат социологических наук, доцент О. В. Васина, которая также отметила значимость идей цивилизационных основ концепции П. А. Сорокина в современных реалиях развития общества.

На круглом столе были предложены для обсуждения следующие темы: «П. А. Сорокин и современная социологическая теория»; «Социальная мобильность в современном обществе»; «Инновации в процессе модернизации общества: П. А. Сорокин как первый пророк»; «Смена культур: творческое завтра наступило»; «100 лет “социологии революции”: сбываются прогнозы».

В ходе дискуссии были представлены 5 докладов участников круглого стола.

Первым докладчиком стала кандидат исторических наук, доцент О. Ю. Кузиванова, директор *Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина*. В своем выступлении она рассказала об историческом прошлом П. А. Сорокина, о его зырянских корнях, которые тесным образом связаны с Республикой Коми. Также она рассказала о проектах, связанных с сохранением наследия П. А. Сорокина в Республике Коми, в частности о систематизации и издании его рукописей в 30 томах. На данный момент уже издано 12 томов работ П. А. Сорокина и ожидается выход в свет 13-го тома, завершающего публикационную активность ученого на русском языке.

В следующем докладе на тему «Понимание категории “ценность” в интегративной теории П. А. Сорокина: опыт переосмысления» кандидат социологических наук, доцент А. С. Гонашвили (*СПбГТИ*(*ТУ*)) раскрыл идею о том, что интегративная теория П. А. Сорокина строится на аксиологическом подходе, в котором понятие «ценность» определяет телеологию и специфику культурных подсистем, таких, например, как религия, этика, экономика, право, политика и т. д. В данной интерпретации понятие «ценность» перекликается с культурологическим и философским определениями, где ценности понимаются как объективные сущности.

Бурный интерес вызвал доклад на тему «Социология в эпоху перемен: творческий путь П. А. Сорокина», представленный младшим научным сотрудником А. С. Галанзовским (*Институт социологии НАН Беларуси*). Докладчик рассказал об историческом пути становления П. А. Сорокина, о влиянии окружения на его исследовательский интерес и жизненных обстоятельствах, повлиявших на идейное формирование ученого. В рамках доклада также затрагивалась идея создания «гранд-теории» П. А. Сорокина и обосновывалась важность ее наследия в настоящее время.

Следующей выступила кандидат социологических наук И. Г. Неделевская (*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы*) с докладом на тему «Когнитивно-поведенческие факторы социально-политических конфликтов в теориях П. А. Сорокина и современных исследователей». Докладчик рассказала об аспектах социально-политического конфликта в работах

П. А. Сорокина, уделяя особое внимание понятиям «революция» и «война» в качестве примеров социально-политического конфликта и объясняя причины, к ним приводящие.

Содержательную дискуссию вызвал доклад, представленный М. В. Пищиковой (*СПбГТИ*(*ТУ*)), на тему «Инклюзивное образование и социальная мобильность: теоретические подходы к изучению», в котором был приведен пример современного использования концепции «социальной мобильности» в теоретических и эмпирических социологических исследованиях. Объясняя отличительные особенности инклюзивного образования, докладчик рассмотрела проблемы социальной мобильности людей с инвалидностью и пути их решения на примере вузов Российский Федерации.

Все участники круглого стола выразили желание продолжить практику проведения подобных международных мероприятий, указав на важность обсуждения и апелляции к классической социологической литературе для переосмысления и оценки современности.

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ,
кандидат социологических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alexanderpostalovsky@yandex.by

М. В. ПИЩИКОВА,
преподаватель кафедры социологии,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), г. Санкт-Петербург,
e-mail: mariia.pishchikova@gmail.com

Поступила 19.12.2024 г.

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ»

27 сентября 2024 г. в рамках Международной научно-практической конференции Института социологии НАН Беларуси «Наука и общество в условиях новых вызовов» состоялся междисциплинарный международный круглый стол *«Женщины в науке: новые тенденции профессиональной самореализации»*.

Проведение научных мероприятий по данной тематике актуализируется не только важностью рассмотрения различных аспектов исследовательской деятельности социально-профессиональных групп ученых, популяризации вклада научных сотрудников в развитие интеллектуального, научно-технического и инновационного потенциала страны. Необходимость и значимость круглого стола, посвященного именно социально-демографической и профессиональной группе женщин-ученых закреплена на государственном уровне. В Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793, предусмотрена организация в рамках научных мероприятий работы круглых столов и секций по гендерным проблемам (п. 59), а также подготовка цикла научных публикаций по гендерной проблематике (п. 58). Согласно данному Национальному плану действий женщины составляют 26,7 % выпускников учебных заведений по специальностям, связанным с наукой, технологиями, инженерией и математикой (STEM-направления), что свидетельствует о необходимости их дальнейшего вовлечения в эти области.

В приветственном слове модератором круглого стола было отмечено, что активное участие женщин в сфере высококвалифицированного труда и научного творчества расширяет социальную базу воспроизводства научных кадров, вместе с тем усиливая кадровый потенциал науки, научный потенциал общества в целом. Согласно данным статистики доля женщин в общем количестве исследователей в Республике Беларусь составляет 38,7 %. Среди кандидатов наук – 40,8 % женщин, докторов наук – 22,2 %. В Национальной академии наук Беларуси – ведущей государственной научной организации нашей страны – наблюдается гендерная сбалансированность среди исследователей, доля женщин составляет 50,0 %, что больше на 11,3 %, чем по стране в целом. В НАН Беларуси среди кандидатов наук доля женщин составляет практически половину (46,5 %) от общего числа исследователей с данной ученой степенью. Следует отметить, что женщины активно пополняют ряды отечественной вузовской и академической науки. В целом по республике удельный

Участники круглого стола «Женщины в науке: новые тенденции профессиональной самореализации»

вес женщин, осваивающих первую ступень научно ориентированного образования (аспирантуру), достигает 60,0 %. В то же время среди лиц, осваивающих вторую ступень научно ориентированного образования, доля женщин – 51,3 %. Среди лиц, осваивающих образовательную программу аспирантуры НАН Беларуси, доля женщин превалирует над долей мужчин и составляет 61,3 %. На второй ступени научно ориентированного образования в академической науке – 43,1 % женщин.

Женщины-ученые являются важным интеллектуальным кадровым потенциалом современной белорусской науки. В генерировании новых научных идей и производстве научного знания женщины выступают не только в роли исследователей и научных сотрудников, но и руководителей государственных программ научных исследований, научно-исследовательских работ и грантов. Женщины представлены и на руководящих позициях в научных организациях – они являются заведующими научными центрами, отделами, секторами и лабораториями, учеными секретарями и заместителями директора. При этом женщины-ученые одновременно выполняют и другие социальные роли (жена, мать, сестра, бабушка, общественный деятель и др.). Совмещение различных ролей женщинами-учеными, прежде всего профессиональных и семейных, а также межличностных и общественных, детерминирует научную продуктивность женщин и определяет не только особенности их социального самочувствия, но и оказывает влияние на профессиональную самореализацию женщин в науке.

В работе круглого стола приняли участие с докладами (в очной, онлайн и заочной формах) научные сотрудники, преподаватели высших учебных

заведений, магистрантки и аспирантки из Беларуси и России. Участницы и участники круглого стола рассматривали различные аспекты профессионального опыта женщин-ученых с точки зрения социально-экономических, общественных и гуманитарных дисциплин (социология, история, философия, экономика, психология). Спектр обсуждаемых тем был достаточно многообразен: от вклада женщин-ученых в сохранение научного наследия, репрезентации женщин-ученых в различных областях науки до важности популяризации науки в молодежной среде и транслирования профессионального пути женщин в науке посредством медиапроектов.

В ходе работы круглого стола были заслушаны доклады, посвященные вкладу женщин *в развитие фундаментального и прикладного экономического знания:* «Роль женщин в развитии общества и экономической науки» (А. М. Аксеневич, Институт экономики НАН Беларуси); «Нобелевская премия по экономике Клаудии Голдин» (Н. В. Стома, Институт экономики НАН Беларуси); «Женская наука “Плехановки”: научные школы и достижения женщин-ученых» (М. М. Рудковская, кандидат исторических наук, С. В. Мудрова, кандидат экономических наук, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова).

Внимание было уделено *положению женщин в науке и высшей школе в социологическом дискурсе:* «Основные направления социологического изучения положения женщин в науке» (Н. В. Курилович, кандидат социологических наук, Белорусский государственный университет); «Женщина в высшей школе – ученый и педагог» (О. Н. Гаврилик, кандидат социологических наук, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы); «“Наука женского рода”: российский фильм про(для) женщин-ученых» (А. В. Швецова, кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина); «Динамика представленности женщин среди научных кадров Республики Беларусь» (А. П. Соловей, Институт социологии НАН Беларуси).

Особый интерес у участников круглого стола вызвали *темы коллег-психологов*. В выступлении на тему: «Репрезентация женщин в психологической науке» (А. В. Банщиков, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет) автор акцентировал внимание на вкладе женщин в развитие психологической науки и степени известности выдающихся психологов из истории и современности среди студентов психологических факультетов. Феномену аутентичности, отличительным этническим особенностям характера белорусок было посвящено исследование «Этнокультурная женская аутентичность белорусок: от интереса к осознанности» (Н. Ф. Гребень, Республиканский научно-практический центр психического здоровья). В докладе «Правовой статус женщин в белорусском обществе» слушательница курсов «Управление и право» Академии управления при Президенте Республики Беларусь осветила вопросы осуществления политических прав женщин Беларуси,

важности их вовлечения в значимые для государства процессы (Я. И. Дедуль, Брестская областная психиатрическая больница «Кривошин»).

Вкладу женщин в сохранение исторического наследия английского натуралиста и ботаника было посвящено выступление гостьи из Екатеринбурга «Аверил Лисахт, Патриция Фара и Анна Агнарсдоттир: женский вклад в историографию о Дж. Бэнксе» (Ю. С. Шипицына, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина). Важность *репрезентации профессии ученого в белорусских печатных медиа для детской аудитории* с целью привлечения внимания подрастающего поколения к научной сфере была озвучена в докладе «Популяризация науки для девочек и мальчиков в белорусских печатных СМИ» (Ю. П. Середа, Институт философии НАН Беларуси).

Выступления участников круглого стола вызвали активный интерес и оживленную дискуссию. В ходе нее была отмечена возрастающая роль женщин-ученых не только в развитии фундаментального и прикладного научного знания, сохранении научного наследия и передаче исследовательского опыта молодым ученым, но и в социально-экономическом развитии общества в целом. Присутствующие подчеркнули необходимость проведения научно-образовательных и просветительских мероприятий, посвященных вкладу женщин-ученых в науку, возрождению «забытых женских имен», сделавших научные открытия и стоявших у истоков различных научных направлений и школ. Активная представленность женщин-ученых среди кадров высшей квалификации способствует формированию успешных «ролевых моделей женщин в науке». Женщины-наставницы своим примером и передачей исследовательского опыта могут вдохновлять молодое поколение на выбор науки в качестве профессиональной сферы самореализации, что безусловно важно для развития и укрепления кадров высшей квалификации Республики Беларусь. В свою очередь повышение вклада женщин в решение актуальных проблем научно-технологического прогресса способствует дальнейшему развитию научно-технологической безопасности страны.

А. П. СОЛОВЕЙ,
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
член правления первичной организации
ОО «Белорусский союз женщин» НАН Беларуси,
e-mail: alesya-solovei@mail.ru

Поступила 26.12.2024 г.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.7+316.334.55(476-22)

М. М. ЗЕЛЕНСКАЯ,

аспирант,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: mari.ghbdtn@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОГОРОДКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье представлен анализ предпосылок формирования социологического подхода к оценке социокультурного потенциала агрогородков. Обозначены проблемы, возникающие вследствие сокращения численности сельского населения. Определены факторы, способствующие привлечению жителей в сельскую местность.

Ключевые слова: агрогородок, общественное мнение, сельские территории, сельское население, социокультурный потенциал, социологический подход, территориальный брендинг.

M. M. ZELENSKAYA,

Postgraduate Student,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: mari.ghbdtn@mail.ru

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF A SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE ASSESSMENT OF THE SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF AGRO-TOWNS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes the prerequisites for the formation of a sociological approach to assessing the socio-cultural potential of agro-towns. The problems arising due to the reduction in the number of rural population are outlined. The factors contributing to the attraction of residents to rural areas are identified.

Keywords: agro-town, public opinion, rural areas, rural population, socio-cultural potential, sociological approach, territorial branding.

Введение. В настоящее время в нашей стране реализуется Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 29 июля 2021 г. № 292, которая направлена на «создание предпосылок для роста благосостояния граждан, обеспечение комфортного проживания в каждом регионе страны, развитие человеческого потенциала» [1]. Одна из глав программы посвящена региональному развитию. В ней отмечается, что «региональная политика будет направлена на повышение привлекательности для жизни,

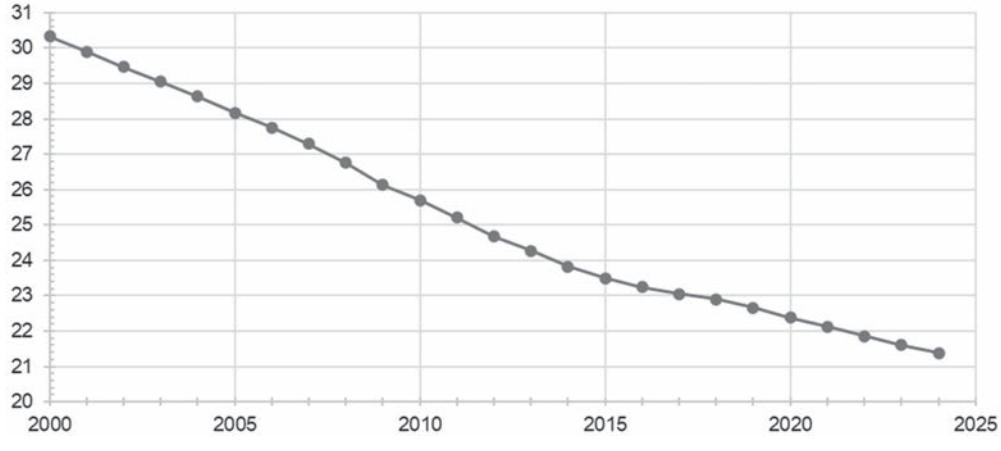
работы и бизнеса территорий, расположенных за пределами столицы и областных центров, на популяризацию сельского образа жизни (деурбанизация)» [1].

Вопрос возрождения села всегда стоял остро в новейшей истории Беларуси. Первым масштабным документом, направленным на оздоровление сельских территорий, можно назвать Программу совершенствования агропромышленного комплекса Республики Беларусь на 2001–2005 годы, утвержденную Указом Президента Республики Беларусь от 14 мая 2001 года № 256. В Программе в первую очередь обращалось внимание на развитие АПК, что было оправдано сложившимися условиями. Продолжением стала Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 25 марта 2005 года № 150, в которой большое внимание уделялось развитию социальной сферы, в том числе созданию агрогородков, улучшению транспортной инфраструктуры, созданию дополнительных рабочих мест, увеличению количества образовательных учреждений, амбулаторий общей врачебной практики, учреждений культуры и т. п. Однако, несмотря на то что программа была успешно реализована, тема возрождения сельских населенных пунктов не теряет своей актуальности и сегодня. Существуют факторы, которые до настоящего времени затрудняют и сдерживают процесс возрождения сельских территорий. Один из них – сокращение численности сельского населения (таблица). По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, доля сельского населения в общей численности населения страны также постоянно уменьшается (рисунок) [2].

Такое процентное соотношение городского и сельского населения может привести к возникновению ряда проблем, среди которых угроза обеспечения продовольственной безопасности страны, потеря преемственности поколений, утрата историко-культурных корней. Обозначенные проблемы, лежащие, на первый взгляд, в разных плоскостях, одинаково значимы. Преемственность поколений осуществляет функцию передачи традиций народа, помогает сохранению исторической памяти. Обеспечение продовольственной безопасности влечет за собой улучшение качества жизни, повышает уровень социального благополучия населения. Кроме того, перенаселение городов ведет к ухудшению экологической обстановки, повышению уровня безработицы, снижению доходов, ограничению доступа к образовательным и медицинским услугам, негативно сказывается на психическом здоровье населения. Дальнейшее развитие агрогородков призвано во многом решить эти проблемы, дать толчок развитию различных отраслей экономики Республики Беларусь, в том числе сельскому хозяйству. По данным Реестра земельных ресурсов Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2024 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 8869,7 тыс. гектаров, т. е. 42,8 % от общей площади земель [3].

Динамика численности населения Республики Беларусь

Год	Население Республики Беларусь (всего, чел.)	В том числе сельское население	Процент сельского населения
2000	10 002 535	3 035 148	30,34
2001	9 956 684	2 977 107	29,9
2002	9 900 414	2 917 528	29,47
2003	9 830 681	2 857 185	29,06
2004	9 762 817	2 794 836	28,63
2005	9 697 475	2 732 110	28,17
2006	9 630 354	2 673 687	27,76
2007	9 579 493	2 615 607	27,3
2008	9 542 412	2 553 213	26,76
2009	9 513 557	2 486 485	26,14
2010	9 495 608	2 440 163	25,7
2011	9 472 064	2 388 025	25,21
2012	9 451 221	2 331 489	24,67
2013	9 442 450	2 292 151	24,27
2014	9 443 972	2 250 088	23,83
2015	9 453 058	2 220 849	23,49
2016	9 469 093	2 201 940	23,25
2017	9 469 665	2 183 164	23,05
2018	9 448 312	2 164 033	22,9
2019	9 429 257	2 137 548	22,67
2020	9 410 259	2 106 354	22,38
2021	9 349 645	2 069 325	22,13
2022	9 255 524	2 023 429	21,86
2023	9 200 617	1 988 212	21,61
2024	9 155 978	1 957 693	21,38



Процент сельского населения
относительно общей численности населения Республики Беларусь

Социокультурный потенциал агрогородков. Важно не просто стимулировать приток жителей в сельскую местность, но и создать условия для их закрепления. В первую очередь это касается молодежи как социально-демографической группы, которая является важной частью общества и имеет больший потенциал для инноваций. По данным аналитика Белорусского института стратегических исследований Ирины Русак, «на первом месте в качестве целевого ориентира среди юношей и девушек, которые рассматривают возможность жизни в селе, стоит доступность и скорость Интернета» [4]. Таким образом, доступность и уровень развития информационных технологий на данный момент является базовой потребностью. При этом, по результатам республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае – июне 2024 г., только 45,6 % сельского населения удовлетворены качеством интернет-соединения (против 68,5 % городского); наличием современных форм расчета с покупателями удовлетворены 28,7 % сельчан (против 59,8 % горожан); доступностью онлайн-записи к врачам, электронной очереди – 27,2 % (против 46,4 % соответственно). С возможностью оплаты проезда в общественном транспорте через приложение / терминал ситуация обстоит еще серьезнее: доля удовлетворенных среди сельского населения составила лишь 21,5 % (среди городского – 47,5 %).

Согласно полученным данным можно сделать вывод о том, что по сравнению с городским населением жители сельской местности испытывают проблемы с обеспечением информационными технологиями в своей повседневной жизни. Зачастую это касается также организации досуга и транспортного сообщения.

Ни в коей мере не следует стирать все грани между городом и сельским населенным пунктом, ставить между ними знак равенства. Образ жизни в населенных пунктах различных типов имеет свою специфику, свои достоинства и недостатки. Однако неоспоримым является тот факт, что независимо от места проживания человек имеет право на удовлетворение своих материальных, социальных и духовных потребностей, что позволяет ему чувствовать себя полноправным членом общества.

Развитие сельских населенных пунктов республики является приоритетным направлением государственной политики Республики Беларусь.

К категории сельских населенных пунктов, согласно Закону Республики Беларусь от 5 мая 1998 года № 154-З «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь», относятся «агрогородки – благоустроенные населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения государственных минимальных социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий; поселки, деревни – населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура, не отнесенные к агрогородкам; хутора – населенные пункты, не отнесенные к агрогородкам, деревням или поселкам» [5]. Однако с социологической точки зрения сельский населенный пункт можно рассматривать как «общность людей, постоянно проживающих

в определенном географическом месте и объединенных производственной или другой деятельностью» [6].

Агрогородки представляют собой современный и наиболее перспективный тип сельского поселения и призваны улучшить условия проживания в сельской местности, остановить миграцию сельских жителей в города. По данным официального Интернет-портала Президента Республики Беларусь, на сегодняшний день в стране насчитывается 22 991 сельский населенный пункт, из них 1426 – это агрогородки [7].

К вопросу создания сельских населенных пунктов новой формации обращались еще в 1970-х гг. Уже тогда стали активно использовать понятие «перспективные населенные пункты». Однако, по мнению В. А. Круталевича, этот процесс усложнялся тем, что были «недостаточно разработаны теоретические основы формирования сети перспективных сельских поселений, их размещения и оптимальных размеров, не выработана научно обоснованная концепция критериев классификации поселений в зависимости от перспектив их развития» [6]. На сегодняшний день практически все эти вопросы решены, что позволяет более основательно подходить к вопросу целесообразности появления сельских населенных пунктов различных типов.

Немаловажную роль для успешного развития агрогородков играют комфортные условия для проживания, которые включают наличие достойного жилищного фонда, образовательных и досуговых учреждений, обеспечение занятости населения, удобную транспортную инфраструктуру, доступность медицинского обслуживания.

Учитывая этот фактор, развитие агрогородков можно назвать междисциплинарной проблемой, которую рассматривают исследователи различных сфер и областей жизнедеятельности человека. Так, проблемам агрогородков с точки зрения градостроительства и планировки сельских населенных пунктов посвящены исследования доктора технических наук Е. В. Горбенковой [8], благоустройства и развития агроэкотуризма – С. Ф. Фоменковой [9], эффективности инвестиций в развитии сельских территорий – кандидата экономических наук А. В. Чирич [10].

Перспективы развития сельских территорий в первую очередь рассматриваются с точки зрения оценки экономических факторов, таких как уровень заработной платы, наличие благоустроенного жилья и т. д. Экономические факторы зачастую играют ведущую роль при определении места жительства и остаются приоритетными на начальном этапе организации быта. Однако через некоторое время у человека возникает необходимость удовлетворения своих социальных и духовных потребностей – в общении, общественной деятельности, получении знаний и реализации творческого потенциала.

В агрогородках необходимо создавать достаточное количество образовательных, культурных, спортивных и досуговых объектов. Увеличение их количества не только улучшает качество жизни населения, способствует пропаганде здорового образа жизни, но и предоставляет дополнительные рабочие

места, привлекает в сельскую местность образованных, грамотных специалистов. Кроме того, способствует дополнительной занятости детей и подростков, что также благоприятствует снижению уровня противоправного поведения.

Благодаря созданию привлекательных условий для проживания молодых семей, в сельской местности улучшается демографическая ситуация. Молодежь играет ведущую роль в формировании современной системы ценностей. Молодые люди, как правило, обладают большей гибкостью и способностью к адаптации. При этом для подрастающего поколения агрогородок выступает в роли малой родины, которая дает человеку ощущение принадлежности, содействует формированию патриотических чувств.

Для определения перспектив развития агрогородков необходимо выяснить какие конкретно факторы позволяют судить о том, что населенный пункт привлекателен для проживания на данном этапе и имеет потенциал для дальнейшего развития. Всесторонний анализ проблемы обусловливает различные подходы к изучению перспектив развития современных агрогородков.

В таком ракурсе целесообразно говорить о применении социологического подхода к анализу социокультурного потенциала агрогородков как о совокупности «материальных, социальных, кадровых, духовных ресурсов, а также потенциальных возможностей их использования в решении стоящих перед обществом задач культурного, социального и экономического развития» [11]. Данный подход позволит не только оценить состояние социокультурных процессов на данном этапе, но и определить эффективные меры для реализации выявленного потенциала.

В современном агрогородке необходимо найти ту точку притяжения, которая затронет, захватит большинство его жителей, своего рода «национальную идею», что окажет положительное влияние на развитие агрогородка в частности и региона в целом. Все то, что будет вызывать гордость его жителей и способствовать повышению узнаваемости данного региона. Это может быть героическое наследие военных лет, уникальный памятник природы или архитектуры, народное творчество. При этом важно, чтобы именно местные жители помогли выявить факторы, на основании которых может проходить дальнейшее развитие каждого конкретного агрогородка. Такой подход содействует формированию социального самоопределения, сплоченности, активной гражданской позиции местных жителей.

Для выявления факторов, влияющих на успешное развитие сельских населенных пунктов, целесообразно обратиться к общественному мнению: «Общественное мнение не только отражает происходящие в обществе процессы, но и способно оказывать на них существенное воздействие, выступая в социологическом отношении одним из компонентов самой социальной ситуации. В зависимости от характера субъекта мнение может существовать как в форме оценочного суждения, так и в форме побудительного: как готовности, установки, некоего промежуточного состояния между социальной оценкой и социальным действием» [12]. Социологический анализ динамики обществен-

ного мнения позволит получить объективную информацию о социальных ожиданиях и установках местных жителей, осуществить мониторинг факторов, влияющих на выявление и реализацию социокультурного потенциала.

Одним из перспективных направлений развития сельских поселений можно назвать территориальный брендинг. Территориальный брендинг – это сложный процесс, который заключается в формировании в сознании людей привлекательного образа региона либо, как в нашем случае, конкретного сельского населенного пункта. Привлекательность эта основана преимущественно на социокультурном потенциале населенного пункта. В Беларуси на данном этапе территориальные бренды ассоциируются преимущественно с чем-то материальным, однако существует перечень и культурных территориальных брендов. Самый успешный, пожалуй, – ежегодный Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». Это и свой узнаваемый логотип, и место проведения мероприятия – культурная столица Беларуси. Также существуют такие бренды, как «Вишневый фестиваль» в г. Глубокое Витебской области, «Венок Дружбы» в г. Бобруйск Могилевской области. Отметим не такие известные, но не менее интересные бренды – «Фестиваль клюквы» в д. Ольманы Столинского района Брестской области, «Всебелорусский фестиваль народного юмора» в д. Великие Автюки и Малые Автюки Калинковичского района Гомельской области. В целом вопрос территориального брендинга в Беларуси требует дальнейшего изучения и разработки.

В Беларуси на сегодняшний день можно назвать агрогородки, которые достигли определенного уровня развития, их названия часто звучат в прессе в ходе проведения мероприятий на различных уровнях. Это агрогородки Остромечево Бресткого района Брестской области и Езеры Чериковского района Могилевской обрасти. Можно также упомянуть и менее известные агрогородки, которые, однако, в полной мере используют имеющийся потенциал для успешного развития.

Показательным примером является агрогородок Мотоль Ивановского района Брестской области, развивающийся по многим направлениям. Здесь проводится Международный фестиваль фольклора «Мотальскія прысмакі», гости которого могут продегустировать блюда полесской кухни, познакомиться с реконструкцией народных обрядов, старинными играми, посмотреть выступления местных фольклорных коллективов и выставки народного творчества. Производственная сфера агрогородка представлена ПК «Мотоль», ОАО «Агро-Мотоль», ЧПУП «Шиколай», которые занимаются выпуском колбас, сыра и хлеба. В Мотоле развита и социальная инфраструктура. В агрогородке располагается несколько музеев, библиотека, Дом культуры.

Активно пользуются здесь и информационными технологиями. На официальном сайте размещена необходимая для жителей и гостей агрогородка информация, в том числе интерактивная карта Мотоля. На сайте также есть возможность оставить электронные обращения. Особый интерес вызывают страницы сайта «Воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне»

и «Земляки, которыми стоит гордиться». Обращают на себя внимание слова председателя Мотольского исполкома Э. Г. Пташиц: «Издревле на белорусской реке Ясельде стоит агрогородок Мотоль – старинное местечко, одно из самых самобытных на Полесье. Его летопись содержит имена выдающихся деятелей мировой истории, науки, культуры, в ней немало и героических, и трагических страниц. Вихри времени оставили в этом краю свои замысловатые узоры – на протяжении столетий Мотоль славился своими ремеслами, неповторимыми традициями, уникальными обрядами, кулинарным творчеством, а главное – своеобразным характером его жителей, в котором сплелись воедино независимость, предпринимательский талант, трудолюбие и умение делать жизнь ярче и богаче. Свое наследие мотоляне бережно хранят и приумножают. Я горжусь, что живу в Мотоле и тружусь на благо такого уникального агрогородка, в котором созданы все условия для жизни, имеется вся инфраструктура, в котором живут и трудятся прекрасные люди. Мы любим наш Мотоль!» [13]. В настоящее время в агрогородке реализуются несколько проектов – «Сохранение экосистемы Мотольского озера», «Мотоль – здоровый агрогородок».

Заключение. Проведенный нами анализ позволяет сформулировать следующие основные предпосылки формирования социологического подхода к оценке социокультурного потенциала агрогородков.

Во-первых, это необходимость выработки, апробации и расширенного применения именно социальных механизмов укрепления и модернизации сельских территорий в условиях, когда в ходе реализации государственных программ совершенствования агрокомплекса, а также возрождения и развития села создана в целом добротная материально-техническая база для их дальнейшего улучшения.

Во-вторых, сформированное понимание представителей местных органов власти относительно целесообразности использования социальных механизмов для развития сельских территорий. Например, председатель Гродненского областного Совета депутатов Е. Пасюта считает, что «улучшать качество жизни в сельской местности важно во взаимодействии властей с местным населением. В этом плане одним из основных механизмов развития сельских территорий можно считать формирование гражданских инициатив» [14].

В-третьих, готовность активных представителей местного населения сознательно включаться в процессы дальнейшего обустройства своей малой родины. Об этом свидетельствует активное участие населения в региональных конкурсах гражданских инициатив, в которых одерживают победу и получают финансовую поддержку значимые проекты социальной, экономической и экологической направленности.

В-четвертых, за годы работы Института социологии НАН Беларуси, который уже отметил свое 35-летие, сформирована весьма солидная теоретико-методологическая база и накоплен существенный опытно-экспериментальный потенциал в области социологии села [15–18]. Это важная научная предпосылка успешного формирования социологического подхода к оценке социокультурного потенциала агрогородков в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2021. – 1/19834.

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998. – 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 10.09.2024).

3. Государственный комитет по имуществу : [сайт]. – Минск, 2008–2024. – URL: https://gki.gov.by/ru (дата обращения: 20.12.2024).

4. *Русак, И.* Точки роста белорусской деревни / И. Русак // БИСИ. – URL: https://bisr.gov.by/mneniya/tochki-rosta-belorusskoy-derevni (дата обращения: 19.12.2024).

5. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З : в ред. от 31 дек. 2014 г. № 229-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 08.09.2024).

6. *Круталевич, В. А.* Формирование сельского поселения нового типа / В. А. Круталевич. – Мн. : Наука и техника, 1977. – 238 с.

7. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://president.gov.by/ru (дата обращения: 10.11.2024).

8. *Горбенкова, Е. В.* Развитие системы агрогородков Республики Беларусь с учетом градостроительных факторов : автореф. дис. … канд. техн. наук : 05.23.22 / Горбенкова Елена Владимировна ; Моск. гос. строит. ун-т. – М., 2015. – 20 с.

9. *Фоменкова, С. Ф.* Проблемы и перспективы благоустройства агрогородков / С. Ф. Фоменкова // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Строительство и архитектура. – 2013. – № 1. – С. 31–34.

10. *Чирич, А. В.* Повышение эффективности инвестиций в развитие социальной инфраструктуры села Республики Беларусь : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Чирич Анна Васильевна ; Бел. гос. с.-х. акад. – Горки, 2018. – 22 с.

11. *Кузьменко, Т. В.* Социокультурный потенциал как ресурс развития сельских регионов / Т. В. Кузьменко // Социологический альманах. – Мн., 2012. – Вып. 3. – С. 303–312.

12. Социология общественного мнения // Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет. – URL: https://studfile.net/preview/935657 (дата обращения: 08.09.2024).

13. Мотоль – жемчужина Полесья : [сайт]. – Мотоль, 2024. – URL: https: //vmotol.by/selsovet (дата обращения: 08.09.2024).

14. *Сидоркевич, Д.* Агрогородок больших возможностей. Рассказываем о современных подходах к развитию сельских территорий на примере Вороновского района / Д. Сидоркевич // Вороновская газета. – 2024. – 18 апр. – URL: https://www.voran.by/news/novosti-voronovshchiny/agrogorodok-bolshikh-vozmozhnostey-rasskazyvaem-o-sovremennykh-podkhodakh-k-razvitiyu-selskikh-terri.html (дата обращения: 16.01.2025).

15. *Смирнова, Р. А.* Агрогородки: состояние и перспективы развития / Р. А. Смирнова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2008. – № 1. – С. 132–144.

16. *Кабяк, А. В.* Сацыялагічны аналіз эканамічнай культуры сельскіх жыхароў як неабходная ўмова эфектыўнай рэгіянальнай сацыяльнай палітыкі / А. В. Кабяк. – Весці БДПУ. Серыя 2. – 2011. – № 1. – С. 25–29.

17. *Кобяк, О. В.* Комплексное развитие сельских территорий в Республике Беларусь (пленарный доклад) / О. В. Кобяк, И. А. Андрос // Комплексное развитие сельских территорий в местах добычи природных ресурсов : материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. Десятилетию науки и технологий в Рос. Федерации, Году семьи в Рос. Федерации, 80-летию Алтай. р-на Респ. Хакасия (5–6 июля 2024 г.). – Абакан, 2024. – С. 43–47.

18. Развитие современного белорусского села: проблемы, тенденции, перспективы / Н. Л. Балич, А. В. Семёнова, И. Н. Харитонов, А. И. Оленская ; под общ. ред. Н. Л. Балич. – Мн. : Бел. навука, 2024. – 249 с.

Поступила 11.02.2025 г.

УДК 316.615.5:070

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alexanderpostalovsky@yandex.by

СОВОКУПНЫЙ МЕДИАПОКАЗАТЕЛЬ «ДОВЕРИЕ К СМИ» В АУДИТОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются аспекты социологического измерения доверия к средствам массовой информации в медиаисследованиях. Социологический замер доверия проводится посредством применения совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ». На основании многолетних эмпирических исследований национального медиапространства (2021–2024 гг.) предложен подход к фиксации показателя доверия. Представлена методика расчета указанного совокупного медиапоказателя.

Ключевые слова: доверие, СМИ, медиапространство, совокупный медиапоказатель, аудитория СМИ.

A. V. POSTALOVSKY,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: alexanderpostalovsky@yandex.by

AGGREGATE MEDIA INDICATOR “TRUST IN THE MEDIA” IN AUDITORY RESEARCH

The presented article examines aspects of the sociological measurement of trust in the media in media research. Sociological measurement of trust is carried out through the use of the aggregate media indicator “trust in the media”. Based on long-term empirical studies of the national media space (2021–2024), an approach to recording the trust indicator is proposed. The article presents a methodology for calculating this aggregate media indicator.

Keywords: trust, media, media space, aggregate media indicator, media audience.

В современных условиях развития медиапространства немаловажное значение приобретают вопросы эмпирической фиксации востребованности источников воспроизводства и распространения информационного контента. В медиаизмерениях и иных аудиторных исследованиях фиксация показателей востребованности осуществляется преимущественно аппаратными методиками пассивного измерения (пиплметрия) либо активного измерения (изучение общественного мнения). В данном случае анализируются такие медиапоказатели, как ***охват аудитории*** (**AvRch** – количество человек в среднем в анализируемой группе, смотревших эфирное событие в течение одной минуты),

рейтинг аудитории (**Rtg** – рассчитываемое среднее количество человек, смотревших ТВ-канал, определенный отрезок времени или конкретное эфирное событие от начала его трансляции до конца), ***доля аудитории*** (**Share** – количество зрителей определенного канала или программы как процент от общего числа людей, смотревших ТВ в целом, за определенный период) и др. [1, с. 111–113]. В контексте изучения общественного мнения аудитории анализируются показатели субъективного отношения потребителя информационного контента к чему-либо (тематические предпочтения, показатели востребованности, контент-предпочтения и т. д.).

Вместе с тем в последнее время при изучении активности аудитории приобретает актуальность такая форма выражения востребованности информационного контента со стороны аудитории, как доверие к СМИ (СМИ в целом – государственные / негосударственные / зарубежные, конкретные ресурсы, тематическая направленность контента и т. д.). Доверие представляет собой сложный, многосоставной совокупный медиапоказатель, фиксирующий степень убежденности зрителя / читателя / пользователя социальных медиа в достоверности информационного контента и личностного одобрения его содержания. Однако представленный медиапоказатель не всегда выступает в качестве измерения востребованности информационного контента и эффективности работы СМИ и далеко не всегда применяется в аудиторных исследованиях. На этом основании в настоящей статье формируется исследовательская необходимость в рассмотрении сущностных характеристик и практики применения совокупного медиапоказателя ***доверие к СМИ*** (**TIM** – Trust in the media) в аудиторных исследованиях.

В условиях неупорядоченного функционирования потоков массовой информации немаловажным аспектом изучения особенностей развития информационного поля выступает анализ показателей доверия национальным средствам массовой информации. Доверие представляет собой социально-психологическую убежденность в позитивном восприятии доверяемому субъекту, в частности, к воспроизводимому информационному контенту. Доверие к СМИ в данном случае – это убежденность потребителей информации в достоверности формируемого информационного контента, оказывающего воздействие на сознание и поведенческие установки. Помимо прочего, доверие – это еще и форма социального одобрения информационного контента, что предполагает последующее к нему обращение со стороны потребителя массовой информации.

Достоверность фактологического материала, простота восприятия и инновационные технологии распространения массовой информации во многом обусловливают доверительное отношение аудитории к национальным СМИ. В указанных контекстах представляется необходимым эмпирическое измерение индикаторов доверия аудитории к средствам массовой информации каждого структурного сегмента национального информационного поля. Доверие в данном случае рассматривается как социологическая категория, представ-

ляющая собой личностную убежденность в достоверности воспроизводимой массовой информации. Вместе с тем убежденность в достоверности массовой информации представляется сложной для измерения исследовательской категорией.

В настоящее время в научной среде в контексте исследования доверия к СМИ отмечается общая тенденция снижения доверительного отношения к содержанию информационных материалов и публикаций. Так, А. С. Маслов выделяет следующие проблемные аспекты относительно обусловленности падения доверия к средствам массовой информации [2, с. 1]:

1) уверенность значительной части аудитории в том, что в СМИ регулярно публикуется ложная, недостоверная, непроверенная информация;

2) существенные потери традиционными СМИ молодежной аудитории;

3) крайне низкая идентификация аудиториями авторов публикаций в СМИ, приводящая к отсутствию среди журналистов «лидеров мнений»;

4) узкий круг освещаемых в СМИ проблем и событий;

5) недостаточная активность саморегулируемых журналистских организаций, прежде всего на региональном уровне, приводящая к неэффективности контроля за качеством публикаций. Наряду с выделяемыми в научной среде факторами снижения доверия к средствам массовой информации немаловажное значение приобретают также условные «эталоны» или ориентиры, которые выступают в качестве критериев достоверности, стимулирующих доверительное отношение к СМИ. В качестве таких критериев А. С. Каверина выделяет следующие категории [3, с. 84]:

– достоверность информации;
– баланс мнений;
– авторитет журналиста;
– соблюдение журналистских стандартов;
– наличие экспертного мнения;
– независимость средства массовой информации;
– авторитет времени;
– личностные предпочтения.

Соответствие указанным критериям обусловливает доверительное отношение к СМИ и иным источникам воспроизводства и распространения информационного контента.

Как отмечает в своей статье Т. А. Рассадина, «доверие возникает при взаимодействии ряда факторов: интересов человека, его установок, эмоциональных реакций и личного опыта. Позитивные результаты действий вызывают доверие к ним и при повторении закрепляют положительную реакцию доверия» [4, с. 61]. Доверие к средствам массовой информации в указанных контекстах предполагает также, помимо убежденности в достоверности транслируемого материала, увеличение частоты обращения к доверяемому информационному ресурсу. Если потребитель информации доверяет конкретному изданию в вопросах достоверности публикуемых материалов, то он и в последующем

будет неоднократно обращаться за получением сведений о повседневности и окружающем мире именно в это издание. По мнению А. К. Лариной, «средства массовой информации в этой ситуации есть показатель, подтверждающий или не подтверждающий надежность получаемой индивидом информации» [5, с. 83]. Тем самым эмпирические показатели доверия представляются более эффективными и содержательными в плане анализа рейтинговых показателей востребованности конкретного информационного ресурса, поскольку само по себе доверие – это не только положительное восприятие, но и последующая частота обращения к информации. Соответственно, показатель «доверие к СМИ» (**TIM** – Trust in the media) представляется необходимым считать в качестве полноценного медиапоказателя, применяемого в современных аудиторных исследованиях.

Анализ показателей доверия средствам массовой информации проводился Институтом социологии НАН Беларуси в 2021–2024 гг. в рамках НИР по заданию Министерства информации Республики Беларусь. В 2024 г. Институтом социологии был реализован массовый опрос населения в рамках исследовательского проекта «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: социологический анализ и медиаизмерения» (объем выборочной совокупности – 1353 респондента, выборка стратифицированная и охватывает столичный регион, областные города, районные центры, сельскую местность, предельный показатель ошибки – 3 %).

В контексте доверия средствам массовой информации, в частности, в зависимости от типологии СМИ и их формы принадлежности по отношению к собственнику, была зафиксирована тенденция увеличения доверия к государственным СМИ (рисунок).

В соответствии с представленными на рисунке данными, государственным СМИ доверяют в большей степени 60 % респондентов (2024 г.). Указанный показатель имеет отчетливую тенденцию к увеличению, поскольку еще в 2021 г. только 38,4 % респондентов заявляли о доверии к государственным средствам массовой информации. В данном случае в условиях измерения доверительного отношения объект исследовательского интереса был смещен на

Распределение ответов населения Республики Беларусь на вопрос:
«Каким СМИ Вы доверяете в большей степени?» (динамика 2021–2024 гг., %)

«доверие в большей степени» по отношению к сопоставимому источнику воспроизводства массовой информации.

Вместе с тем измерение доверия в рамках применения индикатора «доверие в большей степени по сравнению с…» объективно не может в полной мере выступать в качестве универсальной единицы измерения доверия в связи с содержательным многообразием и широкой смысловой интерпретацией понятия «доверие». Классические медиапоказатели «рейтинг», «доля», «охват» так или иначе связаны с анализом контактов аудитории с эфирным событием. Для медиаисследователей в данном случае фиксации контактов с аудиторией будет достаточно для последующего расчета востребованности того или иного информационного контента или информационного ресурса в целом. В контексте доверия фиксация будет работать не всегда, поскольку доверие включает в себя такие элементы, как: 1) убежденность в достоверности; 2) ценностно-ментальное одобрение; 3) высокая периодичность последующего обращения; 4) устойчивость позитивных оценок восприятия информации; 5) иные аспекты, связанные с персонально-индивидуальными качествами потребителя массовой информации. В связи с этим актуализируются вопросы содержательного методико-инструментального дополнения медиапоказателя «доверие к СМИ».

Учитывая вышесказанное, становится необходимым формирование совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ», представляющего собой интегральное объединение индикаторов «частота обращения к СМИ», «доверие в большей степени (общее доверие)» и «потенциальное доверие». Такой подход к оценке популярности государственных СМИ и разработке индекса доверия позволит уточнить эмпирические показатели доверия, получаемые ранее из одиночных открытых вопросов, и в содержательном плане существенно расширить понимание концепта «доверие к СМИ» посредством включения в единый показатель трех эмпирических категорий: «частота обращения к СМИ», «общее доверие к СМИ» и «потенциальное доверие». Расчет совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ» с применением интегральной схемы объединения трех индикаторов осуществляется по следующей формуле:

$$\frac{\big(A(x+y)\cdot 0,25\big)+(B\cdot 0,75)+(C\cdot 0,5)}{100},$$

где A – «частота обращения» (x – переменная «практически каждый день»; y – переменная «не реже 1–2 раз в неделю»); B – «общее доверие»; C – «потенциальное доверие».

Далее представлены результаты ответов респондентов анализируемых индикаторов «частота обращения» (табл. 1), «общее доверие» (табл. 2) и «потенциальное доверие» (табл. 3).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь к данным видам СМИ для получения актуальной информации?» (*A* – «частота обращения»)**

Переменные	%
Государственные СМИ:	
практически каждый день	49,2
не реже 1–2 раз в неделю	23,7
не реже 1 раза в месяц	11,3
никогда	14,2
нет ответа	1,6
Негосударственные СМИ:	
практически каждый день	11,0
не реже 1–2 раз в неделю	18,4
не реже 1 раза в месяц	17,7
никогда	45,8
нет ответа	7,2
Зарубежные СМИ:	
практически каждый день	9,4
не реже 1–2 раз в неделю	12,7
не реже 1 раза в месяц	18,6
никогда	51,9
нет ответа	7,4

Показатель «частота обращения» в данном случае составляет 72,9 % (сумма переменных «практически каждый день» и «не реже 1–2 раз в неделю»).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Каким средствам массовой информации Вы доверяете в большей степени?» (*B* – «общее доверие»)**

Переменные	%
Государственным	59,9
Негосударственным	2,2
Зарубежным	0,8
Никаким	12,9
Затрудняюсь ответить	23,9
Нет ответа	0,3

Относительно «общего доверия» абсолютное большинство населения в большей степени склонно доверять государственным СМИ – 59,9 %.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Для проверки достоверности актуального информационного события к каким СМИ Вы обратитесь в первую очередь?» (*C* – «потенциальное доверие»)**

Переменные	%
Государственным	62,6
Негосударственным	2,9
Зарубежным	1,3
Никаким	10,1
Затрудняюсь ответить	23,1
Нет ответа	0,1

Потенциальное доверие предполагает непосредственное обращение к конкретному источнику информации, если у потребителя возникает необходимость проверить ее достоверность или верифицируемость. В данном случае с точки зрения потенциального доверия население страны также склонно обращаться в первую очередь к государственным СМИ.

Полученные в рамках массового опроса необходимые показатели интегрируются в формулу

$$\frac{(72,9 \cdot 0,25) + (59,9 \cdot 0,75) + (62,6 \cdot 0,5)}{100} = 0,9.$$

Таким образом, расчет совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ» составил 0,9, что свидетельствует о высоком уровне доверия государственным средствам массовой информации (показатели свыше 0,5 – высокий уровень доверия; 0,25–0,5 – средний уровень доверия; ниже 0,25 – невысокий уровень доверия).

Применение представленных расчетов совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ» носит преимущественно экспериментальный и поисковый характер, учитывая сложность и содержательную многогранность дефиниции «доверие», которая применяется непосредственно к информационному контенту. Кроме того, необходимо учитывать, что доверие само по себе применяется не ко всему информационному контенту. В таких случаях, как прямые трансляции спортивных событий, развлекательный контент, художественные фильмы и сериалы, потребитель информации либо наблюдает за транслируемым событием, либо погружается в просмотр художественного действия, которое не измеряется доверительными категориями. Доверие применимо прежде всего к общественно-политическому и социально-экономическому контенту, поскольку ознакомление с его содержанием предполагает аналитическую рефлексию от услышанного / увиденного и выражение одобрения / неодобрения как результат осмысления.

В аудиторных медиаизмерениях доверие выступает сложным для анализа исследовательским объектом, поскольку измерения ориентированы на фиксацию контакта с эфирным (информационным) событием, который довольно легко поддается обследованию. Доверие – это во многом субъектно-личностный процесс, абсолютно индивидуальный для каждого потребителя информации. Вместе с тем включение в интегральные расчеты разных по своей направленности категорий, например «частота обращения», «потенциальное доверие» и «общее доверие», позволяет расширить представления о феномене и потенциале понятия «доверие к СМИ» применительно к измерению его уровня и общей оценки эффективности работы средств массовой информации.

Список использованных источников

1. *Посталовский, А. В.* Измерение рейтингов телевидения и радио в условиях трансформации медиапространства / А. В. Посталовский. – Мн. : РИВШ, 2021. – 128 с.

2. *Маслов, А. С.* Феномен снижения уровня доверия к СМИ: тенденции и минимизация угроз / А. С. Маслов // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2020. – № 7. – С. 1–4.

3. *Каверина, А. С.* Доверие к СМИ в Украине: влияние проблем медийной отрасли на процесс формирования доверия / А. С. Каверина // Восточно-европейский научный журнал. – 2016. – № 9. – С. 83–86.

4. *Рассадина, Т. А.* Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 61–70.

5. *Ларина, А. К.* Доверие к СМИ: методы исследования и возможности трактовки имеющихся данных / А. К. Ларина // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. тр. – Вып. 8. – Новосибирск, 2009. – С. 81–86.

Поступила 04.02.2024 г.

УДК 316.4

А. А. САВЧУК,
аспирант,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: savchuk.aleksey.a@gmail.com

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

В статье представлен анализ теоретических концепций к изучению демографической ситуации: теория демографического перехода Ф. Ноутстайна, демографически-структурная теория Дж. Голдстоуна, синтетическая теория миграции Д. Мэсси. Выявлено, что представленные теории ориентированы на детерминирование рассматриваемого феномена посредством одной группы факторов. Обосновывается идея, что демографическая ситуация нуждается в комплексном исследовании, подразумевающем учет нескольких групп факторов.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демография, рождаемость, комплексное изучение, междисциплинарность.

A. A. SAVCHUK,
Postgraduate Student,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: savchuk.aleksey.a@gmail.com

FACTORS OF DEMOGRAPHIC SITUATION FORMATION: THEORETICAL ASPECT

The article presents an analysis of theoretical concepts of studying the demographic situation: demographic transition theory by F. Nothstein, demographic-structural theory by J. Goldstone, synthetic migration theory by D. Massey. It is revealed that the presented theories are focused on determining the phenomenon under study through one group of factors. The paper substantiates the idea that the demographic situation needs a comprehensive study, which implies the consideration of several groups of factors.

Keywords: demographic situation, demography, fertility, complex study, interdisciplinarity.

Демографическая ситуация характеризует состояние демографических процессов, половозрастную структуру и специфику размещения населения в определенном территориальном образовании (страна, область, район) в конкретный момент времени [1]. Важность изучения данного феномена для Республики Беларусь подтверждается его включением в Концепцию национальной безопасности [2], а также необходимостью корректировки демогра-

[1] Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г24МП-040).

фической политики в соответствии с текущей демографической ситуацией и социально-экономическими реалиями [3].

Необходимость корректировки демографической политики обусловлена снижением в Республике Беларусь уровня рождаемость до 1,5 рождений на одну женщину (2022 г.) [4]. Подобная тенденция стимулирует рост темпа снижения численности населения, уровень которого существенно увеличился за последние 5 лет (с –0,2 % в 2020 г. до 0,5 % в 2024 г.) [5]. Еще одной негативной демографической тенденцией является старение населения нашей страны, характеризующееся высокой долей лиц в возрасте 65 лет и старше (согласно методологии ООН). Значение данного показателя в 2024 г. составило 17,2 %, что на 1,7 п. п. выше уровня пятилетней давности (в 2020 г. – 15,5 %) [5]. В среднесрочной перспективе подобная тенденция влечет за собой увеличение коэффициента пенсионной нагрузки на трудоспособное население, в результате чего растет потребность государства в увеличении объемов финансирования социальной системы. Наиболее распространенным инструментом удовлетворения данной потребности выступает реформирование налоговой системы, сопряженное с увеличением налоговой нагрузки на трудоспособное население.

В подобной ситуации уполномоченными органами (Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерство экономики Республики Беларусь и др.) ведется разработка обновленной концепции демографической политики, направленной на создание благоприятных условий стимулирования рождаемости. При этом особое внимание уделяется актуализации системы мер стимулирования рождаемости.

Различные аспекты изучения демографической ситуации в Республике Беларусь рассматриваются в работах ряда исследователей. Так, Е. А. Кечиной освещаются вопросы комплексных методологических подходов к изучению данного феномена [6], А. Г. Бобровой отражается специфика управления социально-демографическими процессами [7; 8], А. Г. Злотниковым представлены особенности репродуктивных процессов и установок [9]. Существенный вклад в изучение эффективности программ демографической безопасности внесен Л. П. Шахотько [10], особое внимание уделено вопросам миграции в работах А. А. Раковой.

Целью данной статьи является выявление и концептуализация наиболее релевантных теоретических подходов к изучению демографической ситуации в Республике Беларусь.

Исследование демографической ситуации является сложным многомерным процессом, при изучении которого используются различные теоретико-методологические подходы. Все они преимущественно направлены на детерминирование демографической ситуации в контексте ее зависимости от внешних факторов: экономическое положение, политическая ситуация, уровень развития системы здравоохранения и др.

Как правило, ключевыми группами факторов, определяющими демографическую ситуацию в рамках исследовательских теорий, выступают экономи-

ческие, миграционные, социальные, политические, а также нематериальные факторы (идеологические, религиозные и др.). Экономические факторы являются детерминантами в рамках теории демографического перехода Ф. Ноутстайна, получившей развитие в трудах Р. Лестег и Д. Ван де Каа – концепция второго демографического перехода. Миграционным факторам основное внимание уделяется в работах, посвященных синтетической (сетевой) теории миграции Д. Мэсси, законам миграции Э. Г. Равенштайна, а также концепции факторов-детерминант миграционного поведения Э. Ли. Изучению демографической ситуации в контексте социальных факторов посвящена демографически-структурная теория Дж. Голдстоуна, аналогии которой можно встретить в трудах социологов XX–XXI вв. (М. Вебер, З. Бауман и др.).

В рамках нашего исследования факторов демографической ситуации были отобраны следующие теоретические концепции: теория демографического перехода Ф. Ноутстайна, демографически-структурная теория Дж. Голдстоуна, синтетическая теория миграции Д. Мэсси.

Ключевым положением теории демографического перехода Ф. Ноутстайна (1945 г.) выступает прямая связь между ухудшением демографической ситуации и экономическим ростом региона [11]. Под демографическим переходом понимается стремительное снижение уровней рождаемости и смертности, в результате которого уровень рождаемости сопоставим со стандартным воспроизводством населения (коэффициент рождаемости составляет около 2,1 рождений на одну женщину в репродуктивном возрасте). Подобный уровень рождаемости позволяет лишь поддерживать численность населения на одном уровне, т. е. осуществлять процесс замещения поколений [12].

Ф. Ноутстайном выделяется 4 этапа демографического перехода. Для первого этапа характерны высокие значения коэффициентов рождаемости и смертности, благодаря превалированию первого показателя наблюдается рост численности населения.

На втором этапе происходит стремительное снижение вышеупомянутых коэффициентов, при этом коэффициент смертности достигает своих минимальных значений. Подобная закономерность обусловливается улучшением качества жизни населения, в частности доступностью получения медицинской помощи. Основной угрозой на этом этапе выступает более высокий темп снижения коэффициента рождаемости, что негативно отражается на росте численности населения. Начинается процесс демографического старения.

Для третьего этапа характерен рост коэффициента смертности, что обусловлено негативным влиянием процесса демографического старения. В свою очередь темпы снижения коэффициента рождаемости падают, а его уровень сопоставим с воспроизводством населения.

На четвертом заключительном этапе демографические коэффициенты демонстрируют сопоставимые значения. Однако результаты исследований демографических тенденций в европейских странах свидетельствуют о несколько ином распространенном сценарии: коэффициент смертности превалирует над

коэффициентом рождаемости, что влечет за собой снижение численности населения и усугубление процесса демографического старения [13]. Подобная тенденция свидетельствует о начале процесса депопуляции, что в перспективе приводит регион к демографическому кризису.

Основными индикаторами демографического перехода в рамках теории Ф. Ноутстайна выступают модернизация и степень перехода к индустриальному (постиндустриальному) типу общества, определяемые в первую очередь ростом экономических показателей, а также качества жизни. Под улучшением качества жизни следует понимать совокупность факторов, влекущих за собой увеличение продолжительности жизни: изменение санитарных условий, доступность медицинского обслуживания, обеспечение качественным питанием и т. д. [14].

В контексте данной теории автор отмечает специфику традиционного и индустриального обществ. Для традиционного общества характерны следующие процессы: нерациональная рождаемость, обусловленная религиозными и общественными догмами; преобладание сельского населения над городским, что влекло за собой необходимость содержания собственного хозяйства. В свою очередь приоритетом индивида в индустриальном обществе является личное благосостояние, которому может быть нанесен «ущерб» рождением ребенка. Под ущербом в данном контексте следует понимать всевозможные издержки и потери, которые будут нанесены благосостоянию индивида при рождении ребенка: финансовые затраты, снижение мобильности, сокращение свободного времени и др.

Кроме того, благодаря развитию социальной системы в индустриальном (постиндустриальном) обществе существенно снижается необходимость высокого деторождения для обеспечения благополучной старости. Государственными органами, помимо пенсионного обеспечения, могут предоставляться услуги социального обслуживания, сопряженные с оказанием помощи пенсионерам в повседневных делах.

По сравнению с традиционным обществом, где большинство необходимых профессиональных навыков формировалось посредством помощи родителям в быту, для индустриального общества характерно длительное профессиональное становление индивида, сопряженное с получением образования и трудового опыта. Результатом подобной тенденции выступает длительный процесс эмансипации, так как большинство индивидов в процессе получения образования остаются материально зависимыми от родителей.

Ключевым недостатком теории демографического перехода является гиперболизация экономических факторов как основных детерминант формирования демографической ситуации. Здесь социальные факторы рассматриваются как некий результат экономического развития, а политические факторы игнорируются вовсе. Кроме того, Ф. Ноутстайном игнорируется миграционный аспект, оказавший основополагающее влияние на индустриализацию и процессы глобализации. Следует отметить, что в настоящее время миграци-

онный прирост оказывает определяющее влияние на демографическую ситуацию большинства европейских стран, имеющих отрицательный естественный прирост (превышение смертности над рождаемостью) [13].

Теория Ф. Ноутстайна получила свое развитие в рамках концепции второго демографического перехода Р. Лестег и Д. Ван де Каа (1986 г.). Главной целью данной концепции выступает попытка объяснить демографическую ситуацию в Европе начиная с 1960-х гг., за что она также получила название «концепция пятого этапа демографического перехода». По мнению Р. Лестег и Д. Ван де Каа, основными индикаторами второго демографического перехода выступают снижение уровня рождаемости, обусловленное завершением послевоенного бэби-бума, а также развитие тенденции снижения уровня рождаемости. Формирование подобных тенденций обусловливается превалированием индивидуалистических ценностей в обществе, когда в приоритете личное благополучие индивида, а не общественные потребности. Кардинальное изменение модели поведения индивида характеризуется ориентацией на собственные цели, что детерминируется Д. Ван де Каа как движение от консерватизма к прогрессизму. Результатом подобного перехода в рамках данной концепции выступают популяризация юридически неоформленных форм отношений как альтернатив браку, смещение фокуса с детоцентризма на сознательное планирование рождения детей, переход от унифицированной к плюралистическим моделям семьи. Необходимо отметить, что сознательному планированию детей способствовало развитие медицинских технологий, в частности эффективность и доступность предлагаемых средств контрацепции [15].

По нашему мнению, преимуществом концепции второго демографического перехода выступает учет не только экономических, но и социальных факторов при детерминировании демографической ситуации. Важность социального аспекта демонстрируется Р. Лестег и Д. Ван де Каа в контексте трансформации сознания населения европейских стран в части перехода на индивидуалистскую систему ценностей.

Среди недостатков теории второго демографического перехода можно выделить игнорирование фактора миграции, выступающего одним из драйверов изменения демографической ситуации. Подобный недостаток нивелирован в следующей итерации развития теории – концепции третьего демографического перехода, предложенной английским демографом Д. Коулменом (2006 г.).

В рамках обновленной концепции Д. Коулмен отмечает ведущую роль миграционных факторов в изменении демографической ситуации. Особое внимание уделяется следующим аспектам: особенностям демографического поведения в семьях, образованных мигрантом и коренным жителем региона; специфике ассимиляции детей и взаимной конвергенции демографических установок в вышеупомянутых семьях; тенденциям развития регионов, активно заселяемых мигрантами [16]. В основной массе регионами, находящимися

на этапе третьего демографического перехода, выступают преимущественно европейские страны с уровнем рождаемости ниже простого воспроизводства населения.

Демографически-структурная теория Дж. Голдстоуна (1991 г.) оказала существенное влияние на развитие демографии как науки [17; 18]. В отличие от предыдущей концепции, акцентирующей внимание на экономических факторах, основным положением этой теории выступает зависимость демографической ситуации от специфики социальной структуры [19].

Уникальность демографически-структурного подхода заключается в авторском определении структурных элементов общества: государство – учреждения, являющиеся носителями централизованной и предписывающей законы власти, включая отдельных лиц, управляющих этими учреждениями (монархи, чиновники, судьи, силовые структуры и др.); элита – лица, имеющие исключительное общественное или имущественное положение (крупные землевладельцы, олигархи, высшие чиновники, бизнесмены и др.); остальное население, не соответствующее критериям «государство» и «элита», которое входит в структуру «народ» [20].

Каждому структурному элементу отводилась определенная роль. Государство обеспечивало защиту от антисоциальных элементов и внешних угроз, а также гарантировало создание условий для экономического роста. В свою очередь элита предоставляла государству квалифицированные кадровые ресурсы. Необходимо отметить, что государство и элита находились в состоянии постоянной борьбы за ресурсы: материальные ресурсы (государство получало доход посредством функционирования налоговой системы, элита – посредством сбора арендных и иных платежей), собственность (государство заинтересовано в наращивании своей собственности, элита всячески этому препятствует).

Дж. Голдстоун отмечает, что государство является независимым элементом системы и может проводить этатистскую политику, противоречащую интересам элиты и народа. Взаимодействие государства с другими элементами системы базируется на принципах сотрудничества и противостояния, последний вариант является неблагоприятным и зачастую не распространен на практике.

Преобладание состояния противостояния приводит систему к государственному кризису – ситуации, в которой значительная часть элиты и народа полагает, что политика государства является неэффективной, несправедливой или устаревшей, не отвечающей современным нуждам. В период государственного кризиса между элементами системы обостряется борьба за ресурсы. Причинами кризиса, по мнению исследователя, могут выступать поражение в войне, неспособность власти стабилизировать внутреннюю обстановку в стране (массовые беспорядки и др.), неблагоприятное экономическое положение (падение уровня доходов, дефицит товаров и др.).

Невозможность решения государственного кризиса приводит систему к состоянию разрушения (брейкдауна). В данной ситуации элита и народ вы-

ступают против государства (а народ также и против элиты). На практике результатом брейкдауна является кардинальное изменение форм собственности и организации, т. е. де-факто происходит социальная революция.

Необходимо отметить, что демографически-структурная теория имеет под собой эмпирический базис, сформированный по результатам изучения социально-политических кризисов XVII–XIX вв., произошедших во Франции, Германии, Испании, Англии, Китае, Японии и других странах. По мнению Дж. Голдстоуна, ключевым фактором кризиса и брейкдауна выступает увеличение численности населения, влекущее за собой основной «ущерб» для народа: падение реальных доходов, инфляцию, дефицит продукции, безработицу и т. д. Демографический рост приводит к резкому росту социальной дифференциации среди населения, в частности к увеличению численности бедных и малоимущих.

Дж. Голдстоун отмечает, что социально-экономический кризис начинается задолго до перенаселения региона. В качестве основного аргумента он приводит зависимость между ростом цен и обесцениваем доходов государства, вследствие чего последнее вынуждено поднимать налоги. Рост цен и налоговой нагрузки воспринимается населением негативно, с этого момента и начинается рост социальной напряженности.

Увеличение численности элиты существенно повышает уровень конкуренции на высокопоставленные должности. В условиях приближения кризиса, обусловленного ростом численности населения, государство не может позволить себе расширения штата. Таким образом, происходит расслоение элиты и начинается процесс конфронтации. Необходимо отметить, что на этой стадии элита повышает свое давление на народ и вступает также в конфронтацию с государством.

В условиях государственного кризиса элита может идти на «сотрудничество» с народом не только с целью свержения государства, но и для того, чтобы спровоцировать народное восстание. При этом автор теории обращает особое внимание на невозможность управления народом, которая существенно повышает риск того, что в последующем он может выступить и против элиты.

Ключевым преимуществом демографически-структурной теории выступает попытка учета не одной, а нескольких групп факторов посредством определения экономических и политических потрясений как катализаторов социальной нестабильности. При этом Дж. Голдстоун обращает внимание не на статичное состояние общества как системы, а на трансформационные процессы, происходящие в нем. Так, в основную группу факторов исследователь включает социальную принадлежность (основные классы: элита, государство и народ). Вместе с тем фактическая принадлежность к классам детерминируется обладанием материальными благами и (или) высоким социальным положением / властью (в части государственного аппарата). Однако особое внимание следует уделить феномену цикличности, сопряженному с фактической неизбежностью возникновения социальной напряженности в связи с экономическими / поли-

тическими потрясениями. В результате социальной напряженности запускается процесс перераспределения материальных благ и власти среди классов, что влечет за собой повышение возможности для вертикальной социальной мобильности.

Несмотря на это, одним из ключевых недостатков демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна считается недостаточная глубина проработки и последующего учета вышеуказанных факторов в контексте изменения демографической ситуации. В подтверждение данному тезису следует упомянуть работы А. Ю. Золотарева, в которых демонстрируется невозможность экстраполяции демографически-структурной теории [21]. Ярким примером также служат события XX в. в России. Так, например, следует отметить сохранение власти И. В. Сталина в СССР в 1940-е гг., несмотря на череду серьезных поражений в начале Второй мировой войны (лето – осень 1941 г.). С другой стороны, за куда менее серьезные поражения в годы Первой мировой войны Николай II был подвержен более значительной критике, а произошедшая в последующем революция привела к свержению императора и падению монархии.

В то же время в демографически-структурной теории, как и в теории демографического перехода, наблюдается игнорирование миграционных факторов. Следует предположить, что подобный недостаток может быть обусловлен устаревшим эмпирическим базисом теории ввиду социально-политических кризисов европейских стран XVII–XIX вв.

Синтетическая теория Д. Мэсси (1990 г.) детерминирует демографическую ситуацию посредством феномена миграции, определяемого превалированием капиталистических отношений в нерыночных обществах [22]. Исследователь обращает внимание на важность процессов глобализации, оказывающих влияние не только на традиционные сферы жизнедеятельности (экономическую, политическую и социальную), но и формирующих глобальный рынок труда. Развитие капиталистических отношений и вовлеченность в глобальный рынок труда влечет за собой необходимость поиска индивидом новых способов получения благ. В результате индивиды формируют «мобильные группы», ориентированные на смену национального рынка труда на международный (де-факто рынок более экономически развитой страны) [22].

Примерами подобных «мобильных групп» выступают мигранты из афро-азиатского региона, ориентированные на трудоустройство в европейских странах. Следует отметить, что в контексте данной теории под благами понимаются не только материальные преимущества (более высокая заработная плата), а также улучшение условий труда, наличие сопутствующих гарантий (медицинское страхование, пенсионное обеспечение, возможность повышения квалификации и др.).

Особое внимание Д. Мэсси обращает на феномен самопродолжения миграции, сопряженный с постепенным переездом в новую страну членов семей и друзей трудовых мигрантов. Опасность подобных явлений заключается в негативных последствиях, связанных с миграционными кризисами и деста-

билизацией обстановки в регионах пребывания мигрантов. В целях избежания подобных явлений властями государств, которые пользуются повышенным спросом со стороны мигрантов, активно проводится ограничительная политика, препятствующая свободному въезду иностранных граждан в страну и их последующему трудоустройству. Результатом подобного противостояния становится стремительное развитие «миграционного бизнеса», целью которого является содействие в переезде, легализации и трудоустройстве мигрантов.

Д. Мэсси отмечает, что для «региона-получателя» рабочей силы основным преимуществом является насыщенность рынка трудовыми ресурсами, которая позволяет избежать их дефицита и необходимости регулярного повышения заработной платы. При этом основными недостатками трудовых ресурсов в лице мигрантов выступает их низкая квалификация и недостаточный уровень владения национальным языком, что влечет необходимость их обучения за счет работодателя (при трудоустройстве на должности специалистов). В противном случае мигранты используются в качестве так называемой дешевой рабочей силы в сегменте рабочих профессий (уборщики, грузчики, дорожные рабочие и др.).

По мнению Д. Мэсси, основным преимуществом для «региона-поставщика» рабочей силы является его трансформация в капиталистическое государство посредством получения благ от работников-мигрантов (денежные переводы, материальные ценности и т. п.). Автор считает, что достоинством данной концепции выступает попытка учета социальных, политических и экономических трансформаций как факторов-стимулов для осуществления международной миграции. В поддержку актуальности применения синтетической теории миграции в современных условиях можно привести публикацию Е. О. Даниловой, в которой описывается применение данной концепции в качестве теоретического базиса для анализа специфики трудовой миграции в Российской Федерации [23].

На наш взгляд, в числе достоинств синтетической теории следует отметить анализ создаваемой мигрантами инфраструктуры в регионе прибытия, основными функциями которой выступает поддержка связи с родственниками, осуществление передачи денежных средств и прочих материальных ценностей. В ряде случаев подобные инфраструктуры могут иметь высокий уровень развития и внутренней сплоченности, в результате чего в регионах прибытия образуются диаспоры национально-культурных меньшинств (например, китайская диаспора). Подобные диаспоры способствуют увеличению миграционных потоков в регион благодаря нивелированию рисков и издержек миграции, формированию «культа миграции», а также «размытию» национальной идентичности коренных жителей региона и трансформации культурных обычаев.

В настоящее время именно миграция выступает ключевым драйвером изменения демографической ситуации, подтверждением чему служат статистические данные большинства стран мира.

Таким образом, по нашему мнению, ограниченность представленных теорий (демографического перехода Ф. Ноутстайна, демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна, синтетической теории миграции Д. Мэсси) обусловливается их ориентацией на определенную группу факторов. Сложность феномена демографической ситуации требует комплексного подхода к его изучению, который заключается в учете всех ключевых детерминант его формирования: экономических, социальных, политических и нематериальных факторов (идеологические, религиозные и т. п.), а также в изучении миграционной ситуации. Подобная комплексность в изучении заявленного феномена может быть достигнута посредством комбинирования теоретико-методологических подходов, а также при помощи междисциплинарного подхода, заключающегося в интеграции теорий и методов нескольких дисциплин. Данный подход является научным трендом трех последних десятилетий и заключается в применении методов исследования одних наук для изучения феноменов других.

Комбинирование рассмотренных выше теорий позволит вывести новую интегральную теорию, в которой демографическая ситуация будет рассматриваться в контексте экономических (теория демографического перехода), социальных (демографически-структурная теория) и миграционных (синтетическая теория) факторов. Демографическая ситуация как феномен выступает предметом изучения не только социологии и демографии, но и ряда других научных дисциплин – экономики, психологии, этнологии и др. Соответственно, междисциплинарность может быть достигнута посредством применения методов исследования вышеупомянутых дисциплин для изучения демографической ситуации.

Результатом применения комплексного междисциплинарного подхода является многовекторное изучение исследуемого феномена, позволяющее детально изучить его специфику и определить факторы, оказывающие на него основополагающее воздействие.

Список использованных источников

1. *Олими, Р. Л.* Демографическая ситуация и ее влияние на развитие национальной экономики / Р. Л. Олими // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2017. – № 2. – С. 236–241.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 03.07.2024).

3. В Беларуси разрабатывается новая демографическая политика // Экономическая газета. – 2024. – № 8. – 30 янв. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-razrabatyvaetsya-novaya-demograficheskaya-politika/ (date of access: 03.07.2024).

4. Fertility rate, total (births per woman) / World Bank Open Data. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN (date of access: 03.07.2024).

5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической инфор-

мации : [сайт]. – Мн., 1998–2024. – URL: http://dataportal.belstat.gov.by (дата обращения: 08.08.2024).

6. *Кечина, Е. А.* Методология социолого-статистического мониторинга / Е. А. Кечина // Социологический альманах. – Мн., 2020. – Вып. 11. – С. 47–56.

7. *Боброва, А. Г.* Новая парадигма управления социально-демографическими процессами / А. Г. Боброва // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Мн., 2019. – Т. 2. – С. 163–173.

8. *Боброва, А. Г.* Современные демографические барьеры на пути устойчивого экономического роста / А. Г. Боброва // Социологический альманах. – Мн., 2022. – Вып. 13. – С. 135–148.

9. *Злотников, А. Г.* Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси / А. Г. Злотников // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – № 3. – С. 71–88.

10. *Шахотько, Л. П.* Реализация программ демографической безопасности и оценка их эффективности в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // Вопросы статистики. – 2016. – № 9. – С. 34–48.

11. *Notestein, F. W.* Population – The Long View / F. W. Notestein // Food for the World / ed. by T. Schultz. – Chicago : University of Chicago Press, 1945. – P. 36–57.

12. *Вишневский, А. Г.* Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А. Б. Синельникову / А. Г. Вишневский // Социологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 93–104.

13. *Новикова, М. С.* Сравнительный анализ демографической ситуации развитых и развивающихся стран / М. С. Новикова, Д. Е. Лапицка // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 11-2. – С. 130–134.

14. *Вишневский, А. Г.* Нерешенные вопросы теории демографической революции / А. Г. Вишневский // Население и экономика. – 2017. – № 1. – С. 3–21.

15. *Гудкова, Т. Б.* Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории / Т. Б. Гудкова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 125–136.

16. *Coleman, D.* Population – Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition / D. Coleman // Population and Development Review. – 2006. – № 32 (3). – P. 401–446.

17. *Goldstone, J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World / J. Goldstone. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991. – 600 p.

18. *Goldstone, J.* East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China / J. Goldstone // Comparative Studies in Society and History. – 1988. – № 30 (1). – P. 103–143.

19. *Абылкаликов, С. И.* Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда / С. И. Абылкаликов, М. В. Винник // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 12. – С. 1–19.

20. *Нефедов, С. А.* Концепция демографических циклов / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. – 141 с.

21. *Золотарев, А. Ю.* Структурно-демографическая теория и украинский кризис / А. Ю. Золотарев // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2016. – № 2. – С. 77–82.

22. *Massey, D. S.* Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration / D. S. Massey // Office of Population Research. – 1990. – № 1. – P. 3–26.

23. *Данилова, Е. О.* Теория Д. Массея в дискурс-анализе социально-экономической активности и сетевого взаимодействия трудовых мигрантов в РФ / Е. О. Данилова // Logos et Praxis. – 2014. – № 3. – С. 159–164.

Поступила 14.10.2024 г.

УДК 502.13:005.35

В. А. СИМХОВИЧ,

доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: simkhovich_v@mail.ru

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КОРПОРАТИВНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье представлены результаты компаративного анализа концепций корпоративной социальной ответственности и корпоративной устойчивости. Выявлены точки их соприкосновения: прикладной характер социальных практик, принадлежность сфере управления, направления деятельности и масштаб действий компаний. Показано, что первоочередность управления экологической ответственностью в силу драматических изменений окружающей среды получило отражение в конструкте ESG, который позволяет перевести корпоративное развитие на язык практического менеджмента.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, корпоративная устойчивость, экономическая, экологическая и социальная ответственность, корпоративное управление, ESG-конструкт.

V. A. SIMKHOVICH,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk.
e-mail: simkhovich_v@mail.ru

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AND CORPORATE SUSTAINABILTY: MANAGERIAL CONTEXT

The article is devoted to the results of a comparative analysis of the conceptions of corporate social responsibility and corporate sustainability. Identified are the points of their contact: applied nature of social practices, belonging to the management sphere, areas of companies' activity, and scale of actions. It is uncovered that the priority of managing the environmental responsibility due to the dramatic changes in the environment is viewed through the ESG construct, enabling to translate the corporate development into the language of practical management.

Keywords: corporate social responsibility, sustainable development, corporate sustainability, economic, environmental and social responsibility, corporate governance, ESG construct.

Проблематика устойчивого развития, отражающая взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества, сегодня очень актуальна в силу значительных изменений, произошедших в современной экономической системе. Участие бизнеса в решении проблем устойчивого развития общества ассоциируется с его социальной ответственностью. О том, что такое корпора-

тивная социальная ответственность (КСО) и в чем она проявляется, написано очень много. В самом широком контексте корпоративная социальная ответственность трактуется как влияние бизнеса на общество, обозначая конвенционально сложившуюся область деятельности компаний, которая охватывает большой круг проблем общественного развития. Этот круг проблем определяют трактовки известных зарубежных и отечественных исследователей, которые объясняют КСО концептуально или через ее прикладной характер, включают объекты, цели, границы (сферы) социальной ответственности, пути ее реализации и т. п.

Сравнение дефиниций КСО позволяет выявить ряд общих черт:

1) сущность: социальная практика, которая приносит пользу бизнесу и обществу;

2) границы: связана с основным бизнесом, но выходит за рамки определенного законом минимума;

3) результат: добровольный вклад в социальное, экономическое и экологически устойчивое развитие;

4) основа достижения коммерческого успеха: этические ценности и ответственное отношение к людям, сообществам и окружающей среде.

Содержание дефиниций показывает, что практика корпоративной социальной ответственности нацелена на улучшение социально-экономического развития общества через эффективное ведение бизнеса. И поскольку КСО-деятельность носит прикладной характер, представителей делового сообщества прежде всего интересуют вопросы о возможностях управления социальной ответственностью, в частности, какие действия менеджмента следует считать социально ответственными: своевременную выплату заработной платы работникам или спонсорскую помощь в организации конкурса детских талантов, строительство жилья для своих сотрудников или помощь работников предприятия по очистке территории от мазута, разлившегося в результате аварии нефтепровода, и т. д. Иными словами, в каких направлениях и формах может проявляться социальная ответственность бизнеса.

Ответ на этот вопрос дает определение российских экспертов, которое трактует КСО как философию поведения и концепцию выстраивания бизнесом деятельности, направленной на удовлетворение ожиданий *заинтересованных сторон в целях устойчивого развития* [1, с. 65]. Данное определение коррелирует с устоявшимся в научном и деловом сообществах пониманием ответственного бизнеса, демонстрирующего соответствие всем ожиданиям, которые общество предъявляет организации [1–7 и др.]. В основе ответственного ведения бизнеса лежит экономическая ответственность, которая определяется базовой функцией компании как производителя товаров или услуг удовлетворять потребности потребителей и извлекать прибыль. Только прибыльная компания в состоянии инвестировать не только в свое инновационное развитие и развитие собственного персонала, но и реализовывать социальные проекты по сохранению окружающей среды, культурного наследия,

оказывать благотворительную поддержку местному сообществу, учреждениям здравоохранения, образования и т. п. Иными словами, современные трактовки КСО нацеливают бизнес как на его устойчивое развитие, так и устойчивое развитие его окружения.

Мы не разделяем мнение экспертов, которые считают, что ответственный бизнес появился только в последние десятилетия в связи с актуализацией проблематики устойчивого развития. Мы также считаем некорректным использовать понятия «корпоративная социальная ответственность», «устойчивое развитие» и «ESG-инвестирование» как синонимы. Следует, однако, признать, что синонимичность использования различающихся по содержанию терминов вызвана тем, что концепции корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития имеют точки соприкосновения. В частности, практики КСО и устойчивого развития носят не только социальный, но и прикладной характер: ответственный бизнес осуществляет свою деятельность, ориентируясь как на собственные цели и задачи, так и на интересы общества. Баланс этих интересов обеспечивает социально ответственный подход к ведению бизнеса как форме КСО в классификации известного маркетолога Ф. Котлера [8, с. 207]. Данный подход означает, что социальная ответственность должна быть полностью интегрирована в стратегию компании, стать частью корпоративного управления и основой для социального партнерства – взаимодействия власти и бизнеса, направленного на решение социальных проблем в различных сферах общества. Социально ответственный подход к ведению бизнеса – это системные решения, позволяющие эффективно управлять бизнес-процессами. Именно эффективное управление дает возможность компании успешно решать вопросы внутренней и внешней окружающей среды.

Данный постулат разделяет большинство экспертов, которые относят концепт КСО к сфере корпоративного управления. Так, американский экономист К. Дэвис считает, что социальную ответственность следует рассматривать как на системном уровне, так и на уровне фирмы, поскольку современный бизнес осознал необходимость совместить производство экономических ценностей с производством ценностей социальных. Поэтому социально ориентированная компания должна оценивать последствия своего влияния на внешнюю социальную систему, чтобы не только реализовать свои экономические цели, но и достичь социальных выгод. Если окружающая бизнес-среда ухудшается, вина за это ложится и на компанию, поэтому в ее интересах поддерживать уровень благосостояния общества [9]. Трактовка КСО, которую предложил К. Дэвис, позволила отнести данное понятие к сфере стратегического менеджмента.

На помощь обществу в достижении его целей как обязанности бизнеса указывали и другие исследователи, в частности Дж. Штайнер, экономист из Калифорнийского университета (США) [10]. Мы разделяем и другое мнение Дж. Штайнера о том, что реализовывать социальную ответственность или нет – это в большей степени вопрос отношения топ-менеджеров к данной

практике. С точки зрения управления социальный интерес должен сочетаться с разумным эгоизмом бизнеса в долгосрочной перспективе, чтобы стать философией бизнеса [11, с. 215].

Большая заслуга в развитии управленческого контекста социальной ответственности бизнеса принадлежит эксперту в области управления А. Кэрроллу (Университет Джорджии, США), который разработал трехсферную модель КСО. Модель включала 3 измерения социальной деятельности корпорации: корпоративную социальную ответственность, социальные проблемы и корпоративную социальную восприимчивость. А. Кэрролл определяет КСО как соответствие экономическим, правовым, этическим и филантропическим ожиданиям, которые общество предъявляет организации. Он подчеркивает, что в этом формате компания проявляет первые признаки социального действия, отдавая приоритет *учету ожиданий разных заинтересованных сторон* как основанию для институционализации своих отношений [2].

Создавая свою модель корпоративной социальной ответственности, А. Кэрролл преследовал прагматические цели: ученым – дать основу для понимания феномена КСО, менеджерам – инструмент, который помогал бы решать возникающие социальные проблемы. Особенность модели заключается в том, что все корпоративные обязательства интегрированы в рамках общей социальной ответственности бизнеса, который должен заботиться о собственном персонале, местном сообществе, окружающей среде, не забывая при этом о своей основной цели – получать прибыль. И без ожидаемой прибыли владельцы и инвесторы не будут склонны подвергать свои ресурсы риску. Вполне логично, что данный аспект определяет все остальные роли бизнес-институтов.

Концепция управления стейкхолдерами американского экономиста Э. Фримена – еще один яркий пример применения принципов КСО в практике управления организацией. В ее основу положен подход к управлению корпорацией как частью социальной структуры общества, перед которым она также несет ответственность. Это означает, что фирма должна устанавливать свои цели путем сбалансирования противоречивых интересов всех стейкхолдеров: акционеров, потребителей, персонала, кредиторов, местного сообщества и других [12], что позволит ей устойчиво развиваться. Идея заинтересованных сторон позволила конкретизировать то самое социальное направление, в котором корпорация несет ответственность, в частности персонификацию социальной ответственности. Позже понятие стейкхолдеров подверглось трансформации, что помогло ему приобрести собственное место в системе менеджмента. Этому способствовали работы М. Кларксона, Т. Дональдсона, Т. Джоунза, Л. Престона и других исследователей, которые трактуют КСО как модель и инструмент управления компанией.

Таким образом, управленческая природа феномена корпоративной социальной ответственности несомненна. Эффективное управление основными направлениями КСО – экономическим, экологическим и социальным – позво-

ляет компании *устойчиво развиваться без рисков потери ресурсов, доверия партнеров и кредиторов, высоких операционных издержек, снижения объемов продаж, бойкота потребителей и т. п.*

Становится понятным, почему понятие управления стало основой для ESG как конструкта устойчивого развития, которое включает 3 измерения: экологическое (Environmental), социальное (Social) и корпоративное (Corporate Governance) управление. Включение в него элемента Environment вполне логично, если учитывать драматические изменения климата на Земле в последние годы. Также логично и включение элемента Social, поскольку природа бизнеса по своей сути социальна. Измерение Governance – доминирующий элемент, объединяющий эти измерения в один конструкт. Данные измерения позволяют компании обеспечить эффективное управление ее устойчивым развитием.

Итак, ответственный бизнес, стремясь к устойчивому развитию, должен демонстрировать свою ответственность в трех взаимосвязанных направлениях – экономическом, экологическом и социальном. Это свидетельствует о том, что концепции КСО и устойчивого развития компании имеют еще одну точку пересечения – направления деятельности бизнеса.

Как и в случае с КСО, результаты социального развития компании освещаются в системе нефинансовой отчетности. Свои достижения компания раскрывает через целый ряд международных стандартов нефинансовой отчетности (GRI, Dow Jones indices, Accountability 1000S, SA 8000, ISO 14000 и др.). Признанным стандартом является международный стандарт GRI Глобальной инициативы по отчетности, который имеет 3 универсальных стандарта для раскрытия общей информации о компании и системе ее управления, а также 33 секторальных стандарта, сгруппированных по сериям: экономические, экологические и социальные[1]. Принципа группировки корпоративных результатов по трем направлениям устойчивого развития придерживается стандарт Доу Джонса и др.

Об устойчивом развитии в целом написано очень много. Данное понятие широко используется в научном, политическом и корпоративном лексиконе, в программных документах различного уровня, а также в формате международных отношений. Его первое определение содержит доклад комиссии Брундтланд (Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию): *устойчивое развитие – развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, при этом не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности* [13][2]. Идея соблюдения прав будущих поколений была положена в основу социальной составляющей триединой

[1] Первые модульные версии стандарта GRI позволяли компании выбирать те серии, в которых она достигла прогресса и не указывать те серии, в которых прогресс был незначителен или отсутствовал. Поэтому оценивать и сравнивать компании по КСО зачастую было непросто.

[2] Трактовка понятия устойчивого развития через связь поколений до сих пор широко используется многими экспертами в качестве базовой.

концепции устойчивого (эколого-социально-экономического) развития. Авторы имеющихся трактовок подчеркивают социальную природу и социальную ориентированность устойчивого развития, его управляемый характер, не разрушающий природной основы общества, обеспечивающий выживание и непрерывное развитие цивилизации. Они едины во мнении, что устойчивое общественное развитие без экологического императива не будет эффективным.

Несмотря на доминирование идеи устойчивого развития в мировом сообществе, использование его терминологического аппарата вызывает много споров. Прежде всего, шаблонный перевод самого понятия *sustainable development* на русский язык как «устойчивое развитие». Термин *sustainable* в силу своего полисемантичного характера имеет ряд значений: долговременное, прочное, продолжительное и устойчивое. Полисемантичен и другой термин – *sustainability* (устойчивость), который можно трактовать и как способность удерживать равновесие, и как стабильность, т. е. способность не изменяться или поддерживать определенные (устойчивые) темпы развития. По мнению украинского экономиста Л. Г. Мельника, *sustainable development* следовало бы переводить как *поддерживаемое развитие,* так как *развитие* – это прежде всего изменение [14, с. 22–23].

И вот здесь возникает определенное несоответствие: о чьем устойчивом развитии идет речь и кто является субъектом устойчивого развития – компания или общество в целом? Как следует из содержания имеющихся трактовок устойчивого развития, оно как комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека (читай: *человечества*) при сохранении окружающей среды и ресурсов, априори предполагает развитие социума. В достижении целей устойчивого развития человечества, несомненно, значимы усилия каждой социально ориентированной компании, но при условии объединения ее усилий с другими компаниями и взаимодействия с государством. Учитывая данный тезис, западные исследователи разводят термины «устойчивое развитие» и «корпоративная устойчивость». Соответственно, в англоязычной литературе в отношении устойчивого развития общества востребован термин *sustainable development*, а компании – *corporate sustainability (корпоративная устойчивость).* В русскоязычных источниках понятие устойчивого развития используется по отношению и к обществу, и компании[1] на основании того, что декларируемые ООН цели устойчивого развития активно внедряются в деловые стратегии. В последнем случае термин «устойчивое развитие» конкретизируется через упоминание субъекта[2].

Как известно, пионером в становлении концепции корпоративной устойчивости был британский экономист Дж. Элкингтон, который в 1994 г. ввел

[1] В начале нашей статьи мы использовали термин «устойчивое развитие компании» в соответствии с устоявшейся отечественной практикой.

[2] Можно долго дискутировать по поводу трактовок и перевода данных понятий, но они успели закрепиться в научной литературе и их корректировка может оказаться весьма болезненной.

понятие «триединого итога» (triple-bottom-line, TBL). Разработанная им модель TBL использовала деление на экологическую, экономическую и социальную среду устойчивого развития *в приложении к компании* (а не всему мировому сообществу безотносительно). В ее основе лежала идея Win-Win-Win Strategy, при которой выгоду получала не только компания, но и все члены общества. Исследователь попытался связать между собой две концепции: устойчивого развития и зарождающуюся концепцию корпоративной устойчивости. Для корпоративной устойчивости ученый выделил три основания 3P – People (люди), Planet (планета / природа), Profit (прибыль), способных одновременно приносить выгоды компании, ее потребителям и природной среде [15, p. 90]. В его понимании корпоративная устойчивость – это обеспечение долгосрочного развития компании с целью повышения жизнеспособности *экосистем, сообществ и экономики*. Мнение Дж. Элкингтона разделяют многие исследователи, которые рассматривают корпоративную устойчивость как модель экономической, социальной и экологической деятельности компании для удовлетворения потребностей ее заинтересованных сторон, не входящих в противоречие с потребностями будущих поколений заинтересованных сторон.

Логично возникает вопрос об отличии концепции корпоративной социальной ответственности от концепции корпоративной устойчивости, если они схожи в плане характера, принципов, основных направлений, требований нефинансовой отчетности и даже масштаба действий. На самом деле, обе концепции относятся к микроуровню: КСО – это одно из направлений концепции всеобщего благосостояния, корпоративная устойчивость – концепции глобального устойчивого развития. Их отличие определяет экологический императив. Именно кардинальные изменения климата стали призмой, через которую сегодня производится оценка деятельности ответственного бизнеса, и конструкт ESG отвечает требованиям этой оценки. Дело в том, что концепция КСО, несмотря на свою разработанность, имеет единственный конструкт, который раскрывает основные аспекты корпоративной деятельности[1]. Это конструкт 3P Дж. Элкингтона, который был удобен для применения в условиях определенной стабильности. Конструкт ESG, введенный в 2004 г., оказался более информативным с точки зрения параметров управления устойчивым развитием компании: экология (Environmental), личность (Social) и корпоративное управление (Corporate Governance). Использование компаниями измерений ESG позволяет компенсировать риски, связанные с нестабильностью обстановки в условиях неопределенности факторов внешней и внутренней среды. А нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность – основные характеристики современного глобального сообщества.

Итак, устойчивое развитие компании возможно при равновесии трех основных составляющих, в которых проявляется ее социальная ответственность: экономический рост, социальная ответственность и экологический

[1] Имеющиеся аббревиатуры CSR-1, CSR-2, CSR-3 не являются конструктами, так как они обозначают названия разных подходов – КСО, КСВ, КСД.

баланс. Это означает, что любые производственные и экономические решения принимаются с учетом их социальных и экологических последствий для компании и для общества. По сути, КСО – это политика и реализация стратегии устойчивого развития компании. Концепция корпоративной устойчивости как парадигма развития бизнеса, продолжающая тему устойчивого развития, вобрала в себя измерения результатов корпоративной деятельности, объединенные конструктом ESG. Последний позволяет оценить деятельность компаний в социальной, экологической и корпоративной областях через системы показателей различных стандартов международной отчетности. Для подтверждения актуальности корпоративного управления в современных условиях версия G4 международного стандарта GRI была дополнена универсальным стандартом, требующим раскрытия системы управления компании (элемента G из триединой формулы ESG), подготовившей отчет о социальном развитии.

Концепция корпоративной устойчивости как микроуровень макроэкономической концепции устойчивого развития предполагает интегрированный подход к решению экономических, социальных и экологических задач. Эксперты считают, что корпоративное развитие, в основе которого также лежит интегрированный подход, переводит идею устойчивого развития на язык практического менеджмента. Хотя существуют национальные программы устойчивого развития, многие корпорации реализуют собственные планы устойчивого развития, суть которых состоит в том, чтобы нарушить прямую зависимость экономического роста и негативного влияния на окружающую среду. Только те предприятия, которые добиваются снижения или отсутствия роста негативного экологического воздействия при одновременном росте производства товаров и ежегодно подтверждают эти результаты, считаются устойчивыми. Такие предприятия являются и наиболее социально ответственными, так как программы, направленные на реализацию принципов экологической ответственности, отвечают требованиям социальной ответственности. Именно здесь происходит взаимосвязь ESG с КСО, так как экологическая практика конкретизирует КСО и превращает ее в составную часть корпоративного управления, призванного обеспечить устойчивое развитие компании.

Список использованных источников

1. Доклад о социальных инвестициях в России – 2008. Интеграция КСО в корпоративную стратегию / ред.: Ю. Е. Благов, С. Е. Литовченко, Е. А. Иванова. – М. : Ассоц. менеджеров, 2008. – 94 с.

2. *Carroll, A.* A three-dimensional conceptual model of corporate performance / A. Carroll. – Academy of Management Review. – 1979. – Vol. 4, № 4. – P. 497–505.

3. *Van Marrewijk, M.* Concepts and definitions of CSR and corporate sustainability: Between agency and communion / M. Van Marrewijk // Journal of Business Ethics. – 2003. – Vol. 44, № 2/3. – P. 95–105.

4. *Swartz, M. S.* Corporate social responsibility: A three-domain approach. / M. S. Swartz, A. B. Carroll // Business Ethics Quarterly. – 2003. – Vol. 13, № 4. – P. 503–530. – URL: DOI: https://doi.org/10.5840/beq200313435 (date of access: 12.05.2010).

5. *Симхович, В. А.* Корпоративная социальная ответственность: философско-управленческие аспекты современного бизнеса : монография / В. А. Симхович. – Мн. : Мисанта, 2011. – 199 с.

6. *Сорокина, Е. А.* Тренды корпоративной социальной ответственности в России / Е. А. Сорокина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 9 (431). – С. 182–188.

7. *Данилова, Л. С.* Трактовка социальной ответственности бизнеса и смежных понятий в российских научных изданиях / Л. С. Данилова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 4 (60). – С. 130–136.

8. *Котлер, Ф.* Корпоративная социальная ответственность. Как сделать как можно больше добра для вашей компании и общества / Ф. Котлер, Н. Ли ; пер. с англ. С. Яринич. – Киев : Стандарт, 2005. – 307 с.

9. *Davis, K.* Business and its environment: first edition / K. Davis, R. L. Blomstrom. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1966. – 403 p.

10. *Steiner, G. A.* Business and society / G. A. Steiner. – New York : Random House, 1971. – 610 p.

11. *Симхович, В. А.* Социальная ответственность в управленческих решениях топ-менеджмента белорусского бизнеса / В. А. Симхович // Człowiek i jego decizje : сб. тр. Междисциплинар. Междунар. науч. конф. ; Люблин, 16–17 нояб. 2009 г. / Люблин. катол. ун-т им. Павла-Иоанна II. – Люблин, 2009. – Т. 2. – С. 213–220.

12. *Freeman, R. E.* Strategic management: A stakeholder approach / R. E. Freeman. – Boston : Pitman Publishing, 1984. – 276 p.

13. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по вопросам окружающей среды и развитию. – ООН. – 1987. – 412 с. – URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf. (дата обращения: 11.09.2024).

14. *Мельник, Л. Г.* Пространство и время устойчивого развития (вместо введения) / Л. Г. Мельник // Социально-экономический потенциал устойчивого развития : учебник / под ред. проф. Л. Г. Мельника и проф. Л. Хенса. – Изд. 2-е, стер. – Сумы : Унив. кн., 2009. – 1120 с.

15. *Elkington, J.* Towards the sustainable corporation: Win-win-win business strategies for sustainable development / J. Elkington // California Management Review. – 1994. – № 36. – P. 90–100. – URL: http://dx.doi.org/10.2307/41165746 (date of access: 14.10.2023).

Поступила 25.03.2025 г.

УДК 316.74+316.46+316.77

А. П. СОЛОВЕЙ,
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alesya-solovei@mail.ru

Е. В. ШУХНО,
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА[1]

В статье обоснована актуальность изучения научного наставничества в предметном поле социологической науки, обозначены тематические направления в его исследовании. Рассматривается концептуализация феномена «научное наставничество» методологическими средствами социологического знания. Предпринята попытка концептуализации рассматриваемого явления как на уровне микро-, так и макросоциологических методологий. Представлена концептуальная схема анализа научного наставничества, основанная на таких теоретико-методологических подходах социологического дискурса, как теория обмена, символический интеракционизм, понимающая социология, феноменологическая социология и социальный конструкционизм.

Ключевые слова: наставничество, наука, научное руководство, концептуализация, социология науки.

A. P. SOLOVEY,
Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: alesya-solovei@mail.ru

E. V. SHUKHNO,
Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

CONCEPTUALIZATION OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC MENTORING

The paper substantiates relevance of studying scientific mentoring in the subject field of sociological science, and identifies thematic areas in its study. The conceptualization of the phenomenon of "scientific mentoring" is considered using methodological means of sociological knowledge. Attempt

[1] Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по теме НИР «Роль наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации в условиях цифровизации белорусского общества» (договор № Г23М 022 от 02 мая 2023 г.), науч. рук. – А. П. Соловей.

has been made to conceptualize the phenomenon under consideration both at the level of microsociological and macrosociological methodologies. Conceptual scheme for studying scientific mentoring is presented, based on such theoretical and methodological approaches of sociological discourse as exchange theory, symbolic interactionism, understanding sociology, phenomenological sociology, and social constructionism.

Keywords: mentoring, science, scientific supervision, conceptualization, sociology of science.

Актуальность изучения научного наставничества методологическими и методическими средствами социологического знания обусловливается рядом факторов. Во-первых, ролью института наставничества в профессиональной и социальной адаптации в научном коллективе молодых специалистов – молодых ученых. Во-вторых, потенциалом наставничества (менторства) в работе аспирантуры и докторантуры, т. е. при реализации научно ориентированного образования прежде всего научными руководителями и консультантами аспирантов и докторантов. В-третьих, снижением эффективности деятельности указанных видов научно ориентированного образования в последние годы. Так, в 2022 г. в сравнении с 2021 г. сократилось количество присвоенных кандидатских ученых степеней, повысился средний возраст соискателей, защитивших кандидатскую диссертацию, снизилась доля лиц, защитивших диссертацию в пределах установленного срока обучения [1, с. 94–95]. В-четвертых, необходимостью дальнейшего совершенствования института наставничества в современных реалиях в научных институциях и организациях, обеспечивающих получение научно ориентированного образования. Значимость научно-исследовательской работы по изучению научного наставничества также определяется Программой совершенствования научной сферы Республики Беларусь, согласно которой институт научного наставничества должен стать важным компонентом деятельности по созданию и развитию научных школ, а также подпрограммой 6 «Научно ориентированное образование» Государственной программы «Образование и молодежная политика на 2021–2025 годы» [2; 3].

Опыт социологических исследований, проведенных молодыми учеными центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси среди академических научных работников, позволяет утверждать, что морально-психологический климат и творческая атмосфера в научном коллективе, профессиональная помощь, передача опыта и поддержка со стороны коллег, взаимодействие с научным руководителем, а также личный пример наставника и заинтересованность в трансляции научных знаний – одни из важных компонентов развития научного наставничества.

По данным анкетного опроса ученых НАН Беларуси (декабрь 2018 г. – март 2019 г., N = 670, ошибка выборки – ± 3,6 %) наличие традиции наставничества в первичных структурных подразделениях отметил практически каждый четвертый респондент – 27,1 %. В то же время могут обратиться за помощью в научной работе к коллегам абсолютное большинство респондентов – 97,2 % (в том числе «всегда» – 61,6 %, «скорее всегда» – 35,6 %). В ходе экспертного

опроса, проводившегося в рамках данного исследования (экспертную группу составили директора, заместители директора, ученые секретари, $N = 37$), эксперты назвали процедуры наставничества, кураторства, менторства со стороны руководителя структурного подразделения / опытного сотрудника в качестве механизмов адаптации новых сотрудников [4].

По результатам исследования 2020 г. большинство молодых ученых в возрасте до 35 лет указали, что в их институте есть ученые, которые являются примером профессионала лично для них, – 78,2 %. Абсолютное большинство молодых ученых отметили, что при необходимости могут обращаться за помощью по научной работе к своим коллегам – 97,5 % (в том числе 72,8 % – «да, всегда», 24,7 % – «скорее да»). Психологическим климатом в коллективе удовлетворены 80,3 % молодых исследователей. Испытывают чувство причастности к коллективу своего структурного подразделения и своего института в целом 92,5 и 76,9 % опрошенных респондентов соответственно [5].

Согласно данным исследования 2021 г. среди академических аспирантов и докторантов, большинство опрошенных удовлетворены взаимодействием со своим научным руководителем / консультантом – 83,7 %, каждый восьмой не удовлетворен – 11,9 %, затруднились оценить данный аспект научной деятельности 4,4 %. Среди обстоятельств, которые в наибольшей степени препятствуют защите диссертаций в срок после окончания обучения в аспирантуре / докторантуре, на десятом месте, согласно распределению ответов респондентов, находится такой фактор, как незаинтересованность научного руководителя – 9,7 %. Большинство аспирантов НАН Беларуси, опрошенных в ходе комплексного социологического исследования в 2024 г., указали, что их научным наставником является научный руководитель, утвержденный во время обучения в аспирантуре, – 74,4 %. При этом 22,7 % отметили в качестве своего научного наставника руководителя структурного подразделения, в котором ведется работа над диссертацией, и только 1,5 % – другого заинтересованного в них ученого.

Таким образом, актуализируется задача комплексного теоретического и эмпирического анализа феномена научного наставничества (научное руководство и консультирование как его основные виды) в системе подготовки научных кадров высшей квалификации на современном этапе развития отечественной науки в рамках концептуального и методического аппарата социологического знания. Важная роль в изучении данного предметного поля принадлежит социологическим исследованиям. Именно проведение комплексных социологических исследований позволяет на эмпирическом уровне зафиксировать актуальное мнение соискателей ученых степеней и наставников (научных руководителей, консультантов) об условиях эффективности научной деятельности и успешной защиты диссертационной работы соискателем, степени реализации задач научного наставничества, а также об эффективности форм научного наставничества и других значимых аспектах функционирования системы научного наставничества.

Анализ зарубежной, российской и отечественной литературы по заявленной проблематике позволяет выделить несколько блоков ее исследования. Среди тематических направлений в изучении наставничества в науке выделяются следующие:

1) концептуализация, содержание, формы научного наставничества, его роль и перспективы в научной и образовательной практике [6–12];

2) влияние наставничества на эффективность деятельности учеников [13; 14];

3) наставнический подход среди теоретико-методологических оснований изучения научного руководства аспирантами и как составной элемент аспирантуры [15–17];

4) наставничество как фактор социализации, адаптации, поддержки и развития профессиональной карьеры молодых ученых [4; 18–20];

5) этика научного руководства и академического наставничества [21; 22];

6) влияние наставничества на активизацию научно-исследовательской работы студентов [9; 23; 24];

7) восприятие наставничества представителями научных династий [25].

При этом к перспективным направлениям исследовательской работы относится систематизация данных о современных формах научного наставничества, влиянии наставничества на эффективность деятельности аспирантуры и докторантуры, трансформации института научного наставничества в условиях цифровизации современного общества. Среди белорусских исследовательских структур, занимающихся изучением отдельных аспектов проблематики научного наставничества, следует отметить центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси.

В целом в наибольшем числе публикаций проблематика развития наставничества в образовательной сфере рассматривается как на уровне высшей, так и средней школы, значительно меньше внимания уделяется вопросам наставничества в современных условиях в реальном секторе экономики. При этом тематика научного наставничества находится на периферии интересов постсоветского исследовательского сообщества, в то же время вопросы наставничества (менторства) актуальны в западном науковедении и социологии науки.

Значимым аспектом, сопряженным с процессом концептуализации научного наставничества, выступает необходимость дифференциации данного понятия и концепта «научное руководство». Научное наставничество возможно определить в широком смысле (т. е. наставничества как такового) – поддержка и введение новых (прежде всего молодых) ученых (менти) в науку и научно-исследовательский коллектив со стороны более старшего и опытного научного работника (ментора), которым может быть в том числе как руководитель структурного подразделения, так и научный работник (старший, ведущий, главный научный сотрудник), как обладающий ученой степенью / ученым званием, так и не имеющий их.

Научное наставничество в узком смысле связано с научным руководством аспирантами / соискателями (реже – научным консультированием докто-

рантов), т. е. научный наставник является научным руководителем аспиранта / соискателя и помимо собственно формального научного руководства осуществляет неформальные наставнические (адаптационные и интеграционные) функции, обеспечивающие, с одной стороны, специализированное ознакомление подопечного с трудовым коллективом, научной организацией, своей должностью, должностными обязанностями, а также адаптацию и интеграцию в научное микро- и макросообщество; с другой – генерализованную трудовую и внерабочую поддержку, охватывающую существенно более широкую область жизнедеятельности менти, нежели профессиональную.

В рамках социологического дискурса концептуализация понятия *«научное наставничество»* возможна посредством методологического аппарата теоретических подходов основных парадигм социологии: макросоциологии, микросоциологии, культур-социологии. Значительным эвристическим потенциалом при изучении наставничества и концептуализации рассматриваемого понятия обладают *структурно-функциональный подход* макросоциологической парадигмы Т. Парсонса и Р. Мертона, *теория обмена* (Дж. Хоманс, П. Блау), *символический интеракционизм* (Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мид, Г. Блумер), *понимающая социология* (М. Вебер), *феноменологическая социология* (А. Шюц, Г. Гарфинкель), а также в версии *социального конструкционизма* П. Бергера и Т. Лукмана микросоциологической парадигмы.

На рисунке представлена концептуальная схема изучения понятия *научного наставничества,* построенная с использованием пяти методологий социологического дискурса – структурного функционализма, теории обмена, символического интеракционизма, понимающей социологии и социального конструкционизма.

Применение различных теоретико-методологических подходов в рамках одного исследования возможно благодаря существующему в социологическом знании методологическому плюрализму, обеспечивающему комплексный анализ изучаемого фрагмента социокультурной реальности.

Структурный функционализм позволяет выделить блоки структуры и функций научного наставничества. Несмотря на то, что структурный функционализм относится к теоретико-методологическим подходам макросоциологической парадигмы, в парсонианской версии в его основание исходно заложена микросоциологическая проблематика – вопрос социального действия и его структуры. Базовой работой структурно-функционального анализа в данном случае выступает «Структура социального действия» (1937 г.) Т. Парсонса [26].

Так, наставничество, рассматриваемое как социальное действие, включает в себя действующих субъектов-акторов – наставника и менти; ситуацию наставничества, в которой происходит взаимодействие и коммуникация акторов, и ориентации акторов, включая мотивационные (когнитивные, катектические, оценочные) и ценностные, влияющие на их взаимное поведение и действия.

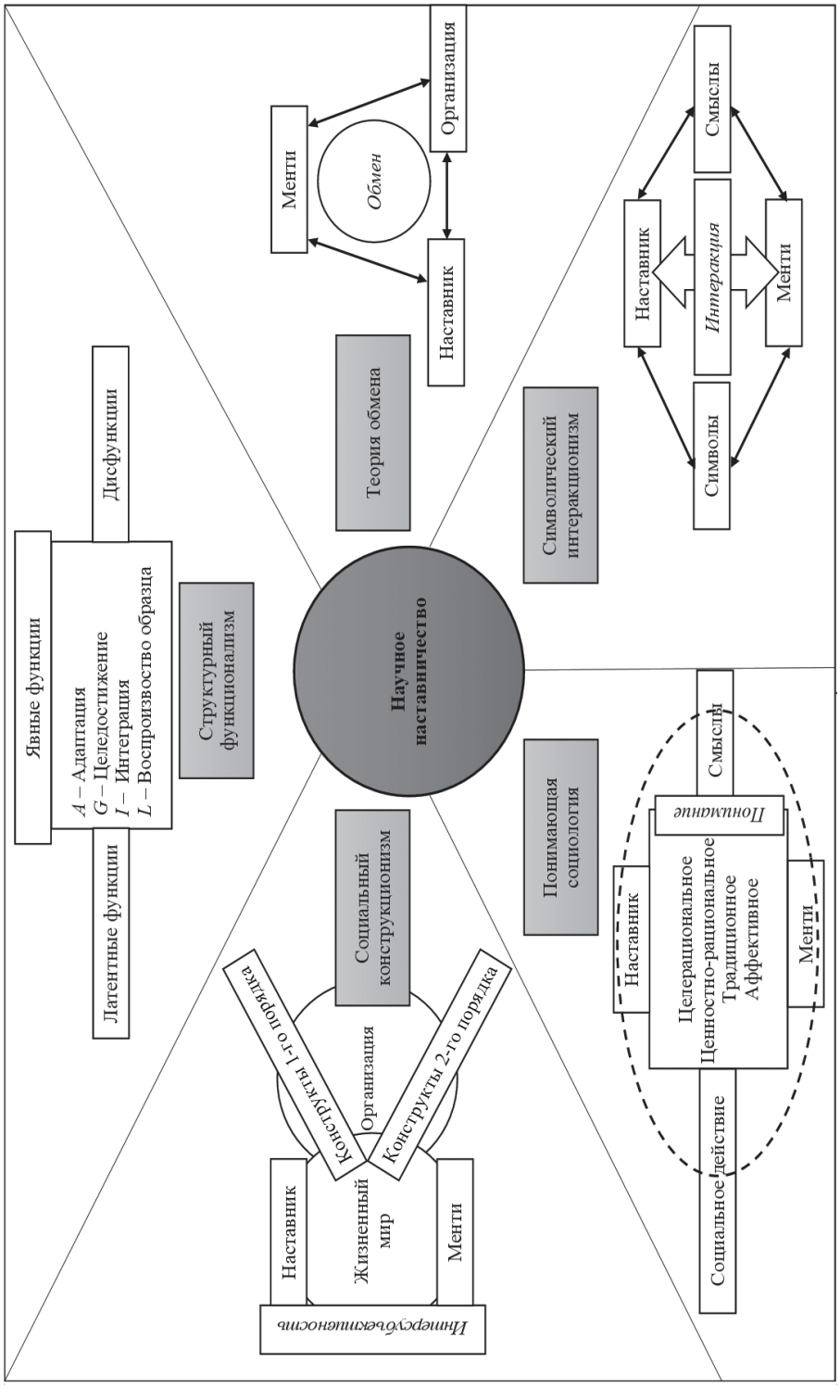


Схема приложения теорий социологического знания к концептуализации понятия «научное наставничество»

В то же время другим вариантом проведения структурно-функционального анализа научного наставничества является использование схемы AGIL (Adaptation, Goal attainment, Integration, Latency). Так, исходя из того, что каждая социальная система по Т. Парсонсу выполняет четыре первичные функции: адаптацию, целедостижение, интеграцию и воспроизводство образца, представляется целесообразным рассмотрение социального взаимодействия в системе «наставник – менти» применительно к четырем обозначенным функциям [27, p. 182–185; 28, с. 15]. Ключевой работой при такой постановке исследовательской проблемы является работа Т. Парсонса «Социальная система» (1951 г.) [29].

Феномен наставничества обеспечивает *адаптацию*, приспособление нового сотрудника к своему трудовому коллективу, своим трудовым обязанностям, а также к научной организации и ее культуре в целом.

Вместе с тем сопряжена с адаптационными процессами и в определенной мере на их основе реализуется *интеграция* менти в социокультурную систему научной организации, его включение в коммуникацию как на горизонтальном, так и вертикальном уровнях. При этом наставник в краткосрочной (на период наставничества) и долгосрочной (период трудовой деятельности в данной организации и в профессии) перспективе задает ориентиры для нового сотрудника, т. е. определяет / помогает достигать установленные руководством и должностными обязанностями результаты. Таким образом реализуется *целедостиженческая* функция феномена наставничества.

Наряду с рассмотренными функциями в процессе наставничества происходит передача, сохранение и последующее воспроизведение с возможным творческим преобразованием социокультурных практик, принятых в данном трудовом коллективе и организации, ценностей и норм, что обеспечивает стабильное функционирование научного учреждения, т. е. происходит в парсонианской терминологии *воспроизводство образца*, реализуется трансляционная функция.

Мертонианская версия структурного функционализма, дифференцирующая явные и латентные функции, а также дисфункции и нефункциональные следствия, позволяет и в научном наставничестве выделить представленные типы функций. Так, явной функцией научного наставничества является подготовка нового научного работника к исполнению своих служебных обязанностей. Латентной функцией выступает инкультурация, или включение неофита в социокультурную подсистему научной организации, усвоение принятых в ней ценностей, норм, поведенческих паттернов. В качестве дисфункции можно рассмотреть усвоение ценностей и норм малой группы, противоречащих организационным задачам / официально декларируемым ценностям и нормам. При этом дисфункции могут рассматриваться и по отношению к менти (как представлено выше), и применительно к самому наставнику. Например, использование ментором ситуации наставничества для самоутверждения и повышения своего социального статуса в коллективе.

Теория социального обмена, рассматривающая социальное взаимодействие как обмен, участники которого получают выгоду от действий других участников и сами действуют для получения выгоды [30, с. 21], выступает одной из микросоциологическоих альтернатив анализа научного наставничества. В рамках теории социального обмена научное наставничество возможно определить как социальное взаимодействие, или социальный обмен, в котором участвуют минимум две стороны – менти и наставник. Новые сотрудники в ходе данного обменного процесса получают прежде всего информацию относительно различных аспектов организационного функционирования, своих должностных обязанностей, своего коллектива и коллег. Научный наставник также получает выгоду от социального обмена в символическом (авторитет, признание, статус) и/или экономическом (доплата за научное наставничество) виде. Однако в случае отсутствия выгод от подобного социального взаимодействия его стороны могут прекратить либо редуцировать социальный обмен.

Вместе с тем возможен вариант не только двустороннего обмена в системе «наставник – менти», но также и существование трехстороннего обмена в системе «наставник – менти – научная организация». Научная организация может выступать как формальная (в случае наличия соответствующих локальных нормативно-правовых актов) или неформальная (при отсутствии локальных нормативно-правовых актов (ЛНПА) и неофициальной имплементации наставнических практик) сторона. При этом сама организация включается в структуры обмена и как реципиент нового сотрудника, адаптирующегося и осваивающего конкретные характер и содержание труда на рабочем месте, и как донор морального и/или материального вознаграждения для наставника.

Принципы ***символического интеракционизма*** при интерпретации и операционализации научного наставничества позволяют рассматривать его как процесс согласования менти своих действий с действиями наставника, сопряженный с определением их смысла. Взаимодействуя, ментор и обучаемый постоянно согласуют свои поступки, определяют их значение, переозначивают их и переосмысляют, тем самым изменяя социальную организационную ситуацию [30, с. 30].

Наставничество можно рассматривать как взаимодействие наставников и неофитов с использованием ситуаций, атрибутов и действий, являющихся профессиональными или организационными символами. Научное наставничество представляет собой интеракцию, в ходе которой ментор выступает в качестве профессионала – члена научного сообщества. Его расположение в рабочем пространстве, внешний вид, профессиональный язык символизируют его статус наставника и задают менти определенный вектор для интерпретации ситуации как процесса получения знаний, умений и навыков, востребованных в конкретной научной организации, ее конкретном структурном подразделении и на конкретной должностной позиции.

В методологии символического интеракционизма возможно описать взаимодействие в системе «наставник – менти» как процесс означивания в конкрет-

ной научной организации, как процесс научения нового сотрудника дешифровке символов и поведения сообразно требованиям организации, в которой ему предстоит работать. Он научается обобщенным смыслам в организации, на основании чего впоследствии придает своим действиям и действиям окружающих одинаковый с ними смысл, что позволяет ему и партнерам по взаимодействию идентично истолковывать коммуникативные, символические, поведенческие ситуации и таким образом эффективно сотрудничать и взаимодействовать в коллективной трудовой деятельности. Наставник в данном случае выступает как источник формирования адекватного организационному контексту обобщенного другого, при этом на первых этапах взаимодействия, в сущности, наставник и есть обобщенный другой для неофита.

Методология ***понимающей социологии*** позволяет на основании веберианской социологии и типологии социального действия понять, постигнуть смыслы, лежащие в основе действий индивидов, вовлеченных в социальное взаимодействие в рамках научного наставничества. Она также позволяет выяснить значение, которое придает этой интеракции каждая из вовлеченных сторон – наставник и менти. Кроме постижения субъективных смыслов данной социальной ситуации следующим этапом анализа в рамках понимающей социологии М. Вебера выступает категоризация, т. е. отнесение конкретной ситуации ментор – менти к одному из четырех идеальных типов социального действия: целерациональному, ценностно-рациональному, традиционному или аффективному [31, с. 628].

Несмотря на превалирование в случае наставничества двух первых видов социального действия, тем не менее представляется возможным существование и двух последних типов в рассматриваемой социальной системе. Так, при *целерациональном типе* наставничества наставник осознает цель своей деятельности, которая, вероятно, формализована и согласована с руководством научной организации, обеспечена определенными ЛНПА и временными и материальными ресурсами. В случае *ценностно-рационального наставничества* данная деятельность скорее не является формализованной, институализированной, инициатива преимущественно принадлежит самому наставнику (руководителю подразделения или организации в условиях отсутствия формализации данной процедуры), само наставничество воспринимается ментором как самодостаточная и достойная цель. В случае потенциального *традиционного наставничества* последнее переходит в разряд традиций, воспринимается как само собой разумеющееся и должное, как неотъемлемый атрибут принятия нового сотрудника в организацию. *Аффективное наставничество* предполагает неосознанное вовлечение нового сотрудника в рабочие процессы посредством прежде всего личного примера со стороны наставника и подражания, имитации его поведения со стороны менти.

На основании ***социального конструкционизма*** могут быть выделены непосредственные и опосредованные факторы продуцирования научного наставничества как социального конструкта [32]. К первым относятся личный

опыт индивидов, включая взаимодействие с представителями научного сообщества, и опыт собственной исследовательской деятельности (преимущественно локализуемый при получении образования). Вторые включают в себя средства массовой информации, социальное окружение, продукты искусства и массовой культуры и др.

В социально-конструкционистской версии феноменологической социологии в процессе взаимодействия между наставником и менти формируется, конструируется востребованный и актуальный для данной социальной организации тип личности работника, посредством чего далее конструируется соответствующий социальный микромир. При этом имеет место типизация, обеспечиваемая наставником, в ходе которой новые структуры (должность, коллектив, организация) встраиваются в существующий жизненный мир менти. Ситуация наставничества интерсубъективна, т. е. характеризует межличностное взаимодействие, конструирующее отдельный фрагмент общества. При этом конструируемый и реконструируемый порядок обеими сторонами взаимодействия воспринимается как естественный, объективный, должный для усвоения его ценностей и норм с целью успешного осуществления трудовой деятельности в данном коллективе. При профессиональной социализации в рамках наставничества осуществляется формирование как конструктов первого порядка – типизации повседневной жизни в трудовом коллективе, так и конструктов второго порядка – «конечных миров смыслов» – в данном случае науки.

Научное наставничество, или процесс профессиональной и организационной адаптации, предполагает усвоение должностных и организационных практик, формальных и неформальных аспектов трудовой деятельности, которые позволяют наделять смыслом ситуации и предметы, значимые для конкретной научной организации [30, с. 34–35]. В данном случае научная деятельность для ее субъектов формирует специфический мир, реальность которого и значимость профессии безусловны. Наставничество представляет собой межиндивидуальную (между наставником и менти) коммуникацию, которая обеспечивает формирование «организационного человека», т. е. социальное конструирование конкретной должностной позиции и профессии ученого в целом.

Таким образом, социологическое знание характеризуется широким спектром возможных вариантов концептуализации понятия «научное наставничество». Практически каждая социологическая методология предоставляет возможность осуществить анализ данного явления в рамках соответствующего понятийно-категориального аппарата. Вместе с тем варьирует степень эвристичности концептуализационных решений, предлагаемых представленными теоретико-методологическими подходами. Наибольшим эвристическим потенциалом при социологическом изучении феномена научного наставничества обладает структурно-функциональный анализ, позволяющий комплексно (при этом не только на макроуровне, но и на микроуровне) исследовать

данное явление. Концептуализация феномена научного наставничества выступает в качестве основания для дальнейшего перехода к фиксации рассмотренного явления (посредством операционализации, разработки системы показателей и индикаторов) на эмпирическом уровне методическими средствами социологической науки.

Список использованных источников

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2022 года : аналит. докл. / под ред. С. В. Шлычкова, В. Г. Гусакова. – Мн : БелИСА, 2023. – 298 с.

2. Программа совершенствования научной сферы Республики Беларусь : постановление Нац. акад. наук Беларуси, Гос. ком. по науке и технологиям Респ. Беларусь, 24 дек. 2013 г., № 5/25 // Национальная академия наук Беларуси. – URL: http://nasb.gov.by/reference/razvitie/programma.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

3. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: http://pravo.by/upload/docs/op/C22100057_1612386000.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

4. *Шухно, Е. В.* Роль наставничества в адаптации и интеграции молодых ученых / Е. В. Шухно // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов : сб. науч. тр. / СПбФ ИИЕТ РАН. – СПб., 2022. – Вып. 8 (38). – С. 359–370.

5. Роль наставничества при подготовке научных кадров изучают в Беларуси // БЕЛТА. – URL: https://www.belta.by/society/view/rol-nastavnichestva-pri-podgotovke-nauchnyh-kadrov-izuchajut-v-belarusi-641785-2024 (дата обращения 17.06.2024).

6. The Science of Effective Mentorship in STEMM / ed. by A. Byars-Winston, M. L. Dahlberg. – Washington : The National Academies Press, 2019. – XXVIII, 288 p.

7. *Амбарова, П. А.* Целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как предмет микросоциологического анализа / П. А. Амбарова // Социологический журнал. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 77–99.

8. *Осипов, П. Н.* Наставничество как объект научных исследований / П. Н. Осипов, И. И. Ирисметова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 2. – С. 109–115.

9. *Кочемасова, Л. А.* Научное наставничество в образовательной практике студента педагогического вуза / Л. А. Кочемасова // Вестник Самарского государственного технического университета. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 29–46.

10. *Большаков, Д. Ю.* Некоторые аспекты научного и инженерного наставничества / Д. Ю. Большаков // Вестник Концерна ВКО «Алмаз – Антей». – 2013. – № 2. – С. 21–27.

11. *Мамонова, О. Н.* Наставничество в науке: перспективы и вызовы / О. Н. Мамонова, О. В. Юрченко // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2021. – Вып. 5 (88). – С. 76–83.

12. *Мамонова, О. Н.* Наставничество в науке как индикатор социального измерения модернизации и научно-технологического развития / О. Н. Мамонова, И. А. Сосунова, О. В. Юрченко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / РАН, ИНИОН ; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2022. – Вып. 5, ч. 1. – С. 1060–1062.

13. *Malmgren, R.* The role of mentorship in protégé performance / R. Malmgren, J. Ottino, L. Nunes Amaral // Nature. – 2010. – Vol. 465. – P. 622–626.

14. *Ma, Y.* Mentorship and protégé success in STEM fields / Y. Ma, S. Mukherjee, B. Uzzi // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 117, № 25. – P. 14077–14083.

15. *Григорьева, А. В.* Научное руководство аспирантами: систематический обзор подходов к концептуализации и эмпирическому анализу / А. В. Григорьева, Е. А. Терентьев // Университетское управление: практика и анализ. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 49–61.

16. *Собкин, В. С.* Аспирант в сфере образования: о взаимоотношениях с научным руководителем / В. С. Собкин, М. М. Смыслова, Ю. О. Коломиец // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 3–14.

17. *Биричева, Е. В.* Эффективность взаимодействия научного руководителя и аспиранта в вузе и в академии наук / Е. В. Биричева, З. А. Фаттахова // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 1. – С. 9–22.

18. *Ильина, И. Е.* Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России / И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Н. Н. Королева // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24, № 3 (100). – С. 352–376.

19. *Ильдарханова, Ч. И.* Академическая социализация начинающих и молодых ученых (на примере Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан) / Ч. И. Ильдарханова, Г. М. Рустамова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 53–62.

20. *Селезнева, А. В.* Наставничество молодых ученых: концептуальные основания и инструментально-технологические решения / А. В. Селезнева, С. Ю. Попова // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 19–43.

21. *Прокофьев, А. В.* Научное руководство и академическое наставничество: этические аспекты / А. В. Прокофьев // Ведомости прикладной этики. – 2019. – Вып. 53. – С. 25–44.

22. *Эрштейн, Л. Б.* Этические аспекты коммуникации субъектов научного руководства в процессе подготовки квалификационных работ / Л. Б. Эрштейн // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 245–248.

23. *Гиндес, Е. Г.* Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития / Е. Г. Гиндес, И. А. Троян, Л. А. Кравченко // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 8–9. – С. 110–129.

24. *Амбарова, П. А.* Институциональные модели научного наставничества над студентами российских вузов: организационно-управленческие аспекты / П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва // Университетское управление: практика и анализ. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 5–16.

25. *Исаев, Д. П.* О восприятии наставничества в научных династиях (по материалам интервью) / Д. П. Исаев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 122–130.

26. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия : пер. с англ. / Т. Парсонс. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2002. – 880 с.

27. *Parsons, T.* Working papers in the theory of action / T. Parsons, R. F. Bales, E. Shils. – New York : Free Press, 1953. – URL: https://archive.org/details/workingpapersint0000pars (date of access: 03.11.2024).

28. *Парсонс, Т.* Система современных обществ : пер. с англ. / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

29. *Parsons, T.* The social system / T. Parsons. – Glencoe : Free Press, 1952. – URL: https://archive.org/details/dli.ernet.239912 (date of access: 03.11.2024).

30. *Иванов, Д. В.* Парадигмы в социологии : учеб. пособие / Д. В. Иванов. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 72 с.

31. *Вебер, М.* Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдовой. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

32. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

Поступила 31.12.2024 г.

УДК 316.334.5:[502.17+502.22:574.24]

Р. С. ЯРОЩУК,

младший научный сотрудник, аспирант,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: yaroshchuk.roman.11@gmail.com

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье представлена краткая история отечественной природоохранной деятельности, а также современное состояние экологической повестки в мире и важнейшие документы, принятые в данном направлении, в том числе в законодательстве Республики Беларусь. Прослеживается возникновение понятия «экология», его заимствование социологией, а также возникновение в Чикагской школе человеческой экологии и ее развитие по двум направлениям. Выделяются отличия человеческой экологии от растительной и животной экологии. Рассматривается предмет человеческой экологии.

Ключевые слова: экология, природоохранная деятельность, человеческая экология, охрана природы, Чикагская школа социологии.

R. S. YAROSHCHUK,

Junior Researcher, Postgraduate Student,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: yaroshchuk.roman.11@gmail.com

ENVIRONMENTAL PROTECTION AND HUMAN ECOLOGY IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

The article presents a brief history of domestic environmental protection activities, as well as the current state of the global ecological agenda and the key documents adopted in this field, including legislation of the Republic of Belarus. The emergence of the concept of “ecology” is traced, along with its adoption by sociology, as well as the development of human ecology within the Chicago School in two directions. Distinctions between human ecology and plant and animal ecology are highlighted. The subject matter of human ecology is also examined.

Keywords: ecology; environmental protection activities, human ecology, nature conservation, Chicago School of Sociology.

В настоящее время природоохранная деятельность выступает в качестве одного из основных направлений реализации внутренней политики государства. Защита окружающей среды, природоохранная деятельность, экологическое сознание становятся приоритетными направлениями в контексте реализации государственной экологической политики. Деятельность по решению экологических проблем ведется во всем мире уже на протяжении длительного периода времени, и на сегодняшний день в этом направлении произошло мно-

жество позитивных изменений, однако кризис не был разрешен полностью. В наше время мировое сообщество находится на том рубеже, когда при отсутствии решительных целенаправленных действий экологическая катастрофа может стать неизбежной, а ее губительные последствия – необратимыми. В этой связи изучение человеческой экологии как предметной области социогуманитарного знания является необходимым компонентом для практической реализации политики по сохранению здоровья, мира, благополучия, процветания, безопасности, стабильности и благоустройства. Вместе с тем приобретают актуальность вопросы охраны окружающей среды. Указанная проблематика выступает междисциплинарным полем проведения исследований, в том числе и социологической науки. В контексте социологии видится необходимым рассмотреть генезис представлений о природоохранной деятельности в историческом ракурсе с последующим анализом человеческой экологии как содержательного компонента деятельности по охране природы и окружающей среды.

Целью статьи является рассмотрение отечественной истории природоохранной деятельности и человеческой экологии как одной из отраслей социологической науки.

Предметом статьи является отечественная история природоохранной деятельности и человеческая экология как одно из направлений современной социологической науки.

Отечественная история охраны природы исчерпывающе представлена в Большой советской энциклопедии [1], в которой отмечается, что вопросами охраны природы люди стали интересоваться еще на ранних этапах развития общества. Истоками регулирования экологической сферы можно считать XI в., когда в Киевской Руси появились первые законодательные ограничения природопользования. В частности, регулировалась деятельность человека в отношении животного мира. Так, в «Русской правде» Ярослава Мудрого говорилось об ограничении промысла диких зверей и птиц. Помимо животного мира в охране нуждался и растительный мир. В XIV–XV вв. специальным объектом государственной охраны были лесные засеки в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины. В последующем ограничения стали носить комплексный характер. Например, своды законов Великого Княжества Литовского XVI в. включали сразу лесо-, рыбо- и охотохозяйственные нормы. Далее количество нормативно-правовых актов стало увеличиваться, и уже к середине XVII в. в России было издано 67 указов об охоте, созданы первые заповедники, взяты под охрану соболиные угодья вдоль ряда рек. В 1683 г. была запрещена вырубка лесов Сибири.

Деятельность по охране природной среды значительно интенсифицировалась при Петре I, по инициативе которого началось организованное лесоводство, защита водоохранных лесов, а также некоторых отдельных видов деревьев. Уже в 1888 г. была зафиксирована угроза обезлесения европейской части России, в связи с чем было издано положение о сбережении и охране ле-

сов. Вслед за ним в 1892 г. увидел свет закон об охоте. В этих документах нашло свое отражение стремление регулировать соответствующие промыслы, быстрые темпы развития которых в связи с ускоряющимся прогрессом техники стали угрожать сохранности и восстановительным способностям природы. К пропаганде экологических идей в начале XX в. присоединилась научная общественность России. По инициативе образованной при Русском географическом обществе в 1909 г. Природоохранительной комиссии (с 1912 г. – Постоянная природоохранительная комиссия) в 1916 г. был принят первый в России закон о заповедниках [1].

Это свидетельствует о том, что еще в далеком прошлом люди осознавали важность и значимость природоохранной деятельности и регулирования допустимого уровня активности человека относительно окружающей его природной среды.

Однако всего перечня перечисленных законодательных актов оказалось недостаточно, и стихийное развитие капиталистического хозяйства нанесло природе России, особенно в ее Европейской части, значительный, местами необратимый ущерб. Сложившаяся ситуация показала необходимость в разработке новых, более эффективных методов и форм регулирования природоохранной сферы [1].

Новой вехой в природоохранной деятельности стала победа Октябрьской революции 1917 г. В первые 5 лет после образования Советского государства было издано более 200 декретов и постановлений, касающихся охраны природы и общих проблем природопользования. Большинство этих документов были разработаны по личным указаниям В. И. Ленина, а часть из них непосредственно им подписана. Основным законодательным актом этого периода являлся принятый II Всероссийским съездом Советов (1917 г.) Декрет о земле, в котором была упразднена частная собственность на землю и создана принципиально новая возможность для организации охраны природы [1].

Можно отметить, что экологическая проблематика была одной из приоритетных в деятельности правительства Советского государства. Уже тогда на самом высоком правительственном уровне осознавалась потребность в разумном природопользовании, сохранении окружающей среды и заботы о ней. Были разработаны многочисленные нормативные правовые акты экологической направленности, вводились ограничения на эксплуатацию природы с целью ее сохранения в живом и здоровом состоянии.

Для координации деятельности отдельных народных комиссариатов (аналог министерств) и ведомств по использованию природных условий и ресурсов был создан межведомственный Государственный комитет по охране природы. По сути, он являлся первым прототипом нынешнего главного государственного органа экологической направленности нашей страны – Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Действовали также местные межведомственные комиссии при губернских исполкомах Советов, аналогами которых в современной системе

государственного управления выступают областные и региональные центры защиты окружающей среды. Государственный комитет по охране природы руководил всеми природоохранными мероприятиями, рекомендуя способы предотвращения чрезмерных вырубок леса, добычи рыбы и т. д., которые, по существу, являются примером нерационального природопользования, а также выявлял объекты, заслуживающие охраны, что также является важным аспектом деятельности современного аналога указанного комитета [1].

Учет природных ресурсов в СССР обеспечивался системой кадастров (земельный и водный), а также государственной оценкой запасов и добычи полезных ископаемых. Для охраны редких и исчезающих животных и растений Министерством сельского хозяйства СССР 16 октября 1974 г. была учреждена «Красная книга СССР» [1].

На современном этапе экологическая повестка носит международный глобальный характер. В документах Организации Объединенных Наций (ООН) отмечается, что каждое государство в праве разрабатывать свою собственную политику в сфере экологии, при этом оно должно нести ответственность за обеспечение безопасности окружающей среды других стран. Неотъемлемым правом человека является право на жизнь, которое было провозглашено еще в 1948 г. во Всеобщей декларации прав человека. На соблюдении данного права основывается право человека на благоприятную окружающую среду, что является необходимым условием обеспечения его экологической безопасности [2, с. 6].

К настоящему моменту ООН было проведено большое количество конференций по окружающей среде, на которых были приняты документы, утверждающие право человека на здоровую жизнь в благоприятной экологической обстановке. Важнейшими из них являются Стокгольмская (1972 г.) и Рио-де-Жанейрская (1992 г.) декларации. В п. 1 последней отмечается: «…в центре внимания непрерывного развития находятся люди. Они имеют право на здоровую плодотворную жизнь в гармонии с природой» [2, с. 6].

В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [3] (далее – Закон) в качестве одного из основных принципов было закреплено «обеспечение права граждан на благоприятную для труда и отдыха окружающую среду». В ст. 4 Закона определено, что «право на благоприятную окружающую среду принадлежит гражданину от рождения и подлежит защите как личное неимущественное право, не связанное с имуществом, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь» [3]. В ст. 46 Конституции Республики Беларусь указано: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права» [4].

Как видно, охрана природы и рациональное использование ее ресурсов имели крайне важное значение для людей на протяжении многих веков. Актуальной эта проблема остается и на современном этапе развития народного хозяйства и научно-технического прогресса, являясь одной из важнейших го-

сударственных задач. Для принятия обоснованных управленческих решений по охране окружающей среды были необходимы целенаправленные действия по изучению данной проблематики. В связи с этим для научного изучения вопросов рационального природопользования и здоровой природной среды в 1866 г. немецким биологом Э. Г. Геккелем в научный оборот был введен термин «экология», определяющий науку, которая изучает взаимоотношения живой и неживой природы [5]. В рамках социологической науки термин «экология» впервые был использован в Чикагской школе социологии, а именно одного из ее направлений – человеческой экологии. Данное направление занимало одну из ключевых позиций в рамках школы, так как другое ее название – Чикагская школа человеческой экологии. Но стоит отметить, что человеческая экология имеет отличия от растительной и животной экологии и мало схожа с привычным нам сегодня пониманием «экологии» как охраны окружающей среды.

Человеческая экология как научная отрасль разрабатывалась различными учеными-социологами. Как пишет В. Г. Николаев, она имеет в себе две ветви развития. В первой (Л. Вирт и Э. Ч. Хьюз) указанное направление встраивается в социологию и рассматривается как одна из ее перспектив или точек зрения. Во второй (Р. Д. Маккензи, Дж. А. Куинн, Э. Хоули) происходит постепенное превращение человеческой экологии сначала в отдельную научную дисциплину, а затем – в социологическую парадигму [6, с. 18]. Человеческую экологию также называют «визитной карточкой» чикагской традиции [6, с. 20].

Начать рассмотрение понятия «человеческая экология» стоит с выдержки из работы Р. Д. Маккензи «Экологический подход к изучению человеческого сообщества», в которой отмечается следующее: «Сельский магазин размещается на пересечении дорог. Здесь же находится деревня. В горной местности рыночный поселок находится на стыке двух или, лучше, трех долин. Другое предпочтительное его местоположение – конец горного перевала или ущелье между двумя долинами. Если реки трудно пересечь, поселения будут вырастать у наиболее безопасных переправ или мест, где реку можно перейти вброд. На равнине город будет находиться вблизи ее центра, а точка пересечения автомобильных и железных дорог на плодородной и густонаселенной равнине почти наверняка даст начало крупному городу» [7, с. 41–42]. В этом четко прослеживается влияние факторов окружающей среды на выбор людьми места своего проживания и ведения хозяйства. Кроме того, значимость для развития человеческих поселений имеет такой фактор окружающей среды, как пути коммуникации: «Дома и магазины строятся рядом с дорогой, обычно вдоль нее. Дорогой может быть тропа, шоссейная дорога, железная дорога, река или океанская гавань, но в любом случае сообщество обычно берет начало в параллельной связи с первой основной дорогой. С накоплением населения и развитием коммунального обслуживания сообщество обретает форму – сначала по одну сторону дороги, а затем по обеим ее сторонам. Точка соединения или пересечения двух главных дорог, как правило, служит исходным центром

сообщества» [6, с. 46]. Исходя из этого, связь человеческой экологии с природой можно проследить в том, что первая опирается на идеи географического детерминизма, т. е. объясняет социальную организацию при помощи факторов окружающей человека природной среды.

Рассматривая предмет человеческой экологии, В. Г. Николаев пишет: «Предметная область человеческой экологии располагается на границе между обществом и природой; сама она – на границе между социологией и общей экологией (или биоэкологией)» [6, с. 31]. Отсюда следует, что экологический и человеческий аспекты в данной области знания представлены примерно в равной степени. Однако это соотношение варьируется от автора к автору. Представители первой ветви развития человеческой экологии Л. Вирт и Э. Хьюз закрыли границу между социологией и биоэкологией: «В их текстах не встречаются характерные для Р. Парка экскурсы в растительную и животную экологию. Это было связано с их исследовательской практикой, для которой такие экскурсы не были релевантными» [6, с. 34]. Это говорит о том, что в работах Р. Парка природному аспекту уделялось большее внимание, тогда как его последователи считали более важным социальное содержание человеческой экологии. Авторы также чаще делали акцент на отличиях человеческой организации от животной, нежели на их сходствах, так они изъяли из человеческой экологии природный аспект: она «стала больше “человеческой”, нежели “экологией” в исходном биологическом смысле» [6, с. 34]. Исходя из этого, понятие «экология» в социологической науке имеет свои уникальные характеристики, отдаляющие его от первоначального природного смысла.

Продолжая идеи предшественников, Р. Д. Маккензи как сторонник второй ветви ее развития придал человеческой экологии статус отдельной дисциплины. Он рассматривал и развивал данное научное направление автономно от социологии. Его работы отличаются четкой проработкой понятийного аппарата отрасли, а также наличием в них ее первого формального определения: «исследования пространственных и временных отношений между людьми, складывающихся под воздействием сил среды, связанных с отбором, территориальным распределением и аккомодацией» [8, с. 137]. Следовательно, человеческая экология в данной интерпретации подразумевала рассмотрение взаимосвязи и взаимовлияния общественных отношений и природы. Однако в данном определении на первом месте закономерно стоит человеческая, нежели природная, составляющая.

Еще одной значимой фигурой в изучении человеческой экологии является Дж. А. Куинн, который подчеркивал междисциплинарный статус направления и продолжал проработку его понятийно-категориального аппарата. Человеческая экология трактовалась им как «пограничная наука, пересекающаяся с рядом специальных дисциплин и не укладывающаяся целиком ни в одну из них, в том числе и в социологию» [6, с. 40–41]. Иными словами, исследователь признает за человеческой экологией статус самостоятельной дисциплины, вобравшей в себя элементы из социологии и, вероятно, общей экологии.

Э. Хоули, в свою очередь, рассматривал человеческую экологию в качестве социологической парадигмы. В центре его внимания находилось изучение социальной организации как свойства популяции, приспосабливающейся к среде [9, p. 330].

Завершая рассмотрение истории человеческой экологии, стоит отметить, что данная отрасль знания зародилась и развивалась в рамках Чикагской школы социологии, пройдя в своем развитии несколько этапов. На начальных стадиях природный компонент преобладал над социальным, а на последующих – был почти полностью исключен и доминировать стал социальный. Так, человеческая экология стала отраслью знания, занимающейся преимущественно аспектами социальной организации, нежели вопросами охраны природы.

Таким образом, охрана природы и рациональное использование ее ресурсов в отечественной истории имели большое значение для людей на протяжении почти тысячи лет. На современном этапе экологическая повестка носит международный глобальный характер, практически каждым государством осознается важность данной сферы жизни и ведется работа по регулированию связанных с ней аспектов. Данная повестка широко представлена и в законодательстве Республики Беларусь.

В экологической сфере при содействии ООН принят ряд значимых международных документов. Изначально понятие «экология» пришло в социологию из биологического сектора знания. Затем его использовали представители Чикагской школы социологии (Л. Вирт, Э. Ч. Хьюз, Р. Д. Маккензи, Дж. А. Куинн, Э. Хоули, Р. Парк) в новом на то время понятии «человеческая экология», которое имело параллели с животным и растительным миром. Однако в процессе развития научной отрасли в ней все более отчетливо проявлялась граница между экологией в ее изначальном природном и новым человеческим пониманием. Понятие трактуется как «пограничная наука, пересекающаяся с рядом специальных дисциплин и не укладывающаяся целиком ни в одну из них, в том числе и в социологию» и «исследования пространственных и временных отношений между людьми, складывающихся под воздействием сил среды, связанных с отбором, территориальным распределением и аккомодацией». Иными словами, в Чикагской школе социологии понятие «экология» не использовалось в привычном понимании как забота об окружающей среде и ее сохранение. Предметная область человеческой экологии находится на границе между обществом и природой; сама она – на границе между социологией и общей экологией (или биоэкологией). Человеческая экология занималась проблемами встраивания социума в природу безотносительно острых глобальных кризисных вопросов экологии, приобретающих все большую актуальных в наши дни. Сегодня перед мировым сообществом стоят новые вызовы современности, напрямую связанные с разрешением аспектов глобального экологического кризиса, с которым человечество всерьез сталкивается уже сейчас.

Список использованных источников

1. Охрана природы // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Совет. энцикл., 1969–1978. – Т. 19 : Отоми – Пластырь. – 1975. – С. 39–42.

2. *Посталовская, О. А.* Экологическая политика: теория и социально-политическая практика : монография / О. А. Посталовская. – Мн. : РИВШ, 2020. – 144 с.

3. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 нояб. 1992 г. № 1982-XIII : в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З. – Мн. : Право и экономика, 2004. – 57 с.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 62 с.

5. *Никольский, А. А.* Эрнст Геккель – основоположник науки экологии / А. А. Никольский, Д. А. Степанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2011. – № 1. – С. 5–11.

6. *Николаев, В. Г.* Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии / В. Г. Николаев // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55.

7. Чикагская социология : сб. пер. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2015. – 430 с. – (Серия «Теория и история социологии»).

8. *Маккензи, Р. Д.* Экологический подход к изучению человеческого сообщества / Р. Д. Маккензи // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Серия 11, Социология. – 2000. – № 4. – С. 136–152.

9. *Hawley, A. H.* Humanecology / A. H. Hawley // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 4. – New York : Macmillan Company & The Free Press, 1968. – P. 328–337.

Поступила 31.03.2025 г.

УДК 316.4

О. Г. ВОРОШЕНЬ,
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АСПИРАНТУРЫ В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА ПЕРИОД 2015–2023 гг.

В статье рассмотрены основные показатели деятельности аспирантуры Национальной академии наук Беларуси в регионах Беларуси за период 2015–2023 гг. Дана оценка кадрового потенциала регионов Республики Беларусь. Выявлены существенные различия в динамике численности аспирантов в республиканской и академической аспирантурах в регионах страны. Сделан вывод о необходимости повышения эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации в региональных учреждениях Академии наук.

Ключевые слова: аспирантура, республиканская аспирантура, академическая аспирантура, регионы, подготовка научных кадров высшей квалификации, система научно ориентированного образования.

O. G. VOROSHEN,
Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

ACTIVITIES OF POSTGRADUATE SCHOOL OF THE NAS OF BELARUS IN THE REGIONS OF BELARUS FOR THE PERIOD FROM 2015 TO 2023

The article examines the main performance indicators of the postgraduate program of the National Academy of Sciences of Belarus in the regions of Belarus for the period 2015–2023. An assessment of the human resources potential of the regions of the Republic of Belarus is given. Significant differences in the dynamics of the number of postgraduate students in the republican and academic postgraduate programs in the regions of the country are revealed. A conclusion is made about the need to improve the efficiency of training highly qualified scientific personnel in regional institutions of the Academy of Sciences.

Keywords: postgraduate study, republican postgraduate study, academic postgraduate study, regions, training of highly qualified scientific personnel, science-oriented education system.

Важной задачей системы научно ориентированного образования Республики Беларусь является расширение подготовки научных кадров высшей квалификации для обеспечения научных организаций и наукоемких производств высококвалифицированными специалистами. Подготовка и закрепление высокообразованных специалистов будет способствовать развитию кадрового потенциала как страны в целом, так и отдельных ее регионов.

Вопросам социально-экономического и научно-технологического развития регионов уделяется внимание на государственном уровне. В частности, в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, развитие регионов на основе создания новых производств является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития страны и регионов [1]. Как отмечается в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, «решение задачи по созданию новых и ускорению развития существующих наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики предполагает… сбалансированное развитие высокотехнологичных секторов во всех регионах Республики Беларусь» [2, с. 11].

Успешное социально-экономическое развитие регионов страны невозможно без соответствующего кадрового обеспечения. Однако следует отметить, что в настоящее время квалификационный уровень кадрового потенциала в областях Беларуси недостаточный, о чем свидетельствуют данные о динамике численности исследователей высшей квалификации в регионах страны. В 2023 г. численность исследователей в областях республики составила 33,5 % от их общего количества. И хотя состав исследователей в регионах за период 2015–2023 гг. увеличился с 7392 до 8970 чел., доля исследователей с ученой степенью кандидата или доктора наук в их общей численности сократилась в большинстве областей республики (табл. 1).

Таблица 1. **Численность исследователей по регионам Беларуси в 2015–2023 гг. [3; 4]**

Регион	2015 г.		2023 г.	
	Исследователи	Удельный вес исследователей с ученой степенью кандидата или доктора наук в их общей численности, %	Исследователи	Удельный вес исследователей с ученой степенью кандидата или доктора наук в их общей численности, %
Всего по республике	26 153	13,3	26 738	12,1
г. Минск	18 761	14,8	17 768	14,7
Брестская область	604	4,5	778	6,6
Витебская область	663	9,5	765	8,4
Гомельская область	2077	6,4	2061	6,2
Гродненская область	327	13,8	409	7,1
Минская область	3047	12,8	3990	8,3
Могилевская область	674	4,2	967	2,8

Наиболее существенное сокращение указанной доли имело место в Гродненской (с 13,8 до 7,1 %) и Минской (с 12,8 до 8,3 %) областях. Снижение удельного веса высококвалифицированных работников в общей численности исследователей в регионе отмечается также в Могилевской (с 4,2 до 2,8 %), Витебской (с 9,5 до 8,4 %) и Гомельской (с 6,4 до 6,2 %) областях. В г. Минске рассматриваемый показатель в 2023 г. остался практически на уровне 2015 г. (14,8 и 14,7 % соответственно). И только в Брестской области отмечается рост удель-

ного веса исследователей с ученой степенью – с 4,5 до 6,6 %. Однако этот рост не смог компенсировать убыль исследователей с ученой степенью в остальных регионах. В целом «в областях республики с 2016 года по 2022 год численность исследователей с ученой степенью сократилась на 9,1 %» [5, с. 142].

Следует отметить, что удельный вес исследователей с ученой степенью кандидата или доктора наук в их общей численности во всех областях ниже общереспубликанского показателя, который в 2023 г. составил 12,1 %. Если в 2015 г. в Гродненской области доля исследователей высшей квалификации достигала 13,8 %, что превысило показатель по республике (13,3 %), а в Минской области был достигнут показатель 12,8 %, то в 2023 г. обеспеченность регионов кадрами высшей квалификации снизилась. Наибольшая доля исследователей с ученой степенью и в 2015 г., и в 2023 г. отмечалась в г. Минске – 14,8 и 14,7 % соответственно.

В сложившейся ситуации восполнение региональной науки кадрами высшей квалификации является важнейшей задачей республиканской системы научно-ориентированного образования, особенно ее региональной составляющей.

Как представлено в табл. 2, численность обучающихся в аспирантуре граждан Республики Беларусь в 2023 г. уменьшилась по сравнению с 2015 г. на 22,3 % (1037 чел.). При этом произошло сокращение их численности во всех регионах республики за исключением Минской области, в которой численность аспирантов выросла на 17,7 % (17 чел.).

Таблица 2. **Динамика численности аспирантов в республиканской и академической аспирантурах в 2015–2023 гг. [3; 4; 6; 7]**

Регион	Республиканская аспирантура		Изменение численности за 2015–2023 гг.		Академическая аспирантура		Изменение численности за 2015–2023 гг.	
	2015 г.	2023 г.	чел.	%	2015 г.	2023 г.	чел.	%
Всего по республике	4657	3620	–1037	–22,3	527	455	–72	–13,7
г. Минск	3507	2652	–855	–24,4	439	343	–96	–21,9
Всего по областям, из них:	1150	968	–182	–15,8	88	112	+24	+27,3
Минская область	96	113	+17	+17,7	66	78	+12	+18,2
Гомельская область	256	226	–30	–11,7	8	20	+12	В 2,5 раза
Витебская область	252	225	–27	–10,7	8	8	–	–
Гродненская область	246	86	–160	–65,0	4	4	–	–
Могилевская область	198	144	–54	–27,3	2	2	–	–
Брестская область	102	74	–28	–27,5	–	–	–	–

В то же время анализ данных ведомственной статистики показал, что деятельность аспирантуры НАН Беларуси в регионах является более продуктивной, что выражается в росте численности аспирантов, обучающихся в учреждениях Академии наук, расположенных в областях республики, за период 2015–2023 гг. на 27,3 % (см. табл. 2).

Анализ распределения численности аспирантов НАН Беларуси по регионам страны показал, что всего в региональных учреждениях Академии наук

в 2023 г. обучалось 112 аспирантов, что составило 24,6 % от их общей численности (табл. 3). Это значительно превышает численность обучающихся в 2015 г. (88 чел., или 16,7 %).

Таблица 3. **Динамика численности аспирантов НАН Беларуси в академических учреждениях, расположенных в областях и г. Минске, в 2015–2023 гг.**

Регион	2015 г.		2023 г.		Изменение численности в 2023 г. по сравнению с 2015 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
г. Минск	439	83,3	343	75,4	–96	–21,9
Всего по областям, из них:	88	16,7	112	24,6	+24	+27,3
Минская область	66	12,5	78	17,1	+12	+18,2
Гомельская область	8	1,5	20	4,4	+12	В 2,5 раза
Витебская область	8	1,5	8	1,8	–	–
Гродненская область	4	0,7	4	0,9	–	–
Могилевская область	2	0,5	2	0,4	–	–
Брестская область	–	–	–	–	–	–

В 2023 г. аспиранты обучались в 12 учреждениях НАН Беларуси, расположенных в регионах республики, что составило 24 % от общей численности академических организаций, в которых реализовывались образовательные программы аспирантуры.

За период 2015–2023 гг. превалирующая часть аспирантов прошла обучение в организациях, расположенных в Минской области, где находятся 5 научных организаций, реализующих образовательные программы аспирантуры. Все они относятся к Отделению аграрных наук. В целом в Минской области обучалось 12,5 % аспирантов от общей численности аспирантов НАН Беларуси в 2015 г. и 17,1 % – в 2023 г.

В 2023 г. в Гомельской области подготовка аспирантов велась в трех учреждениях Академии наук, в Витебской области – в двух, в Гродненской и Могилевской областях – по одной. На долю перечисленных областей приходилось только 7,5 % аспирантов от общей численности аспирантов НАН Беларуси в 2023 г., в 2015 г. – только 4,2 %.

Анализ динамики численности аспирантов в регионах в 2015–2023 гг. показал, что их численность возросла в учреждениях Академии наук, расположенных в двух областях: Гомельской – в 2,5 раза (12 чел.) и Минской – на 18,2 % (12 чел.) (см. табл. 3). В остальных областях численность аспирантов в 2023 г. сохранилась на уровне 2015 г.

Анализ данных ведомственной статистики позволил проследить динамику численности аспирантов по областям в разрезе отделений наук НАН Беларуси за период 2015–2023 гг. (табл. 4). Подготовка аспирантов в регионах ведется в организациях Отделения аграрных наук, Отделения физико-технических наук, Отделения биологических наук, Отделения медицинских наук.

Таблица 4. **Динамика численности аспирантов НАН Беларуси в областях и г. Минске по отделениям наук в 2015–2023 гг.**

Отделения наук НАН Беларуси	Регион	2015 г.		2023 г.		Изменение численности в 2023 г. по сравнению с 2015 г.	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Отделение аграрных наук	Минская область	66	94,3	78	96,3	+12	+18,2
	Витебская область	4	5,7	3	3,7	–1	–25
	Итого по областям	70	46,4	81	63,3	+11	+15,7
	г. Минск	81	53,6	47	26,7	–34	–42
Итого по отделению		151	100	128	100	–23	–15,2
Отделение физико-технических наук	Витебская область	4	36,4	5	29,4	+1	+25
	Гомельская область	3	27,3	10	58,8	+7	В 3,3 раза
	Могилевская область	2	18,2	2	11,8	–	–
	Гродненская область	2	18,2	–	–	–2	–100
	Итого по областям	11	11,3	17	22,7	+6	+54,5
	г. Минск	86	88,7	58	77,3	–28	–32,6
Итого по отделению		97	100	75	100	–22	–22,7
Отделение биологических наук	Гомельская область	3	8,3	8	11,4	+5	В 2,7 раза
	г. Минск	55	91,7	62	88,6	+7	+12,7
Итого по отделению		60	100	70	100	+10	+16,7
Отделение медицинских наук	Гродненская область	2	50	4	66,7	+2	+100
	Гомельская область	2	50	2	33,3	–	–
	Итого по областям	4	28,6	6	26,1	+2	+50
	г. Минск	10	71,4	17	73,9	+7	+70
Итого по отделению		14	100	23	100	+9	+64,3
Отделение химии и наук о Земле	г. Минск	40	100	34	100	–6	–15
Отделение физики, математики и информатики	г. Минск	36	100	34	100	–2	–5,6
Отделение гуманитарных наук и искусств	г. Минск	129	100	91	100	–38	–29,5
Итого по отделениям	*Области*	88	16,7	112	24,6	+24	+27,3
	г. Минск	439	83,3	343	75,4	–96	–21,9

Преобладающая доля аспирантов в регионах обучается в организациях Отделения аграрных наук, расположенных в Минской (5 организаций) и Витебской (1 организация) областях. В 2023 г. их численность составила 81 чел., или 72,3 %, от общей численности аспирантов, обучающихся в региональных организациях НАН Беларуси. Также следует отметить, что численность аспирантов в региональных организациях данного отделения по сравнению с 2015 г. увеличилась на 15,7 % (11 чел.), причем это произошло за счет обучающихся в Минской области (+12 чел., или 18,2 %). В Витебской области численность аспирантов сократилась на четверть (1 чел.).

Региональные организации Отделения физико-технических наук, которые вели подготовку аспирантов в 2023 г., расположены в Витебской, Гомельской

и Могилевской областях (по одной организации). В 2023 г. доля аспирантов данного отделения в общей численности аспирантов, обучающихся в региональных организациях НАН Беларуси, составила 15,2 % (17 чел.), в 2015 г. – 12,5 % (11 чел.). Рост численности аспирантов Отделения физико-технических наук наблюдался в организациях, находящихся в Гомельской и Витебской областях. В Могилевской области в 2023 г. численность аспирантов данного отделения осталась на уровне 2015 г.

Доля аспирантов Отделения биологических наук, осваивающих образовательную программу аспирантуры в Гомельской области, увеличилась в 2023 г. в 2,7 раза, или на 5 чел., по сравнению с 2015 г.

В Отделении медицинских наук численность аспирантов в 2023 г. выросла в 1,5 раза по сравнению с 2015 г. – с 4 до 6 чел. Их доля в общей численности аспирантов, обучавшихся в региональных организациях НАН Беларуси, составила 5,4 % в 2023 г. При этом численность аспирантов увеличилась только в Гродненской области.

В целом рост численности аспирантов в региональных организациях НАН Беларуси в 2023 г. имел место во всех отделениях наук, которые вели подготовку аспирантов в регионах: в Отделении аграрных наук, Отделении биологических наук, Отделении медицинских наук и Отделении физико-технических наук.

Увеличение численности аспирантов за период 2015–2023 гг. в г. Минске наблюдалось в двух отделениях наук. Так, в Отделении медицинских наук численность аспирантов в 2023 г. возросла на 70 % (7 чел.) по сравнению с 2015 г., в Отделении биологических наук – на 12,7 % (7 чел.). Сокращение численности аспирантов, обучавшихся в г. Минске, в 2023 г. имело место в Отделении аграрных наук (на 42 %, или 34 чел.), Отделении физико-технических наук (на 32,6 %, или 28 чел.), Отделении химии и наук о Земле (на 15 %, или 6 чел.), Отделении гуманитарных наук и искусств (на 29,5 %, или 38 чел.), Отделении физики, математики и информатики (на 5,6 %, или 2 чел.).

В целом среди основных тенденций в деятельности академической аспирантуры в регионах с 2015 по 2023 г. можно отметить тенденцию к увеличению численности обучающихся. Анализ динамики численности аспирантов в регионах за этот период показал, что численность аспирантов выросла за счет обучающихся в научных организациях НАН Беларуси, расположенных в Гомельской и Минской областях, в то время как в остальных областях численность аспирантов в 2023 г. сохранилась на уровне 2015 г. В 2023 г. по-прежнему наибольшая концентрация обучающихся была сосредоточена в столице республики – 75,4 % аспирантов, хотя этот показатель значительно ниже по сравнению с данными 2015 г. (83,3 %).

Позитивная динамика численности аспирантов в региональных учреждениях НАН Беларуси за рассматриваемый период сопровождалась ростом эффективности деятельности аспирантуры по такому показателю, как выпуск из аспирантуры с защитой диссертации в срок обучения, который в 2022 г. был

9,1 %, или 2 чел. (в Гомельской и Минской областях) из 22 чел. выпуска в регионах. В 2023 г. выпуск в регионах составил 17 чел., из которых 1 чел. окончил аспирантуру с защитой диссертации и 1 чел. – с предварительной экспертизой диссертации в Гомельской области. Это лучшие показатели, которые были достигнуты за период 2015–2023 гг.

Повышение показателей эффективности деятельности региональной аспирантуры, в частности рост количества выпускников, защитившихся в срок обучения, остается одним из важнейших направлений кадровой политики НАН Беларуси. Актуальными являются задачи по повышению качества подготовки аспирантов, стимулированию их мотивации к работе над диссертацией. Дальнейшее развитие региональной аспирантуры, как республиканской, так и академической, будет способствовать развитию кадрового потенциала в сфере науки регионов и страны в целом.

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 1 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292 (дата обращения: 21.12.2024).

2. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы / под ред. С. В. Шлычкова. – Мн. : БелИСА, 2022. – 190 с.

3. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года : аналит. докл. / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Мн. : БелИСА, 2017. – 222 с.

4. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2023 года : аналит. докл. / под ред. С. В. Шлычкова, В. Г. Гусакова. – Мн. : БелИСА, 2024. – 350 с.

5. *Шарый, И. Н.* Региональная научно-техническая политика и динамика кадрового потенциала науки в регионах Республики Беларусь / И. Н. Шарый // Социологический альманах. – Мн., 2024. – Вып. 15. – С. 137–145.

6. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2015 году / Нац. акад. наук Беларуси. – Мн. : Бел. навука, 2016. – 427 с.

7. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2023 году / Нац. акад. наук Беларуси. – Мн. : Бел. навука, 2024. – 528 с.

Поступила 31.12.2024 г.

УДК 001.89

А. Н. ДАНИЛОВ,
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: a.danilov@tut.by

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье рассмотрены актуальные проблемы недостаточного использования интеллектуального потенциала социологической науки, приведены мнения известных ученых, сформулированы неусвоенные уроки из истории социологии. Акцентировано внимание на взаимодействии научной интеллигенции и власти, заинтересованности власти в полномасштабном использовании потенциала интеллигенции на реализацию стратегии устойчивого развития и поиска ответа на новые вызовы и риски.

Ключевые слова: социология, научная интеллигенция, власть, интеллектуальный потенциал, история социологии, уроки истории, новые вызовы и риски.

A. N. DANILOV,
Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: a.danilov@tut.by

POTENTIAL OF SOCIOLOGICAL SCIENCE AND SOCIOLOGICAL EDUCATION

The article examines current issues of insufficient use of the intellectual potential of sociological science, presents the opinions of famous scientists, and formulates unlearned lessons from the history of sociology. The focus is on the interaction between the scientific intelligentsia and the authorities, the interest of the authorities in the full use of the potential of the intelligentsia to implement the strategy of sustainable development and the search for answers to new challenges and risks.

Keywords: sociology, scientific intelligentsia, power, intellectual potential, history of sociology, lessons of history, new challenges and risks.

Современность меняет наши представления об интеллигенции, проблемах, которые предстоит решить, чтобы выйти из состояния духовного кризиса, ценностной неопределенности и исторического бездорожья. Особая роль в поиске ответа на новые вызовы времени и угрозы принадлежит научной интеллигенции. Она может увидеть будущее цивилизации. Сегодняшней эпохе как никогда требуются новые мировоззренческие идеи. Неудивительно, что теперь научная интеллигенция становится востребованной практически. При-

дется много сделать и приложить немало усилий, чтобы изменить наше отношение к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. К сожалению, констатирует П. А. Водопьянов, «сложившийся потребительский вектор развития, ориентированный всецело на получение прибыли как главной цели экономического развития, привел в современных условиях к разрушению природных территорий, к утрате их качественных параметров, представляющих непосредственную угрозу здоровью и жизнедеятельности людей» [1, с. 269].

Образец нового мира сегодня только зарождается, его ценности проходят строгую экспертизу на жизнедеятельность и в качестве точек роста новой цивилизации закрепляются в повседневности. «Мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур» [2, с. 9].

Точки роста новой цивилизации, ее система ценностей может отражать вовсе не западный вектор, а возникнуть в тех культурах, которые сохранили традиционную почву. А. В. Смирнов отмечает, что «…претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <…> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <…> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур» [3, с. 204].

В действительности «…каждая страна, каждое общество включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем» [4, с. 543]. И здесь очень важно обозначить сценарии, которые ведут к катастрофическим последствиям, чтобы в эти ловушки не попадать или, по крайней мере, их видеть. Поэтому и задача состоит не в том, чтобы мы сейчас взяли и сказали: «будет так, действуйте так», а в том, чтобы увидеть эти опасные сценарии и просмотреть, какова вероятность их возникновения. А также в том, чтобы не было «режима с обострением», потому что дороги назад уже просто нет. Выход из этой ситуации В. А. Лекторский видит в сохранении национальных культур. В частности, он пишет, что «противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [5, с. 619–621].

Великий белорусский поэт Максим Богданович очень точно дал определение интеллигенции, когда писал: «На наш взгляд, всякий интеллигент необходимо должен удовлетворять следующим двум требованиям: во-первых, он должен иметь стремление к знанию; во-вторых, он должен стремиться нести свои знания на пользу народу. Вот черты, определяющие собой суть духовного облика интеллигенции; вот ценз, которым должен обладать каждый, имеющий претензию на принадлежность к ней» [6, с. 202–203]. В большинстве своем интеллигенция несет в себе весомый созидательный потенциал и готовность реализовать его на благо своей страны. Правда, не всегда существует возможность реализовать этот потенциал в полной мере, и история социологии тому поучительный пример.

М. К. Горшков в своей юбилейной книге «Есть такая профессия – общество изучать» отмечал: «История возникновения, развития и конституирования отечественной социологии – далеко не линейный процесс, наполненный многими противоречиями, конфликтами и даже острой идейно-мировоззренческой и политической борьбой. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала подобные “хождения по мукам”, завоевывая устойчивый авторитет и самостоятельное место в системе социальных и гуманитарных наук» [7, с. 12]. «Начало резко негативному отношению к социологии положил отнюдь не сталинский режим, о чем еще нередко говорят в студенческих аудиториях, а царские власти, в особенности в конце XIX – начале XX столетий» [7, с. 19].

В качестве свидетельства тому можно привести суждения М. М. Ковалевского, который с возмущением писал: «…социология, обнимающая все области социального знания, синтезирующая их основные выводы, раскрывающая перед нами причины прогресса и упадка отдельных наций, указывающая на условия примирения порядка с поступательным ходом истории, продолжает оставаться изгнанной из высших школ и пользуется незавидной репутацией у официальных педагогов» [7, с. 19]. Долгое время социология воспринималась как аналогия революции, бунта, перемен, отождествлялась с социалистами, в Россию был запрещен ввоз социологической литературы [8, с. 2], а Русскую высшую школу общественных наук пришлось открывать в Париже (1901 г.). П. А. Сорокин в 1912 г. вынужден был констатировать: «В настоящее время социология является опальной наукой только в России. Только у нас ее могут путать с социализмом, видеть в ней источник революций и бунтов… Только в одной России университеты блещут отсутствием кафедры социологии» [9].

В первые годы после Октябрьской революции «…судьба социологии складывалась в стране относительно благополучно: несмотря на сложности исторического момента, наблюдался теоретический “рост”, активно шел процесс институционализации социологической дисциплины в новых общественных условиях». В октябре 1918 г., на волне революционных преобразований, был учрежден Социобиблиографический институт, занимавшийся не только биб-

лиографизацией новых явлений в области социальных наук, но и популяризацией социологических знаний и трансформировавшийся со временем в Социологический институт, который активно взаимодействовал с Русским социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, возобновившем свою деятельность в 1919 г. [7, с. 22]. В то же время стало известно, что «возглавлявший Институт в 1920 г. К. М. Тахтарев обратился в Народный комиссариат просвещения РСФСР с проектом по созданию Российского социологического института, который должен был развернуть работу по подготовке профессиональных исследователей-эмпириков, специалистов-теоретиков по разным отраслям социологии, преподавателей высшей школы, а также по распространению социологических знаний в народных массах. Однако данное предложение не встретило поддержки, а в 1921 г. был закрыт и сам Социологический институт…» [7, с. 22]. Вскоре В. И. Ленин обрушился на П. А. Сорокина – за данные о падении нравов, о раздолье любителям «клубнички» после революции. И Сорокин в 1922 г. прямо говорит о том, что социология впала в «немилость». «Но эта немилость малоопасна. Социальная жизнь повелительно стимулирует интерес к социологии, а, стало быть, изучение ее будет в том или ином виде идти» [10, с. 418]. Тем не менее с конца 1930-х гг. «социология “выпала” из системы советского обществоведения на несколько десятилетий. <…> …как наука, не разделявшая положения догматиков марксизма-ленинизма, она была исключена из учебных программ и фактически “перенесена” в исследовательские институты, многие из которых были закрыты, даже не успев развернуть научную деятельность» [7, с. 23].

Возрождение социологии было неизбежно, так как в мире она уже заняла свое достойное место среди классических социальных дисциплин. А. С. Капто в своей очень честной и аргументированной книге «Социологический резонанс: о том, как на самом деле это было и как не было» пишет, что «отношения власти и социологии в период ее возрождения – одна из актуальных историко-познавательных и острейших общественно-политических проблем… <…> …насколько продуктивным является тотальный крен под знаком отречения от прошлого? Не попадаем ли мы в результате безоглядного беспамятства в объятия самообмана?» [11, с. 6]. Фактически возрождение социологии в СССР начиналось как «политическая витрина» [12] и пришлось на начало хрущевской «оттепели», а ее «официально провозглашенная функция сводилась к информационному обеспечению проводимых в стране в ту пору реформ. При этом основной акцент был сделан на прикладные задачи социологической науки и обоснование значимости эмпирических методов познания социума» [7, с. 24]. К тому же, по свидетельству М. Н. Руткевича, «власть не хотела знать правды о настроениях народа и, прежде всего, правды о себе» [13, с. 5].

Профессор Г. П. Давидюк – активный участник возрождения социологии в Беларуси – писал: «Яростно сопротивлялась социологии советская политическая система. КПСС боялась социологических исследований, понимая,

что будут вскрыты и показаны нищета, эксплуатация, абсолютное бесправие в коммунистическом раю. <…> Весной 1966 г. в Минске в Академии наук шла Всесоюзная конференция по проблемам социальной структуры советского общества. Московское руководство решило провести ее в Беларуси, где были известны исследования сектора исторического материализма Института философии АНБ в этой области. Результаты – мы опубликовали в книгах "Социальные изменения рабочего класса БССР в процессе коммунистического строительства" (1964) и "Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии" (1966). В докладе на пленарном заседании (председательствовал директор Института философии АН СССР Д. И. Чесноков), я акцентировал, что мы изучали живой социальный организм общества, а не статистку и газетные данные, рассказывал о социологических методах, приемах обработки информации. Чесноков резко оборвал меня и начал поучать: "Социология – буржуазная наука. Вы пользовались буржуазными методами исследования советского общества. Вы забыли, что методологией такой работы является исторический материализм". <…> Успехи социологов республики насторожили партийный аппарат… <…> Работа эта не всегда вызывала удовлетворенность заказчика. В 1971–72 гг. социологи Института философии и права АН БССР завершили исследование на заводе им. Дзержинского. Администрация завода заявила протест, расторгла договор. Кое-кто и в институте считал выводы социологов неправильными. Вопросом занялось партбюро института. Я, руководитель исследований, доложил о мерах обеспечения достоверности данных, представил результаты исследования. А они были неприятными для администрации: около 70 % рабочих в анкетах выразили недовольство условиями труда. Член партбюро, отвечавший за научно-исследовательскую работу, С. П. Моргунский заявил: "Не может быть, чтобы такое большое число опрошенных советских рабочих были недовольны советскими условиями труда. Выводы социологов субъективны и дискредитируют советскую власть". В составе партбюро были социологи и прогрессивно настроенные философы; обошлось без оргвыводов. Но кое-кто подзуживал: социологи чернят нашу действительность.

…В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук. От Белоруссии в делегацию входил я. На инструктаже в Министерстве высшего образования СССР замминистра, руководитель делегации Н. И. Мохов попросил ее членов доложить, кто в какой секции и о чем будет говорить. Я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как в БГУ готовят социологов, проводят исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Мохов не замедлил опросить: "Кто разрешил вести подготовку социологов в университете?" Я ответил, что учебный план подготовки утвердил первый заместитель Министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов, состоялось два выпуска специалистов, у них диплом по профессии "прикладной социолог". Мохов обещал "разобраться". Нагрянула министерская проверка,

признала неправильной запись в дипломе и предписала впредь делать запись “преподаватель общественных наук”. Так мы и делали до 1988 г., пока социологию не признали самостоятельной наукой» [14].

Ж. Т. Тощенко в своем интервью «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина», которое он дал Б. З. Докторову в 2007 г., на вопрос: «Сейчас часто говорят о притеснениях, которые социологи испытывали со стороны партийных органов: ограничения в тематике исследований, несправедливая критика. Сталкивались ли Вы с такими проблемами?» ответил: «В истории нашей социологии были позорные страницы: расправа над Ю. А. Левадой, различные санкции против В. А. Ядова, запреты проводить те или иные исследования, распространять анкеты в Москве, Минске, Киеве и других городах. Немало было выговоров, замечаний практически у каждого из нас. Но в то же время я не согласен с заявлениями о “репрессиях против социологов”, особенно часто звучавшими в начале 1990-х гг.» [12].

Г. С. Батыгин утверждал, что, «вероятно, ни одна социология в мире не обладала и не обладает таким влиянием на жизнь общества, каким обладала советская социология. <…> Советская же социология была социологией par excellence – она создавала картины мира и транслировала их на многомиллионную аудиторию, используя для этого массовую печать, радио, телевидение, систему партийно-политической учебы, и – самое главное – разрабатывала проект практического переустройства общества. Вряд ли будет преувеличением сказать, что советская социология осуществляла власть над умами и – в той степени, в какой обществоведы участвовали в легитимации социальных порядков, – власть над властью. Идея светлого будущего открывала перед общественной мыслью мир неограниченных возможностей. Смысл социологической работы заключался, собственно говоря, в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего» [15, с. 11]. И все же сакраментальные слова Ю. В. Андропова о том, что мы плохо знаем общество, в котором живем, лишь подтверждают наши размышления о ненадлежащем использовании интеллектуального потенциала социологической науки.

А теперь об уроках использования потенциала социологии.

Во-первых, практика трех последних десятилетий подтвердила, что социология – одна из тех наук, без которых современное общество не может развиваться успешно. Сегодня социология прочно вошла в нашу повседневную жизнь и ей по праву принадлежит ведущая роль в изучении социума. Она системно изучает общество, выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и поэтому они становятся реальным инструментом управленческой деятельности.

Во-вторых, угрозы и вызовы, с которыми столкнулся современный мир, ведут к необходимости существенного обновления теоретико-методологической базы социологии как науки о жизнеспособности социума, направленной на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов

упреждающего восстановления системного равновесия, выполняющей высокую общественную миссию по выработке и реализации стратегии безопасного будущего.

В-третьих, учитывая все возрастающую скорость социальных перемен, можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. Техногенная цивилизация вместе с большими достижениями и прорывами во всех сферах жизнедеятельности человечества принесла глобальный экологический и антропологический кризисы, породила множество проблем, природа которых остается до конца непроясненной.

В-четвертых, неустойчивость мировой экономической системы, непрекращающиеся конфликты и военные столкновения, борьба за ресурсы, духовное оскудение стали своего рода индикаторами неизбежности перемен. Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, ведут к необходимости существенного обновления, в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. В полной мере это касается социологической науки и образования.

В-пятых, недооценка стратегической роли социологии в системообразующем обновлении социума, ее стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит – одна из причин торможения развития современного общества. И здесь именно образование должно взять на себя функции гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума. Именно образование должно стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

И в заключение следует отметить, что, когда зарождается новая цивилизация, тогда, естественно, и в науке возникает некая теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся происходящими в современном научном знании сменами научной картины мира. Но это не кризис, а естественное стремление сосредоточиться на новом, попытка выйти за пределы привычного. Те социальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, по своим масштабам и содержанию гуманитарными и социальными науками не осмыслены и на вызовы, предъявляемыми человечеству, не найден достойный ответ. Мы не отказываемся от своей истории, традиций, ценностей, но при этом не должны быть некритичными потребителями новых для нас общественных теорий. Иначе неизбежно попадем в ловушку «культурного запаздывания», когда материальный компонент культуры опережает духовный, что чревато дегуманизацией человека.

Нам предстоит большая работа по изменению миссии социологического образования как центра формирования ценностной матрицы будущего. В центр нового дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации, с возможными сце-

нариями будущего человечества. Именно в ее недрах интеллигенцией собственно и формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам и рискам, ориентироваться в современных жизненных условиях.

Список использованных источников

1. *Водопьянов, П. А.* На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего / П. А. Водопьянов. – Мн. : Бел. навука, 2023. – 468 с.

2. *Данилов, А. Н.* Новые геополитические реалии будущей цивилизации / А. Н. Данилов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 4. – С. 4–12.

3. *Смирнов, А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А. В. Смирнов. – М. : Садра : Изд. дом ЯСК, 2019. – 216 с.

4. Социология Ядова: методологический разговор. Избранные труды В. А. Ядова / ред.-сост., авт. предисл.: Е. Н. Данилова [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2019. – 944 с.

5. *Лекторский, В. А.* Человек и культура / В. А. Лекторский. – СПб. : СПбГУП, 2018. – 639 с.

6. *Богданович, М.* Новая интеллигенция / М. Богданович // Збор твораў : у 2 т. – Мн., 1968. – Т. 2. – С. 202–203.

7. *Горшков, М. К.* «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения / М. К. Горшков. – М. : Весь Мир, 2020. – 464 с.

8. *Ковалевский, М. М.* Социология на Западе и в России / М. М. Ковалевский // Новые идеи в социологии / под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. Де Роберти. – СПб. : Образование, 1913. – С. 1–10.

9. *Сорокин, П. А.* К основанию социологической секции исторического общества при Санкт-Петербургском университете / П. А. Сорокин // Запросы жизни. – 1912. – № 48. – С. 21–23.

10. *Сорокин, П. А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М. : Наука, 1994. – 559 с. – (Серия «Социологическое наследие»).

11. *Капто, А. С.* Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было / А. С. Капто. – М. : У Никитских ворот, 2018. – 655 с.

12. *Тощенко, Ж. Т.* Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина : интервью Б. З. Докторову / Ж. Т. Тощенко // Социологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 149–170.

13. *Руткевич, М. Н.* Социология, власть, общественное мнение / М. Н. Руткевич // Социс. – 1993. – № 7. – С. 3–14.

14. *Давидюк, Г. П.* Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Г. П. Давидюк // Социс. – 2008. – № 6. – С. 93–99.

15. *Батыгин, Г. С.* Предисловие / Г. С. Батыгин // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. – СПб. : Рус. христ. гуманитар. ин-т, 1999. – С. 3–16.

Поступила 11.01.2025 г.

УДК 316.346.32-0.53.6:[325.1+331.556.4](574)

А. К. ДЖУСИБАЛИЕВА,
докторант,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: d_aruzhan2011@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

В статье исследуются актуальные вопросы и проблемы, касающиеся регулирования внешней образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана. Рассмотрена роль государства в реализации миграционной политики, молодежной политики, а также в регулировании миграционных процессов среди молодежи. Показаны тенденции миграционных процессов среди молодежи на международном уровне. Представлены рекомендации по решению проблемы миграционного оттока молодежи Казахстана за рубеж.

Ключевые слова: миграция, молодежь, внешняя миграция молодежи, образовательная миграция, трудовая миграция, регулирование молодежной миграции, факторы миграции.

A. K. JUSSIBALIYEVA,
Doctoral Student,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: d_aruzhan2011@mail.ru

CURRENT ISSUES OF FOREIGN TRADE REGULATION EDUCATIONAL AND LABOR MIGRATION OF YOUTH IN KAZAKHSTAN

The article examines current issues and problems related to the regulation of external educational and labor migration of young people in Kazakhstan. The role of the state in the implementation of migration policy, youth policy and regulation of migration processes among young people is considered. The trends of migration processes among young people at the international level are shown. Recommendations on solving the problem of migration outflow of young people from Kazakhstan abroad are presented.

Keywords: migration, youth, external migration of youth, educational migration, labor migration, regulation of youth migration, migration factors.

Введение. В последние годы наблюдается негативная тенденция отрицательного сальдо внешней миграции молодежи Казахстана, которая мультипликативно и негативно влияет на социально-экономическое и демографическое развитие страны, национальный и локальные рынки трудовых ресурсов, снижает качество трудового потенциала. Внешняя молодежная миграция,

отток человеческого капитала за рубеж повышает риски для национального рынка труда как в долгосрочном, так и среднесрочном периодах.

Результаты проведенного нами социологического исследования показали, что привлекательность Республики Казахстан как страны для получения образования, жизни и трудоустройства с точки зрения молодежи неоднозначна. В области регулирования миграционных процессов в Казахстане вопросы регулирования внешней миграции молодого поколения, ежегодно растущей образовательной и трудовой миграции молодых людей за рубеж, а также невозвратной миграции являются одними из острых и актуальных проблем.

Ключевые аспекты регулирования внешней миграции молодежи. Сегодня молодые казахстанцы выезжают практически во все регионы и страны мира. У миграции молодежи есть как позитивные, так и негативные аспекты. К позитивным можно отнести повышение уровня квалификации и знаний молодых людей, изучение новых возможностей для самореализации. К негативным – переход образовательной и трудовой миграции молодежи в постоянную или невозвратную миграцию.

В настоящее время поток молодых мигрантов из Казахстана с целью получения образования или трудоустройства за рубежом только возрастает. Основные характеристики этих миграционных процессов определяются глобализацией и широким доступом к информации, которые дают молодым людям больше сведений и данных о возможностях эмиграции за рубеж.

«Растущее число казахстанской молодежи, стремящейся за границу ради образования или карьеры, является естественным следствием глобализации и несет позитивный потенциал для развития страны», – считает президент Касым-Жомарт Токаев. В интервью газете «Ана тілі» президент подчеркнул, что Казахстан поддерживает образовательную и профессиональную мобильность молодежи. Государственные (в частности, международная стипендия «Болашак») и обменные программы помогают гражданам получать качественное образование и расширять горизонты знаний. «В ведущих мировых университетах наша молодежь может получить добротные знания и опыт, расширить свой кругозор», – сказал Касым-Жомарт Токаев. Президент также подчеркнул, что казахстанцы, находясь за рубежом, могут служить послами своей страны, популяризируя казахскую культуру и укрепляя ее международный имидж, однако выезд молодежи за границу не должен быть «билетом в один конец», а возвращение квалифицированных специалистов в Казахстан важно для развития экономики и общества [1].

Вследствие зарубежной миграции казахстанской молодежи, в основном образованной, талантливой, трудолюбивой, целеустремленной, амбициозной, страна в будущем может испытать дефицит молодых высококвалифицированных кадров в разных сферах деятельности, ученых, интеллигентных и активных граждан.

Таким образом, внешняя молодежная миграция представляет собой отдельное и очень актуальное направление исследований, так как основной

причиной выезда молодых людей является получение образования или трудоустройство за пределами Казахстана. Однако образование, предлагаемое иностранными университетами в виде интересных образовательных программ, доступного или бесплатного высшего образования с предоставлением привлекательных условий для учебы, адаптации и проживания иностранных студентов – все это остается доминирующим фактором образовательной миграции казахстанской молодежи [2].

Государственная политика в области миграции населения в соответствии с Концепцией миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы была основана на следующих основных принципах: признание и гарантирование прав и свобод мигрантов в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, законами и международными договорами; защита национальных интересов и обеспечение национальной безопасности; сочетание интересов личности, общества и государства; прозрачность регулирования миграционных процессов на основе обновления и многократности используемой информации; дифференцированный подход государства к регулированию различных видов иммиграции [3].

Роль государства состоит в регулировании и умении стимулировать возвратную миграцию (в особенности молодежи), заинтересовывать и мотивировать остаться в стране квалифицированных, активных, образованных и предприимчивых молодых граждан, а также в предвидении и предотвращении усиления напряженности на рынках труда и в обществе с помощью принятия и реализации своевременных интеграционных, социально-экономических, стимулирующих и прочих мер регулирования миграции.

Динамика и тенденции миграции молодых людей, а также причины, драйверы и факторы, влияющие на ее миграционные установки, зависят во многом от того, насколько молодежная политика государства результативна и взаимосвязана с регулированием миграционных процессов среди молодежи. Важно отметить, что вопросы, касающиеся влияния доминирующих причин, мотивов и факторов на процессы миграции молодежи Казахстана за рубеж, ежегодный рост ее внешней образовательной и трудовой миграции, тенденции перехода образовательной миграции в трудовую, а также проблемы невозвратной миграции, усиление мер миграционной и молодежной политики по минимизации оттока молодежи не исследованы на достаточном уровне и требуют дальнейшей проработки, анализа и изучения [4].

Миграционная и молодежная политика должны реализовываться в зависимости и взаимосвязи с динамикой молодежной миграции, ее объемами, а также с мотивами, драйверами и факторами, влияющими на молодых людей при принятии миграционных решений. Необходимы регулярный мониторинг результативности молодежной и миграционной политики страны, а также анализ взаимосвязи молодежной политики с инструментами государственного регулирования миграционных процессов и институтами, их осуществляющими [5].

Миграция молодежи как предмет изучения обладает особенностями, а именно: запускающими миграционное поведение механизмами с меньшей индивидуальностью при принятии миграционных решений, которые в основном принимаются с учетом мнения членов семьи. На наш взгляд, миграция молодежи может быть объяснена общепринятыми и устоявшимися теориями миграции, такими как концепция «притяжение-выталкивание» (Pull / Push Factors), неоклассические теории миграции макро- и микроуровня, равновесная модель миграции, новая экономика миграции (New Economics of Labour Migration – NELM), теория мировой системы (Migration System Theory), теория сегментированного рынка труда (Dual Labour Market Theory), сетевая теория миграции, теория совокупной причинной обусловленности (Cumulative Causation Theory).

В рекомендациях по статистике международной миграции ООН «краткосрочный мигрант» определяется как лицо, которое прибывает в страну, не являющуюся страной его / ее обычного проживания, на срок по крайней мере три месяца, но не менее одного года (12 месяцев), за исключением случаев прибытия в эту страну в целях отдыха, проведения отпуска, посещения друзей или родственников, по делам, для лечения или религиозного паломничества. Для целей статистики международной миграции страной обычного проживания краткосрочных мигрантов считается страна назначения в течение того времени, которое они в ней проводят [6, с. 14].

Таким образом, цель пространственного перемещения также должна учитываться при дифференциации миграции от других форм мобильности. Краткосрочная миграция характерна для обучающейся за рубежом молодежи (collegebound), представители которой пересекают границы стран с целью получения образования. Отметим, что внешняя миграция молодежи может происходить при получении образования на различных уровнях – обучения в колледжах, университетах (на бакалавриате, в магистратуре или докторантуре). В данном случае речь идет об образовательной внешней миграции молодежи.

Долгосрочная миграция характерна для молодых людей, работающих более года или длительное время за рубежом, когда они уезжают за границу с целью трудоустройства (в поисках лучших условий труда, более высокой оплаты и пр.). В этом случае мы имеем дело с трудовой миграцией молодежи за рубеж. «Долгосрочный мигрант» определяется как лицо, которое прибывает в страну, не являющуюся страной его / ее обычного проживания, на срок не менее одного года (12 месяцев), в результате чего страна назначения фактически становится новой страной его / ее обычного проживания. С точки зрения страны выбытия такое лицо будет считаться долгосрочным эмигрантом, а с точки зрения страны прибытия – долгосрочным иммигрантом. Под страной обычного проживания определена страна, в которой человек живет, т. е. страна, в которой он / она имеет место для проживания, где он / она обычно проводит ежесуточное время отдыха [6, с. 15].

Общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует. Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций, без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет молодежь как лиц в возрасте от 15 до 24 лет. Следует отметить, что в разных странах и разных документах возрастные ограничения для идентификации молодежи варьируются: например, по классификации ООН к молодежи относятся те, чей возраст составляет от 15 до 24 лет, в Болгарии – 15–29 лет, в Германии – 14–27 лет, в Румынии – 15–34 лет, в Словении – 15–28 лет. Сегодня в мире насчитывается 1,2 миллиарда молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, что составляет 16 % мирового населения. К 2030 г. – установленному сроку достижения целей в области устойчивого развития (ЦУР), которые входят в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, – численность молодых людей, согласно прогнозам, увеличится на 7 % и достигнет почти 1,3 млрд человек.

Выпускаемый каждые 2 года «Всемирный доклад о молодежи» является ключевой публикацией Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. В нем описываются основные проблемы и обстоятельства, с которыми сталкиваются молодые люди во всем мире. Универсальный характер Повестки дня на период до 2030 г. предполагает, что интересы молодежи должны учитываться во всех целях и задачах. В то же время вопросы молодежи конкретно упоминаются в следующих четырех областях: занятость молодежи, девочки-подростки, образование и спорт в интересах мира. Кроме того, было признано, что молодые люди являются движущей силой перемен и им доверена задача раскрыть свой собственный потенциал и построить мир, пригодный для жизни будущих поколений [7].

Главой государства 26 декабря 2022 г. был подписан Закон Республики Казахстан № 168-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной молодежной политики и социального обеспечения». В соответствии с изменением в Законе Республики Казахстан № 285-V ЗРК от 9 февраля 2015 года «О государственной молодежной политике» увеличен возраст молодежи с 29 до 35 лет, поэтому под молодежью подразумевают граждан Республики Казахстан от 14 до 35 лет. Целью государственной молодежной политики является создание условий для полноценного духовного, культурного, образовательного, профессионального и физического развития молодежи, участия в процессе принятия решений, успешной социализации и направления ее потенциала на дальнейшее развитие страны [8].

Сам процесс миграции сопряжен с различными трудностями и опытом и может повлиять на общие результаты для молодых людей. До миграции молодые люди могут быть в восторге от перспективы покинуть дом и открыть для себя новое место проживания за рубежом, но в процессе миграции они также сталкиваются и с трудностями. Такие практические вопросы, как получение необходимых документов, организация поездки и проживания, получе-

ние вида на жительство – могут быть сложными, дорогостоящими и отнимать много времени. Необходима разработка рекомендательных инструментов, которые помогли бы тем молодым людям, кто задумывается о миграции, оценить свою готовность и облегчить на подготовительном этапе принятие решений и планирование. Также нужна подготовка некоторой программы профессиональной ориентации о процессе и особенностях обучения в зарубежных вузах, о необходимости изучения иностранного языка страны пребывания и других мерах по повышению информированности, например о временных трудностях адаптации в новой среде и новых возможностях для молодых людей в зарубежной стране пребывания.

Накопленный отечественный и зарубежный исследовательский опыт в области международной миграции бесспорно ценен. Изучение и объяснение международной миграции прошло большой путь за относительно короткий период времени, главным образом в последней трети XX в. и начале XXI в. В этот период, когда миграционные процессы проявились сложным, многообразным и изменчивым явлением, происходило накопление эмпирического материала, улучшались методы количественных и качественных оценок миграций.

Какова же иерархия факторов, влияющих на миграцию молодежи? Какие преимущества в первую очередь принимаются во внимание человеком при принятии решения о переезде в другую страну? Особое значение имеют экономические факторы, в основе которых лежит стремление мигрантов улучшить условия и уровень жизни. В первую очередь среди них выделяются такие, как наличие рабочих мест, условия занятости, уровень заработной платы и доходов, перспективы решения жилищной проблемы, преимущества в удовлетворении запросов социального характера. Все остальные факторы являются подчиненными экономическим [9].

Молодежь – это наиболее перспективная категория рабочей силы. Еще полностью не сформировавшись как субъект трудовой деятельности, она наиболее восприимчива ко всем изменениям, имеет способность к постоянной смене выполнения трудовых функций, огромные возможности профессионального роста, наиболее продолжительный период предстоящей трудовой деятельности.

В поисках желаемой работы и соответствующего уровня жизни молодые люди переезжают из страны в страну, причем срок пребывания в стране приезда может варьироваться от нескольких дней или месяцев до десятилетий. Масштабы трудовой миграции в мире постоянно растут, и в этот процесс вовлечены практически все государства. Международная трудовая миграция приняла беспрецедентный характер и становится типичным явлением социально-экономической жизни современного мира [10].

Наибольшее влияние на развитие общества оказывает миграция рабочей силы, получившая название трудовой. Международная трудовая миграция регулируется Конвенцией о защите прав всех трудящихся, принятой Гене-

ральной Ассамблеей ООН в резолюции № 45/158 от 18 апреля 1990 г. (далее – Конвенция). Конвенция определяет термин «трудящийся-мигрант» как лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является [11].

Субъектами международной миграции, согласно классификации ООН, являются: студенты-иностранцы; иностранцы, приехавшие с целью профессионального обучения; различные категории трудящихся-мигрантов; мигранты, прибывшие с целью воссоединения или создания семьи; иммигранты (или мигранты-поселенцы); беженцы; лица, ищущие убежища – это лица, которым разрешено пребывание по гуманитарным соображениям [6, с. 26]. Совокупность мигрантов, прибывших в один временной период в страну или регион, называется «миграционная когорта». Информация о миграционных когортах может быть получена из переписей населения и специальных обследований [12].

Ценность любой типологии, связанной с изучением проблем миграции, зависит от целей ее дальнейшего использования или ожидаемого способа анализа. Целям социологического анализа в наибольшей мере отвечает типология, предложенная Международной организацией по миграции ООН (МОМ). Подход МОМ основан на разделении международных мигрантов на две широкие группы: добровольные и принудительные. Добровольные мигранты включают в свой состав людей, которые перемещаются за границу в целях трудоустройства, обучения, воссоединения с семьей или по другим сугубо личным мотивам. Принудительные мигранты оставляют свои страны, чтобы избежать преследований, конфликтов, репрессий, экологических бедствий или других ситуаций, которые подвергают опасности их жизни, свободу или средства к существованию [13].

В современных условиях самой мобильной частью современного общества являются высококвалифицированные кадры, ученые и специалисты, представляющие так называемую интеллектуальную миграцию. Изучение феномена интеллектуальной внешней миграции молодежи Казахстана предполагает прежде всего проведение социологического и экономического углубленного анализа значимых факторов и мотивов интеллектуальной миграции, взаимосвязи интеллектуальной и образовательной миграции молодежи за рубеж.

В международной классификации миграции и мигрантов студенты и стажеры выделяются в самостоятельную категорию, так как эта миграция выполняет вполне определенную социальную функцию, связанную с интернационализацией образования и процесса развития высокопрофессиональных ресурсов, представляющих, по сути, интеллектуальный глобальный капитал общества [14]. Использование различных возрастных критериев серьезно затрудняет понимание и анализ ситуации, связанной с трудовой и образовательной миграцией молодежи. Сложности связаны и с тем, что в официальных документах термины «образовательные мигранты» и «молодые профессионалы-мигранты» не используются.

Эффективная реализация новых концепций, плана действий и комплекса мер молодежной и миграционной политики Казахстана должна сократить растущий отток молодых казахстанцев за рубеж по разным причинам и мотивам, в основном с целью получения образования или трудоустройства. Миграционная молодежная политика должна быть направлена прежде всего на решение проблем невозвратной миграции молодого поколения и политику сдерживания миграционного оттока талантливой молодежи из Казахстана [15].

Нормативно-правовую базу регулирования миграционных процессов в Казахстане составляют Закон «О миграции населения» от 22 июля 2011 года № 477-IV; утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961 Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы (далее – Концепция); План действий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы.

В соответствии с Концепцией миграция как фактор развития «человеческого капитала» должна быть направлена:

– на снижение миграционного оттока и создание условий для привлечения квалифицированных специалистов;

– на принятие мер по сдерживанию роста эмиграции высокообразованной молодежи и квалифицированных кадров;

– на проработку программы привлечения высококвалифицированных специалистов, обладающих дефицитными компетенциями;

– на разработку гибкого и прозрачного механизма въезда и занятия трудовой деятельностью привлекаемых специалистов.

Миграция как фактор интеграции в мировой миграционный процесс обеспечения национальной безопасности должна быть направлена:

– на взаимодействие с международными институтами и странами Европейского союза, СНГ и США для обмена информацией со странами исхода трудовых мигрантов и странами приема казахстанских граждан;

– на принятие совместных мер по снижению уровня нелегальной миграции;

– на создание институциональной системы защиты прав граждан Казахстана, выехавших с целью трудоустройства, и борьбы с нелегальными мигрантами [15; 16].

Несмотря на то что существует большое количество научных публикаций по вопросам миграции населения, необходимо отметить недостаточность глубинных аналитических трудов, рассматривающих методологические и концептуальные аспекты миграции молодежи за рубеж, подходы к регулированию образовательной и трудовой миграции молодежи. Неизученными на должном уровне остаются и проблемы, касающиеся вопросов регулирования эмиграционных процессов среди молодежи Казахстана, вопросы и пути решения проблемы невозвратной миграции казахстанской молодежи. По нашему мнению, большой и актуальной проблемой является тот факт, что образовательная миграция молодежи все больше перерастает в трудовую миграцию.

Все перечисленные проблемы и вопросы требуют особого внимания и изучения не только ввиду их большой актуальности, но и вследствие острой необходимости разработки и реализации действенных механизмов проактивного реагирования и государственного регулирования миграционных процессов. Усиление конкуренции за квалифицированные и высококвалифицированные человеческие ресурсы как среди развитых, так и быстроразвивающихся стран, восприятие образовательной миграции как фактора повышения конкурентоспособности стран и наращивания человеческого капитала являются глобальными трендами в сфере миграционных процессов [17].

Эти тенденции распространяются на все страны Центральной Азии и во многом определяют темпы и характер их развития, а также развития всего региона в целом. В этом контексте современной проблемой для стран Центральной Азии является возрастающая миграция молодежи с целью получения образования или для осуществления трудовой деятельности в других странах [18].

Регулирование трудовой миграции молодежи имеет своей целью преодоление негативных последствий стихийного миграционного передвижения части молодого населения для поддержания устойчивого экономического и демографического развития страны на основе достижения сбалансированности текущих и перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах. В современных условиях регулирование образовательной миграции необходимо определить отдельным направлением миграционной политики, разрабатывать и совершенствовать правовую основу с учетом особенностей данной области.

Заключение. Таким образом, молодежь Казахстана рассматривается как человеческий и демографический потенциал страны и в условиях глобализации становится более мобильной, активнее мигрирует для получения образования за рубежом, включается в международную образовательную и трудовую миграцию. С точки зрения анализа миграционных процессов у молодых людей наблюдаются здоровые амбиции с желанием быть конкурентоспособными, повысить уровень своей жизни и иметь достойные условия жизни и труда. Основные тенденции и противоречия, формирующие современную миграционную реальность, нельзя исключить из процесса глобализации и его миграционной составляющей. Все это требует глубокого научного осмысления.

Конкуренция за лучшую молодежь становится существенным фактором развития для многих стран. Республике Казахстан сегодня в полной мере приходится отвечать на вызовы глобального миграционного режима. Необходимо понять роль Казахстана в современной международной миграции. Отток молодых казахстанцев за рубеж для получения образования или трудоустройства, на наш взгляд, является одной из острейших для страны социальных проблем.

С учетом международной конкуренции в образовании и несовершенства рынка труда в стране остановить эмиграцию молодежи в ближайшее время

представляется сложной задачей. Казахстан должен участвовать в поиске путей эффективного миграционного взаимодействия государств на основе концепции международного сотрудничества.

Список использованных источников

1. «Нужно относиться с пониманием»: Президент Токаев о молодежи, обучающейся и работающей за рубежом // BES.media. – URL: https://bes.media/news/nuzhno-otnositsya-s-ponimaniem-prezident-tokaev-o-molodyozhi-obuchayusheysya-i-rabotayushey-za-rubezhom/ (дата обращения: 08.01.2025).

2. Main factors, reasons and motives of educational and labor migration of youth of Kazakhstan abroad // A. Jussibaliyeva, D. Iskakova, D. Iskakova [et al.] // The III International Science Conference «Interaction of society and science: problems and prospects», October 05–08, 2021, London, England. – London, 2021. – P. 53–60.

3. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 сент. 2017 г. № 602 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602 (дата обращения: 09.01.2025).

4. *Джусибалиева, А. К.* Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж : монография / А. К. Джусибалиева. – Нур-Султан : Печатные решения, 2021. – 104 с.

5. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж / А. К. Джусибалиева, Д. М. Искакова, Б. Б. Дуйсенбаева [и др.] // Экономика, стратегия и практика. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 126–145.

6. Рекомендации по статистике международной миграции (первое пересмотренное издание) / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк : ООН, 1998. – С. 14–26. – URL: http://www.cisstat.com/migration/rec_stat_int_mig.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

7. Преобразование нашего мира : Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сент. 2015 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf (дата обращения: 06.01.2025).

8. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной молодежной политики и социального обеспечения : Закон Респ. Казахстан от 26 дек. 2022 г. № 168-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000168 (дата обращения: 09.01.2025).

9. Миграция населения: теория и политика : учеб.-метод. пособие / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, А. А. Гребенюк [и др.]. – М. : Экон. образование, 2012. – 364 с.

10. Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: основные причины и социально-экономические последствия возвратной миграции. Региональная полевая оценка в Центральной Азии, 2016 / Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии ; Международная организация по миграции (МОМ), Казахстан. – Астана : Форма Плюс, 2016. – 285 с. – URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl2616/files/2018-08/RU-min.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

11. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей : принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 дек. 1990 г. / Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 06.01.2025).

12. *Юдина, Т. Н.* Социология миграции : учеб. пособие для вузов / Т. Н. Юдина. – М. : Акад. проект, 2020. – 272 с.

13. MOM World Migration Report 2000. Copublished by International Organization for Migration (IOM) United Nations / International Organization for Migration. – 2000. – 214 p. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2000_edited_0.pdf (date of access: 09.01.2025).

14. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных / Р. Билсбороу, Г. Хьюго, А. Обераи, Х. Злотник ; Междунар. бюро труда. – М. : Academia, 1999. – 418 с.

15. Economic, social and demographic factors of migration of youth of Kazakhstan abroad // А. К. Джусибалиева [и др.] // Молодежь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Наука и просвещение, 2022. – С. 75–81.

16. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 30 нояб. 2022 г. № 961 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961 (дата обращения: 06.01.2025).

17. План действий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы : Приложение 2 Концепции миграционной политики Респ. Казахстан на 2023–2027 годы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961 (дата обращения: 08.01.2025).

18. Рекомендации по подходам к регулированию миграции молодежи Казахстана за рубеж и реализации миграционной политики / А. К. Джусибалиева [и др.]. – Астана : Печатные решения, 2023. – 37 с.

Поступила 11.02.2025 г.

УДК 316.74:374(476)

О. В. КОБЯК,

доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: aleh.kabiak@mail.ru

И. А. ЯКОВЛЕВА,

руководитель центра,
Минский государственный дворец детей и молодежи, г. Минск,
e-mail: yakovleva17@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье представлен генезис системы дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь: от 1990-х гг., когда было стратегически важно сберечь систему как таковую, до настоящего времени, когда процесс развития дополнительного образования поставлен на научную основу. Показана социальная значимость системы дополнительного образования. Приведены социологические данные, обосновывающие выбор социальной модели дополнительного образования. Внешкольная работа обрела облик образования и осуществляется как в организациях дополнительного образования, так и в пространстве школ. Дополнительное образование введено в одно образовательное правовое поле как равноценный компонент единой системы образования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: образование, дополнительное образование, внешкольное обучение, дети, молодежь, социальная модель, система.

A. V. KABIAK,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: aleh.kabiak@mail.ru

I. A. YAKOVLEVA,

Head of the Center,
Minsk State Palace of Children and Youth, Minsk,
e-mail: yakovleva17@gmail.com

SOCIAL MODEL OF ADDITIONAL EDUCATION FOR CHILDREN AND YOUTH IN THE REPUBLIC OF BELARUS: EXPERIENCE OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The article presents the genesis of the system of additional education for children and youth in the Republic of Belarus: from the 1990s, when it was strategically important to preserve the system as such, to the present time, when the process of development of additional education is put on a scientific basis. The social significance of the system of additional education is shown. Sociological data are presented to justify the choice of a social model of additional education. Extracurricular work has taken on the form of education and is carried out both in additional education organizations

and in schools. Additional education has been introduced into one educational legal field as an equivalent component of a unified education system in the Republic of Belarus.

Keywords: education, additional education, out-of-school education, children, youth, social model, system.

Введение. Наша статья – о явлении общественной жизни, у которого много имен, и люди довольно часто путаются, затрудняются выбрать, не знают, как правильно назвать его в той или иной ситуации. Хотя у многих с ним связана значительная часть жизни. Эта история у кого-то начинается в раннем детстве, продолжается в юности, у кого-то «захватывает» молодость, а у некоторых продолжается всю жизнь. В любом случае, однажды и по обоюдному согласию войдя в жизнь человека, оно остается с человеком навсегда, поскольку становится его частицей. Оно способно радовать нас, но и делать нам вызовы! Помогает нам раскрыть свои способности и дает нам чудесный шанс – обрести себя в этом мире. Да, это не то, что «падает с неба», и не то, что дается «просто так». Но в любом случае и вне всякого сомнения оно делает нас лучше, интереснее, культурнее, человечнее… Да, речь пойдет о дополнительном образовании.

Р. Кларийс, президент Европейской ассоциации учреждений свободного времени детей и молодежи, в своей книге «Неограниченные таланты и внешкольное образование» отмечает, что «в разных странах Европы для описания практически однородных явлений используются различные термины. Иногда это называется программами свободного времени, порой это послешкольное образование, дополнительное образование, дополнительно школьное образование, неформальное обучение, образование, не предполагающее получения диплома, школы по интересам, неформальное образование, внеклассное образование, образование вне учебного плана, внешкольное образование и даже нешкольное образование… приведенные названия далеко не исчерпывают список» [1, с. 13]. Так какое же оно на самом деле, это образование?

Самый емкий и, наверное, наиболее правильный, по нашему мнению, ответ на этот вопрос дал протоиерей Федор Повный: «Дополнительное образование – это образование для души: ребенок им занимается из внутренней потребности. Дополнительное образование обладает колоссальными воспитательными возможностями – при условии, что педагог высоконравственный и духовный человек; при условии, что дополнительное образование не будет наполнено пустым, бессмысленным содержанием. По моему мнению, дополнительное образование – это камерное человеческое общение, сотворчество взрослого и ребенка, и оно должно остаться таковым, потому что в нем созревает душа» [2, с. 7–8].

Сущность и генезис системы дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь. Человека человеком делает духовная составляющая. Ее суть – в культурном коде, который делает человека социальным существом, принадлежащим к социально-культурной среде. Это мировоззренческий стержень и одновременно «движок», который себя посто-

янно самоактуализирует. Откуда он берется? Разумеется, не на пустом месте, а в процессе социализации. И этим процессом можно управлять. Чтобы управлять социализацией эффективно, необходимо использовать социальные механизмы, которые, с одной стороны, работают на реализацию стратегических целей в русле общественных интересов, а с другой – они должны быть релевантными человеческой природе: быть мобильными, со степенями свободы, в рамках которых человек мог бы себя попробовать, не боясь ошибиться. Дополнительное образование – это замечательное пространство, где человек может попробовать себя и, по сути, создавая культуру, становиться ее проводником и носителем. И на эти процессы можно позитивно влиять. Но чтобы влиять, нужно эти процессы знать и исследовать. Проводя социологические исследования, мы можем находить основания и разрабатывать проекты таких социальных механизмов, где присутствует гармония в пониманиях и смыслах, где происходит присвоение человеческих ценностей ненавязчивым, естественным путем.

Обзор опыта становления системы дополнительного образования начнем с советского периода. Модель внешкольного образования и воспитания советского государства была уникальна своей инфраструктурностью, достижимостью для каждого школьника, территориальной масштабностью и многообразием активных форм коллективной творческой деятельности, а также воспитательной и идеологической работы. Очень многие знаменитые люди, которыми гордилась великая держава, свои первые творческие шаги делали в кружках дворцов пионеров. И неизменно вспоминали об этом времени с благодарностью! Целостность и единство советской системы внешкольной занятости детей, однако, не означало ее полной унификации. Каждая из советских республик имела свои национально-культурные особенности в ее организации. И, как нам кажется, это послужило основой для сохранения устойчивости нашей системы в период жесткой турбулентности после распада СССР. Молодые государства содружества уже обладали начальными потенциалами для дальнейшего построения собственных социальных моделей дополнительного, внешкольного образования. Хотя каждое из них «распорядилось» этими потенциалами по-своему.

Мы все, и в этом также ощущается общность нашей судьбы, оказались перед сокрушительным историческим вызовом. На изломе целостности социального времени и единства социального пространства советской цивилизации некогда союзные республики столкнулись с проблемами системного выживания во всех сферах жизнедеятельности: в экономической, идеологической, социально-культурной, нравственно-духовной. В сознании молодежи кризисных 90-х происходили процессы размывания прежних ценностей, потери социальных и нравственных ориентиров и замещение их заимствованными (или искусственно насажденными) представлениями о свободе без границ и ответственности, идеализацией успеха и достатка любой ценой. Социум стал навязывать установки: комфорт; «деньги и радость жизни любой ценой»;

«сейчас, а не завтра, иначе ты – аутсайдер, и твоя жизнь мало кого интересует». Аутсайдеры этого времени – целое молодое поколение с безудержными желаниями и утраченным ощущением социальных перспектив. Суррогатные способы достижения успеха вместо подлинной самореализации – криминал и проституция, «романтика» насилия и гнетущая безысходность от невозможности достичь «вожделенного идеала». Таков был социальный старт для выбора дальнейшего пути внешкольного воспитания молодых постсоветских государств.

Так сложилось, что в Беларуси первыми осмысливать возможности использования ресурса сферы внешкольной занятости как инструмента восстановления нравственного и социального здоровья молодежи стали профессиональные ученые-социологи. По результатам масштабного социологического исследования 1990-х гг. член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов издал работу «Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды» [3]. Выводы исследования перешли в пространство практического действия. По инициативе Александра Николаевича, который возглавлял в тот период отдел по работе с молодежью ЦК ЛКСМ Беларуси, и при поддержке доктора социологических наук, профессора С. А. Шавеля на базе Минского государственного дворца детей и молодежи в 1992 г. была создана лаборатория социологии молодежи, которая с течением времени выросла до уровня Центра социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи. Основной задачей социологов стали анализ динамики ценностей в молодежной среде, изучение запроса на содержательный досуг, анализ ожиданий в отношении будущего. Социальное проектирование «здорового» пространства для реализации устремлений молодежи приобретало общественно-государственную значимость.

С этого времени начался поиск новой траектории развития внешкольного образования и воспитания. Основные черты социогенеза белорусской системы дополнительного (внешкольного) образования можно представить несколькими периодами ее развития.

Период 1992–1999 гг. (завершающее десятилетие XX столетия) мы рассматриваем как ***переходный или восстановительный.*** Это время анализа и творения культурных сфер, или опор, для перенастройки социального самочувствия молодежи. В этот период сфере организованного досуга и практике внешкольного воспитания в Республике Беларусь удалось избежать разрушения институциональной структуры. В основном была сохранена сеть дворцов и домов пионеров. Внешкольное образование содержало в себе ощутимый потенциал для восстановления социального духа молодежи, пробуждения от потребительского дурмана иллюзорных образов так называемой «красивой жизни».

Совершенно бесплатно, вне зависимости от экономических и социальных статусов семей, учащейся молодежи можно было в реальности проводить время в пространстве позитивно эмоционально окрашенных событий, здесь можно

было найти друзей, получить понимание и поддержку, заняться тем, что увлекает. Самое ценное то, что без нажима и «обязаловки» здесь можно было ощутить и разглядеть перспективу для своего личностного развития. Здесь же преодолевался или значительно смягчался столь болезненно переживаемый разрыв в культурном пространстве ослабевшего кризисного социума. «Хочу» и «могу» переставали быть неразрешимой дилеммой для взрослеющего человека.

Временной отрезок ***с 2000 по 2005 г.*** *можно охарактеризовать как* ***этап достигнутой устойчивости и поиска актуальной методологии*** для внешкольной практики. Таким концептом стал культурологический подход, связанный с осознанием самоценности детства в культурном процессе, предложенный доктором философских наук, профессором В. В. Позняковым [4; 5]. В этот период прорабатывались вопросы детской и подростковой субкультуры, формировалась гуманистически ориентированная среда для успешной социализации личности, развивалось пространство культурно-досуговой деятельности для творческого самовыражения, а также – сотрудничество семьи и внешкольного учреждения, закладывались основы здорового пространства, социально-психологического самочувствия ребенка, создавались направления мотивирующей и адресной профилактики девиантных моделей поведения.

Период с 2006 по 2010 г. связан с формированием предпосылок развития новой парадигмы внешкольного воспитания и обучения. В аспекте развития социально-культурной практики организованного досуга его можно рассматривать как ***становление социосферы развития личности ребенка, подростка, молодого человека***. На повестку дня выходят такие воспитательные задачи, как формирование идентичности гражданина Республики Беларусь, развитие патриотических чувств и становление национально-культурной идентичности на основе понимания ценности культурного наследия Беларуси. В пространстве внешкольной досуговой деятельности начинают развиваться детские и молодежные инициативы, происходит воссоздание пионерского движения.

В этот период формируется понимание значения структурно организованного досуга как ресурса для неформального образования, выходящего за учебно-предметный комплекс школы, образования и развития через творческую деятельность. Расширяется спектр предложений предметных областей обучения и творческой деятельности. Положено начало разработке профессионально ориентированных программ, начинают проводиться эксперименты с допрофессиональной подготовкой в учреждениях досуга, устанавливаются первые договоренности с профессиональными колледжами (в сфере декоративно-прикладного творчества и легкой промышленности). На повестку дня выходит формирование методической культуры кадров и создание условий для их профессионального развития. Внешкольное образование начинает рассматриваться как интегрированная социальная технология воспитания, обучения и развития. Появляется психолого-педагогическое сопровождение творческого образовательного досуга.

Каждый этап в развитии внешкольной образовательной практики соответствовал социальным реалиям времени. При этом и в периоды социальной турбулентности, и в периоды устойчивости коллективное сознание воспринимает внешкольное образование как ресурсную систему, которая позволяет нарастить личный потенциал и предоставляет ощутимые возможности адаптации детей и молодежи к социальным реалиям. Проблемы развития внешкольного воспитания и обучения постепенно переводятся в плоскость научного анализа и педагогического эксперимента, поиска обоснованных организационно-управленческих решений в развитии его нового качества.

В 2008–2009 гг. было проведено общенациональное социологическое исследование «Разработать направления качественной модернизации системы внешкольного воспитания и обучения (дополнительного образования) как интегрированной социальной технологии воспитания, обучения и развития» (научный руководитель – кандидат социологических наук Н. А. Залыгина, ответственный исполнитель – И. А. Яковлева). В качестве экспертов в нем приняли участие более 500 руководителей практически всех внешкольных учреждений страны, а также специалисты государственных органов управления образованием всех регионов Беларуси. Социологическое исследование дополнил осуществленный в 2010–2011 гг. проект по разработке подходов к научно-методическому обеспечению обновленной системы дополнительного образования детей и молодежи «Разработать научно-методическое обеспечение деятельности учреждения дополнительного образования детей и молодежи в условиях трансформации социально-правового статуса учреждения» (научный руководитель – кандидат социологических наук Н. А. Залыгина, ответственный исполнитель – И. А. Яковлева).

Белорусскому «сообществу внешкольников» предлагалось выразить предпочтения в пользу одной из четырех возможных моделей развития системы внешкольного воспитания и обучения.

Первый подход – жесткое функциональное разделение «школа занимается исключительно обучением и дает основы академических знаний; внешкольной занятостью и досугом занимаются внешкольные учреждения».

Второй подход – модель, близкая к организации российского дополнительного образования детей. Внешкольная работа обретает облик образования и осуществляется как в организациях дополнительного образования, так и в пространстве школ. Условием выступает введение их в одно правовое поле как равноценных элементов единой системы образования. Приобретение руководителями кружков профессионального статуса педагогических работников – «педагогов дополнительного образования».

Третий подход – не менять уже сложившуюся практику внешкольного воспитания и обучения. Школа и внешкольное учреждение работают достаточно автономно. Их объединяют только общегосударственные задачи в области воспитания.

Распределение мнений экспертов о возможных моделях развития системы внешкольного воспитания и обучения в Республике Беларусь, %

Четвертый подход – аналог европейской модели: «Практически минимальная институциональная организация. Деятельность осуществляется не столько в образовательных организациях, сколько в пространстве территориальных клубов. Финансовая поддержка по принципу многоканального финансирования при муниципальных органах или территориальных общин местного самоуправления. Возможна поддержка за счет целевых программ, поддержанных государством».

Распределение ответов респондентов (рисунок) показало, что белорусская система внешкольного воспитания и обучения вполне органично может развиваться по российской модели, сохраняя при этом лучшее и особенное из национальной практики. Результаты этих проектов были использованы при разработке Кодекса об образовании Республики Беларусь, принятого в 2011 г.

С принятием в 2011 г. Кодекса Республики Беларусь об образовании система внешкольного воспитания и обучения обрела новый правовой статус и новое название – «Дополнительное образование детей и молодежи» (ДОДиМ). Впервые, наряду с правовым определением, система закрепила свое предназначение и основные механизмы функционирования и развития. Нормативным правовым основаниям системы дополнительного образования детей и молодежи посвящен специальный раздел особенной части Кодекса.

С момента нормативного самоопределения дополнительного образования детей и молодежи начался ***новый период, охвативший 2011–2020 гг.*** В это время появились документы, определившие как стратегические направления в развитии системы, так и содержащие в себе тактические инструменты социального развития и моделирования образовательных пространств. Нормативное поле начинает выступать живой средой, благоприятствующей развитию управленческой и педагогической инициатив. ДОДиМ становится все более социально ориентированной образовательной сферой и вместе с тем ресурсной системой для формирования человеческого капитала.

Появляется концепция развития образования до 2030 г., в которой важные акценты связаны с условиями для обеспечения доступности и развития качества ДОДиМ, а также с внедрением инновационных подходов в реализацию образовательных программ, привлечением детей в сферу высоких технологий и раннюю профориентацию на профессии будущего, развитием социальной активности через участие в детских и молодежных общественных организациях, стимулированием отечественных производителей на обеспечение материальных ресурсов и технических средств обучения. Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2021–2025 годы» конкретизирует целевые показатели доступности ДОДиМ, задает новые ориентиры на развитие инклюзивных форматов организации этого вида образования, ориентирует на обеспечение условий для работы с одаренными учащимися. В 2025 г. запланировано достижение показателя охвата ДОДиМ в 70 %.

В 2021 г. была принята новая редакция Кодекса об образовании [6], которая содержит правовые новеллы, направленные на дальнейшее развитие системы ДОДиМ. В этом же году в Республике Беларусь начало работу учреждение дополнительного образования детей и молодежи инновационного типа, ориентированное на работу с одаренными учащимися – Национальный детский технопарк. Сопровождение научных проектов учащихся здесь осуществляется по 15 направлениям, важным для инновационного развития экономики. В новой редакции Кодекса вводится специальный раздел «Дополнительное образование одаренных детей и молодежи», регулирующий деятельность Национального детского технопарка, а также предусматривающий возможную перспективу открытия новых учреждений инновационного типа.

Выделим следующие основные результаты эволюции системы дополнительного образования к настоящему времени.

Во-первых, в нормативном плане сформулировано и утверждено определение, указывающее на важность применения компетентностного подхода и дополняющее цели ДОДДиМ формированием компетенций: *«Дополнительное образование детей и молодежи – вид дополнительного образования, направленный на развитие личности учащегося, адаптацию к жизни в обществе, организацию свободного времени, профессиональную ориентацию,* ***формирование компетенций,*** *необходимых для формирования и развития творческих способностей учащегося, удовлетворения его индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном, физическом совершенствовании»* [6].

Во-вторых, для повышения своей доступности ДОДиМ вводится и в дошкольных учреждениях, а также предусмотрена возможность его реализации в очной, заочной и дистанционной формах. Это позволяет проектировать персональный образовательный маршрут на основе преемственности и комбинаторики форм и содержательных модулей, т. е. на основе мультиформатного подхода выстроить персональную стратегию непрерывного образования в парадигме «образование через всю жизнь».

В-третьих, введены три новых профиля ДОДиМ: художественно-речевой, социально-коммуникативный и интеллектуально-познавательный. Со-

гласно постановлению Министерства образования Республики Беларусь от 20.10.2023 г. № 325 «О типовых программах дополнительного образования детей и молодежи» типовые программы обновлены по всем 15 профилям. Этот комплекс новых направлений задает вектор развития креативного, логического и эвристического мышления, социальных компетенций и умения взаимодействовать в социуме, культуры речи, чувства языка и культуры чтения, а также познавательного развития дошкольников.

Социокультурный контекст жизни следует относить к числу важнейших объективных факторов развития личности. Только лишь в контексте усвоения культурных образцов, а также творения новых феноменов культуры возможна социальная функция воспроизводства и развития человеческого качества в человеке. Социальные практики дополнительного образования детей и молодежи предоставляют многогранные ресурсы для социального взросления и творчески ориентированного образования личности учащихся. По сути, они моделируют такую социальную среду жизнедеятельности взрослеющего человека, в которой он естественным, наиболее природосообразным и психологически комфортным образом «примеривает» на себя разнообразие моделей творческой и профессиональной самореализации. В пространстве дополнительного образования происходит пробная самореализация личности, направленная на поиск персональных стратегий жизнеопределения; стратегий, ориентированных на достижение более высоких стартовых позиций и, с большей вероятностью, предопределяющих будущий профессиональный успех и личностную эффективность в социуме.

Развитие дополнительного образования детей и молодежи как социальной системы следует рассматривать в контексте общенациональных инновационных процессов, которые происходят в разных областях жизнедеятельности. В целом необходимо подчеркнуть, что государственно-общественный запрос к системе дополнительного образования детей и молодежи становится все более нацеленным на решение социальных и экономических задач инновационного развития Республики Беларусь.

Гибкость и мобильность дополнительного образования позволяют более пластично находить «валентности» с разнообразными предметными областями как экономической, так и социально-культурной деятельности. Сфера дополнительного образования, на наш взгляд, наиболее гармоничным образом может рассматриваться в качестве предтечи формирования культурно-креативных индустрий (CCI) как экономической основы будущего [7].

Новаторским задачам соответствует поиск нового социального – педагогически целесообразного – инструментария, т. е. таких подходов и механизмов организации культурно-образовательных практик дополнительного образования, которые обеспечили бы комплекс условий для реализации самой возможности инновационного развития.

Заключение. Среди наиболее перспективных подходов в моделировании образовательных пространств мы выделяем *кластерный подход.* Образова-

тельные кластеры позволяют объединять ресурсные возможности многих организаций, представляющих разные сферы экономики, разные профессиональные сообщества и общественные формирования для решения значимой для общества социальной задачи. В этом случае сам процесс и механизмы решения такой задачи рассматриваются как социальная технология. Примером может выступить создание образовательного кластера «Научно-техническое творчество детей и молодежи», объединяющее в единый социальный механизм образовательные стратегии Национального детского технопарка, центров детского творчества детей и молодежи, вузов, учреждений общего среднего и среднего специального образования, социальный сектор производственных предприятий и активность общественных ассоциаций.

Еще один пример – образовательный кластер «Креативное детское и молодежное АРТ-пространство», в котором объединяются управленческие и творческие ресурсы Министерства культуры и Министерства образования, культурных и образовательных центров, творческих союзов (театры, музеи, концертно-выставочные комплексы Белорусского государственного университета культуры, Белорусской государственной академии искусств и творчески-образовательные технологии Национального центра художественного творчества дополнительного образования детей и молодежи, творческие ресурсы сети учреждений дополнительного образования, опыт народных мастеров Беларуси).

Кластерный подход применяется также и в научно-методической сфере обеспечения системы дополнительного образования детей и молодежи. Поскольку отсутствие государственных стандартов расширяет пространство авторского прочтения при проектировании программно-образовательного комплекса ДОДиМ, постольку создание инновационных программ объединений по интересам, образовательно-методических комплексов, инновационных проектов становится креативным вызовом для педагогов-новаторов, работающих в дополнительном образовании. Новации аккумулируются в инновационном проекте Министерства образования Республики Беларусь «Внедрение модели республиканского методического кластера в систему сопровождения гражданско-патриотического воспитания в учреждениях дополнительного образования детей и молодежи», актуальном на период 2021–2025 гг. с перспективой его продления до 2027 г. Основные ресурсы здесь – методическое и практически-предметное творчество педагогических сообществ учреждений ДОДиМ Беларуси, которые выступают в том или ином содержательном направлении ДОДиМ опорной методической площадкой республиканского кластера и задают своеобразный «культурный образец» или «стандарт качества» в организации социокультурной и образовательной практики.

Инновационным для дополнительного образования становится инклюзивный подход. Для детей с особенностями психофизического развития становятся более доступными предметно-творческое обучение, выходящее за пределы учреждений специального образования, а также проявление активной позиции в социокультурной деятельности. Для учащихся этой категории

в учреждениях ДОДиМ предусмотрены как индивидуальные программы обучения, так и возможности интеграции в детские учебные и творческие коллективы. Организуются и специализированные творческие фестивали, такие как «Вясёлкавы карагод» – республиканский творческий фестиваль для учащихся с ограниченными возможностями здоровья. Инклюзивные подходы относятся не только к социально-медицинским подходам в образовании и социализации. К инклюзивным технологиям относят также выявление и сопровождение одаренных и талантливых учащихся, и процессы адресной профилактики и ресоциализации учащихся с девиантными моделями поведения, в отношении которых проводится индивидуально-профилактическая работа.

Дополнительное образование детей и молодежи рассматривается в качестве значимого субъекта профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Сама социальная миссия учреждения дополнительного образования содержит в себе мотивирующую профилактику социальных и психоэмоциональных депривaций у учащихся, расширяя спектр возможностей найти свой предметный интерес и занятие для души, включиться в свободное общение и совместную деятельность со сверстниками и взрослыми, разделяющими общие устремления. Дополнительное образование генерирует мотивирующие образовательные среды, в которых создаются степени свободы и возможности для самоопределения личности, формирования ее ценностного ядра.

В любом случае дополнительное образование играет мощную стабилизирующую и обогащающую роль в отношении «Я-концепции» всех обучаемых, что выступает важнейшим фактором успешной организации жизнедеятельности личности. Инклюзия в дополнительном образовании рассматривается как в содержательной, так и инфраструктурной плоскости. Все больше учреждений дополнительного образования перенастраивают свое образовательное пространство с учетом принципа организации безбарьерной среды, создавая условия для доступности и большего комфорта для занятий неформальным образованием для тех обучающихся, для которых ограничения по состоянию здоровья представляют существенную преграду к творчеству и общению. В государственной программе «Молодежь и образовательная политика» на 2021–2025 годы [8] определен целевой показатель вовлеченности лиц с особенностями психофизического развития в практики дополнительного образования детей и молодежи – охват до 51,5 % от данной категории учащихся в 2025 г.

Для всех образовательных систем, в том числе и для системы ДОДиМ, важным трендом становится цифровизация, основные концепты которой отражены в Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [9]. Процессы цифровой трансформации делают достижимыми неформальные занятия в дистанционной форме, расширяют географию участия в неформальных культурно-образовательных и творческих проектах и позволяют устанавливать и развивать международные партнерские коммуникации. Мотивирующая образователь-

ная среда, развивающаяся с опорой на применение цифровых информационно-коммуникационных технологий, становится более открытой и высокотехнологичной. Применение технологий дополненной, виртуальной и смешанной реальности дают возможность использовать в качестве объяснительных моделей разнообразие культурных, исторических и географических пространств. Технология геймификации способна через усвоение предметных знаний в игровой форме сделать процессы образования увлекательными, ее применение «натренировывает» креативные навыки поиска нестандартного решения. Важные аспекты цифровых решений в образовании связаны с электронными управленческими платформами. В сфере дополнительного образования в настоящее время разрабатывается информационно-аналитическая платформа «Электронное учреждение дополнительного образования», которая станет эффективным инструментом управления качеством в столь сложной многовекторной социально-образовательной системе, выступающей «прототипом» социальной реальности, и социосферой, отражающей все основные параметры реального социума.

В качестве «финального аккорда» сформулируем следующий набор заключительных тезисов. Дополнительное образование – это свободное, неформальное, гармонично структурированное и высокофункциональное пространство управляемой социализации личности, которое обучает адаптироваться к жизни в современной информационной реальности и вместе с тем актуализирует развитие национально-культурных традиций народа, хранит культурный код белорусской нации. Дополнительное образование стимулирует процессы формирования белорусской национальной идентичности и обучает межкультурным коммуникациям; помогает приобрести метапредметные компетенции и раскрывает глубинные личностные смыслы в наиболее важных общественных ценностях. Дополнительное образование пробуждает патриотические чувства, формирует гражданскую позицию на основе сохранения исторической памяти и умножает креативные ресурсы молодого поколения, нацеленные на приращение человеческого капитала. По сути, дополнительное образование детей и молодежи – это технология социального моделирования как персонального горизонта личности, так и общественного будущего.

Список использованных источников

1. *Кларийс, Р.* Неограниченные таланты и внешкольное образование: к дискуссии о роли и положении европейского внешкольного образования в будущем (эссе-брошюра) / Р. Кларийс. – Прага : EAICY, 2008. – 58 с.

2. *Повный, Ф., прот.* Приветственное слово председателя Синодального отдела Белорусской Православной Церкви по сотрудничеству со светскими учреждениями образования / протоиерей Федор Повный // Вызовы современности и стратегии развития дополнительного образования детей и молодежи в условиях современной реальности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 окт. 2023 г. : в 3 ч. / ред. совет: Н. В. Васильченко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НЦХТДМ, 2023. – Ч. 1. – 236 с.

3. *Данилов, А. Н.* Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды / А. Н. Данилов. – Мн. : Харвест, 1999. – 317 с.

4. *Позняков, В. В.* Внешкольное учреждение – институт детства / В. В. Позняков // Самоценность детства и детская культура : материалы Респ. науч.-практ. конф. (Минский дворец детей и молодежи, 22–23 апр. 1999 г.). – Мн., 1999. – С. 278–287.

5. *Позняков, В. В.* Воспитание в творчестве / В. В. Позняков // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – №. 8. – С. 59–65.

6. Кодекс Республики Беларусь об образовании // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. – URL: https://vak.gov.by/codeRB (дата обращения: 21.01.2025).

7. *Кобяк, О. В.* Роль культурно-креативных индустрий в социально-экономическом развитии: общемировые тенденции и перспективные направления прикладных видов деятельности в Республике Беларусь / О. В. Кобяк, А. Е. Шифрин // Восточная Европа: контексты социально-экономического развития : сб. науч. ст. – Гродно, 2023. – С. 87–94.

8. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=C22100057 (дата обращения: 10.02.2025).

9. Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы // Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь. – URL: https://www.giac.by/upload/documents/koncepcia.docx (дата обращения: 10.02.2025).

Поступила 11.02.2025 г.

УДК 316.4

А. Д. СОЙКО,
аспирант,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: pettrovskaya2000@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В статье представлены данные социологического изучения профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников учреждений общего среднего и дошкольного образования. Рассмотрен процесс профессиональной самореализации педагога в контексте современных социально-экономических преобразований и трансформации системы образования. Выявлены основные виды профессионального развития педагогических работников; затруднения, возникающие в процессе педагогической деятельности; профессиональные и образовательные запросы педагогов.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, педагогические работники, профессиональные компетенции, повышение квалификации, образовательный процесс.

A. D. SOYKO,
Postgraduate Student,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: pettrovskaya2000@mail.ru

SOCIOLOGICAL STUDY OF PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF TEACHING STAFF IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS

The article presents the data of a sociological study of professional competencies and educational needs of teaching staff of general secondary and preschool education institutions. The process of professional self-realization of a teacher is considered in the context of modern socio-economic transformations and the transformation of the education system. The main types of professional development of teaching staff; difficulties arising in the process of pedagogical activity; professional and educational needs of teachers are identified.

Keywords: professional self-realization, teaching staff, professional competencies, advanced training, educational process.

Профессиональная самореализация – это многогранный и сложный процесс достижения профессионального, личностного, социального, творческого потенциалов личности в контексте ее профессиональной деятельности. Педагогические работники в рамках профессиональной самореализации вовлече-

ны в систему взаимосвязанных и взаимодополняющих процессов, связанных с удовлетворенностью своим трудом, пониманием себя как профессионала и активным развитием своих профессиональных навыков и знаний [1]. Профессиональная самореализация предполагает достижение целей и задач, определение и развитие своего стиля работы, проявление креативности и инноваций в педагогической практике. Современная система образования подразумевает неизбежные и постоянные социально-экономические преобразования. В подобных условиях педагог просто не может не быть вовлечен в процесс непрерывного образования и совершенствования. Вместе с трансформацией системы образования изменениям подвергаются не только условия работы педагогических работников, но и их система ценностей, профессиональные затруднения, образовательные запросы и потребности. Современный педагог должен быть открыт к новой информации, уметь быстро адаптироваться к инновационным концепциям, методам и подходам, необходимым в образовании. Для формирования педагога с набором всех вышеперечисленных качеств создается множество разнонаправленных курсов повышения квалификации, однако не менее важную роль в данном проекте играет и самообразование.

С целью изучения эффективности различных подходов в профессиональной самореализации педагогов, а также их удовлетворенности качеством образовательного процесса, государственным учреждением образования «Академия последипломного образования» было проведено социологическое исследование. Опрос респондентов осуществлялся с 1 по 19 февраля 2024 г. Целевой группой исследования выступали педагогические работники учреждений общего среднего и дошкольного образования. Объем выборочной совокупности и дизайн выборки определялись исходя из задач исследования. При расчете объема выборки в качестве «шагов» рассматривались такие социально-демографические признаки, как географический и возрастной, стаж работы, квалификационная категория респондентов. Выборочная совокупность определялась исходя из предполагаемой ошибки репрезентативности выборки 0,03 (±3 %), доверительного интервала, выражаемого вероятностью 99,9 %, и соответствующего ему показателя дисперсии признака *t*, равного 3,5 (максимальное значение доверительного интервала). В качестве метода сбора информации применялся метод анкетного опроса. Доступ к респондентам осуществлялся из региональных институтов развития образования. Общее количество респондентов составило 1746 человек, из них 480 – педагогические работники учреждений дошкольного образования, 1266 – педагогические работники учреждений общего среднего образования [2, с. 30].

В ходе социологического исследования респонденты в первую очередь оценивали показатели качества образования в их учреждении. Наивысшую оценку большинство из них отдало таким показателям, как профессиональная компетентность педагогических работников (46 %) и морально-психологический климат в педагогическом коллективе (42 %). Выше среднего боль-

шинство респондентов оценило следующие показатели: образовательные достижения учащихся (54 %); уровень научно-методического обеспечения образовательного процесса (50 %); инновационный потенциал учреждения образования (52 %). Несмотря на высокие оценки по всем из перечисленных показателей в целом, некоторые респонденты были неудовлетворены инновационным потенциалом учреждения образования (3 % педагогических работников учреждений общего среднего образования и 17 % – учреждений дошкольного образования). В настоящее время данный критерий является «слабым звеном» большинства учреждений образования. Положительная динамика прослеживается у показателя «информационно-коммуникационное сопровождение образовательного процесса». В сравнении с прошлогодним исследованием, проводившемся в феврале 2023 г., данный показатель вырос на 2 % [2, с. 46].

Ранее уже отмечалась важность умения педагога адаптироваться к инновационным методам и технологиям обучения. В рамках исследования педагогические работники оценивали собственную эффективность в области реализации в образовательном процессе современных технологий и методов обучения. К таковым были отнесены следующие: метод проектного обучения; метод исследовательского обучения; метод перевернутого обучения; метод кооперативного обучения; метод активной оценки. Среди технологий, применяемых в современном образовательном процессе, были выделены следующие: игровые технологии; информационно-коммуникационные технологии; технологии развития критического мышления; технологии дополненной реальности; технологии визуализации учебной информации. Большинство респондентов высоко оценило уровень эффективности реализации игровых технологий (46 %) и технологий визуализации учебной информации (43 %). Выше среднего педагоги оценили собственную эффективность в области реализации технологий развития критического мышления (48 %), информационно-коммуникационных технологий (45 %), метода исследовательского обучения (45 %), метода активной оценки (43 %). Среднюю оценку большинство респондентов отдало своей эффективности в реализации методов перевернутого (50 %) и кооперативного (43 %) обучения. Ниже всего педагоги оценили свою эффективность в области технологий дополненной реальности (16 % респондентов отметили вариант «ниже среднего» по данному показателю).

Учет профессиональных и образовательных запросов педагогов крайне необходим при планировании и организации планов повышения квалификации педагогических работников, а также для определения актуальных векторов развития системы образования в целом [3]. Оценивая уровень собственных образовательных потребностей, большинство педагогических работников испытывают незначительную потребность в формировании компетенции по осуществлению профессиональных задач в цифровой образовательной среде (47 %), а также по реализации принципов инклюзии в образовательном процессе (39 %). Некоторые разъяснения требуются 41 % респондентов при обеспечении воспитания личности с критическим, социально и экологически

ориентированным мышлением, 40 % – при выявлении факторов социально опасного положения учащегося. Организация социально значимых инициатив учащихся с опорой на лучшие традиции коллективного воспитания вызывает незначительные затруднения у 38 % опрошенных.

Важное значение в процессе самообразования и повышения квалификации имеет самооценка педагогами своей профессиональной компетенции. Имея представления об оценке педагогами своих знаний, умений и навыков, можно сделать выводы о необходимости внедрения конкретных образовательных курсов в планы повышения квалификации педагогических работников. Кроме того, подобная информация наглядно показывает, в каких областях педагогам чаще всего требуется разъяснение. Собственную компетентность педагогические работники в основном оценивают «выше среднего». Большинство выше всего оценило личную готовность организовывать поддерживающие и стимулирующие занятия – 55 %; владение содержанием, структурой, методическим аппаратом учебных пособий и учебников – 49 %; готовность к осуществлению воспитательной составляющей учебного занятия – 48 %; готовность реализовывать воспитательную задачу – также 48 %. Готовность к организации самостоятельной работы учащихся с использованием информационно-коммуникативных технологий 20 % опрошенных оценило на «средний» балл. Однако оценка, которую педагоги дают сами себе, не всегда является объективной и достоверной, так как присутствует вероятность предвзятости в ответах. Для того чтобы более глубоко и объективно изучить, в каких областях педагоги испытывают затруднения, в ходе исследования был задан вопрос, в рамках которого респонденты отмечали, в каких конкретных областях образовательного процесса у них возникает больше всего затруднений.

Анализ данных исследования позволил сделать вывод о том, что наиболее часто педагоги сталкиваются с затруднениями при организации самостоятельной работы учащихся с использованием информационно-коммуникационных технологий (43 %), при применении информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе в целом (42 %), при использовании современных форм, методов и технологий организации образовательного процесса (41 %), при формировании читательской грамотности у учащихся (40 %), а также при формировании у учащихся мотивации на учебно-познавательную деятельность. Результаты позволяют сделать вывод о том, что современный педагог может сталкиваться с трудностями в самых различных областях своей профессиональной деятельности. Следовательно, в рамках повышения квалификации необходимо как выявлять основные векторы направления образования (в области инновационных методов организации образовательного процесса и информационно-коммуникативного фактора педагогической деятельности), так и учитывать необходимость всестороннего педагогического развития, коммуникативных, социальных и творческих навыков и, что самое важное при работе с учащимися, – психологической компетентности педагога.

В рамках социологического интервью участникам опроса была предоставлена возможность предложить собственные способы и решения, необходимые для повышения качества общего среднего образования. Среди самых часто упоминаемых были такие предложения: «повышение престижа и статуса учреждений общего среднего образования и профессии педагогического работника»; «уменьшение объема документооборота»; «активное вовлечение законных представителей в образовательный процесс»; «повышение квалификации педагогических работников, адекватное распределение учебной нагрузки на педагогов»; «привлечение молодых кадров»; «повышение заработной платы»; «саморазвитие и самообразование педагогических работников»; «необходимость внедрения педагогических технологий, которые научат реализовывать свой потенциал по отношению к каждому изучаемому предмету». Педагоги также имели возможность обозначить меры, необходимые для их собственного профессионального развития. Среди таких мер были упомянуты следующие: «увеличение количества онлайн-мероприятий, мастер-классов, семинаров, очных курсов повышения квалификации»; «самообразование»; «финансовая мотивация»; «изучение подходов к работе с детьми, имеющими проблемы психического развития»; «взаимообмен опытом с коллегами, которые имеют больший опыт работы в профессии»; «уменьшение педагогической нагрузки на педагогов»; «поддержка со стороны руководства»; «изучение и использование информационно-коммуникативных технологий». Полученные данные позволили изучить проблему профессиональных затруднений педагогов и возможных способов их решения на более детальном и углубленном уровне. Среди ответов прослеживаются утверждения, уже выявленные с помощью анкетного опроса респондентов, однако присутствуют и новые, ранее не упоминавшиеся в исследовании аспекты, такие как финансовая поддержка и вовлечение законных представителей учащихся в образовательный процесс.

В контексте профессиональной самореализации педагог прибегает к различным способам и формам повышения квалификации. Для выявления более распространенных из них, респондентам было предложено указать виды деятельности, которые они осуществляли для повышения квалификации за последние 12 месяцев. В течение этого времени большинство педагогических работников учреждений общего среднего образования (так же, как и дошкольного) осуществляли самообразование для повышения квалификации (93 %). Участвовали в семинарах, конференциях и других публичных мероприятиях по направлению профессиональной деятельности 72 % респондентов, посещали другие учреждения образования для ознакомления с их опытом – 67 %. Наименее востребованной формой повышения квалификации является повышение квалификации онлайн (36 %). Самая эффективная форма повышения квалификации, по мнению респондентов, – самообразование (51 %), а самая неэффективная – повышение квалификации онлайн (24 %). Таким образом, мы имеем явное противоречие: с одной стороны, самым востребованным и эффективным видом повышения квалификации среди педагогов является само-

образование, а с другой – среди них существует игнорирование и отстранение от продуктов научно-технического прогресса, с помощью которых данное самообразование наиболее эффективно осуществлять. Существование данного противоречия можно объяснить результатами исследования, приведенными выше. Наличие затруднений при организации не только собственной работы, но работы учащихся с использованием информационно-коммуникационных технологий может являться прямым препятствием в профессиональной самореализации педагогических работников.

Результаты опроса показали, что только у 66 % педагогов в учреждениях общего среднего образования имеется рабочее место, оборудованное компьютером / ноутбуком с доступом в Интернет; 32 % респондентов указали на то, что такое место у них отсутствует. В связи с этим респонденты отвечали на вопрос, касающийся их уровня владения навыками работы в цифровой образовательной среде. Анализ результатов показал, что большинство высоко оценивает только навыки работы в электронной информационно-образовательной среде (например, электронный журнал, электронный дневник) – 40 % опрошенных. На уровень «выше среднего» педагоги оценивают собственные навыки использования открытых информационных ресурсов и баз данных (41 %), а также навыки работы в формате онлайн-обучения (37 %). Навыки разработки онлайн-уроков большинство респондентов оценивает на «средний» уровень.

Чаще всего при работе с цифровой информацией педагогические работники выполняют следующие действия: коммуникации в мессенджерах и социальных сетях (69 %); использование пространства в сети Интернет для хранения документов, изображений, других файлов (65 %); использование научно-популярного, развлекательного и иного контента из сети Интернет (книги, лекции, медиа-файлы, фильмы и др.) (59 %); использование цифровых сервисов с интерактивными заданиями для организации учебной работы (42 %). Реже всего респонденты указывали на следующие действия: ведение блога (регулярное его пополнение записями, изображениями или мультимедиа), создание другого интернет-контента (4 %); редактирование и управление контентом веб-сайтов (5 %).

Условия и возможности работы педагогов необходимо изучать в динамике, поскольку это позволяет более полно и точно оценить их профессиональную деятельность и в перспективе обеспечить оптимальные условия труда для эффективного обучения учащихся. Как уже отмечалось раннее, система образования постоянно развивается, поэтому педагогические работники должны быть готовы адаптироваться к новым требованиям и вызовам. При анализе работы педагогов необходимо учитывать изменения в условиях обучения, включая изменения в программе, методиках, учебных материалах и организации класса. В ходе исследования респондентам предлагалось указать, как за последний 2022/23 учебный год изменились условия и возможности их работы. Результаты показали, что для большинства из них несколько улучшились сле-

дующие показатели: удовлетворенность результатами труда (41 %); трудовая мотивация, интерес к работе (41 %); возможность осваивать новые образовательные технологии, методики (39 %); возможность использовать современное (в том числе цифровое) оборудование, сервисы и ресурсы (37 %); возможность изучать педагогические (в том числе методические) публикации (включая электронные), литературу, профессиональные периодические издания (36 %). Возможность повышать профессиональную квалификацию несколько улучшилась для 35 % респондентов, значительно улучшилась – для 30 %.

Для выявления самых проблемных участков в работе педагогов респондентам предлагалось ответить, что их не устраивает в своей профессиональной деятельности больше всего. На сегодняшний день в своей профессиональной деятельности педагогических работников больше всего не устраивает следующее: незаинтересованность учащихся в учебе (53 %); высокий объем отчетной документации (50 %); дублирование документации и отчетности в электронном и бумажном форматах (43 %); наличие второй учебной смены (33 %); высокая доля внеклассной занятости (много мероприятий, кроме учебной деятельности) (33 %) и низкий уровень заработной платы (26 %). Вариант ответа «все нравится» отметили 8 % респондентов.

Таким образом, основываясь на данных исследования, можно сделать вывод о том, что профессиональная самореализация педагогов является неотъемлемой частью их профессиональной педагогической деятельности. Изучение потребностей и затруднений педагогических работников необходимо для разработки и реализации наиболее эффективных, востребованных и актуальных программ повышения квалификации, а также для совершенствования системы образования в целом. Современные социально-экономические преобразования ставят перед педагогом вызовы, для ответа на которые необходимы соответствующие профессиональные компетенции и знания. Современный педагог должен стремиться к всестороннему профессиональному развитию, и только в случае мотивированного и ответственного подхода к собственной профессиональной самореализации возможен эффективный образовательный процесс.

Список использованных источников

1. *Реут, В. Г.* Социология компетенций как парадигма профессионального педагогического развития / В. Г. Реут, А. Д. Петровская // Непрерывное образование педагогов: достижения, проблемы, перспективы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 нояб. 2022 г. – Мн. : АПО, 2023. – С. 740–746. – URL: https://yadi.sk/i/DbP8pSmGREbLzA (дата обращения: 01.04.2024).

2. *Дзюба, И. А.* Исследование профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников : монография / И. А. Дзюба, В. Г. Реут, А. Д. Сойко. – Мн. : АПО, 2024. – 137 с.

3. Профессиональные компетенции и образовательные запросы педагогических работников учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования. – URL: https://akademy.by/images/Ob_academii/Otchet.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

Поступила 27.10.2024 г.

УДК 316.334

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: larissa@bsu.by

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ КАК ОТВЕТ НА НОВЫЕ «ВЫЗОВЫ» ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ[1]

Риски гуманитарной безопасности страны, обусловленные некритическим восприятием студентами цифровых технологических инноваций, возрастают в связи с тем, что в этом процессе задействована идеология. Студенты, погружаясь в виртуальный мир, не осознают, что попадают под влияние непроверенной информации и фейков. Вуз должен формировать у них критическое мышление и научное мировоззрение, научить разделять факты и домыслы, приходящие через Интернет.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация обучения и повседневности, студенчество, образовательное воздействие, идеология, гуманитарные риски.

L. G. TITARENKO,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: larissa@bsu.by

EDUCATIONAL IMPACT ON THE CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR OF STUDENTS AS A RESPONSE TO NEW “CHALLENGES” TO THE COUNTRY’S HUMANITARIAN SECURITY

The risks to the country’s humanitarian security, caused by students’ uncritical perception of digital technologies, increase due to the fact that ideology is involved in this process. Students, immersing themselves in the virtual world, are falling under the influence of unverified information and fakes. The university should develop their critical thinking and scientific worldview, teach them to separate facts from speculation that comes through the Internet.

Keywords: information technology, digitalization of education and everyday life, students, educational impact, ideology, humanitarian risks.

Республика Беларусь, несмотря на западные санкции и другие неблагоприятные внешние условия, успешно развивается в русле глобальной цифровой трансформации. На этом пути уже достигнуты значительные достижения,

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (№ государственной регистрации 20211892, договор № 696/97).

в результате которых в стране не только развиваются производства V–VI технологических укладов, но и повседневная жизнь граждан фактически стала цифровизированной. В любой сфере трудовой и повседневной деятельности с успехом применяются различные новые технологии, без знания которых теперь трудно даже представить свою жизнь. Однако больше всего в сферу виртуальной интернет-реальности погружены те социальные группы, представители которых родились в последние 20–30 лет и развивались вместе с Интернетом – поколение миллениалов, которое существует в любом современном обществе [1]. Этим группам и направлен глобальный «вызов» цифровизации, состоящий в том, чтобы путем вовлечения молодого поколения в виртуальную реальность лишить его объективных ориентиров в реальности социальной, сделать поколение подвластным глобальным виртуальным влияниям, которые могут разрушать социально-гуманитарные ценности нашего народа и наносить ущерб гуманитарной безопасности Беларуси.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, каким образом преподаватели высших учебных заведений могут оказывать противодействие этим вызовам, занимаясь своей профессиональной деятельностью: формированием у студентов научных знаний и убеждений, мотивированием изучения своей истории, воспитанием патриотизма и любви к Родине.

Нынешнее поколение студентов (лиц, в основном находящихся в возрастной группе 17–25 лет) невозможно представить без гаджетов. Можно сказать, что студенты живут в виртуальной реальности, общаются в ней со сверстниками, потребляют новости из «своих» каналов, которым доверяют, и редко обращаются к традиционным источникам информации, какими пользовались их дедушки, бабушки и частично родители. В этом состоит огромное преимущество молодого поколения: возможность с легкостью обучаться цифровым знаниям и навыкам, которые потребуются им в трудовом процессе, а пока задействуются в повседневной жизни (е-банкинг, е-шопинг, е-обучение и т. п.), умение быстро отыскивать в Интернете необходимую информацию, быстро переводить тексты с иностранных языков с помощью технологий. Однако те же цифровые знания и компетенции и их практическое применение, составляющие основу цифровой культуры данного поколения, делают его более уязвимым перед цифровыми рисками – потребление фейковой информации, неосознанное включение в процессы информационной войны, подверженность манипулированию их сознанием и поведением [2, с. 30].

Эта уязвимость обусловлена особенностями молодежного сознания, недостатком собственного опыта работы с разными информационными источниками, чрезмерным доверием всему, что связано с рациональностью и цифровыми технологиями. В связи с этими гносеологическими особенностями молодежного познания возникает множество рисков, значительная часть которых имеет социально-культурную, гуманитарную природу. О подобных рисках предупреждает студенческую молодежь и Президент Республики Беларусь. Выступая осенью 2024 г. перед студентами минских вузов, Президент

отметил опасности для свободного развития личности молодого человека посредством несанкционированного использования персональной информации, связанные с возможностями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и недобросовестными провайдерами интернет-сайтов. А. Г. Лукашенко подчеркнул, что «если мы сами доверяем эти сведения гаджетам, то отдаем себе отчет в том, что становимся не субъектом отношений, которые завязываются в инфопространстве, а “объектом”» [3].

В наших предыдущих работах мы уже подробно описывали и гносеологическую природу неадекватного восприятия молодежью (в том числе студентами) цифровых технологий [4], и социально-психологические особенности данной возрастной группы, которые способствуют тому, что цифровые технологии абсолютизируются молодыми людьми [5]. Речь шла о специфике молодежных интересов и особенностях осознания молодыми людьми того, как именно ИКТ раздвигают рамки проведения ими досуга и расширяют пространство виртуального общения, повышают шансы в поиске места на рынке труда с помощью Интернета, создают возможности онлайн-обучения и переучивания, чего не было у старших поколений. Однако эти возможности преподносятся как доступные всем молодым людям, что не соответствует объективным реалиям: всегда требуется наличие дополнительных факторов (финансовых средств, собственных способностей и упорства, времени, знания иностранных языков и т. д.) Эти особенности, как правило, не осознаются молодыми людьми и их окружением (родителями, педагогами), которые не контролируют контент, интересующий молодежь. Практически любой популярный блогер, создатель Telegram-канала может стать лидером мнений молодежи, что легко приводит к манипуляции сознанием студенчества, как это случилось в период «цветной революции» 2020 г. При высоком уровне цифровых знаний молодые люди могут воспринимать полученную информацию искаженно и затем, основываясь на ложной информации, совершать действия, представляющие потенциальный или актуальный риск для общества. Чаще всего следствия специфического восприятия технологических инноваций становятся очевидны, когда негативное влияние технологий уже переходит определенный «порог» – из потенциального становится актуальным. Например, репост интернет-мемов, которые распространяют критику религиозных идей, политических убеждений, национальности, могут способствовать разжиганию нетерпимости в обществе, что влечет за собой юридические санкции [6, с. 43].

Отметим, что подобное двойственное воздействие информационных технологий на их пользователей имеет очень широкий охват: никакие группы не могут его полностью избежать, поскольку это закономерность развития техногенной цивилизации – безудержная вера в научно-технический прогресс и тех, кто его вершит. Нельзя не согласиться с тем, что «современная техногенная цивилизация таит в себе… угрозу деформации ценностно-нормативных основ общества, т. е. культуры, через реальное и потенциальное мани-

пулирование общественным сознанием в интернете» [7, с. 59]. Культура, духовная жизнь становятся уязвимыми перед разрастающейся мощью цифровых технологий. Поэтому гуманитарные риски цифровизации возрастают. Как писал словенский философ С. Жижек, нынешняя эпоха, вызванная повсеместной цифровизацией нашей жизни, включает в себя и «прямой цифровой доступ к нашей духовной жизни» [8, с. 159].

Однако степень влияния ИКТ на разные группы населения разная. Молодежь – одна из самых уязвимых групп, так как она не защищена личным опытом критического анализа интернет-информации и отбора достоверной информации в виртуальном поле в целом. И чем больше времени молодые люди проводят в виртуальном мире, тем больше они подвергают себя неосознаваемым рискам социально-гуманитарной безопасности. Поскольку жизнедеятельность студентов тесно связана с использованием цифровых технологий, при их постоянном использовании у студентов может возникнуть устойчивая потребность постоянного обращения к гаджетам, которая в чем-то сродни привыканию к наркотическим средствам. Освобождение от цифровой зависимости может быть достигнуто за счет вовлечения молодежи в активные формы жизнедеятельности, где цифровые технологии играют второстепенную роль. Даже когда студенты обращаются к интернет-технологиям в учебных целях, но без консультации с преподавателями о том, к каким источникам информации следует обращаться, а к каким нет, они могут попасть в «ловушку цифровизации»: полагать, что чем более сложные технологии они используют, тем достовернее получаемая информация. На самом деле технические нормы работы с цифровой информацией не гарантируют надежности получаемых знаний и не создают эффективных способов повышения их достоверности. Поэтому широкое применение цифровых технологий в вузах должно сопровождаться усилением воспитательной работы, а также повышением уровня преподавания социально-гуманитарных дисциплин, которые дают молодежи научные знания об обществе.

Высокие студенческие оценки роли цифровых технологий в современном обществе могут стать источником рисков в их практической деятельности. В проведенных нами в 2022–2024 гг. опросах студентов республики 85–90 % респондентов согласились с утверждениями, что цифровые технологии делают жизнь более легкой, создают возможности для карьерного роста, повышают свободу и обеспечивают возможность для саморазвития и творчества [9]. Эти ответы студентов свидетельствуют об их радикальном оптимизме в оценке роли цифровых технологий в обществе и слабой информированности о связанных с ними рисках. Данные высказывания односторонне описывают даже виртуальную реальность, а следование этим положениям на практике может дезориентировать молодежь и привести к результатам, которых они не ожидают (не найти «работу мечты» с высоким уровнем цифровизации, разочароваться в социальных институтах общества, функционирующих не по законам виртуального мира). В настоящее время, как отмечается в литературе, педа-

гоги уже сталкиваются с массовым использованием учащимися и студентами ИКТ для подготовки письменных работ [10, с. 20]. Для молодых людей очень заманчиво заказать и получить подготовленный с помощью искусственного интеллекта текст курсовой или даже диплома за один день и не тратить на научную работу свои силы и время. Но вряд ли можно согласиться, что в этом и состоит творческое развитие личности с помощью цифровизации. Скорее, это косвенное разрушение ее потенциала, ориентирующее на легкие достижения целей – сначала учебных, а затем, возможно, и других. Более того, использование нейронных языковых GPT-моделей может легко способствовать распространению дезинформации даже в сфере образования.

На основании данных проведенных нами эмпирических исследований методом опроса были выделены две эмпирические закономерности, подтвержденные результатами интервью и фокус-групп со студентами.

1. Гуманитарные риски национальной безопасности, связанные с цифровизацией, накладываются на идеологические риски и взаимно усиливаются. В условиях обострения идеологической войны, как это имело место в Беларуси в 2020 г., эти двойные риски представляют актуальную проблему. В данном случае цифровые технологии используются для манипулирования сознанием и поведением молодежи в целях деструктивного влияния на государственную идеологию и социально-гуманитарные ценности белорусского народа. Для минимизации подобных рисков требуется постоянная профилактическая воспитательная работа со студентами. Кроме того, необходимо обучение студенчества критическому мышлению и способам, позволяющим отличить фейки от объективной информации. Как заявил министр информации Республики Беларусь М. С. Марков, «нет универсального метода страховки от “фейков”, но всегда есть способы проверить информацию, полученную из недостаточно достоверных источников» [11].

2. Гуманитарные риски, связанные с абсолютизацией цифровых инноваций, стимулируют рост потребительских ориентаций молодежи: студенты постоянно озабочены тем, чтобы приобрести цифровые новинки, купить новый смартфон, компьютер и т. п. Это не только излишняя трата их финансовых средств, но и следование рекламе и моде, – факторам, мешающим молодежи мыслить самостоятельно и критически анализировать свои реальные потребности.

Чрезмерное погружение современного студенчества в виртуальную реальность, абсолютизация молодыми людьми роли ИКТ в современном обществе и безоговорочное доверие к соцсетям становятся серьезными противниками профессорско-преподавательскому составу в процессе обучения и воспитания молодежи. Речь идет не об отказе от инновационных цифровых технологий, а об их дозированном использовании [12, с. 16]. Не надо думать, что только специалисты в области цифровизации могут дать студентам объективные знания и представления о тех инновационных процессах и их противоречивом характере, которые связаны с цифровизацией. Преподаватель любой дисци-

плины в состоянии это сделать, причем не специально, а как бы мимоходом преподнося студентам те или иные сведения о цифровизации в стране, мире, ее проблемах, непредсказуемых последствиях автоматизации для сферы труда и особенно цифровых рисков для идеологической сферы, которая по-прежнему является полем идейного противоборства стран.

Чтобы противостоять цифровым рискам и не допускать их распространения в социально-гуманитарной сфере, необходимо усиление воспитательного воздействия педагогов на студенчество. Независимо от развития цифровых технологий и степени их внедрения в процессы обучения, нельзя преуменьшать роль профессорско-преподавательского звена, поскольку живое общение с педагогом не заменят никакие технологии, а влияние на мировоззрение молодежи могут оказать именно педагоги, обладающие опытом и знаниями. В этих условиях повышается роль дисциплин социально-гуманитарного цикла, которые нужны студентам всех специальностей, потому что на их основе у молодежи формируется научное мировоззрение и понимание противоречий развития общества, включая и противоречия цифровой трансформации. Активное продвижение идеи преподавания широкого спектра дисциплин социально-гуманитарного цикла в высших учебных заведениях может оказать значительную помощь в формировании объективных представлений об обществе, в воспитании любви к своей стране.

Нужно искать и другие социальные механизмы, эффективные для сдерживания гуманитарных угроз, которые неизбежны в условиях цифровой трансформации, но все же поддаются определенному социальному образовательному воздействию. Значительную роль могли бы сыграть преподаватели всех дисциплин, активно включаясь в воспитательные процессы и оказывая на студентов личностное влияние в формировании более сбалансированной оценки цифровизации. На практике важно вовлекать студентов в военно-патриотическую деятельность, краеведение, волонтерство и акции в защиту окружающей среды, которые определяют жизнь общества не меньше, чем цифровые инновации.

Задачи по противостоянию рискам гуманитарной безопасности молодежи включают широкое информирование студентов о происходящих в мире и стране важных событиях. Такое информирование должно сопровождаться научным объяснением этих событий и процессов, а в случае необходимости – разоблачением фейков и идеологических манипуляций.

В заключение повторим, что для эффективного противостояния воздействиям, направленным на манипулирование молодежным сознанием и поведением, а также для разъяснения закономерностей протекания цифровых трансформаций в обществе студенческой молодежи нужно постоянно предоставлять объективные знания социально-гуманитарного характера, которые помогают развивать умения самостоятельно анализировать потребляемую информацию и понимать, каким интернет-ресурсам и Telegram-каналам можно доверять, и как проверить правдивость информации.

Список использованных источников

1. *Радаев, В. В.* Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023. – 296 с.

2. *Бабосов, Е. М.* Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны / Е. М. Бабосов, Ю. Л. Баньковская // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 2. – С. 29–34.

3. Александр Лукашенко встретился со студентами инженерно-технических вузов в формате «Открытый микрофон» // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/events/posesenie-belorusskogo-gosudarstvennogo-universiteta-informatiki-i-radioelektroniki/ (дата обращения: 28.09.2024).

4. *Титаренко, Л. Г.* Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков / Л. Г. Титаренко // Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 115–124.

5. *Титаренко, Л. Г.* Инновационные возможности и гуманитарные риски цифровых технологий / Л. Г. Титаренко // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2024. – № 1. – С. 75–81.

6. *Гараева, Э. И.* Влияние мемов на студенческую молодежь (на материалах социологического исследования) / Э. И. Гараева // Альма-Матер. – 2024. – № 9. – С. 41–44.

7. *Павлова, Е. Г.* Современные риски размывания субъективной идентичности личности в виртуализированном интернет-пространстве / Е. Г. Павлова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 3. – С. 59–63.

8. *Жижек, С.* Небеса в смятении / С. Жижек ; пер. с англ. М. Леоновича. – М. : АСТ, 2022. – 320 с.

9. *Титаренко, Л. Г.* Культура использования цифровых инновационных технологий студенчеством: проблемы и риски / Л. Г. Титаренко // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 2. – С. 52–57.

10. *Доброродний, Д. Г.* Использование технологий искусственного интеллекта как новый этап цифровизации образования: перспективы и риски / Д. Г. Доброродний // Высшая школа. – 2024. – № 2. – С. 18–22.

11. Марков рассказал, как создаются и чем опасны фейки // Sputnik.by. – URL: https://news.mail.ru/politics/63279850/ (дата обращения: 19.10.2024).

12. *Жуков, В. Н.* Об утраченной особенности советского образования и науки / В. Н. Жуков // Альма-Матер. – 2024. – № 9. – С. 15–19.

Поступила 27.10.2024 г.

УДК 316.43/316.334:001

И. Н. ШАРЫЙ,

кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: sssis2007@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С 2010 ПО 2023 г.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты сравнительного анализа тенденций динамики кадрового потенциала науки в регионах Республики Беларусь, выявлены этапы изменений численности исследователей региональных научных организаций с учетом уровня их научной квалификации. Сделан вывод, что восстановление положительной динамики численности исследователей с ученой степенью после периода их сокращения носит более сложный характер, чем восстановление численности исследователей без ученой степени.

Ключевые слова: кадровый потенциал науки, регионы Республики Беларусь, динамика численности исследователей, этапы изменений, ученая степень, сравнительный анализ.

I. N. SHARY,

Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: sssis2007@mail.ru

MAIN TRENDS IN THE DYNAMICS OF HUMAN RESOURCES POTENTIAL OF SCIENCE IN THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS FROM 2010 TO 2023: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article presents the results of comparative analysis of trends in the dynamics of human resources potential of science in the regions of the Republic of Belarus, reveals the stages of changes in the number of researchers of regional scientific organizations, taking into account the level of their scientific qualification. It is concluded that the recovery of positive dynamics of the number of researchers with a degree after the period of their reduction is more complicated than the recovery of the number of researchers without a degree.

Keywords: personnel potential of science, regions of the Republic of Belarus, dynamics of the number of researchers, stages of change, academic degree, comparative analysis.

На современном этапе развития науки одной из наиболее важных является проблема воспроизводства научных кадров. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь (редакция 2024 г.) совершенствование научно-технологического потенциала Республики Беларусь относится к стратегическим национальными интересам, к числу основных

национальных интересов в научно-технологической сфере относится обеспеченность различных сфер деятельности общества и государства научными кадрами [1]. В Концепции к источникам угроз в кадровой сфере науки отнесено «снижение уровня подготовки и обеспеченности научными кадрами, в том числе высшей квалификации, рост среднего возраста научных работников» [1].

Существенное значение имеет вывод о том, что проблема воспроизводства кадрового потенциала науки повышается в условиях перехода экономики на инновационный путь развития [2, с. 362]. В социологических работах подчеркивается актуальность этого положения. Так, С. Ю. Демиденко отмечал, что проблема воспроизводства научных кадров актуальна «особенно в векторе инновационного развития экономики» [3, с. 66]. Российский социолог М. Ф. Черныш, характеризуя современное состояние науки, обращает особое внимание на то, что «одна из главных ее проблем на сегодняшний день лежит в области воспроизводства, пополнения квалифицированными кадрами, способными к самостоятельной научной деятельности» [4, с. 12]. Подчеркивая важность воспроизводственных процессов в более широком плане, этот же автор писал, что в современном мире далеко не редкость ситуация, когда стабильное воспроизводство может оказаться важнее, чем социальная или экономическая новация [5, с. 6].

Для социологического исследования воспроизводственных процессов в сфере научной деятельности актуальным является разработка теории среднего уровня, включающей историко-культурное измерение, а также эмпирические исследования.

В настоящее время при изучении процесса социального воспроизводства кадрового потенциала белорусской науки остается не рассмотренным в должной мере региональный аспект проблемы, что во многом объясняется ограниченностью эмпирических данных. В то же время важная роль регионов в социально-экономическом развитии Республики Беларусь предполагает необходимость изучения особенностей регионального развития научной сферы и ее кадрового потенциала. Недостаточная изученность в контексте социологической науки особенностей динамики кадрового потенциала науки в областях республики в рамках периодов большой длительности, существенно превышающих пятилетний период, существенно ограничивает возможности для комплексного исследования его воспроизводства и, соответственно, разработки мер по повышению эффективности региональной кадровой политики.

В наиболее общем виде основные тенденции воспроизводства кадрового потенциала науки характеризует динамика численности и структуры научных кадров на продолжительном временном этапе. Целью работы является сравнительный анализ основных тенденций динамики кадрового потенциала науки в регионах Республики Беларусь за период с 2010 по 2023 г., определение этапов изменений численности исследователей с учетом уровня их научной квалификации в региональных научных организациях.

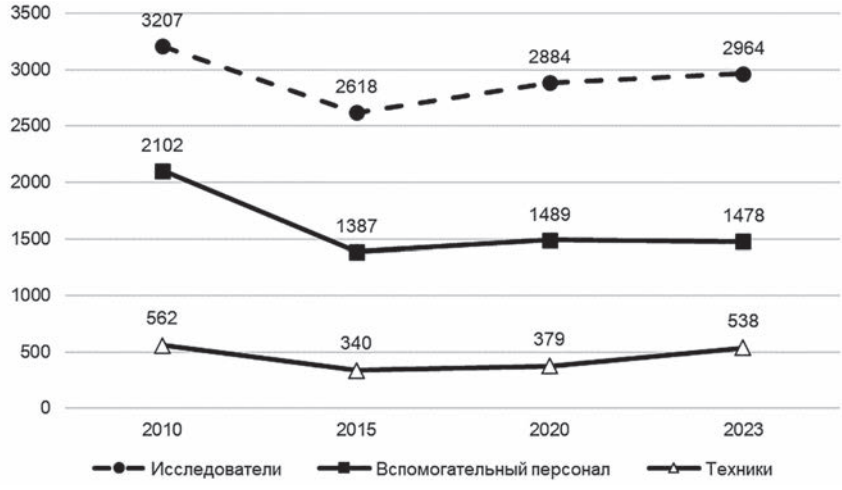


Рис. 1. Динамика численности персонала, занятого НИР, в областях Республики Беларусь (без Минской области) с 2010 по 2023 г. [6; 7]

Общие данные, характеризующие динамику персонала, занятого исследованиями и разработками в областях Республики Беларусь (без Минской области), за период с 2010 по 2023 г. представлены на рис. 1. В общей численности персонала, занятого НИР, наибольшую долю занимают исследователи, существенно меньше доля вспомогательного персонала, а доля техников является самой малочисленной. За временной период с 2010 по 2020 г. тенденции изменения численности рассматриваемых категорий работников были одинаковыми. С 2010 по 2015 г. в областях Республики Беларусь (без Минской области) численность исследователей, вспомогательного персонала и техников сократилась, а с 2015 по 2020 г. отмечался рост численности рассматриваемых категорий работников. Из представленных данных следует, что численность исследователей с 2010 по 2015 г. уменьшилась на 18,4 %, вспомогательного персонала – на 34,0 %, техников – на 39,5 %. Таким образом, за рассматриваемый временной период темпы сокращения численности техников оказались более чем в 2 раза выше темпов снижения численности исследователей, а темпы уменьшения численности вспомогательного персонала – в 1,8 раза больше (см. рис. 1). Исходя из этого, в областях Республики Беларусь (без Минской области) с 2010 по 2015 г. имела место отрицательная динамика численности всех категорий работников из числа персонала, занятого НИР. Следовательно, последующий процесс роста численности персонала, занятого НИР, после 2015 г. может рассматриваться как преодоление последствий предшествующей негативной динамики.

С 2015 по 2020 г. численность исследователей выросла на 10,2 %, вспомогательного персонала – на 7,4 %, а техников – на 11,5 %. Существенное увеличение численности персонала, занятого НИР, с 2015 по 2020 г. оказалось

недостаточным, чтобы была восстановлена его численность на уровне 2010 г. В последующем продолжился рост численности исследователей и техников. С 2020 по 2023 г. численность исследователей выросла на 2,8 %, а численность техников – почти на 42 %. Численность вспомогательного персонала за период с 2020 по 2023 г. несколько сократилась (на 0,7 %) (см. рис. 1).

Из приведенных данных следует, что с 2015 по 2023 г. в областях Республики Беларусь (без Минской области) численность исследователей, вспомогательных работников и техников увеличилась, однако позитивная динамика роста рассматриваемых категорий работников оказалась недостаточной, чтобы восстановить их численность на уровне 2010 г. и преодолеть последствия ее сокращения за период с 2010 по 2015 г. Кроме того, в областях Республики Беларусь (без Минской области) за рассматриваемый временной период на восстановление численности персонала, занятого НИР, который существенно сократился за пятилетие с 2010 по 2015 г., оказался необходим более продолжительный период, чем 5 лет. В целом с 2010 по 2023 г. в областях Республики Беларусь (без Минской области) численность исследователей сократилась на 7,6 %, вспомогательного персонала – на 29,7 %, техников – на 4,2 %. Отмеченные различия в динамике численности рассмотренных категорий работников сказались на структурных характеристиках персонала, занятого НИР, – с 2010 по 2023 г. доля исследователей в общей численности персонала областей Республики Беларусь выросла с 54,6 до 59,5 %, а вспомогательного персонала сократилась с 35,8 до 29,6 % (см. рис. 1).

При анализе динамики численности персонала, занятого НИР в Республике Беларусь, необходимо, наряду с соответствующими тенденциями в регионах, рассмотреть особенности изменений в г. Минске. Соответствующие данные представлены на рис. 2. В столице республики сокращение численности исследователей, вспомогательного персонала и техников было существенно более продолжительным, чем в областях (без Минской области). В г. Минске уменьшение численности персонала, занятого НИР, происходило с 2010 по 2020 г. (см. рис. 2).

Как следует из полученных данных, с 2010 по 2015 г. численность исследователей в г. Минске сократилась на 18,0 %, а с 2015 по 2020 г. – на 7,7 %, в целом с 2010 по 2020 г. – на 24,3 %. Численность вспомогательного персонала в г. Минске уменьшалась на всем протяжении рассматриваемого периода, при этом с 2020 по 2023 г. сокращение было незначительным, что свидетельствует о процессе стабилизации этой категории работников. В основном снижение численности вспомогательного персонала пришлось на период с 2010 по 2020 г. (на 25,8 %). Сокращение численности техников, входящих в состав персонала, занятого НИР в г. Минске, также имело место в период с 2010 по 2020 г., при этом темпы уменьшения численности этой категории работников составили 30,2 %, что существенно выше, чем соответствующий показатель сокращения численности исследователей и вспомогательного персонала за тот же период (см. рис. 2).

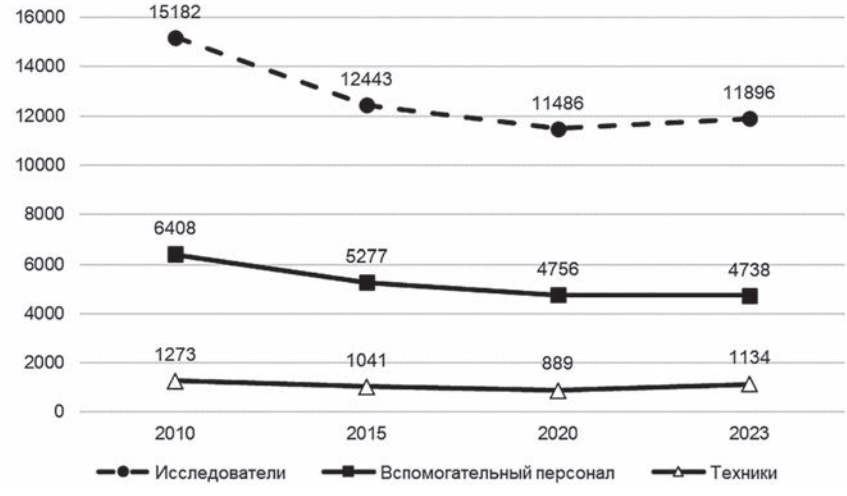


Рис. 2. Динамика численности персонала, занятого НИР, в г. Минске [6; 7]

Таким образом, период сокращения численности исследователей, вспомогательного персонала и техников в г. Минске (2010–2020 гг.) был значительно более продолжительным, чем этих же категорий работников в областях Республики Беларусь (2010–2015 гг.). При этом следует отметить, что темпы уменьшения численности персонала, занятого НИР в областях Республики Беларусь (без Минской области) с 2010 по 2015 г. были значительно выше, чем в г. Минске за тот же период. Однако позитивные изменения в регионах начали осуществляться уже с 2015 по 2020 г., тогда как в г. Минске сокращение численности персонала, занятого НИР, продолжалось. В г. Минске увеличение численности исследователей и техников началось только после 2020 г.: с 2020 по 2023 г. их численность увеличилась на 3,6 %, а техников – на 27,6 %. Численность вспомогательного персонала в г. Минске с 2020 по 2023 г. уменьшилась на 0,4 % (рис. 2). Таким образом, в г. Минске процессы стабилизации и роста численности исследователей, вспомогательного персонала и техников начались значительно позже (после 2020 г.), чем в регионах (после 2015 г.).

На рис. 3 представлены данные, характеризующие динамику численности персонала, занятого НИР, по секторам науки в Минской и других областях Беларуси с 2010 по 2023 г. В регионах республики подавляющее большинство персонала приходится на предпринимательский сектор науки. С 2010 по 2015 г. численность персонала, занятого НИР, в предпринимательском секторе науки Минской и других областях страны сократилась. При этом численность персонала, занятого НИР, в предпринимательском секторе Минской области уменьшилась на 5,3 %, тогда как в других областях республики соответствующий показатель для рассматриваемой категории работников был в несколько раз выше – 25,1 % (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в различных секторах науки Минской и других областей Республики Беларусь с 2010 по 2023 г. [8–20]

Темпы роста численности персонала, занятого НИР, в предпринимательском секторе науки с 2015 г. по 2020 г. в Минской области были значительно выше, чем в других областях республики (28,1 и 12,4 % соответственно). С 2020 по 2023 г. численность персонала, занятого НИР, в предпринимательском секторе науки Минской области увеличилась почти на 9 %, а в других областях республики – на 4,9 %. Темпы роста численности персонала, занятого НИР, в предпринимательском секторе науки Минской области после 2015 г. были более чем в 2 раза выше по сравнению с другими областями в целом (39,6 и 18,0 %).

С 2010 по 2015 г. в Минской области численность персонала в государственном секторе науки выросла в 1,8 раза, а в других областях рассматриваемый показатель сократился почти на 30,0 %. Из полученных данных следует, что на этапе наибольшего сокращения численности персонала, занятого НИР в Республике Беларусь с 2010 по 2015 г., в Минской области имел место существенный рост численности персонала, занятого НИР в государственном секторе науки, а темпы сокращения численности персонала, занятого НИР в предпринимательском секторе науки, были значительно меньше, чем в других областях страны. В областях Республики Беларусь (без Минской области) с 2010 по 2015 г. численность персонала, занятого НИР, в вузовском секторе науки уменьшилась на 27,2 %. Следовательно, на этом временно́м этапе темпы сокращения численности персонала, занятого НИР в государственном, предпринимательском и вузовском секторах науки в областях республики (без Минской области), оказались высокими (30,0, 25,1 и 27,2 % соответственно) (см. рис. 3).

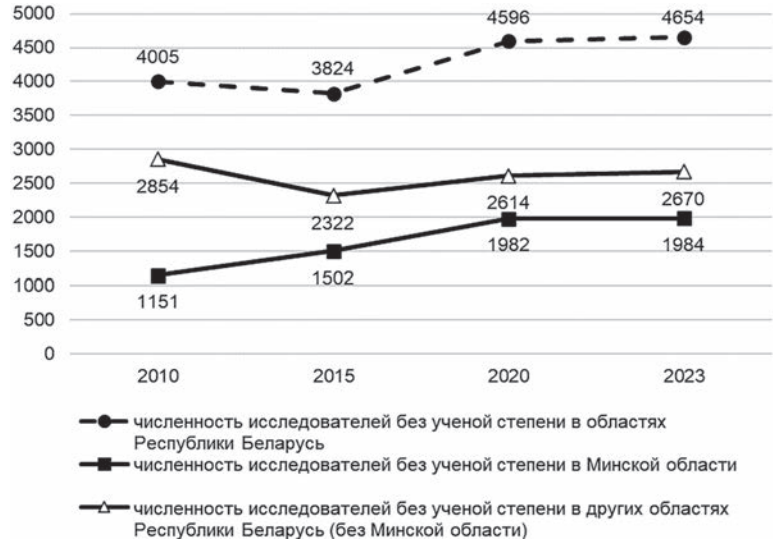


Рис. 4. Динамика численности исследователей без ученой степени в Республике Беларусь, Минской и других областях с 2010 по 2023 г. [6; 7]

На рис. 4 представлены данные о динамике численности исследователей без ученой степени в Республике Беларусь, Минской и других областях страны с 2010 по 2023 г. С 2010 по 2015 г. численность исследователей без ученой степени во всех областях Беларуси сократилась всего на 4,5 %, а с 2015 по 2020 г. выросла на 20,2 % .

Сокращение численности персонала, занятого НИР, с 2010 по 2015 г. в меньшей мере сказалось на численности исследователей без ученой степени в регионах Беларуси. В 2020 г. численность исследователей без ученой степени в областях республики была на 14,8 % больше, чем в 2010 г., а в 2023 г. – на 16,2 % больше. В то же время на положительную динамику численности исследователей без ученой степени в регионах республики определяющее влияние оказал рост численности этой категории исследователей в Минской области. С 2010 по 2015 г. численность исследователей без ученой степени в Минской области выросла на 30,5 %, тогда как в других областях республики она сократилась на 18,6 %. С 2015 по 2020 г. численность исследователей без ученой степени в областях республики (без Минской области) увеличилась на 12,6 %, а в Минской области – почти на 32,0 %. С 2020 по 2023 г. численность исследователей без ученой степени в областях республики продолжала расти, но более умеренными темпами. В областях республики (без Минской области) численность исследователей стала увеличиваться после 2015 г., однако восстановления численности этой категории исследователей на уровне 2010 г. пока не произошло (см. рис. 4), т. е. последствия сокращения с 2010 по 2015 г. пока полностью не преодолены.

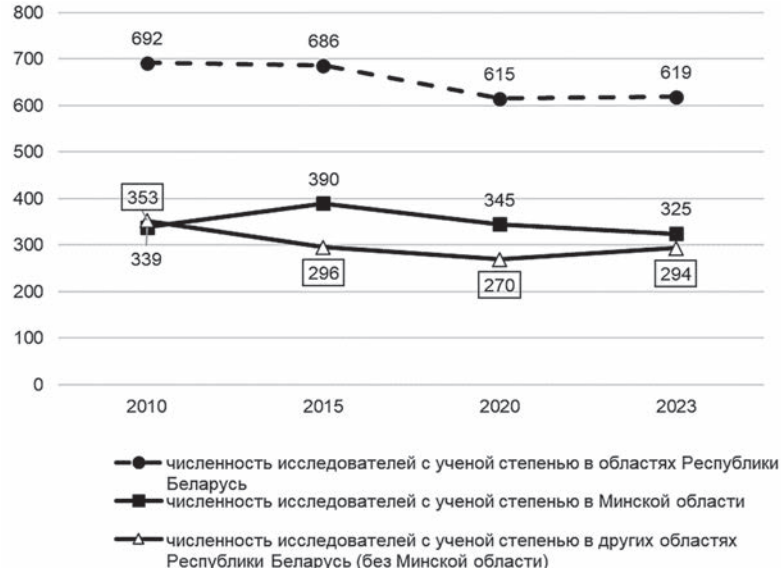


Рис. 5. Динамика численности исследователей с ученой степенью в Республике Беларусь, Минской и других областях с 2010 по 2023 г. [6; 7]

В результате роста с 2010 по 2023 г. численности исследователей без ученой степени в Минской области в 1,7 раза и сокращения за этот период их численности в других областях (без Минской области) на 6,4 %, произошли существенные изменения в структуре распределения численности этой категории работников в региональном срезе. С 2010 по 2023 г. доля исследователей без ученой степени в общей численности исследователей без ученой степени в Минской области увеличилась с 28,7 до 42,6 % соответственно, доля этой категории исследователей в других областях сократилась с 71,3 до 57,4 % (см. рис. 4).

На рис. 5 представлены данные о динамике численности исследователей с ученой степенью в областях Республики Беларусь в целом, а также отдельно в Минской и других областях с 2010 по 2023 г. В целом в областях Республики Беларусь с 2010 по 2015 г. численность докторов и кандидатов наук сократилась незначительно – на 0,9 %. Из этого следует, что на этапе наибольшего снижения численности персонала, занятого НИР в стране с 2010 по 2015 г., численность исследователей с ученой степенью оставалась относительно стабильной. В то же время за этот период в Минской области численность исследователей с ученой степенью выросла на 15,0 %, а численность исследователей с ученой степенью в областях Республики Беларусь (без Минской области) сократилась на 16,1 % (см. рис. 5). Таким образом, только в Минской области с 2010 по 2015 г. имел место рост численности исследователей с ученой степенью, тогда как в других областях республики численность исследователей без ученой степени снизилась в рамках общего тренда сокращения численности персонала, занятого НИР.

В основном уменьшение численности исследователей с ученой степенью в областях республики пришлось на период с 2015 до 2020 г. – на этом временном этапе она сократилась на 10,3 %. С 2015 по 2020 г. численность исследователей с ученой степенью в Минской области сократилась на 11,5 %, а в других областях – на 8,8 %. С 2010 по 2020 г. численность исследователей с ученой степенью в областях Республики Беларусь в целом снизилась на 11,1 %, в Минской области увеличилась на 1,8 %, в других областях сократилась на 23,5 % (см. рис. 5).

Данные показывают, что динамика сокращения численности исследователей с ученой степенью и исследователей без ученой степени в регионах республики (без Минской области) качественно различалась. Сокращение численности исследователей без ученой степени в областях республики (без Минской области) пришлось на 2010–2015 гг., а с ученой степенью – на 2010–2020 гг., т. е. период сокращения численности исследователей с ученой степенью оказался более продолжительным, соответственно рост численности (преодоление тенденции сокращения) начался значительно позже. С 2020 по 2023 г. численность исследователей с ученой степенью в регионах Республики Беларусь (без Минской области) выросла на 8,9 %. Однако в Минской области с 2020 по 2023 г. численность исследователей с ученой степенью сократилась на 5,8 % (рис. 5).

В 2023 г. численность исследователей с ученой степенью в областях республики (без Минской области) была почти восстановлена на уровне 2015 г., но оставалась меньше, чем в 2010 г. (на 16,7 %).

В Минской области с 2010 по 2015 г. росла численность исследователей с ученой и без ученой степени, однако в последующем, после 2015 г., численность исследователей с ученой степенью стала сокращаться, тогда как увеличение численности исследователей без ученой степени продолжалось.

Таким образом, в областях республики (без Минской области) сокращение численности исследователей с ученой степенью было преодолено (после 2020 г.), но в Минской области после 2020 г. продолжалось сокращение численности этой категории исследователей. С 2015 по 2023 г. численность исследователей с ученой степенью в Минской области уменьшилась на 16,7 %, а в областях республики (без Минской области) – на 0,7 % (см. рис. 5).

Выявленные в процессе анализа особенности динамики численности персонала, занятого НИР, исследователей с ученой степенью и без ученой степени на различных этапах изменений с 2010 по 2023 г. оказали существенное влияние на изменение доли научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей в областях Республики Беларусь. Сравнительные данные об изменении доли исследователей с ученой степенью в общей численности исследователей в республике, г. Минске и областях представлены на рис. 6.

За рассматриваемый временной период доля исследователей с ученой степенью в их общей численности в Республике Беларусь несколько сократилась – с 19,6 до 18,7 %. Доля исследователей с ученой степенью в общей

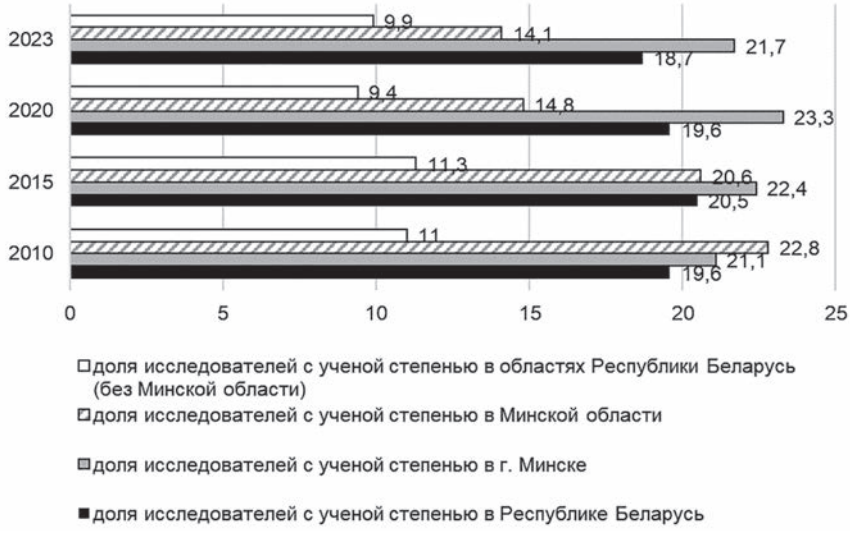


Рис. 6. Динамика доли исследователей с ученой степенью в Республике Беларусь, г. Минске, Минской и других областях с 2010 по 2023 г. [6; 7]

численности исследователей в г. Минске почти не изменилась (21,1 % в 2010 г. и 21,7 % в 2023 г.). В наибольшей степени уменьшилась доля исследователей с ученой степенью в их общей численности в Минской области (с 22,8 % в 2010 г. до 14,1 % в 2023 г.). В областях республики (без Минской области) доля исследователей с ученой степенью сократилась с 11 % в 2010 г. до 9,9 % в 2023 г. Следует отметить, что в Минской области с 2010 по 2015 г. доля исследователей с ученой степенью в общей их численности оставалась высокой, сопоставимой с аналогичным показателем в г. Минске, а существенное снижение этого показателя в Минской области произошло после 2015 г. За рассматриваемый временной период наиболее высоким и стабильным показатель доли исследователей с ученой степенью в их общей численности оставался в г. Минске (см. рис. 6).

Проведенный сравнительный анализ особенностей динамики кадрового потенциала науки в регионах Беларуси показал, что с 2010 по 2015 г. общей тенденцией было сокращение численности персонала, занятого НИР, за исключением Минской области. Выявлено, что на этом этапе в областях республики (за исключением Минской области) темпы снижения численности исследователей без ученой степени были существенно выше, чем темпы сокращения численности исследователей с ученой степенью. Показано, что в областях Республики Беларусь после 2015 г. была обеспечена стабилизация, а затем и рост численности исследователей без ученой степени. Определено, что сокращение численности исследователей с ученой степенью в областях Республики Беларусь (без Минской области) продолжалось с 2010 по 2020 г., т. е. временной период сокращения этой категории исследователей был суще-

ственно больше, чем исследователей без ученой степени. После 2020 г. обеспечен рост численности исследователей с ученой степенью в областях республики (без Минской области). В Минской области после роста с 2010 по 2015 г. численность исследователей с ученой степенью сокращалась с 2015 по 2023 г.

Сделан вывод, что восстановление положительной динамики численности исследователей с ученой степенью после периода их сокращения носит существенно более сложный характер, чем восстановление численности исследователей без ученой степени. Для обеспечения устойчивого процесса воспроизводства кадрового потенциала науки в регионах Республики Беларусь необходима разработка дополнительных мер, учитывающих сложный характер процесса воспроизводства научных кадров высшей квалификации. В рамках мониторинга воспроизводства кадрового потенциала науки в Республике Беларусь целесообразно в значительно большей мере учитывать особенности воспроизводства кадрового потенциала науки в регионах. Необходимо на систематической основе осуществлять сравнительный анализ кадровой динамики в научной сфере областей республики с учетом структурных изменений на уровне секторов науки, изменений в квалификационной и дисциплинарной структуре научных кадров, с учетом особенностей подготовки научных кадров высшей квалификации на региональном уровне.

Список использованных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь, 2024. – 64 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

2. *Шарый, И. Н.* Динамика воспроизводственной структуры исследователей и ее влияние на стабилизацию их численности / И. Н. Шарый // Социологический альманах. – Мн., 2018. – Вып. 9. – С. 350–362.

3. *Демиденко, С. Ю.* К вопросу о воспроизводстве научных кадров / С. Ю. Демиденко // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 65–73.

4. *Черныш, М. Ф.* Как быть в текущей ситуации? / М. Ф. Черныш // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 12–18.

5. *Черныш, М. Ф.* И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы / М. Ф. Черныш // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 3–13.

6. Регионы Республики Беларусь, 2016 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мн., 2016. – Т. 1 : Социально-экономические показатели. – 774 с.

7. Регионы Республики Беларусь, 2024 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мн., 2024. – Т. 1 : Социально-экономические показатели. – 698 с.

8. Статистический ежегодник Брестской области, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Брест. обл. – Брест, 2016. – 457 с.

9. Статистический ежегодник Брестской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Брест. обл. – Брест, 2024. – 344 с.

10. Статистический ежегодник Витебской области, 2016 / Гл. стат. упр. Витеб. обл. – Витебск, 2016. – 469 с.

11. Статистический ежегодник Витебской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Витеб. обл. – Мн., 2024. – 346 с.

12. Статистический ежегодник Гомельской области, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Гомел. обл. – Гомель, 2016. – 460 с.

13. Статистический ежегодник Гомельской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Гомел. обл. – Мн., 2024. – 341 с.

14. Статистический ежегодник Гродненской области, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Гродн. обл. – Гродно, 2016. – 466 с.

15. Статистический ежегодник Гродненской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Гродн. обл. – Мн., 2024. – 344 с.

16. Статистический ежегодник Минской области, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Мин. обл. – Мн., 2016. – 466 с.

17. Статистический ежегодник Минской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Мин. обл. – Мн., 2024. – 339 с.

18. Статистический ежегодник Могилевской области, 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Могилев. обл. – Могилев, 2016. – 462 с.

19. Статистический ежегодник Могилевской области, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. Могилев. обл. – Могилев, 2024. – 341 с.

20. Статистический ежегодник города Минска, 2024 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; Гл. стат. упр. г. Минска. – Мн., 2024. – 2016 с.

Поступила 15.01.2025 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.614.5:314.6+646.663:316.346.2–055.2(063)

A. M. BELSKI,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: ksander_mogilev@mail.ru

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF WOMEN IN RURAL AREAS IN A SOCIOLOGICAL DIMENSION (BASED ON THE RESULTS OF AN INTERNATIONAL RESEARCH PROJECT)

The article reflects the key results of a comprehensive sociological study (implementation period – 2nd half of 2023, methods of collecting information – questionnaire survey, focus group discussions, in-depth interviews), which made it possible to identify the features of life and entrepreneurial activity in rural settlements of the country from a gender perspective. The stated project is being implemented to provide support to the Government of the Republic of Belarus and the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Belarus, as well as to the state and local authorities in fulfilling their commitments to the development of rural areas, thereby contributing to the achievement of Sustainable Development Goals.

Keywords: infrastructure, entrepreneurship, gender balance, land use, agriculture.

А. М. БЕЛЬСКИЙ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: ksander_mogilev@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА)

В статье отражаются ключевые результаты комплексного социологического исследования (срок реализации – 2-е полугодие 2023 г., методы сбора информации – анкетный опрос, фокус-групповые дискуссии, глубинные интервью), которое позволило выявить особенности жизни и ведения предпринимательской деятельности в сельских населенных пунктах страны в гендерном разрезе. Заявленный проект осуществлялся в целях оказания поддержки Правительству Республики Беларусь и Министерству сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, а также органам республиканского и местного управления в выполнении взятых на себя обязательств по развитию сельских территорий, способствуя тем самым достижению Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: инфраструктура, предпринимательство, гендерный баланс, землепользование, сельское хозяйство.

Introduction. Sociological research on the processes taking place in rural communities provides an opportunity to develop a wide range of effective approaches on agricultural and natural resources management programs, as well as rural women's access to decision-making, finance, «green technologies», etc. Based on its findings an evidence foundation for broader rural development solutions can be provided [1]. Country assessments are usually based on the analysis of scientific literature and statistical data provided by national statistical offices. But for a comprehensive analysis they need to be complemented with data on various qualitative indicators derived from information collected by implementation of sociological research methods [2].

Peasant and private farm households play an important role in ensuring national food and nutrition security by growing fruits and vegetables, and producing meat and dairy products for local consumption. However, so far full-fledged analysis on women's contribution to the economy of peasant and private farm households has not been conducted. A time budget study carried out in Belarus in 2014–2015 showed that women living and working in rural areas spend more time on domestic chores and caring for children, the elderly and the sick than women living in urban areas, and twice as much time as men living in rural areas. These factors affect the type of their employment compared to both urban women and rural men [3; 4]. Rural women's domestic chores are difficult to be separated from their work as family members on private farm households. These are small plots of land and kitchen gardens. Data collected by the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), based on international data, indicate a link between gender and productivity in the agricultural sector, due to rural women's invisible labour and access to key resources, such as productive assets, knowledge, skills and information, finance, agricultural production resources, digital and innovative technologies.

The effective and rational use of the rural areas' potential can ensure not only their development, a decent standard of living and quality of life in the villages, but also the sustainable development of the country as a whole. In this respect, the regulation of the social and economic development of rural areas is the most important task of public authorities, which need objective information on the processes taking place in rural areas. In order to develop and implement the programs in the field of agriculture successfully and contribute to the proliferation of these territories, as well as to solve the problems they face, it is necessary to provide scientific support for state territorial regulation. It can assist public authorities to set up regional programs for integrated development of rural areas, organization and methodological support.

Taking into account the relevance of the stated problem, The Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, with the support of FAO, is directly involved in the development of scientifically based socially inclusive policies and programs in the field of agriculture and food security, aimed at increasing agricultural productivity and profitability of agriculture and other rural activities by promoting favourable economic conditions in entrepreneurship. The above mentioned project is implemented in order to support the Government of the Republic

of Belarus and the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Belarus, as well as national and local authorities to fulfill their duties on rural development, thus contributing to the achievement of sustainable development goals.

Method. In order to achieve the full-scale objectives of the study, information was collected using both quantitative and qualitative methods. The timing of the field stage is October – November 2023. Quantitative method of information collection: Using a questionnaire survey, 456 female respondents living in rural areas of Brest, Vitebsk and Minsk regions were interviewed. A qualitative method of collecting information: during the implementation of the study, 6 focus group discussions were organized, as well as 13 in-depth interviews.

Results and discussion. Agricultural activities play a key role in ensuring food security and the well-being of people living in rural areas. The main types of agricultural activities are: plant growing, cattle breeding, horticulture, floriculture.

Gender division of labour in agriculture is the practice when certain types of agricultural work are traditionally performed by people of a particular sex. For example, women are more likely to do harvesting, animal care and kitchen gardening, while men usually do heavy physical work such as ploughing and sowing. The gender division of labour in agriculture can be related to traditions, customs and cultural attitudes, as well as possibilities to get education and access to resources. It can limit women's ability to participate in decision-making, get education and be appointed to leadership positions in agriculture.

According to the results of the study, it can be noted that respondents do not see a gender difference in plant growing, cattle breeding and horticulture – they mostly state that men and women are involved equally in these areas. At the same time, floriculture is perceived by the survey participants as a typically "feminine" type of activity.

In the process of agricultural production and organization of everyday life in rural areas, women entrepreneurs as a rule distinguish typically "male" and typically "female" types of work: *"Let's say, plowing everything, preparing the land for planting − it all has to be done by the husband. This is such a man's work. And I do more women's work − to weed something. If we don't manage to do something, then we help each other"* (focus group participant, private subsidiary farm); *"Men's work is to install a small stove somewhere, to cover a greenhouse, to install shelves, to bring some soil. Women's work is to plant seedlings, to prick off [seedlings], to water, to feed"* (focus group participant, private subsidiary farm).

At the same time, women tend to empower men with a certain symbolic authority, feeling safe "behind their husbands", often regardless of the functional load he carries in reality: *"The peasant farm is registered as a property of my husband, personally I follow my husband in my case… No matter how many participants there are, there is always someone in charge. The one who has the last word… This is my husband, he is an independent mature person"* (focus group participant, peasant (farm) household); *"Well, well, of course, he is in charge there, I think so. Well, that's the way it is. At the moment, he is in charge there"* (focus group participant,

JSC); *"A woman is used to being behind a man"* (in-depth informant, village executive committee).

A comprehensive and effective infrastructural environment that effectively functions is one of the main factors of entrepreneurship development. Almost one in two women surveyed (48.2 %) believes that rural infrastructure contributes to the development of entrepreneurship. 55.8 % of female respondents in the 18–30 age group support this view. A quarter of the survey female participants (24.6 %), are of the opposite view, 27.2 % found it difficult to answer.

Survey participants who believe that the infrastructure of rural areas *does not* contribute to the development of entrepreneurship stated the following reasons: lack of markets for manufactured products (45.5 %), limited areas of entrepreneurship development (44.6 %), unavailability to get consultation (21.4 %). Other reasons were mentioned by 8.0 % of respondents. A quarter of respondents (25.9 %) found it difficult to answer the question.

Improving the infrastructure of rural settlements is an important step for the development of rural areas and improving the quality of life of their residents. Within the framework of improving the infrastructure of rural communities, the following activities should be carried out.

1. Construction and repair of roads to provide convenient access to villages and to improve transport infrastructure.

2. Construction of new social infrastructure facilities such as schools, kindergartens, medical centres, sports grounds.

3. Development of agriculture and agribusiness, including the establishment of modern farms; development of infrastructure for agricultural products processing.

4. Improving access to public utilities such as water supply, sewerage, electricity.

5. Improving accessibility of information technologies and the Internet for residents of rural areas.

6. Creating jobs and supporting entrepreneurship for the development of the rural economy.

Improving the infrastructure of rural communities contributes to improving the life of the rural population, attracting investment, developing tourism and creating favorable conditions for various types of activities. It is important to carry out systematic work on infrastructure modernization, taking into account the needs and peculiarities of each particular region and the country as a whole.

Access to land resources in agriculture can be realized in different ways. The most common forms of access to land resources in agriculture are: ownership of land, land lease, collective ownership, use of public land: in some areas of agriculture, farmers have access to public land for grazing livestock or growing crops [5]. Each country has its own laws and regulations that control access to land resources and define the rights and obligations of farmers and landowners. In the Republic of Belarus, citizens most often possess land plots on the right of ownership and on the right of lifetime inherited possession.

The right of lifetime inheritable ownership of a land plot includes the powers of possession and use except for the right to dispose of it. The only possibility for a citizen to dispose of a land plot granted under such a right is to inherit it. The owner of a land plot on such a right has all the opportunities to use it, but he has no right to sell, give a gift or otherwise alienate it.

The results of the survey showed that 43.9% of the women surveyed are registered owners of their land plots, and another 25.2% say that their spouse is the owner. Both spouses are named as owners in equal shares by 12.5 % of survey respondents, and 11.4 % indicate other household members. At the same time, women participated in the focus groups, often expressed the opinion that it does not matter to them who is the registered owner of the land plot, as all the decisions regarding business and land disposal are made together.

The noted methods for acquiring land are: purchase (45.6 %), inheritance (34.4 %), rent (9.9 %) were mentioned as the ways of land plot acquisition. Other ways of acquisition were mentioned by 7.2 % of female respondents, and 2.9 % indicated that the land plot is unregistered property.

Among the family members who work most on the land plot, the respondents mentioned themselves (36.6 %), all household members equally (29.8 %), both spouses equally (24.1 %), a spouse (6.1 %), employees (1.8 %).

The key aspect of agricultural activities is legal awareness. The results of the survey showed that 44.1 % of the interviewed women stated that they are aware of the legislation of the Republic of Belarus in the field of land plot use, 32.6 % are not aware, and 23.3 % of respondents found it difficult to answer.

The obtained survey data show that only 7.0 % of women who participated in the survey are engaged in entrepreneurial agricultural activities. Women who are currently engaged in agricultural entrepreneurship, in their majority neglect business planning – 84.4 %; only 15.6 % practice it in their businesses. Among those who neglect business planning, the most common opinion is that it is not a necessary element of business – 66.7 %. More than a third (37.0 %) admit that they do not have enough knowledge to make a business plan, 7.4 % have no idea what a business plan is and what it is for, and 3.7 % do not know who to contact for information and consulting assistance in making a business plan.

The most important condition for entrepreneurship is access to finance. The results of the survey showed that 37.5 % of the women surveyed need financial support to develop their entrepreneurial activities. 40.6 % of the women said they did not need it. Another 21.9 % of female respondents found it difficult to answer.

The absolute majority of women entrepreneurs (93.8 %) stated that they had never received financial support for their activities. Only 6.2 % of women entrepreneurs had previously received such assistance. It was provided by pubic authorities and services (50.0 %), as well as by relatives, friends and acquaintances (50.0 %).

The data obtained during the survey show that 81.2 % of female respondents engaged in entrepreneurial activity do not know about any special business financing programs for women, only 9.3 % of women entrepreneurs stated that they know about such programs.

Thus, taking into account the high level of problems with access to financing for rural businessmen, we can propose the following several ways to increase the level of access to financial resources for those working in the field of agriculture. Here are some of them.

1. Credits and loans: Agricultural businessmen should have a real opportunity to apply to banks, credit unions or other financial institutions for borrowing credits or loans for the development of their business. Some government programs may also provide agricultural businessmen with access to special loan products. Some government programs may also provide agricultural entrepreneurs with access to special loan services. Especially for young farmers. There may be no start-up conditions, as long as they have a business plan.

2. Investments: businessmen should be given the opportunity to attract investments from private investors, venture capital funds or other financial organizations for the expansion of their business under a simplified procedure.

3. Government support: It is important for the government to provide real support to agricultural businessmen in the form of grants, subsidies, soft loans and other types of financial support. Businessmen should be able to contact relevant government agencies or ministries for detailed information on available local financing opportunities.

4. Crowdfunding: this is a funding method where businessmen can attract funds from the general public through specialized online platforms.

5. Agricultural cooperatives: businessmen should be able to join agricultural cooperatives that provide access to common resources, financial services and outlets.

In addition, it is also important to take into account the possibility of receiving consultations and advice from specialised organisations and experts in the field of finance and agriculture in order to choose the most appropriate and efficient financial resources for their business, the crucial relevance of which is underlined by the results of the research [6].

Regardless of the size of the business, access to information and technology is a critical factor in business performance, facilitating informed decision-making and maximizing profits at identical resource costs.

As the survey data show, the majority of women entrepreneurs have never consulted specialists in the field of educational services on business activities (81.2 %), 18.8 % did so *sometimes*, and none of the respondents did so on a *regular basis.*

There is a lack of awareness among women entrepreneurs about the possibility of receiving educational services of this kind in the region – more than half of them found it difficult to answer the question (56.3 %). The share of "those who found it difficult to answer" indirectly indicates the lack of a formed need for targeted entrepreneurship education (respondents did not make a targeted search for such services in order to give a more definite answer). Often the lack of need for educational services is associated with the subjects' imaginary competence or their unrealistic assessment of their knowledge level. This is largely due to the general oversaturation of the information space, which creates the illusion of availability of any informa-

tion: *"Now you do not even need any courses, the Internet is full of information, there is enough information, but you have to devote time to I"* (focus group participant, peasant (farm) household).

About a third of women entrepreneurs (31.3 %) do not see the possibility of receiving educational services in the region, while 12.4 % indicated that such an opportunity does exist in the region.

The efficiency of agricultural production and entrepreneurship is directly linked to the availability of specialized machinery. Mechanization of labor often makes it possible to compensate for the lack of workers and is also a condition for scaling up production. However, many agricultural entrepreneurs cannot meet their need for specialized machinery.

According to the survey, half of women entrepreneurs believe that their households are sufficiently provided with machinery and equipment (50.0 %). The lack of specialized equipment in the household was indicated by 40.6 % – absolutely all of them cannot purchase the necessary equipment due to lack of financial resources. 9.4 % found it difficult to answer this question.

Acquisition of large agricultural machinery is extremely expensive − often women entrepreneurs, especially owners of private subsidiary farms, do not even consider the option of buying their own machinery due to the incomparability of their income and potential expenses: *"Mine is at a price… It costs so much money that it is even… So there is not even such a thought to buy such machinery"* (focus group participant, private subsidiary farm).

Problems of access to specialized equipment become a limiting factor in production due to lack of physical strength, especially if a woman runs an agricultural business alone or without an equal partner. In choosing to expand their agricultural business, women entrepreneurs inevitably face the need to mechanize production and find different ways to access machinery and equipment.

The product sales stage in agricultural entrepreneurship is the most unpredictable and stressful one, since centralized ways of selling products that bring profit from small volumes are practically absent. Every time, women entrepreneurs are forced to take risks when planning production volumes, solving the problem of finding sales markets at the individual level. Producers of perishable agricultural products are forced to resort to dumping in order to avoid mass disposal of unsold products.

The majority of women entrepreneurs surveyed sell their products at retail outlets – 68.8 %, about a third sell their products in bulk – 31.2 %. However, both selling methods have their own problems. In the case of retail trade, an entrepreneur, as a rule, needs to bring the product to the end consumer on his own. This makes it possible to sell one's products at a higher price, but requires specific skills, as well as willingness to compete for the best trading locations, transportation costs, advertising, etc.

In conditions of uncertainty regarding the sale of products, entrepreneurs in the field of agriculture have to make difficult decisions regarding the planning of production volumes and investments.

Despite a number of contradictions in the development of entrepreneurial initiatives identified above, half of the surveyed women living in rural areas (51.9 %) consider entrepreneurship to be a prestigious occupation, 18.2 % hold the opposite opinion, and 29.9 % could not decide on the answer.

As an advantage of entrepreneurial activity, more than half of the respondents noted the opportunity to independently plan their working hours – 61.4 %. At the same time, the share of respondents who see the main advantage of entrepreneurship in self–realization is also high – 48.2 % indicated the opportunity to do what they like, and 36.0 % indicated the opportunity to realize their dreams.

However, during the focus group discussions, the self-made women entrepreneurs could not boast of the opportunity to freely manage their time, since agricultural activities require high involvement, in addition, entrepreneurship is not always the main source of income. Sometimes women entrepreneurs find themselves in a paradoxical situation – in order to maintain their agricultural business, they are forced to work at a "permanent" job, investing profits exclusively in the development of the economy, without taking anything for personal needs.

The majority of respondents (67.8 %) see the disadvantages of entrepreneurship in the high risks of this type of activity, 52.2 % also specify that they are afraid of problems with the sale of manufactured products, and 9.0 % believe that entrepreneurial activity in society is not prestigious.

At the moment, the majority of the surveyed women living in rural areas (75.9 %) do not see themselves as entrepreneurs; 7.5 % are already engaged in entrepreneurship (however, not all in the field of agriculture), another 7.0 % are ready to try themselves in this business.

Among those interested in starting an entrepreneurial activity, 37.5 % would like to try themselves in agriculture, 31.2 % in handicrafts, 12.5 % would choose non-agricultural activities, and 6.2 % are focused on activities related to the preservation of traditional values and cultural heritage in rural areas.

Among those who are currently not ready for entrepreneurship, a third (33.2 %) indicates lack of financial resources as the main reason, 9.2 % do not have the necessary resources (such as land, machinery, etc.), 8.7 % do not feel the support of household members, 6.4 % lack information on entrepreneurship, 18.8 % indicated other reasons, including age restrictions and health problems.

Conclusion. Successful development of rural areas presupposes a harmonious combination of legal, economic and social components. The national policy in the field of agro-industrial complex is aimed at creating favorable and equal conditions for all economic entities, regardless of the forms and levels of ownership, as well as the socio-demographic status of their owners.

The conducted sociological research allowed to identify the peculiarities of life and entrepreneurship in rural communities in the gender context. As a result of analyzing data from a quantitative survey of rural women, as well as in-depth interviews and focus group discussions with women entrepreneurs, representatives of local administration, ministries and the business community, the main difficulties

faced by women living in rural areas were identified, and points of growth for the development of agricultural entrepreneurship were identified.

Improvement of *infrastructure in rural settlements* plays an important role in the development of agrarian business. The results of the survey have shown that the surveyed rural women are predominantly satisfied with the infrastructure of the settlements in which they live. At the same time, the modernization of infrastructure is of great importance, taking into account the needs and specifics of each particular region and the country as a whole.

The study of issues related to *access to land resources* has shown that rural women have plots of land both on the right of ownership and lifetime inherited ownership, and land is registered variably (for themselves, their spouses or other household members). It is worth mentioning that only less than half of the interviewed women stated that they have an understanding of the key norms of legal regulation in this area.

The analysis of issues related to *planning entrepreneurial activity* allows us to conclude that the majority of interviewed women entrepreneurs in agriculture do not make a business plan, as they do not see the need for it. In all phases of business planning, such as finding resources and markets, determining production volumes and allocating finances, the interviewed women entrepreneurs consider their participation to be predominant compared to all other household members.

Serious difficulties in finding markets and the lack of any guarantees on the sale of products do not allow agricultural female entrepreneurs to make long-term forecasts in their activities and strive to increase production. All this points to the urgent need for consulting support in the preparation of a business plan, as well as informing women entrepreneurs about the functional load of this document.

In the *process of agricultural production and organization* of everyday life in rural areas, women entrepreneurs usually distinguish between typically "male" and typically "female" types of work. Among women living together with a spouse or a partner in the household, equal partnership and complementary division of responsibilities are typical, and the marital tandem acts as the centre of decision-making and driving force of the household, regardless of how many members live in it.

There is a tendency among the interviewed women to give men symbolic power and authority as the head of the couple, which is not always conditioned by their direct contribution to entrepreneurship. Women living without men, alone or with children or parents, are in the most vulnerable position.

Access to finance is an important condition for entrepreneurship. More than one third of the women entrepreneurs who participated in the survey stated that they need financial support to develop their business. The following points were noted among the shortcomings: financial assistance is not provided to individual entrepreneurs and at the initial stage of business development, there is no preferential lending, to receive support it is necessary to provide too large a list of necessary documents, there is a lack of information about the possibility and procedure for obtaining it.

Analysis of *access to information* resources allows us to record the absence of a formed need to obtain additional knowledge on the issues of entrepreneurial activity among the majority of interviewed women entrepreneurs, which is due to both the perceived competence of respondents due to the routinization of activities and low awareness of development opportunities in agricultural entrepreneurship. The main problem of low awareness is the lack of well-established communication between entrepreneurs and management structures: the amount of work that is implemented «from above» does not bring the planned result due to the fact that projects are focused mainly on farmers, but pass by the largest group of agents of agricultural entrepreneurship – owners of private subsidiary farms. The Internet is an optimal source for obtaining visual information on agricultural production, but it rarely helps to solve procedural issues on conducting entrepreneurial activities – in this respect, consultations with specialists are a more appropriate option, but the interviewees often encounter incompetence of local administration staff, i. e. they cannot receive clear instructions on typical issues.

Problems of *access to specialized equipment* become a factor limiting production and development of agricultural entrepreneurship.

The analysis *of access to markets and sales channels* shows that product realization is the most problematic stage of entrepreneurial activity in agriculture. Retail trade is complicated by the struggle for trading platforms, logistics costs and the need to make sales independently; the problem of wholesale sales is low sales price (both to the individuals and the state).

The analysis of the *level of readiness to engage in entrepreneurial activity* among the respondents shows that currently the majority of women living in rural areas are not ready for it. As the main reason for their unpreparedness for entrepreneurship, the respondents indicated the lack of financial resources, but there are also mental and psychological reasons – lack of support in the family, fear of starting something new alone, and the attitude to a modest lifestyle.

The conditions of doing business for women have not changed significantly over the last five years, but the drivers of development can be: 1) state order for the products of entrepreneurs in the sphere of agriculture, 2) innovations in the production and processing of agricultural products, 3) building a dialogue between the state and business with reliance on the strong mental and psychological traits of the Belarusian people, such as diligence, thrift, and perseverance.

Thus, the obtained results can be used by state authorities to create additional opportunities for providing employment in rural areas, increasing the economic potential of both individual territories and the country as a whole. The formulated recommendations are aimed at enhancing activities of small and medium-sized enterprises in agricultural regions through the use of the most relevant mechanisms, as well as economic, administrative and legal methods of public administration with further improvement of the effectiveness of regulatory framework, taking into account the interests of society, business and government.

References

1. *Bogdanovich, A. V.* Methodological approaches to the deployment of productive forces at the current stage of socio-economic development of the Republic of Belarus / A. V. Bogdanovich // Economic bulletin of Economic Research Institute of the Ministry of economy of the Republic of Belarus / ed. by Ya. M. Alexandrovich [et al.]. – 2012. – № 7. – P. 4–10 (in Russian).

2. *Bogdanovich, A. V.* Regional competitiveness and issues of its assessment / A. V. Bogdanovich // Belarusian Economic Journal. – 2011. – № 4. – P. 43–49 (in Russian).

3. How we use our time // National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/time_rus.pdf (date of access: 29.01.2024) (in Russian).

4. National report on human development in the Republic of Belarus Competitive advantages of the regions of Belarus / United Nations Development Programme. – Minsk : UNDP, 2015. – 205 p. – URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/by/NORCH_final.pdf (date of access: 29.01.2024) (in Russian).

5. On state registration of real estate, rights to it and transactions with it territorie : Law of the Republic of Belarus of July 22, 2002 No. 133-Z : as amended by the Law of the Republic of Belarus of January 4, 2014 No. 107-Z // ETALON-ONLINE. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10200133 (date of access: 29.01.2024) (in Russian).

6. List of business support centers of the Republic of Belarus / The Ministry of Economy of the Republic of Belarus. – URL: http://www.economy.gov.by/ru/small_business/support-ofsmall-enterprise/activities-of-infrastructure-to-support-small-businesses/center-predprin (date of access: 29.01.2024) (in Russian).

Поступила 14.10.2024 г.

УДК 316.722(476)

Н. Л. БАЛИЧ,

кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: n.balich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ХАРАКТЕРА В ОЦЕНКАХ НАИБОЛЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ[1]

В статье представлен обзор теоретических предпосылок изучения национального характера, выделены черты славянского характера на основе мнения различных исследователей. С учетом социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2022, 2024 гг., представлен анализ белорусского характера в оценках представителей наиболее многочисленных национальностей – белорусов, русских, украинцев и поляков. Выделены черты характера, отражающие позиционирование (честность, трудолюбие и др.), коммуникабельность (дружелюбие, толерантность и др.), групповую солидарность (сплоченность, взаимовыручка и др.). Наряду с оценками белорусского характера приводятся мнения респондентов о собственных чертах характера в зависимости от национальной принадлежности. Сделан вывод об узнаваемости качеств, исторически присущих белорусам, и качествах, менее распространенных, что обусловлено традиционностью воззрений и исторически сложившимся менталитетом белорусов в устойчивых чертах с опорой на трудолюбие, дружелюбие, отзывчивость и коллективизм.

Ключевые слова: национальный характер, белорусский характер, социальные представления о характере, восточные славяне, белорусы, русские, украинцы, поляки, Республика Беларусь.

N. L. BALICH,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of sociology of the National academy of sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: n.balich@mail.ru

FEATURES OF THE BELARUSIAN CHARACTER IN ASSESSMENTS OF THE MOST NUMEROUS NATIONALITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents an overview of theoretical prerequisites for studying a national character, highlights the features of the Slavic and East Slavic characters based on the opinions of various researchers. Taking into account sociological surveys conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in 2022 and 2024, an analysis of the character of Belarusians is

[1] Работа подготовлена в рамках НИР «Социальные представления белорусов о национальном характере и его преемственности в условиях современных вызовов и угроз», договор с БРФФИ № Г23ИП 032 от 02.05.2023 г.

given in the assessments of representatives of the most numerous nationalities: Belarusians, Russians, Ukrainians and Poles. The features of the Belarusian character have been highlighted, reflecting positioning (honesty, hard work, etc.), sociability (friendliness, tolerance, etc.), group solidarity (cohesion, mutual assistance, etc.). Along with the assessments of the Belarusian character, the respondents' opinions are given about their own traits depending on their nationality. A conclusion is made about the recognizability of qualities historically inherent in Belarusians and qualities that are less common, which is due to the traditional nature of views and the historically established mentality in stable features based on hard work, friendliness, responsiveness, collectivism.

Keywords: national character, Belarusian character, social representations about character, Eastern Slavs, Belarusians, Russians, Ukrainians, Poles, Republic of Belarus.

В условиях глобализации и унификации культур, когда традиционные ценности и ориентиры постепенно размываются, все больше внимания уделяется вопросам сохранения национальной самобытности белорусов, представленной прежде всего в традиционной культуре: образ жизни, система ценностей, традиции и обычаи, верования, правила поведения и общения. Одним из элементов самобытности является национальный характер, который рядом исследователей рассматривается как совокупность эмоционально-чувственных проявлений, отражающих поведение и мышление человека, основывающихся на культуре, психологии, темпераменте определенного этноса. Не случайно национальный характер наиболее близок к понятию «менталитет» – наличие устойчивых культурных особенностей, нравов и поведенческих шаблонов, отличающих одни народы от других.

Научный интерес к проблеме национального характера стал формироваться во второй половине XVIII – начале XIX в., чаще в рамках универсального понятия «народность». Неопределенность данной категории исходит из разного дискурса исследований, раскрывающих литературные, исторические, этнографические, философские, культурологические и иные смыслы происхождения и особенностей характера.

Существуют разные точки зрения относительно того, что представляет собой национальный характер. Есть вопросы относительно его существования, в частности об устойчивых факторах, образующих нацию, о формировании особых черт, присущих тому или иному народу. Однако даже такой взгляд признает факт существования национальных особенностей, в том числе среди исторически родственных наций и их совпадающих черт, которые оказываются сильнее религиозного влияния. Так, И. Л. Солоневич был убежден, что одна и та же религия, приложенная к психологическому материалу (характеру народа), оставила его таким же, каким он был до ее принятия. В качестве примера он приводит языческую Русь, которая еще до крещения Владимиром «была такой же терпимой, космополитической, имперской, как и Русь московских царей или всероссийских императоров» [1, с. 32]. Источником культурного, колонизационного, государственного влияния религии И. Л. Солоневич считал национальные особенности страны. Одна и та же религия в других национальных условиях может не дать таких культурных достижений, которые

можно наблюдать в странах, где проживает население с соответствующим менталитетом.

Сербский историк И. Раич (архимандрит Иоанн) писал о славянах как о природных христианах, являющихся таковыми задолго до отказа от язычества. Среди отличительных и почитаемых качеств данных народов он называл храбрость, верность, трудолюбие, рачение, благоговение [2].

Исследователь славянского характера М. В. Белов, опираясь на труды чешско-словацкого слависта П. И. Шафарика, выделяет 5 черт, составляющих природу славянского характера. Среди них религиозность, трудолюбие, невинная и беззаботная веселость, привязанность к родному языку и миролюбие. Ученый-славист отмечает антитезу между общительным и жизнерадостным характером славян от природы и склонностью к мрачному глубокомыслию, присущему германцам [3, с. 128]. Взгляды П. И. Шафарика во многом созвучны с более ранней точкой зрения немецкого исследователя славянской культуры И. Г. Гердера, который одним из первых обратил внимание на такие особенности характера славянских народов, как доброта, широта натуры, милосердность, миролюбивость, гостеприимство до расточительства, привязанность к своей земле.

Схожие черты характера славянских народов видели и другие исследователи славянства, прежде всего на основе культурно-языковой и исторической общности. Согласно классификации славянства белорусов, русских, украинцев (в некоторых зарубежных классификациях также русинов) относят к восточнославянской ветви, исходя из языковых и этнографических особенностей, отличающих данные народы от остального славянского мира. Предполагается, что восточные славяне должны иметь схожие черты характера, сформированные историческим прошлым – племенными союзами, подобием языков, обрядов, религиозно-культурных традиций, по причине чего, по мнению историков, между ними не было первоначально особой раздробленности. Древних восточных славян характеризуют как народ, имеющий волю и свободолюбие, который отличает сильный характер, выносливость, отвага и сплоченность (в современной интерпретации – коллективизм), гостеприимство к чужестранцам [4].

Белорусский социолог В. В. Кириенко содержательно обосновал совпадение ментальных характеристик белорусов с их восточнославянскими соседями – русскими и украинцами, а также выявил их отличие от западных соседей в контексте культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад» [5].

Всероссийским центром изучения общественного мнения предпринимались попытки выяснить, существует ли «русский характер», под которым понимают определенный набор черт, свойственных большинству русских людей. В его существовании были убеждены 70 % россиян, а среди лиц среднего возраста такое мнение выразили 78 %. Большинство респондентов уверены в преимуществе положительных качеств в русском характере, таких как доброта, душевность, эмпатия, мужественность, стойкость, взаимовыручка, товарищество, патриотизм, искренность и др. [6].

Представляется интересным выявить, какие черты национального характера присущи белорусам по мнению респондентов той же национальности, а также по мнению русских, украинцев и поляков, проживающих в Республике Беларусь и входящих в четверку наиболее крупных народов в нашей стране.

Этнический состав выборки соответствует данным об этнической структуре страны, полученным в ходе переписи населения в 2019 г., согласно которым выделенные национальности являются самыми многочисленными в Республике Беларусь. Наиболее крупной национальной общностью ожидаемо являются белорусы. Их удельный вес составляет 84,9 % от числа всего населения, русские – вторые по численности (7,5 %), поляки – (3,1 %), украинцы – четвертые (1,7 %) (табл. 1).

Таблица 1. **Численный состав белорусов, русских, украинцев, поляков согласно переписи населения 2019 г., %**

Количество	Национальная принадлежность					Население Беларуси
	белорус	русский	украинец	поляк	другая	
Человек	7 990 719	706 992	159 656	287 693	268 386	9 413 446
Удельный вес, %	84,9	7,5	1,7	3,1	2,8	100

Наиболее часто узнаваемые черты характера белорусов, по мнению респондентов четырех национальностей, были выявлены на основе социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июне 2024 г. (выборка включала 1850 респондентов, доверительный интервал составлял ±2,28 %).

Важно отметить, что национальный характер – это собирательное, массовое и узнаваемое явление, которое не может описываться как особенность отдельных индивидов. В данном случае можно говорить лишь о наиболее часто выделяемых чертах, присущих белорусам, по мнению наших соотечественников. Нельзя исключать и трудности в ходе измерения характера по причине отсутствия общепринятой методики. Не случайно национальный характер считается междисциплинарной категорией и в социальных науках определяется как совокупность социальных характеристик в соответствии с условиями и факторами формирования этнической группы. Особенностью национального характера является его инвариантность (устойчивость черт, несмотря на изменение различных условий жизни этноса).

В данном исследовании черты характера были сгруппированы по трем основным признакам:

– качества позиционирования, которые в поведенческих формах отражают отношение индивидов к различным сторонам своей жизни (честность, трудолюбие, скромность, религиозность и др.);

– качества, отражающие коммуникабельность, проявляемые в общении с другими людьми (дружелюбие, отзывчивость, толерантность, искренность и др.);

– качества групповой солидарности, сплоченности национальной общности, прогрессивности характера (сплоченность, взаимовыручка, патриотичность и др.) (табл. 2).

Таблица 2. **Черты характера, отражающие позиционирование, коммуникабельность, групповую солидарность**

Признак	Черта характера
Позиционирование	Честность, креативность, ответственность, дисциплинированность, трудолюбие, скромность, религиозность, свободолюбие, энергичность, чувство юмора
Коммуникабельность, отношение к другим	Дружелюбие, надежность, отзывчивость, искренность, инициативность, предприимчивость, толерантность, враждебность
Групповая солидарность	Сплоченность, взаимовыручка, патриотизм, прогрессивность

Важно отметить, что указанные качества не отражают положительного или отрицательного отношения к людям определенной национальности. В данном случае можно говорить о качествах, упоминаемых чаще или реже и об узнаваемости этих черт в ее представителях.

В исследовании респондентам предлагалось выделить черты характера, которые, по их мнению, в наибольшей степени присущи белорусам. Результаты показали, что в основном качества характера белорусов были узнаваемы среди участников опроса, однако имели разную частоту упоминания. Было замечено, что в отношении своей национальности респонденты чаще склонны выделять положительные черты, что, впрочем, не мешает видеть хорошее и в других. Например, наиболее узнаваемыми чертами характера белорусов оказались трудолюбие, дисциплинированность, ответственность, скромность и честность. Так посчитало большинство респондентов в каждой национальной группе (за исключением украинцев, 50 % которых отметили присущую белорусам ответственность, а 41,2 % – честность, и поляков, 50 % которых также выделили честность в характере белорусов). Ближе всего оценки, полученные от респондентов белорусской и русской национальностей, что подтверждается частотой упоминания качеств позиционирования белорусов (помимо вышеуказанных, приведем по убывающей: чувство юмора, религиозность, свободолюбие, энергичность, креативность) (табл. 3).

Таблица 3. **Черты характера, отражающие позиционирование белорусов, %**

Черта характера	Белорусы о белорусах	Русские о белорусах	Украинцы о белорусах	Поляки о белорусах
Трудолюбие	77,7	72,2	65,7	78
Дисциплинированность	72,4	63,5	58,8	66,7
Ответственность	69,2	61,8	50	66,7
Скромность	67,4	58,5	57,1	59,5
Честность	65,6	54,1	41,2	50
Чувство юмора	55,8	46,8	41,2	47,6

Окончание табл. 3

Черта характера	Белорусы о белорусах	Русские о белорусах	Украинцы о белорусах	Поляки о белорусах
Религиозность	55,1	45,2	32,4	45,2
Свободолюбие	52,7	42,4	40	50
Энергичность	49,7	34,2	29,4	42,9
Креативность	44,9	31	24,2	31

В ранжировании коммуникативных качеств белорусов, проявляемых в общении с другими людьми, также схожими оказались оценки белорусов и русских, а по некоторым из них (например, дружелюбие, отзывчивость, исполнительность, надежность, искренность, толерантность) – также и поляков. Больше половины респондентов в каждой национальной группе считают дружелюбие, отзывчивость, исполнительность, надежность – чертами, свойственными характеру белорусов, причем все они единодушны относительно отсутствия враждебности (за исключением единичных мнений). Все национальности реже указывают на присущую белорусам предприимчивость, а русские и украинцы – инициативность. Толерантность, искренность характера белорусов чаще отмечают белорусы, русские и поляки, чем украинцы (табл. 4).

Таблица 4. **Черты характера, отражающие коммуникабельность белорусов, %**

Черта характера	Белорусы о белорусах	Русские о белорусах	Украинцы о белорусах	Поляки о белорусах
Дружелюбие	78,5	71,1	61,8	64,3
Отзывчивость	73,3	67,3	51,4	73,8
Исполнительность	69,8	61,6	55,9	61,9
Надежность	67	59,5	51,5	59,5
Искренность	66,6	54,7	42,9	59,5
Толерантность	61,8	53,2	35,3	52,4
Инициативность	49,3	32,1	31,4	53,7
Предприимчивость	45,5	33,1	33,3	33,3
Враждебность	5,6	5,4	5,1	2,4

Больше половины респондентов в каждой национальной группе были единодушны, назвав патриотизм узнаваемой чертой характера белорусов. Качества солидарности, коллективизма белорусов (взаимовыручка, сплоченность) отметили большинство белорусов, русских и поляков и меньше половины украинцев. Реже всеми национальными группами упоминается прогрессивность белорусского характера, что в некоторой степени объясняет традиционность взглядов и ценностей белорусов в стремлении сохранить национально-культурную идентичность своего народа (табл. 5).

Обобщенно среди пяти доминирующих и наиболее редко упоминаемых качеств характера белорусов можно выделить узнаваемые черты, по мнению респондентов всех национальностей, с несущественными отличиями. Наибо-

лее схожими оказались оценки белорусов и русских. Основными чертами характера белорусов респонденты назвали трудолюбие, дружелюбие, отзывчивость, дисциплинированность, ответственность, исполнительность (последние два качества имеют схожие оценки). О присущей белорусам исторической ценности коллективизма говорит тот факт, что 62–65 % белорусов, 51–53 % русских и 64–66 % поляков отметили в белорусах такие черты характера, как сплоченность и взаимовыручка.

Таблица 5. **Черты характера, отражающие групповую солидарность белорусов, %**

Черта характера	Белорусы о белорусах	Русские о белорусах	Украинцы о белорусах	Поляки о белорусах
Патриотичность	65,2	56,6	52,9	61,9
Взаимовыручка	65,4	52,5	40	66,7
Сплоченность	62,7	51,3	38,2	64,3
Прогрессивность	43,6	27,8	28,6	26,2

Мнение украинцев созвучно со мнением белорусов и русских относительно трех основных качеств характера белорусов – трудолюбия, дружелюбия и дисциплинированности. Также украинцы выделили свойственную белорусам скромность, а исполнительность и патриотичность они указывают пятым по частоте упоминания качеством.

Поляки считают, что для белорусов характерны прежде всего такие качества, как трудолюбие и отзывчивость. Далее следуют равные по частоте упоминания дисциплинированность, ответственность и взаимовыручка. Условно на четвертой позиции расположились дружелюбие и сплоченность.

Среди наиболее редко упоминаемых качеств характера белорусов в оценках всех национальных групп – креативность, инициативность, предприимчивость, прогрессивность; самое редкое и не присущее белорусам качество – враждебность.

Известно, что на ответы респондентов влияют разные факторы (настроение на момент опроса, наличие свободного времени, опыт общения с представителями той или иной национальности и оставленное после этого впечатление, информация из СМИ и др.). В связи со сказанным на один и тот же вопрос в разных ситуациях можно получить противоположные ответы. Не менее важна формулировка вопроса. Должно быть понятно, что нужно оценить: лично себя, представителей своей группы или себя и других. В ситуации сравнения чаще всего хочется обратить внимание на положительные черты своей национальности, чем и объясняются более частые ответы белорусов о белорусах, а большое число затруднившихся ответить о характере других говорит скорее о сдержанности и деликатности участников опроса, выбирающих чаще нейтральный, чем негативный ответ.

Более охотно респонденты дают ответы о личных чертах характера. Это убедительно подтверждают результаты опроса, проведенного в ноябре 2022 г.

Участникам исследования предлагалось выделить присущие им черты характера (сравнение с другими национальностями по какому-либо признаку не проводилось). Как видно, русские, украинцы и поляки свои личные качества (единообразие по некоторым из них созвучно с исследованием в 2024 г.) выделяют более охотно, чем качества своей национальности. Респонденты-белорусы, напротив, чаще склонны выделять положительные качества своей национальности, чем личные черты (среди совпадающих черт – трудолюбие, дисциплинированность, ответственность, отзывчивость, инициативность и др.).

Каждая национальность имеет оригинальную структуру качеств, различающихся по степени их упоминания, при этом общность мнений заключается в том, что среди качеств позиционирования белорусы, русские, украинцы и поляки чаще выделяют в себе ответственность, трудолюбие, дисциплинированность, а среди коммуникативных качеств – отзывчивость и толерантность.

Ответственность и чувство юмора чаще в себе отмечают поляки, дисциплинированность, трудолюбие и отзывчивость – украинцы. Также поляки более склонны видеть в себе наличие смекалки и упорства, но реже – способность к самоограничению.

Из качеств коммуникабельности белорусы, русские и украинцы чаще указывают на наличие у себя толерантности; русские и украинцы – тактичности; белорусы и украинцы – отзывчивости. Реже других выделяются коммуникабельность, инициативность, причем больше выраженно среди белорусов и русских, предприимчивость – среди белорусов, поляков и русских (табл. 6).

Таблица 6. **Личные черты характера (в зависимости от национальности), %**

Качество характера	Национальная принадлежность			
	белорус	русский	украинец	поляк
Самопозиционирование				
Ответственность	67,7	68,5	72,3	78,6
Трудолюбие	66,1	66,7	74,5	64,5
Дисциплинированность	65,7	61,3	70,2	67,9
Чувство юмора	53,0	48,8	51,1	60,7
Смекалка	39,1	39,3	36,2	46,4
Упорство	33,3	31,5	38,3	42,9
Способность к самоограничению	22,2	23,2	25,5	14,3
Коммуникабельность, отношение к другим				
Отзывчивость	62,7	52,4	66,0	53,6
Толерантность	61,4	61,9	61,7	50,0
Тактичность	49,5	53,0	59,6	46,4
Коммуникабельность	44,6	39,3	23,4	32,1
Инициативность	31,9	35,7	25,5	25,0
Предприимчивость	22,6	19,0	12,8	21,4

Таким образом, данные опросов за 2022 и 2024 гг. показывают близкие оценки между личными качествами характера белорусов и представителями своей национальности. Белорусы скорее склонны наделять положительны-

ми чертами всех белорусов, чем себя лично при сохранении высоких оценок в обоих случаях. Больший разрыв мнений между индивидуальными качествами и качествами группы наблюдается в отношении инициативности и предприимчивости, которые белорусы чаще отмечают в представителях своей национальности и существенно реже – в себе.

Выводы. В настоящее время понятие «национальный характер» активно используется в социогуманитарном дискурсе. Всестороннее изучение характера белорусов может послужить основой для сохранения белорусской национальной идентичности, актуализации культурных кодов и традиционных ценностей в современных условиях.

Результаты опроса показали, что большинство черт характера белорусов оказались узнаваемыми для респондентов всех национальностей, однако имели разную частоту упоминания. Единодушие респондентов прослеживается в наделении белорусов такими качествами, как трудолюбие, дружелюбие, отзывчивость, дисциплинированность, ответственность, исполнительность, скромность (честность белорусов чаще выделяют русские и поляки). Наиболее близки ответы респондентов белорусской и русской национальностей, которые отражают черты позиционирования и коммуникационности белорусов, а по некоторым (дружелюбие, отзывчивость, исполнительность, надежность, искренность, толерантность) – также и поляков.

Большинство респондентов каждой национальности назвали патриотизм узнаваемой чертой характера белорусов; качества групповой солидарности (взаимовыручка, сплоченность) были отмечены большинством белорусов, русских и поляков.

Реже респонденты выделяют свойственные белорусам предприимчивость, креативность, прогрессивность, что в некоторой степени отражает традиционность и устойчивость взглядов и ценностей белорусов в вопросах сохранения национально-культурной идентичности своего народа.

В оценке собственных качеств белорусы, русские, украинцы и поляки солидарны в присущих им ответственности, трудолюбии, дисциплинированности, а среди коммуникативных качеств – отзывчивости и толерантности. При этом ответственность, чувство юмора, наличие смекалки и упорства чаще в себе отмечают поляки, дисциплинированность, трудолюбие и отзывчивость – украинцы.

Из качеств коммуникабельности белорусы, русские и украинцы чаще отмечают в себе толерантность, русские и украинцы – тактичность, белорусы и украинцы – отзывчивость. Реже других качеств выделяются коммуникабельность, инициативность (больше выражены белорусами и русскими, предприимчивость – белорусами, поляками, русскими).

Белорусы чаще наделяют положительными качествами представителей своей национальности, чем себя лично, при сохранении высоких оценок в обоих случаях, а оценка инициативности и предприимчивости имеет больше расхождений между собственными характеристиками и характеристиками своей

национальной группы. Характер белорусов обусловлен традиционностью воззрений и исторически сложившимся менталитетом в особых, устойчивых чертах с опорой на трудолюбие, дружелюбие, отзывчивость и коллективизм.

Список использованных источников

1. *Солоневич, И. Л.* Народная монархия / И. Л. Солоневич ; отв. ред. О. Плато. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 624 с.

2. *Раич, И.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов / из тьмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Иоанном Раичем архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиле : а ныне по высочайшему ея императорскаго величества повелению с перваго в Вене издания напечатана / И. Ранч. – СПб., 1795 (2017). – XXXVIII, 317 с. – URL: https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/218303/1/MTIxMDg2ODlfUtCwaWNoLCBJb9Cwbm4gKDE3MjYtMTgwMSkuIElzdG9yaXlhIHLQsHpueWtoIHNs0LB2eWFuLnBkZg (дата обращения: 13.01.2025).

3. *Белов, М. В.* «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 124–147.

4. *Иванов, В.* Восточные славяне / В. Иванов // История. РФ. – URL: https://histrf.ru/read/articles/vostochnyie-slavianie (дата обращения: 14.01.2025).

5. *Кириенко, В. В.* Менталитет современных белорусов : монография / В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2005. – 225 с.

6. Русский характер : аналит. обзор // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter (дата обращения: 10.01.2025).

Поступила 03.03.2025 г.

УДК 329.36:324

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: nicolai2003@inbox.ru

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ЭТИОЛОГИИ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье на основе анализа данных статистики и социологических исследований о состоянии, динамике и особенностях этиологии суицидального поведения определяются приоритетные направления и эффективные меры профилактики суицидов. С учетом детерминационного влияния на суицидальное поведение депрессивного состояния, проблемных и конфликтных жизненных ситуаций, семейного неблагополучия, злоупотребления алкоголем обосновывается необходимость планирования и системной реализации комплекса экономических, организационно-управленческих, социальных, социокультурных, правовых, социально-медицинских и реабилитационных профилактических мер.

Ключевые слова: суицидальное поведение, этиология суицидального поведения, меры профилактики.

N. A. BARANOVSKI,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: nicolai2003@inbox.ru

SUICIDAL BEHAVIOR: FEATURES OF ETIOLOGY AND PREVENTION MEASURES

The article, based on the analysis of statistical data and sociological studies on the state, dynamics and features of the etiology of suicidal behavior, defines priority areas and effective measures for the prevention of suicides. Taking into account the determining influence of depressive states, problematic and conflict life situations, family problems, alcohol abuse on suicidal behavior, substantiates the need for planning and systematic implementation of a set of economic, organizational and managerial, social, socio-cultural, legal, social and medical and rehabilitation preventive measures.

Keywords: suicidal behavior, features of the etiology of suicidal behavior, preventive measures.

В системе показателей физического и социального здоровья населения важными индикаторами являются уровни рождаемости, продолжительности жизни и смертности населения. Смертность населения обусловлена как естественными физиологическими факторами, связанными с заболеваниями и старением человека, так и многочисленными внешними причинами: убий-

ствами, отравлениями, травмами, дорожно-транспортными происшествиями, другими несчастными случаями, а также самоубийствами. Смертность от суицидов является индикатором не только социального здоровья населения, но также демографического развития, социально-психологической атмосферы и духовно-нравственного благополучия нации. Эти обстоятельства обусловливают актуальность и социально-практическую значимость изучения распространенности, причин и мер профилактики суицидального поведения в стране.

По данным государственной статистики, в стране после негативной тенденции галопирующего роста суицидов, которая имела место в 1980–1990-х гг. (с 23,0 случая на 100 тыс. населения в 1985 г. и 20,8 случая в 1990 г. до 47,8 случая в 1996 г. и 44,0 случая в 1999 г.), за последние два десятилетия XXI в. отмечается противоположная тенденция – снижение абсолютных количественных показателей и уровня самоубийств. Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 3300 самоубийств (т. е. 33,0 случая на 100 тыс. населения), в 2005 г. – 3015 (31,2) случаев, в 2010 г. – 2462 (25,9) случая, то в последующие годы значительно меньше: в 2018 г. – 1816 (19,1) случаев, в 2020 г. – 1528 (16,2) случаев, в 2022 г. – 1433 (15,3) случая, в 2023 г. – 1384 (15,0) случая (рис. 1, 2).

Таким образом, за последние два десятилетия Республика Беларусь согласно мировому рейтингу, установленному Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), из стран с высоким уровнем самоубийств (свыше 20 случаев на 100 тыс. населения) перешла в категорию стран со средним уровнем самоубийств [1].

По данным проведенного ВОЗ в 2021 г. исследования рейтинга стран мира по уровню самоубийств, Беларусь занимала 23-е место из обследованных 184 стран с показателем 16,49 случая на 100 тыс. населения, опережая Латвию (16,06 случая; 25-е место), США (14,51 случая; 32-е место), Бельгию (13,93 случая; 36-е место), Молдову (12,17 случая; 51-е место), Эстонию (11,96 случая; 53-е место), Польшу (9,3 случая; 84-е место) и многие другие страны. В число стран-лидеров на постсоветском пространстве, у которых на 2021 г. уровень самоубийств был выше, чем в Беларуси, входили Россия (21,6 случая; 12-е место), Литва (20,15 случая; 16-е место), Казахстан (18,05 случая; 18-е место), Украина (17,73 случая; 20-е место). Если провести сравнение с установленным предельно-критическим европейским показателем уровня самоубийств (17,5 случая на 100 тыс. населения), то достигнутый в 2023 г. показатель в 15,0 случая суицидов все равно достаточно высокий и отрыв от европейского критического уровня небольшой, что обоснованно вызывает у белорусского государства и общества серьезную обеспокоенность данной деструктивной социальной проблемой.

Абсолютное большинство самоубийств по республиканским статистическим данным за 2023 г. приходится на возрастную категорию трудоспособного возраста – 74,5 %, группа старше трудоспособного возраста составляет

Рис. 1. Динамика суицидов в Республике Беларусь, 2000–2023 гг., чел.

Рис. 2. Динамика суицидов в Республике Беларусь, 1985–2023 гг., чел.

25,0 %, группа моложе трудоспособного возраста – 0,5 %, лица детской популяции – 0,9 %. За последнее десятилетие отмечается тенденция снижения случаев совершения самоубийств среди несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения до 18 лет: с 1,6 случая в 2016 г., до 1,0 случая в 2020 г. и 0,9 случая в 2023 г. Однако в абсолютных величинах это достаточно большое количество (в общей сложности порядка 200 человек), что обусловливает необходимость пристального внимания заинтересованных государственных органов и общественности к проблеме детского и подросткового суицидального поведения (рис. 3).

Следует обратить внимание также на высокий уровень суицидов среди жителей села по сравнению с городским населением (по данным медицинской статистики за 2023 г. он в 2,5 раза выше, т. е. если в городах уровень суицидального поведения в расчете на 100 тыс. населения составлял 11,3 случая, то

Рис. 3. Распределение количества случаев суицидов в возрастных группах, 2023 г., %

Рис. 4. Распределение количества случаев суицидов
в зависимости от типа населенного пункта проживания, 2023 г., чел.

на селе – 28,6 случая). Такого же рода различия между жителями села и городов имеют место среди лиц возрастной категории трудоспособного возраста – количество суицидов среди жителей села (38,9 случая) в 3 раза превышает показатель среди горожан (13,3 случая), а в группе лиц старше трудоспособного возраста – почти в 2 раза (соответственно 24,5 и 14,8 случая). В сельских и городских группах моложе трудоспособного возраста (соответственно 0,9 и 0,7 случая) и группе лиц детской популяции (соответственно 1,4 и 0,8 случая) значимых различий не наблюдается (рис. 4) [1].

По абсолютным количественным показателям суицидов среди регионов Беларуси по статистическим данным за 2022 г. лидирует Витебская область (259 случаев), далее следуют Минская область (242 случая), Гомельская область (228 случаев), г. Минск (207 случаев), Брестская область (207 случаев),

Гродненская область (170 случаев) и Могилевская область (120 случаев). Однако, если произвести более точный рейтинг регионов по относительному показателю (количеству случаев суицидов на 100 тыс. населения областей), то их иерархия будет несколько иной: на первом месте сохраняется Витебская область (23,5 случая на 100 тыс. населения), далее следуют Гродненская область (16,9 случая), Гомельская область (16,8 случая), Минская область (16,5 случая), Брестская область (16,5 случая), Могилевская область (12,0 случая) и г. Минск (10,4 случая).

Обращает внимание значительный рост количественных показателей и уровня суицидов в Брестской области в 2022 г. по сравнению с 2021 г. – 207 общих и 15,6 случая на 100 тыс. населения в 2022 г. и 142 общих и 10,6 случая на 100 тыс. населения в 2021 г. (увеличение на 45,8 %). В Могилевской области, наоборот: в 2022 г. произошло значительное снижение, как абсолютных показателей, так и уровня суицидов по сравнению с 2021 г. – со 194 общих и 19,0 случая на 100 тыс. населения до 120 общих и 12,0 случая в 2022 г. При этом в целом по Беларуси в 2022 г. по сравнению с 2021 г. наблюдалось только незначительное снижение общих и относительных показателей суицидов (с 1482 общих и 15,9 случая на 100 тыс. населения в 2021 г. до 1433 общих и 15,5 случая в 2022 г.). К сожалению, современная общедоступная официальная государственная статистика по стране не дает информацию о распространенности суицидов среди мужчин и женщин, среди лиц разных возрастов, а также о количестве и удельном весе самоубийств среди совокупности внешних причин смертности населения (начиная с 2020 г. эти показатели необоснованно исключены из Статистического ежегодника Национального статистического комитета Республики Беларусь).

Общеизвестно, что государственная статистика не фиксирует случаи латентного суицида, которые по объективным и порой субъективным причинам не стали известными государственным органам, и, следовательно, официальная статистика не в полной мере отражает реальную суицидальную ситуацию в стране. По формуле экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на *n* завершенных самоубийств приходится 10–20*n* парасуицидов (покушений на суицид) и 8*n* близких и родственников суицидента, которые входят в группу повышенного суицидального риска, 100*n* людей, помышляющих о самоубийстве [2]. Следовательно, по вышеуказанным расчетам, на 1433 самоубийства, официально зарегистрированных в 2022 г. в Беларуси, фактически приходится, от 14 330 до 28 660 случаев покушений на суицид, 11 464 человека из числа ближайшего окружения суицидентов и 143 300 человек имеют «внутренний суицидальный дискурс». Таким образом, в целом в проблему суицидального поведения прямо или косвенно включено порядка 177 692 человека, что составляет 1,7 % населения страны (или 3,3 % населения трудоспособного возраста). При этом уровень самоубийств с летальным результатом, которые зарегистрированы статистикой, составляет 0,015 % всего населения страны. Если сравнивать данные показатели с результатами, рас-

считанными по представленной методике со статистикой суицидов за 2016 г., согласно которой в проблему суицидального поведения было включено порядка 253 208 человек (2,66 % населения страны или 4,7 % населения трудоспособного возраста и старше), то можно сделать вывод о наличии тенденции к улучшению реальной суицидальной ситуации в стране за последнее десятилетие.

Научный и социально практический интерес имеет также информация о парасуицидальном поведении населения (не смертельных, обычно неудачных суицидальных действиях или действиях с низкой или даже невозможной, нередко демонстративной суицидальной вероятностью). По официальным данным медицинской статистики за последние 5 лет в стране имеет место тенденция роста парасуицидов (63,2 случая на 100 тыс. населения в 2023 г. по сравнению с 53,7 случая в 2018 г., т. е. увеличение на 16,9 %). Особое беспокойство вызывает тенденция роста парасуицидов среди детской популяции (в 2023 г. по сравнению с 2022 г. фиксируется увеличение на 11,4 % – с 440 до 490 случаев, а в расчете на 100 тыс. детского населения – с 23,9 до 26,8 случая). Негативная динамика парасуицидов наблюдается также среди населения моложе трудоспособного возраста (с 14,7 случая в расчете на 100 тыс. населения в 2022 г. до 18,3 случая в 2023 г.).

В возрастной структуре парасуицидов, по данным 2023 г., преобладают подростки от 15 до 17 лет (57,6 %), дети в возрасте 10–14 лет составляют 42,2 % (в 2022 г. таких детей было 34,8 %). Абсолютное большинство среди субъектов парасуицидов составляют женщины, и их удельный вес на протяжении последних лет практически не изменился (в 2023 г. соотношение женщин и мужчин составляло 78,4 и 21,6 %; в 2022 г. – 79,5 и 20,5 %, т. е. 3,3 : 1) [1].

Дополнительную информацию о реальном уровне и факторах распространенности суицидального и парасуицидального поведения в стране предоставляют данные социологических опросов населения. При социологических опросах, исходя из научных и этических соображений, общепринято респондентам не ставить прямой вопрос о случаях покушения на самоубийство. Изучаются только критические ситуации, когда было невыносимо трудно жить и у респондентов возникали какие-либо суицидальные мысли и намерения (суицидогенные жизненные ситуации).

В настоящее время социологические исследования суицидов в стране проводятся отдельными ведомствами эпизодически и крайне специализированно, и, к сожалению, не на междисциплинарной теоретической и единой методической основе. Эти обстоятельства препятствуют получению полной и достоверной научно-практической информации о суицидальном поведении, что негативно влияет на планирование и эффективность государственной антисуицидальной политики.

В рамках выполнения п. 159 комплекса мероприятий Государственной программы «Здоровье населения и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы Институтом социологии НАН Беларуси в мае – июне 2022 г. было

проведено национальное репрезентативное социологическое исследование, которое включало изучение распространенности и причин суицидального поведения среди взрослого населения страны. Всего было опрошено 1819 человек по многоступенчатой квотной выборке среди различных социально-демографических групп населения всех регионов страны. Погрешность репрезентативности составила 3 %, что свидетельствует о высоком уровне научной обоснованности и достоверности полученных социологических данных.

По результатам социологического опроса у 4,2 % респондентов возникали критические ситуации, когда было невыносимо трудно жить и появлялись какие-либо суицидальные мысли и намерения (суицидогенные жизненные ситуации) (табл. 1, 2).

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возникали ли у Вас когда-нибудь суицидальные мысли?» в зависимости от региона и типа населенного пункта проживания, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по регионам							В том числе по типу н. п.	
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск	Город	Село
«Да»	4,2	1,2	5,9	1,9	5,5	1,8	4,6	7,8	4,9	1,9
«Нет»	88,9	93,7	79,3	88,3	91,5	95,1	88,3	86,4	88,1	92,0
«Не хочу отвечать»	6,2	4,7	14,4	8,7	3,0	2,5	6,1	5,3	6,3	5,8
«Нет ответа»	0,6	0,4	0,5	1,1	0,0	0,7	1,0	0,5	0,7	0,2

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Возникали ли у Вас когда-нибудь суицидальные мысли?» в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондента, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по полу		В том числе по возрасту			В том числе по уровню образования			
		мужской	женский	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше	неполное среднее (в том числе начальное)	общее среднее	ССО / ПТО	высшее
«Да»	4,2	4,6	3,9	8,6	4,8	2,1	1,7	4,2	4,4	4,2
«Нет»	88,9	88,7	89,2	81,3	87,8	92,9	89,8	86,5	89,1	90,2
«Не хочу отвечать»	6,2	6,3	6,1	9,2	7,0	4,4	8,5	8,7	5,6	5,3
«Нет ответа»	0,6	0,4	0,8	1,0	0,4	0,6	0,0	0,6	0,8	0,4

При этом 6,2 % респондентов по каким-то соображениям не захотели отвечать на данный вопрос. Суицидогенные жизненные ситуации возникали примерно в равной степени у опрошенных мужчин и женщин (соответственно у 4,6 и 3,9 %). В наибольшей степени это имело место среди молодежи в воз-

расте от 18 до 30 лет (8,6 %), в наименьшей степени среди лиц в возрасте 50 лет и старше (2,1 %). Критические жизненные ситуации примерно в равной степени возникали у респондентов, имеющих различный уровень образования. Что касается регионов и места проживания респондентов, у которых возникали суицидогенные жизненные ситуации выше среднего уровня по стране, то это имело место в г. Минске (7,8 %), Витебской (5,9 %) и Гродненской (5,5 %) областях, а также у жителей городов – 4,6 % (для сравнения: сельских жителей 3,9 %) (см. табл. 1, 2).

Косвенную информацию о распространенности суицидального и парасуицидального поведения дают ответы респондентов на вопрос: «Есть ли в Вашем ближайшем окружении люди, совершавшие попытку самоубийства / самоубийство?» Положительно на данный вопрос ответило 10,8 % опрошенного взрослого населения страны (16,3 % затруднились ответить, 1,2 % – нет ответа). По данным опроса попытки самоубийства / самоубийство имели место у знакомых (5,4 %), соседей – 1,7 %, друзей, приятелей – 1,6 %, ближних родственников – 1,3 %, коллег по работе (учебе) – 0,8 %. В ближайшем социальном окружении респондентов попытки самоубийства / самоубийство, по оценкам опрошенных, происходили больше всего в Витебской области (37,4 %), значительно меньше в Гомельской области (8,7 %), г. Минске (8,6 %), Брестской (7,9 %), Могилевской (7,1 %), Минской (5,5 %) и Гродненской (3,5 %) областях. Для сравнения: по данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2017 г., у 11,0 % опрошенных среди знакомых, соседей, близких и приятелей были люди, которые совершали попытки самоубийства / самоубийство. Это свидетельствует о том, что по данным социологических опросов реальная парасуицидальная / суицидальная ситуация в стране за последние 5 лет практически не изменилась.

В ближайшем социальном окружении женщин, по данным исследования 2022 г., парасуицидальное / суицидальное поведение распространено среди 12,3 %, особенно среди знакомых – 6,3 % (среди мужчин соответственно 8,6 % в целом и 4,2 % среди знакомых). Среди возрастных групп населения, в среде которых имели место попытки самоубийства / самоубийство, выделяется молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (12,9 %), для сравнения: в возрастной группе 30–49 лет – 10,5 %; 50 лет и более – 10,4 %. Что касается образовательного уровня респондентов, то парасуицидальное / суицидальное поведение в наибольшей степени распространено в ближайшем окружении лиц, имеющих неполное среднее образование (20,4 %), для сравнения: у лиц, имеющих общее среднее образование, – 8,7 %, среднее специальное образование – 11,4 %, высшее образование – 10,5 % (табл. 3, 4).

Таким образом, с учетом выявленных при социологическом опросе населения фактов возникновения в жизни 4,2 % респондентов мыслей и намерений на суицидальное поведение, а также наличия у 10,8 % респондентов в ближайшем социальном окружении лиц, которые совершали попытку само-

убийства / самоубийство, можно сделать вывод, что в сферу суицидального поведения в настоящее время прямо или косвенно вовлечено порядка 11 % взрослого населения страны. Этот показатель совпадает с данными социологического исследования, проведенного осенью 2017 г., что свидетельствует об определенной стабильности общей реальной суицидальной ситуации в стране за последние 5 лет.

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении представители следующих социальных групп: люди, совершившие попытку самоубийства / самоубийство?» в зависимости от региона и типа населенного пункта проживания, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по регионам							В том числе по типу н. п.	
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гроднен-ская обл.	Минская обл.	Могилев-ская обл.	г. Минск	Город	Село
«Ближайшие родственники»	1,3	1,2	2,3	1,1	1,0	0,4	1,0	2,0	1,1	1,9
«Друзья, приятели»	1,6	0,8	4,5	0,8	0,5	1,8	0,5	2,3	2,0	0,5
«Знакомые»	5,4	3,9	20,7	4,2	2,0	2,5	4,1	3,0	6,5	1,7
«Коллеги по работе, учебе»	0,8	0,4	2,7	1,5	0,0	0,4	1,0	0,3	0,9	0,7
«Соседи»	1,7	1,6	7,2	1,1	0,0	0,4	1,5	1,0	1,8	1,2
«Нет таких»	73,3	77,2	56,8	57,7	82,9	82,4	71,6	80,2	72,8	75,2
«Затрудняюсь ответить»	16,3	14,6	15,8	32,1	12,1	11,3	20,8	10,8	15,8	18,0
«Нет ответа»	1,2	0,4	1,4	2,3	1,5	1,1	0,0	1,3	1,2	1,0

Таблица 4. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении представители следующих социальных групп: люди, совершившие попытку самоубийства / самоубийство?» в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондента, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по полу		В том числе по возрасту			В том числе по уровню образования			
		мужской	женский	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше	неполное среднее (в том числе начальное)	общее среднее	ССО / ПТО	высшее
«Ближайшие родственники»	1,3	1,0	1,6	1,0	1,4	1,4	5,1	1,4	1,0	1,4
«Друзья, приятели	1,6	1,5	1,8	3,0	1,5	1,2	1,7	2,3	1,2	1,9
«Знакомые»	5,4	4,2	6,3	5,9	5,9	4,7	8,5	3,9	6,2	4,7
«Коллеги по работе, учебе»	0,8	0,6	1,0	1,0	0,7	0,9	1,7	0,0	1,1	0,9
«Соседи»	1,7	1,5	1,9	2,0	1,0	2,2	3,4	1,1	1,9	1,6
«Нет таких»	73,3	72,4	74,1	75,3	71,2	74,5	59,3	73,2	74,8	72,7
«Затрудняюсь ответить»	16,3	18,3	14,8	10,9	18,8	22,0	18,0	14,7	17,0	15,6
«Нет ответа»	1,2	1,6	0,8	1,6	0,8	1,2	0,0	1,7	1,0	1,2

Многомерный факторный и кластерный анализ данных социологического опроса населения, проведенного в 2022 г., позволил выявить следующие *наиболее суицидогенные группы населения:*

– примерно в равной степени мужчины и женщины;

– молодежь до 30 лет;

– жители городов;

– лица с общим средним и более высоким уровнем образования;

– население г. Минска, Витебской, Гродненской, Могилевской и Гомельской областей;

– лица, относящиеся к категории бедных или богатых;

– лица, нередко находящиеся в критической жизненной ситуации и испытывающие переутомление, раздражительность, состояние стресса и напряжения, тоску и апатию, тревогу и страх, одиночество и безысходность;

– социально одинокие, полагающиеся в трудных жизненных ситуациях преимущественно только на себя;

– социальные пессимисты, считающие, что в ближайшем будущем их жизнь изменится к худшему;

– лица, употребляющие алкоголь или наркотики;

– лица, проживающие в социально неблагополучной среде, в которой распространено злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков, попытки самоубийства, проституция и т. п.

Вышеперечисленные категории населения можно отнести к группам суицидального риска, и на профилактическую работу с ними в первую очередь должна быть направлена деятельность работников специальных служб по оказанию экстренной помощи и других субъектов профилактики суицидального поведения.

Для определения стратегии и планирования конкретных мер профилактики и противодействия суицидальному поведению населения первостепенное значение имеет научно обоснованное знание комплекса социально-экономических, социальных, социокультурных, личностных, психологических, организационно-управленческих и других факторов, причин и условий, которые обусловливают происхождение и динамику суицидов. По данным социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г., по мнению населения, в качестве основных причин суицидов выступают следующие обстоятельства: затяжная депрессия – 41,4 %; потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы – 38,2 %; давление или насилие в семье – 35,1 %; тяжелая болезнь – 32,9 %; злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами – 32,4 %; давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг) – 33,0 %; материальные проблемы – 27,0 %; смерть / потеря близкого человека – 26,3 %; неразделенная любовь – 23,9 %; потеря работы – 10,7 %; влияние культурных образов (литература, музыка, кино и т. п.) – 5,2 % и др. (табл. 5, 6).

Таблица 5. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что может стать причиной совершения самоубийства?» в зависимости от региона и типа населенного пункта проживания, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по регионам							В том числе по типу н. п.	
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск	Город	Село
«Влияние культурных образов (литература, музыка, кино и т. п.)»	5,2	3,5	8,1	1,9	4,0	4,6	3,6	8,8	5,5	4,4
«Давление или насилие в семье»	35,1	37,4	32,9	29,1	49,7	25,0	31,0	41,0	37,8	26,0
«Давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг)»	33,0	35,0	39,2	30,9	33,2	19,7	37,1	36,9	35,1	25,7
«Затяжная депрессия»	41,4	35,4	45,0	34,0	46,7	32,7	45,2	49,7	44,1	32,3
«Злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами»	32,4	30,3	31,5	27,9	53,3	21,5	31,5	34,9	34,8	24,0
«Материальные проблемы»	27,0	27,6	21,2	24,9	35,2	20,1	21,8	34,9	28,6	21,6
«Неразделенная любовь»	23,9	16,9	26,6	19,6	25,6	19,0	25,4	31,4	25,4	18,4
«Потеря работы»	10,7	10,6	14,0	7,5	13,6	5,6	11,7	12,8	11,2	9,0
«Потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы»	38,2	37,0	36,9	27,5	50,8	32,7	38,6	44,0	39,8	32,5
«Смерть / потеря близкого человека»	26,3	26,8	27,9	19,2	22,6	18,0	30,5	35,7	27,8	21,4
«Тяжелая болезнь»	32,9	33,5	34,7	27,9	42,7	26,8	19,3	41,2	33,9	29,6
«Другое»	2,8	1,2	5,0	1,9	0,5	6,3	1,0	2,8	2,7	3,2
«Затрудняюсь ответить»	29,5	29,5	27,9	37,0	21,6	37,3	16,8	29,9	27,6	35,9
«Нет ответа»	0,2	0,0	0,5	0,4	0,0	0,0	1,0	0,0	0,1	0,5

Таблица 6. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что может стать причиной совершения самоубийства?» в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондента, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по полу		В том числе по возрасту			В том числе по уровню образования			
		мужской	женский	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше	неполное среднее (в том числе начальное)	общее среднее	ССО / ПТО	высшее
«Влияние культурных образов (литература, музыка, кино и т. п.)»	5,2	3,7	6,4	6,6	3,9	5,8	6,8	7,0	3,0	7,2
«Давление или насилие в семье»	35,1	28,0	40,8	42,8	36,3	31,2	22,0	31,0	34,1	40,6
«Давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг)»	33,0	27,8	37,1	40,8	33,9	29,2	22,0	28,7	31,7	38,7
«Затяжная депрессия»	41,4	35,3	46,3	43,8	42,1	39,9	30,5	34,4	41,2	47,1
«Злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами»	32,4	26,8	36,8	28,6	30,7	35,3	27,1	25,9	33,0	36,1
«Материальные проблемы»	27,0	24,6	29,0	31,3	28,0	24,6	25,4	23,9	27,1	29,1
«Неразделенная любовь»	23,9	20,5	26,5	30,3	25,9	19,7	10,2	24,8	,223	27,0
«Потеря работы»	10,7	9,2	11,9	12,8	10,5	10,1	10,2	10,7	10,0	11,9
«Потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы»	38,2	36,9	39,2	42,8	38,5	36,1	32,2	38,6	33,9	44,7
«Смерть / потеря близкого человека»	26,3	23,2	28,8	32,9	26,2	24,0	20,3	22,8	25,5	30,3
«Тяжелая болезнь»	32,9	29,1	36,0	30,9	29,8	36,4	27,1	32,7	29,1	39,2
«Другое»	2,8	3,5	2,3	2,3	2,7	3,1	0,0	1,1	3,0	3,9
«Затрудняюсь ответить»	29,5	33,4	26,3	27,6	30,7	29,1	39,0	32,7	29,3	26,8
«Нет ответа»	0,2	0,1	0,3	0,3	0,3	0,1	0,0	0,3	0,1	0,4

Что касается конкретных наиболее значимых причин, порождающих суицидальное поведение, то, по мнению населения, такая причина, как затяжная депрессия, в наибольшей степени влияет на жителей г. Минска (49,7 %), на женщин (46,3 %) и лиц с высшим образованием (47,1 %) при среднем показателе 41,4 %. Потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы наибольшее влияние оказывает на население Гродненской области (50,8 %), г. Минска (44,0 %), молодежь до 30 лет (42,8 %) и лиц с высшим образованием (44,7 %) при среднем показателе 38,2 %. Влияние давления или насилия в семье больше всего имеет место в Гродненской области (49,7 %), г. Минске (41,0 %), среди жителей городов (37,8 %, сельских жителей – 26,0 %), женщин (40,8 %), молодежи до 30 лет (42,8 %) и лиц с высшим образованием (40,6 %) при среднем показателе 35,1 %.

Такая причина, как злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами, чаще всего влияет на суицидальное поведение жителей Гродненской области (53,3 %), горожан (34,8 %, жителей села – 24,0 %), женщин (36,8 %), лиц в возрасте 50 лет и старше (35,3 %) и лиц с высшим образованием (36,1 %) при среднем показателе 32,4 %. Давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг) больше всего оказывают влияние на случаи суицида в Витебской (39,2 %) и Могилевской (37,1 %) областях, жителей городов (35,1 %, сельских жителей – 25,7 %), молодежь до 30 лет (30,8 %) и лиц с высшим образованием (38,7 %) при среднем показателе 33,0 %. Материальные проблемы в детерминации суицидального поведения наиболее значимые в Гродненской области (35,2 %) и г. Минске (34,9 %), для жителей городов (38,0 %, жителей села – 21,6 %) и молодежи до 30лет (31,3 %) при среднем показателе 27,0 %.

Научный интерес представляет сравнительный анализ мнения всего населения страны относительно причин распространенности суицидов и взглядов, высказанных опрошенными лицами, у которых в жизни возникали суицидальные мысли и намерения. Иерархия основных причин суицидального поведения в обеих сравниваемых группах практически одинаковая: доминируют затяжная депрессия (соответственно 41,4 % среди населения и 62,3 % среди потенциальных суицидентов), потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы (соответственно 38,2 и 54,5 %), давление или насилие в семье (соответственно 35,1 и 42,9 %). В перечне основных причин имеются значительные отличия в процентных величинах, на которые следует обратить внимание и учитывать в практике профилактической работы. Что касается других причин суицидов, то потенциальные суициденты на 4-е место ставят материальные проблемы (соответственно 39,0 % у них и 27,0 % у всего населения), давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг) (соответственно 39,0 и 33,0 %), смерть / потеря близкого человека (соответственно 35,1 и 26,3 %). Такая причина, как злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами у всего населения, находится на 5-м месте (32,4 %), а у потенциальных суицидентов – на 7-м месте (28,6 %), что можно

объяснить недостаточной самоидентификацией поведения, связанного с употреблением алкоголя у данной категории населения.

Таким образом, главными социальными, социокультурными и личностными причинами суицидального поведения, по мнению всех категорий населения, выступают психологические и социально-психологические обстоятельства ситуационно-проблемного (затяжная депрессия) и экзистенционального характера (потеря смысла в жизни и отсутствие жизненной перспективы), а также неблагоприятная, порой конфликтная и насильственная обстановка в семье (влияние давления или насилия в семье). В частности, по данным социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2017 г., значительная часть населения нередко испытывала негативные социально-психологические настроения, эмоции и чувства: переутомление – 41,6 %, раздражительность – 30,0 %, стресс, напряжение – 27,2 %, тревогу, страх – 20,1 %, тоску, апатию – 17,5 %, скуку – 14,9 %, одиночество – 11,2 %, чувство безысходности – 7,9 %. В наибольшей степени на влияние социально-психологических причин указывают жители Гродненской области и г. Минска, женщины, молодежь до 30 лет и лица с высшим образованием.

Вторую группу по степени влияния на суицидальное поведение составляют следующие причины: злоупотребление алкоголем и/или наркотическими веществами, давление или травля со стороны общества (дискриминация, буллинг) и материальные проблемы. В наибольшей степени они оказывают влияние на жителей Гродненской, Витебской и Могилевской областей и г. Минска, горожан и молодежь до 30 лет. Количественная разница в процентных величинах между всеми вышеперечисленными причинами суицидального поведения относительно небольшая (в пределах 15 %), что свидетельствует о системном взаимосвязанном воздействии данного комплекса суицидальных причин.

На этом основании можно сделать важный научный и социально-практический вывод, что проблема профилактики суицидального поведения имеет не только социально-медицинский и личностно-психологический, но также социальный и социально-экономический характер. Следовательно, для обеспечения устойчивого снижения уровня суицидального поведения в стране необходима постоянная и целенаправленная работа по нейтрализации, минимизации и устранению всего взаимодействующего комплекса основных личностных, социальных, социокультурных, экономических и других факторов, причин и условий, детерминирующих суициды.

По мнению населения, основными субъектами профилактики суицидального поведения должны быть семья (59,0 %), учреждения образования (31,4 %), медицинские учреждения (30,1 %), общественные организации (22,2 %), милиция (19,2 %), религиозные организации (10,2 %) и др. На доминирующую роль семьи указывают примерно в равной степени жители всех областей, а также жители города и села, мужчины и женщины, лица всех возрастных групп и уровня образования. На важность работы учреждений образования по профилактике суицидов в несколько большей степени указывают жители

Гродненской области (40,2 %), женщины (33,6 %) и лица с высшим образованием (36,1 %) (табл. 7, 8).

На профилактической роли медицинских учреждений в большей степени акцентируют внимание жители Минской (39,4 %) и Могилевской (35,5 %) областей. На деятельность общественных организаций в значительной степени ориентируется население Гродненской (31,7 %) и Могилевской (31,5 %) областей. Профилактической работе органов милиции и религиозных организаций предпочтение отдают жители Брестской области (соответственно 28,0 и 14,2 %) (см. табл. 7, 8).

В процессе социологического опроса населения нас интересовал вопрос о наиболее эффективных мерах профилактики суицидального поведения. По мнению населения, основным направлением деятельности государственных органов и общественности по профилактике суицидов является эффективная социальная поддержка уязвимых групп и слоев граждан в экономическом, социальном, социокультурном и психологическом плане (38,3 %), на это в наибольшей степени указывали жители Гродненской (48,5 %) и Минской (43,7 %) областей и г. Минска (41,7 %), женщины (42,0 %), молодежь до 30 лет (42,2 %) и лица с высшим образованием (45,8 %). Не менее важным, по мнению населения, является также организация и информирование о бесплатной и доступной гражданам анонимной психологической помощи (34,7 %, особенно для жителей Гродненской области (42,4 %), женщин (39,0 %) и лиц с высшим образованием (41,1 %)); контроль за кибербуллингом в сети Интернет, блокировка доступа к сайтам с выраженным агрессивным контентом (32,5 %, особенно для жителей Гродненской области (44,4 %) и женщин (36,9 %)); активная организация досуга, пропаганда спортивных мероприятий, развивающих кружков и т. д. (28,4 %, особенно для жителей Минской (38,4 %) и Гродненской (36,4 %) областей, а также жителей села (31,6 %)) (табл. 9, 10).

Что касается мнения лиц, у которых, по данным опроса, иногда возникали мысли и намерения совершить самоубийство, то в плане мер, которые могли бы препятствовать суицидальному поведению, на 1-м месте стоит эффективная социальная поддержка уязвимых групп и слоев населения (39,0 %) и информирование о бесплатной и доступной гражданам анонимной психологической помощи (39,0 %), активная организация досуга, пропаганда спортивных мероприятий, развивающих кружков и т. д. (26,0 %) и контроль за кибербуллингом в сети Интернет, блокировка доступа к сайтам с выраженным агрессивным контентом (22,1 %). Это свидетельствует об адекватном отражении в общественном мнении актуальности, социальной значимости и приоритетных направлений деятельности государства и общества по профилактике и противодействию суицидальному поведению.

Проблема суицидов по своей этиологии и закономерностям развития тесно взаимосвязана с другими формами деструктивного социального поведения: пьянством, наркоманией, проституцией, бездомностью, преступностью, которые в современном белорусском обществе имеют достаточно высокий

Таблица 7. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, кто в большей степени должен заниматься вопросами профилактики самоубийств среди населения?» в зависимости от региона и типа населенного пункта проживания, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по регионам							В том числе по типу н. п.	
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гроднен-ская обл.	Минская обл.	Могилев-ская обл.	г. Минск	Город	Село
«Семья»	59,0	58,3	47,7	58,1	57,8	66,2	61,9	60,3	57,9	62,6
«Учреждения образования»	31,4	30,3	29,3	30,6	40,2	34,2	36,5	25,1	31,8	30,1
«Общественные организации»	22,2	23,2	18,5	14,7	31,7	22,5	31,5	18,8	21,8	23,3
«Медицинские учреждения»	30,1	30,7	27,5	20,8	19,1	39,4	35,5	33,7	30,4	29,1
«Милиция (Министерство внутренних дел)»	19,2	28,0	15,3	20,4	20,1	16,2	19,3	16,6	19,6	17,7
«Религиозные организации»	10,2	14,2	9,0	7,5	10,6	11,6	3,6	12,3	9,7	11,9
«Другое»	1,9	1,2	1,4	0,0	1,0	4,6	0,0	3,3	1,8	1,9
«Затрудняюсь ответить»	26,4	18,5	34,7	30,9	30,7	21,5	21,3	27,6	27,4	22,8
«Нет ответа»	0,3	0,0	0,5	0,4	0,5	0,4	0,5	0,0	0,3	0,2

Таблица 8. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, кто в большей степени должен заниматься вопросами профилактики самоубийств среди населения?» в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондента, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по полу		В том числе по возрасту			В том числе по уровню образования			
		мужской	женский	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше	неполное среднее (в том числе начальное)	общее среднее	ССО / ПТО	высшее
«Семья»	59,0	56,8	60,7	56,6	54,7	63,7	57,6	60,0	56,7	61,8
«Учреждения образования»	31,4	28,7	33,6	30,6	32,9	30,5	32,2	26,5	30,3	36,1
«Общественные организации»	22,2	21,4	22,8	23,0	22,6	21,4	25,4	20,3	21,6	23,8
«Медицинские учреждения»	30,1	31,1	29,4	26,6	27,7	33,6	25,4	33,2	27,2	32,9
«Милиция (Министерство внутренних дел)»	19,2	19,0	19,3	19,1	17,2	21,0	16,9	18,9	19,7	18,9
«Религиозные организации»	10,2	9,2	11,0	7,9	8,2	12,9	15,3	10,7	7,8	13,0
«Другое»	1,9	2,4	1,5	2,0	1,5	2,1	1,7	1,1	2,4	1,6
«Затрудняюсь ответить»	26,4	27,3	25,6	27,6	29,0	23,6	27,1	27,3	28,3	22,9

Таблица 9. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие меры профилактики суицидального поведения являются наиболее эффективными?» в зависимости от региона и типа населенного пункта проживания, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по регионам							В том числе по типу н. п.	
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск	Город	Село
«Активная организация досуга, пропаганда спортивных мероприятий, развивающих кружков и т. д.»	28,4	30,7	18,5	17,0	36,4	38,4	29,4	28,4	27,5	31,6
«Контроль за кибербуллингом в сети Интернет, блокировка доступа к сайтам с выраженным агрессивным контентом»	32,5	34,3	34,7	33,6	44,4	28,5	32,0	26,4	33,2	29,9
«Распространение информации о линиях бесплатной анонимной психологической помощи»	34,7	35,0	32,9	33,6	42,4	32,0	35,5	33,7	37,4	25,2
«Социальная поддержка уязвимых слоев населения»	38,3	37,4	30,6	33,6	48,5	43,7	29,9	41,7	38,8	36,9
«Другое»	1,7	0,8	0,5	0,8	1,0	3,2	0,5	3,3	1,7	1,5
«Никаких мер предпринимать нет необходимости»	4,3	5,9	6,8	4,2	1,0	4,2	3,0	4,5	4,3	4,6

Таблица 10. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие меры профилактики суицидального поведения являются наиболее эффективными?» в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондента, в %**

Варианты ответа	Республика Беларусь	В том числе по полу		В том числе по возрасту			В том числе по уровню образования			
		мужской	женский	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше	неполное среднее (в том числе начальное)	общее среднее	ССО / ПТО	высшее
«Активная организация досуга, пропаганда спортивных мероприятий, развивающих кружков и т. д.»	28,4	26,7	29,7	29,4	29,1	27,4	30,5	28,5	26,4	31,1
«Контроль за кибербуллингом в сети Интернет, блокировка доступа к сайтам с выраженным агрессивным контентом»	32,5	26,8	36,9	31,0	34,6	31,1	18,6	31,5	31,8	35,4
«Распространение информации о линиях бесплатной анонимной психологической помощи»	34,7	29,2	39,0	37,6	34,6	33,6	18,6	29,3	33,7	41,1
«Социальная поддержка уязвимых слоев населения»	38,3	33,8	42,0	42,2	37,7	37,4	27,1	32,4	36,6	45,8

уровень распространенности и общественной опасности. Полагаем, что давно назрела необходимость разработки и реализации Концепции государственной антидевиантной политики как долгосрочной стратегии, направленной на обеспечение устойчивого снижения распространенности всех антиобщественных явлений, препятствующих развитию современного белорусского общества.

Для совершенствования информационно-аналитической базы как важного ресурса эффективной государственной антисуицидальной и другой антидевиантной политики целесообразно разработать и внедрить систему комплексного социологического мониторинга суицидов, пьянства, алкоголизма, наркомании, преступности и других социальных девиаций. В этой связи на государственном уровне целесообразно рассмотреть вопрос о создании Научно-исследовательского института криминологии, виктимологии и девиантологии в составе новой организационной структуры – Национального комитета по предупреждению антиобщественных явлений.

Теоретико-концептуальный подход к проблеме профилактики суицидального поведения должен быть системным и включать комплекс мер экономического, организационно-управленческого, социального, просветительно-образовательного, социокультурного, медицинского, нравственно-правового, психологического и другого характера. Специализированная система профилактики суицидального поведения призвана объединять службы психологической помощи, социальной защиты, центры психического здоровья, консультативные центры, антисуицидальные бюро, телефоны доверия и экстренной помощи. В настоящее время в стране недостаточно развита система специальных служб по оказанию экстренной помощи людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации. Отсутствует необходимое число специалистов суицидологов, психологов, психотерапевтов и психиатров. Имеет место высокий уровень неучтенной психической патологии у населения, которая связана с проблемой суицидального поведения. Население плохо информировано о деятельности имеющихся психологических служб, у большинства граждан отсутствуют установки на диспансеризацию и регулярное посещение врачей. В этой связи необходимо увеличить бюджетное финансирование на психотерапию, психиатрию, наркологию и социальную медицину. Важно совершенствовать систему ранней диагностики суицидального поведения и психических отклонений, придав ей четко выраженный предметно-целевой характер в отношении конкретных групп населения, наиболее предрасположенных к суицидальному риску.

Первостепенного внимания заслуживает совершенствование и дальнейшее развитие государственной семейной политики, как в демографическом и экономическом, так и культурном и психологическом отношениях.

Особенно важно совершенствовать работу по повышению социального благополучия, уровня и качества жизни населения, обеспечению трудовой и другой социальной занятости, нравственному и другому социокультурному развитию детей и молодежи, пожилых людей, жителей села.

Белорусскому государству и обществу следует осознать и на национальном уровне стратегически зафиксировать, что работа по профилактике и снижению уровня суицидов и других деструктивных социальных девиаций – это актуальная и чрезвычайно важная комплексная социально-экономическая, социальная, социокультурная, нравственно-правовая и социально-медицинская проблема, успешное решение которой будет способствовать устойчивому развитию современного белорусского социума.

Список использованных источников

1. Суицидальная активность как показатель психического здоровья и благополучия населения / А. В. Хаджиев, С. А. Игумнов, С. И. Осипчик [и др.] // Annals of Clinical Discipline. – 2024. – Vol. 1, № 1. – P. 220–227.

2. *Морев, М. В.* Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения : монография / М. В. Морев, А. А. Шабунова, К. А. Гулин ; под ред. В. А. Ильина. – Вологда : Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН, 2010. – 188 с.

Поступила 04.12.2024 г.

УДК 316.7:[028:070](476)

С. Н. ВОРОНИНА,
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: snevoron@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИК ЧТЕНИЯ ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЫ НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются следующие особенности чтения печатной прессы населением Беларуси: частота чтения прессы, предпочитаемый язык и формат изданий, способы приобретения прессы читателями, а также наиболее приоритетные тематические направления публикаций. На основе эмпирических данных был составлен социально-демографический профиль читателя прессы в Беларуси. Установлено, что на пользовательские практики чтения прессы оказывают влияние социально-демографические характеристики аудитории.

Ключевые слова: средства массовой информации, аудитория СМИ, печатные СМИ, медиапотребление, трансформация медиапространства.

S. N. VORONINA,
Junior Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: snevoron@gmail.com

FEATURES OF READING PRINTED PRESS BY THE POPULATION OF BELARUS

This article examines the practices of printed press usage among the population of Belarus, focusing on factors such as the frequency of reading, preferred language and format of publications, methods of purchasing, and the most prioritized thematic areas. Based on empirical data, a socio-demographic profile of the press readership in Belarus was developed. The study reveals that reading practices are significantly influenced by the socio-demographic characteristics of the audience.

Keywords: mass media, media audience, print media, media consumption, transformation of media space.

Стремительное развитие информационных технологий послужило источником содержательных преобразований и структурных трансформаций медиапространства Беларуси. Сформированные ранее практики медиапотребления населения претерпевают существенные видоизменения. Данная трансформация затронула и печатные издания. Однако, несмотря на развитие цифровых медиа, традиционные бумажные версии газет и журналов по-прежнему имеют свою аудиторию и занимают важное место в информационном пространстве, что обусловливает исследовательский интерес к данному виду медиа.

По мнению О. В. Смирновой, «газета как социальный институт, доминирующей характеристикой которого на протяжении длительного времени являлось воздействие на общество посредством реализации преимущественно информационной функции, утратила это свойство под влиянием конкуренции с более оперативными цифровыми медиа» [1, с. 21]. При этом исследователь определяет газету как базовый коммуникативный ресурс общества, осуществляющего коммуникационную, организующую, просветительскую и ценностно-ориентирующую функцию [1, с. 22]. Таким образом, газета представляется важным элементом функционирования медиапространства и общества в целом.

На развитие газет влияет множество факторов. О. В. Смирнова в качестве основных выделяет следующие [1, с. 23]:

– уровень экономического развития страны / города / региона;

– финансовая и материально-техническая обеспеченность редакций;

– правовой и экономический статус газет;

– социальный заказ общества, потребности населения, запросы аудитории;

– информационная политика учредителей и собственников;

– обеспеченность квалифицированными редакционными кадрами и эффективный редакционный менеджмент.

Среди белорусских исследователей, занимающихся проблемами медиа и методологии прикладного социологического исследования СМИ, можно отметить А. М. Бельского, изучающего характеристику белорусского информационного пространства, особенности развития новых медиа в Беларуси, а также различные аспекты медиапотребления населения Беларуси [2]; А. А. Градюшко, занимающегося изучением региональных белорусских интернет-СМИ [3] и развитием региональных медиа в цифровой среде в целом [4]; А. В. Посталовского, исследующего информационное поле Республики Беларусь, аудиторию средств массовой информации, а также уровень доверия к различным медиа населения Беларуси [5; 6]; О. В. Терещенко и М. С. Терещенко, в чьих работах представлен анализ аудитории белорусских средств массовой информации [7].

Цель данной статьи – исследование особенностей чтения печатной прессы населением Республики Беларусь. Для оценки актуального состояния печатной прессы как элемента современного белорусского медиапространства были проанализированы данные эмпирических социологических исследований[1]. Было установлено, что по состоянию на 2024 г. население Беларуси чаще использует печатную прессу в качестве дополнительного источника инфор-

[1] Здесь и далее данные представлены по результатам следующих социологических исследований: «Мнение населения о средствах массовой информации», проведенного в октябре 2021 г. и сентябре – октябре 2022 г. (2021 г.: *N* = 1501; 2022 г.: *N* = 1341); «Разработка рекомендаций по совершенствованию работы национальных СМИ на основе оценки трансформации факторов и условий повышения доверия к ним», проведенного в сентябре – октябре 2023 г. (*N* = 1300); «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: медиаизмерения и социологический анализ», проведенного в августе – сентябре 2024 г. (*N* = 1353). Все исследования проводились по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту и региону проживания.

мации (20,9 %) или как «способ скоротать время» (12,7 %). Выбор печатной прессы в качестве основного источника получения информации характерен для небольшого числа респондентов (3,8 %). При этом для большинства жителей страны (59,6 %) чтение печатной прессы не входит в структуру их медиапрактик. Важно отметить, что в период с 2021 по 2024 г. значительных изменений в структуре практик использования печатной прессы среди населения республики не произошло, что может свидетельствовать о сформированности устойчивой аудитории данного вида СМИ (рис. 1).

Чаще всего прессу как дополнительный источник информации используют представители старших возрастных групп: 45–54 лет (24,7 %) и старше 55 лет (29,9 %). Среди тех, кто не использует прессу в структуре своих медиапрактик, преобладают респонденты в возрасте 18–29 лет (80,9 %) и 30–44 лет (67,8 %). Эти возрастные различия подтверждаются и статистическими коэффициентами, указывающими на наличие связи между возрастом и практиками использования печатных СМИ (*V* Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,3; $p < 0,01$).

Относительно частоты обращения к печатным изданиям было установлено, что жители Беларуси читают прессу в основном несколько раз в неделю (28,7 %) или раз в неделю (28,2 %). Условное *ядро активных читателей* составляет 39,9 % (читающие ежедневно + несколько раз в неделю). При этом сельские жители читают прессу несколько чаще жителей городов – доля сельчан, читающих прессу ежедневно или раз в неделю, составляет 17,1 и 34,1 %, в то время как среди городских жителей – 9,3 и 27,0 % соответственно (табл. 1).

Таблица 1. **Частота чтения печатных СМИ населением Беларуси в целом и в зависимости от типа населенного пункта проживания, %**

Частота чтения прессы населением	Все население	Тип населенного пункта	
		город	село
Практически каждый день	11,2	9,3	17,1
Несколько раз в неделю	28,7	27,0	34,1
Раз в неделю	28,2	27,8	29,5
Реже, чем раз в неделю	21,2	23,4	14,0

В ходе исследования была обнаружена статистически значимая связь между возрастом и частотой чтения прессы (*V* Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,3; $p < 0,01$). *Наиболее активными читателями прессы в Беларуси являются люди старшего возраста*. Так, представители возрастной группы старше 55 лет чаще других возрастных групп читают прессу в ежедневном формате (14,3 %), несколько раз в неделю (32,7 %) или раз в неделю (31,6 %). Наименее активными читателями являются молодые люди в возрасте 18–29 лет, предпочитающие читать прессу реже, чем раз в неделю (35,0 %). Среди представителей данной возрастной группы только 10 % читают прессу ежедневно. При этом респонденты из этой социально-демографической группы чаще других затруднились оценить частоту чтения прессы (рис. 2).

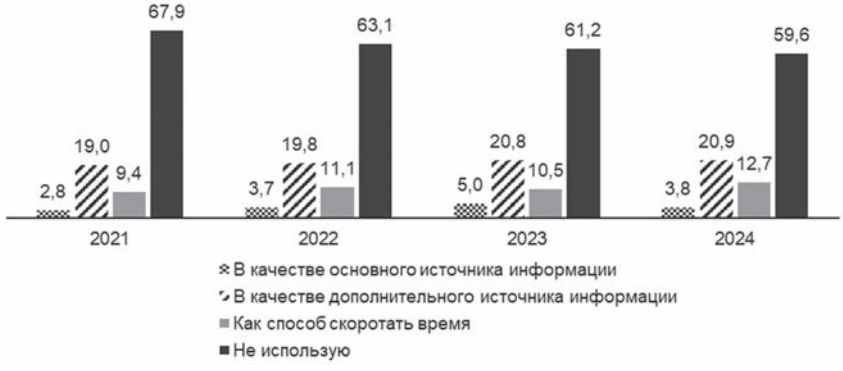


Рис. 1. Практики использования печатных СМИ населением Беларуси в 2021–2024 гг., %

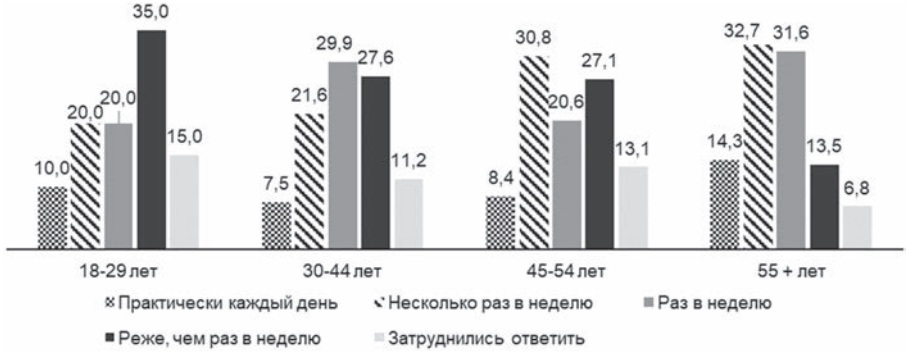


Рис. 2. Частота чтения прессы населением Беларуси в зависимости от возраста, %

В рамках исследования были обнаружены некоторые региональные особенности относительно частоты чтения печатных СМИ населением Беларуси. Ежедневно читают прессу преимущественно жители Брестской (18,8 %) и Гродненской (16,4 %) областей**.** Наименее привержены ежедневным практикам чтения прессы жители г. Минска (4,5 %). Несколько раз в неделю читают печатную прессу жители Брестской (35,9 %), Могилевской (35,7 %) и Витебской (32,8 %) областей.

Важно отметить, что значительных изменений относительно частоты чтения прессы у населения республики в период с 2021 по 2024 г. не произошло, что еще раз подтверждает тезис о наличии устойчивой аудитории прессы. Так, начиная с 2022 г. чуть более 11 % читателей читают прессу ежедневно, а треть – несколько раз в неделю или раз в неделю.

Одним из аспектов, влияющих на практики чтения прессы, является язык выпускаемых изданий. По данным исследования, *большинство белорусских читателей прессы предпочитают получать информацию из газет, журналов и других периодических изданий на русском языке* (58,1 %). Белорусскому языку отдают предпочтение 1,5 % читателей, а 37,7 % в одинаковой степени

используют и белорусский, и русский языки. Необходимо отметить особенности выбора языка прессы в зависимости от социально-демографических характеристик читателей. Так, жители сельской местности чаще отмечали, что читают прессу на белорусском языке (3,9 %, городские жители – 0,7 %), а также равнозначность белорусского и русского языков (55,0 %, городские жители – 32,3 %), что было также подтверждено статистическими коэффициентами (*V* Крамера = 0,3; коэффициент сопряженности = 0,2; $p < 0,01$). Вместе с тем необходимо отметить наличие региональных особенностей относительно языка читаемой прессы. Читать прессу на русском языке предпочитают преимущественно жители Витебской (83,6 %) и Гомельской (70,5 %) областей. В одинаковой степени воспринимают информацию из прессы как на белорусском, так и русском языках жители Минской (56,4 %) и Брестской (48,4 %) областей. В меньшей степени готовы сочетать использование двух языков читатели из Витебской области (14,9 %). Получать информацию из прессы исключительно на белорусском языке готовы преимущественно жители Гродненской области (6,0 %) (табл. 2). Данные различия также были подтверждены статистическими коэффициентами (*V* Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,4; $p < 0,01$).

Таблица 2. **Предпочтения читателей относительно языка получаемой информации из прессы в зависимости от региона проживания, %**

Регион проживания	Предпочитаемый язык			
	белорусский	русский	белорусский и русский в одинаковой степени	другой язык
г. Минск	0,0	63,1	32,4	2,7
Брестская обл.	0,0	51,6	48,4	14,9
Витебская обл.	1,5	83,6	14,9	0,0
Гомельская обл.	0,0	70,5	26,1	0,0
Гродненская обл.	6,0	49,3	43,3	0,0
Минская обл.	2,1	40,4	56,4	0,0
Могилевская обл.	1,8	46,4	42,9	0,0

Также в рамках исследования были установлены возрастные различия относительно языкового предпочтения получаемой из прессы информации. Читать прессу на русском языке чаще предпочитают молодые люди в возрасте 18–29 лет (72,5 %) и 30–44 лет (70,9 %), в то время как читатели более старшего возраста чаще отмечали возможность комбинирования русского и белорусского языков. Среди читателей в возрастных группах 45–54 лет и старше 55 лет данный показатель составил 44,9 и 43,2 % соответственно. Важно отметить, что читатели в возрасте 18–29 лет не готовы получать информацию из прессы исключительно на белорусском языке. Чаще такую возможность отмечали читатели в возрасте 30–44 лет (табл. 3).

При анализе предпочитаемого респондентами языка публикуемой в прессе информации в зависимости от их уровня образования было установлено, что

читатели с высшим образованием выбирают преимущественно материалы на русском языке (60,3 %), как и читатели со средним общим (57,0 %), профессионально-техническим и средним специальным (58,4 %) образованием. В свою очередь респонденты с базовым уровнем образования чаще отмечали, что готовы читать прессу исключительно на белорусском языке (5,9 %) или сочетать в равной степени информацию на белорусском и русском языках (52,9 %).

Таблица 3. **Предпочтения читателей относительно языка получаемой информации из прессы в разных возрастных группах, %**

Предпочитаемый язык	Возраст			
	18–29 лет	30–44 года	45–54 года	55 лет и старше
Белорусский	0,0	2,2	1,9	1,1
Русский	72,5	70,9	51,4	52,3
Белорусский и русский в одинаковой степени	25,0	24,6	44,9	43,2
Другой язык	0,0	0,0	0,9	0,8

При анализе результатов в динамике было установлено, что в период с 2023 по 2024 г. значительных изменений в структуре языкового предпочтения информации, получаемой из прессы, у белорусских читателей не произошло. Русский язык как в 2023 г., так и в 2024 г. является наиболее предпочтительным для респондентов в качестве языка публикуемых в прессе материалов. Преобладающая роль русского языка может быть обусловлена не только отсутствием желания у читателей получать информацию из прессы на белорусском языке, но и небольшим количеством изданий, публикуемых только на белорусском языке. Так, наиболее популярные газеты у населения Беларуси выходят только на русском языке. При этом сайт крупнейшей белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» функционирует исключительно на русском языке. На белорусском языке публикуются преимущественно региональные издания. Для расширения целевой аудитории важно включать белорусский язык в материалы, которые печатаются в популярных изданиях.

Наиболее востребованными разделами прессы среди белорусских читателей являются новостные (65,4 %), развлекательные (36,4 %), а также о чрезвычайных происшествиях (32,7 %); наименее – материалы, посвященные детской тематике (5,1 %), что может быть обусловлено особенностями основной читательской аудитории прессы, представленной преимущественно людьми старших возрастных групп, для которых данный круг тем не совсем актуален.

В рамках исследования были изучены особенности тематических предпочтений читателей прессы в зависимости от их социально-демографических характеристик. Относительно гендерных различий было установлено, что мужчины чаще читают рубрики, посвященные спорту, в то время как женщины – детские и образовательные. Читатели с высшим образованием чаще отдают предпочтение историко-культурным и образовательным материалам.

Следует отметить наличие различий в тематических предпочтениях читателей печатной прессы в зависимости от возраста (табл. 4). Так, молодые люди чаще интересуются спортивными (25,0 %) и образовательными (35,0 %) рубриками. В свою очередь читатели старше 55 лет больше отдают предпочтение общественно-политическим материалам (23,3 %), а также разделам, посвященным чрезвычайным происшествиям (37,6 %) и обращениям граждан (17,7 %). При этом представители данной возрастной группы чаще читают раздел прессы, содержащий ТВ-программу (V Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,2; $p < 0,01$).

Таблица 4. **Тематические предпочтения читателей печатной прессы в разных возрастных группах, %**

Тематические разделы	Возраст			
	18–29 лет	30–44 года	45–54 года	55 лет и старше
Новостные	57,5	64,2	62,6	68,4
Информационно-аналитические	22,5	20,9	22,4	27,4
Общественно-политические	7,5	13,4	16,8	23,3
Социально-экономические	12,5	13,4	21,5	19,2
Историко-культурные	27,5	20,1	17,8	24,8
Развлекательные	35,0	31,3	43,0	36,5
Спортивные	25,0	22,4	22,4	10,9
Детские	5,0	9,0	0,9	4,9
Образовательные	35,0	28,4	26,2	20,3
Реклама, объявления	22,5	30,6	26,2	28,9
ТВ-программа	12,5	9,7	17,8	30,5
Чрезвычайные происшествия	17,5	29,1	30,8	37,6
Обращения граждан	5,0	10,4	9,3	17,7
Другое	2,5	0,7	2,8	2,6
Затрудняюсь ответить	2,5	5,2	5,6	6,0
Нет ответа	0,0	0,7	0,9	0,4

При анализе тематических предпочтений читателей прессы в Беларуси было установлено, что в период с 2022 по 2024 г. значительных структурных изменений в данной области не произошло. Наиболее популярными разделами прессы в 2022 и 2024 гг. являлись новостные и развлекательные рубрики, а также материалы о чрезвычайных происшествиях. Можно отметить незначительное снижение популярности новостных рубрик с 73,3 % в 2022 г. до 68,8 % в 2024 г. Вместе с тем образовательные материалы в 2024 г. (24,5 %) пользовались большей популярностью в сравнении с 2023 г. (18,6 %).

Важным аспектом читательских практик является выбор формата чтения прессы. *Большинство читателей белорусской прессы отдают предпочтение традиционному печатному варианту изданий* (73,1 %). При этом 17,2 % читателей комбинируют бумажный и электронный варианты. Исключительно электронным вариантом пользуются 7,1 % читателей. Необходимо отметить,

что городские и сельские жители в равной степени отдают предпочтение печатному варианту прессы (72,7 и 74,4 % соответственно), а также комбинированию форматов (16,0 и 20,9 % соответственно). Вместе с тем электронным вариантом прессы чаще пользуются городские жители (8,9 %). В 2024 г. в сравнении с 2023 г. уменьшилось количество сельчан, читающих прессу исключительно в бумажном или электронном формате и, соответственно, увеличилось количество читателей, сочетающих разные форматы. Относительно региональных особенностей выбора формата чтения прессы можно отметить, что наименее распространенной бумажная пресса является среди жителей г. Минска. При этом минчане чаще жителей других регионов читают прессу в электронном формате.

В рамках исследования были установлены статистически значимые различия в предпочтениях читателей относительно используемого формата прессы (V Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,3; $p < 0,01$). *Предпочтение традиционному бумажному формату прессы* чаще всего отдают читатели старше 55 лет (87,2 %) и 45–54 лет (66,4 %). Электронный формат используют преимущественно молодые люди в возрасте 18–29 лет (20,0 %), в то время как среди читателей старше 55 лет данный показатель составляет 4,1 %. Сочетают различные форматы прессы преимущественно читатели в возрасте 18–29 лет (32,5 %) и 30–44 лет (30,6 %) (табл. 5).

Таблица 5. **Предпочитаемый формат чтения прессы населением Беларуси в разных возрастных группах, в % от читателей**

Формат чтения прессы	Возраст			
	18–29 лет	30–44 года	45–54 года	55 лет и старше
Бумажный / печатный	42,5	59,7	66,4	87,2
Электронный	20,0	6,7	10,3	4,1
И бумажный, и электронный	32,5	30,6	20,6	6,8
Затруднились ответить	5,0	2,2	2,8	1,5
Нет ответа	0,0	0,7	0,0	0,4

Бумажный формат прессы используют чаще читатели со средним общим образованием (82,8 %), в то время как сочетанию форматов чаще отдают предпочтение читатели с высшим образованием (24,5 %). В разрезе социального статуса можно отметить, что бумажный формат в наибольшей степени используют пенсионеры (87,8 %), а электронный и комбинирование форматов – учащиеся и студенты (60,0 и 40,0 % соответственно).

В рамках анализа было установлено, что в период 2021–2024 гг. значительных изменений в структуре распределения читателей относительно предпочитаемого формата прессы не произошло, что может свидетельствовать о сформировавшихся читательских практиках населения республики.

Наиболее предпочитаемым способом приобретения прессы у белорусских читателей является оформление подписки (43,3 %). Особенно это актуально

для читателей, проживающих в сельской местности (57,4 %), что может быть обусловлено как приверженностью устоявшимся традиционным практикам, так и инфраструктурными проблемами (например, отсутствием или недостаточным количеством точек розничной продажи прессы). Помимо оформления подписки довольно распространено приобретение газет в розницу (25,6 %). Интернет для чтения газет используют 13,2 % читателей. Реже всего печатную прессу читают в библиотеке (1,3 %). При этом горожане чаще покупают газеты в розницу (28,7 %) или читают в Интернете (15,3 %). Важно отметить, что в сравнении с 2023 г. структура способов приобретения прессы белорусскими читателями существенно не изменилась – доминирующими являются подписка или покупка в розницу (табл. 6).

Таблица 6. **Способы приобретения прессы населением Беларуси, в % от читателей**

Способы приобретения прессы населением	Все население	Тип населенного пункта	
		город	село
Подписка	43,3	39,0	57,4
Приобретают в местах распространения прессы в розницу	25,6	28,7	15,5
В библиотеке	1,3	1,2	1,6
Берут у родственников, знакомых и друзей	6,6	6,7	6,2
В Интернете	13,2	15,3	6,2
Другое	5,5	5,3	6,2
Затруднились ответить / нет ответа	4,5	3,8	7,0

В рамках исследования были установлены значимые статистические различия в способах приобретения прессы читателями из разных регионов (V Крамера = 0,2; коэффициент сопряженности = 0,4; $p < 0,01$). Так, оформлять подписку предпочитают читатели из Витебской (55,2 %) и Могилевской (55,4 %) областей. Реже всего оформляют подписку минчане (16,2 %), предпочитающие покупать прессу в местах распространения в розницу (38,7 %) либо читать в Интернете (27,9 %). Данный факт может быть обусловлен наиболее благоприятными инфраструктурными условиями в столице для розничного распространения прессы, не требующими дополнительных действий в виде оформления подписки, посещения библиотек и т. д. Реже приобретают прессу в розницу читатели, проживающие в Могилевской области (16,1 %). Чтению прессы в Интернете в наименьшей степени отдают предпочтение жители Гродненской области (6,0 %) (табл. 7).

Необходимо отметить различия в способах приобретения прессы в зависимости от возраста. Чаще оформляют подписку читатели 45–54 лет (43,0 %) и старше 55 лет (47,4 %). Наиболее значимые различия фиксируются относительно покупки прессы в розницу – этот способ чаще используют читатели в возрасте 30–44 лет (28,4 %) и старше 55 лет (29,3 %), в то время как только 5,0 % молодых людей в возрасте 18–29 лет отдают предпочтение указанному

способу приобретения прессы. При этом читатели данной возрастной группы чаще используют Интернет для чтения прессы (30,0 %) в сравнении с читателями из других возрастных групп (табл. 8).

Таблица 7. **Способы приобретения прессы населением Беларуси в зависимости от региона проживания, в % от читателей прессы**

Способы приобретения прессы	Регион проживания						
	г. Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.
Подписка	16,2	46,9	55,2	47,7	49,3	48,9	55,4
Приобретают в розницу	38,7	28,1	13,4	26,1	25,4	22,3	16,1
В библиотеке	0,9	0,0	1,5	2,3	1,5	2,1	0,0
Берут у родственников, знакомых, друзей	6,3	6,2	7,5	3,4	9,0	6,4	8,9
В Интернете	27,9	9,4	10,4	11,4	6,0	8,5	10,7
Другое	5,4	6,2	1,5	5,7	6,0	7,4	5,4
Затруднились ответить / нет ответа	4,6	3,2	10,5	3,4	2,8	4,4	3,5

Таблица 8. **Способы приобретения прессы населением Беларуси в зависимости от возраста, в % от читателей**

Способы приобретения прессы	Возраст			
	18–29 лет	30–44 года	45–54 года	55 лет и старше
Подписка	37,5	37,3	43,0	47,4
Приобретают в местах распространения прессы в розницу	5,0	28,4	20,6	29,3
В библиотеке	2,5	1,5	0,9	1,1
Берут у родственников, знакомых, друзей	7,5	6,7	6,5	6,4
В Интернете	30,0	17,2	17,8	6,8
Другое	10,0	5,2	6,5	4,5
Затруднились ответить / нет ответа	7,5	3,7	4,7	4,5

В рамках исследования были установлены различия в способах приобретения прессы читателями в зависимости от уровня их образования. Так, оформляют подписку чаще респонденты с базовым образованием (64,7 %), а покупают в розницу – со средним общим (31,2 %) и профессионально-техническим, средним специальным образованием (26,2 %). Реже всего оформляют подписку читатели с высшим образованием (37,7 %), а наименее привержены покупать прессу в розницу – с базовым (11,8 %).

Чтению прессы в Интернете чаще отдают предпочтение читатели с высшим образованием (18,6 %), в то время как данная форма приобретения прессы наименее характерна для читателей со средним общим образованием (8,6 %).

Можно отметить различия относительно способов приобретения прессы в зависимости от социального статуса читателей. Оформлять подписку чаще предпочитают работающие (42,1 %) или пенсионеры (48,2 %). В группе

Рис. 3. Социально-демографический профиль читателей прессы, %

временно неработающих данная практика приобретения прессы в принципе отсутствует. Представители этой социально-демографической группы чаще предпочитают брать прессу у друзей, родственников или знакомых (26,7 %). В Интернете читают прессу преимущественно учащиеся и студенты (60,0 %).

Полученные в рамках исследования данные позволили составить социально-демографический профиль читателей печатной прессы (рис. 3).

Основными читателями прессы, т. е. теми, для кого она служит основным источником информации, в Беларуси являются женщины (21,3 %) старше 55 лет (32,5 %), проживающие в сельской местности (24,9 %) и являющиеся пенсионерами (32,9 %). Чаще всего в качестве основного источника информации прессу выбирают жители Витебской и Гомельской (24,7 %) областей, а также Гродненской области (22,7 %). При этом минчане (14,4 %) реже жителей других регионов склонны выбирать прессу в качестве главного источника получения информации.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что структура практик использования печатной прессы в Беларуси демонстрирует устойчивость, что свидетельствует о сформировавшейся и стабильной аудитории данного вида СМИ. Наиболее активными читателями остаются представители старших возрастных групп, в особенности старше 55 лет, которые чаще читают прессу ежедневно или несколько раз в неделю. Молодые люди в возрасте 18–29 лет практически не используют печатные издания в своих медиапрактиках, предпочитая получать информацию из других источников. В языковом аспекте большинство читателей прессы отдают предпочтение русскоязычным

материалам. Темы, интересующие читателей, – преимущественно новостные и развлекательные. При этом возрастные различия влияют на тематические предпочтения: молодые люди активнее читают спортивные и образовательные материалы, в то время как представители старших возрастных групп – общественно-политические и материалы о чрезвычайных происшествиях. Большинство читателей прессы предпочитают традиционные бумажные издания, но вместе с тем молодые люди все чаще используют электронные или комбинированные форматы. Способы приобретения прессы – подписка и розничная покупка – сохраняют свою популярность главным образом в сельской местности, что связано с инфраструктурными особенностями.

В целом полученные данные свидетельствуют о сохранении традиционных практик взаимодействия с прессой. При этом постепенно проявляется тенденция к использованию цифровых форматов среди молодого поколения. Таким образом, можно констатировать, что в Беларуси формируется устойчивый и дифференцированный медиапроцесс, где социально-демографические характеристики аудитории продолжают оказывать влияние на практики использования печатной прессы. Для расширения аудитории и повышения привлекательности печатных СМИ важно учитывать эти особенности, а также активно развивать материалы на белорусском языке и внедрять цифровые форматы.

Список использованных источников

1. *Смирнова, О. В.* Исследование газеты в условиях цифровизации: актуализация подходов / О. В. Смирнова // Медиа@альманах. – 2024. – № 1. – С. 18–24.

2. *Бельский, А. М.* Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения / А. М. Бельский // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Социология. – 2021. – № 4. – С. 97–109.

3. *Градюшко, А. А.* Региональные интернет-СМИ Беларуси в условиях трансформации медиасистемы / А. А. Градюшко // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2014. – № 3. – С. 31–35.

4. *Градюшко, А. А.* Региональные медиа в цифровой среде / А. А. Градюшко. – Мн. : Звязда, 2020. – 184 с.

5. *Посталовский, А. В.* Аудитория средств массовой информации в социологическом измерении : монография / А. В. Посталовский. – Мн. : РИВШ, 2022. – 224 с.

6. *Посталовский, А. В.* Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение : монография / А. В. Посталовский. – Мн. : РИВШ, 2019. – 236 с.

7. *Терещенко, О. В.* Измерение аудитории СМИ: история становления / О. В. Терещенко, М. С. Терещенко // Социологический альманах. – Мн., 2020. – Вып. 11. – С. 163–175.

Поступила 17.02.2025 г.

УДК 331.556.4(476)

С. А. ПУШКЕВИЧ,

научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: pushkevich@gmail.com

ДИНАМИКА ПОТЕНЦИАЛА ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И ЕЕ РЕГИОНОВ ЗА ПЕРИОД 2017–2024 гг.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье дана общая характеристика динамики потенциала внешней трудовой миграции населения Беларуси и ее регионов за период 2017–2024 гг. Представлен социально-демографический портрет потенциальных трудовых мигрантов. Показаны особенности мотивационной структуры миграционных намерений. Проанализированы страновые предпочтения потенциальных трудовых мигрантов. Внесены предложения по совершенствованию политики Республики Беларусь в области внешней трудовой миграции.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, потенциал миграции, мотивы миграции, миграционная политика.

S. A. PUSHKEVICH,

Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: pushkevich@gmail.com

DYNAMICS OF THE POTENTIAL OF EXTERNAL LABOUR MIGRATION OF THE POPULATION OF BELARUS AND ITS REGIONS FOR THE PERIOD 2017–2024: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article provides a general description of the dynamics of the potential for external labour migration of the population of Belarus and its regions for the period 2017–2024. A socio-demographic portrait of potential labour migrants is presented. The features of the motivational structure of migration intentions are shown. The country preferences of potential labour migrants are analyzed. Proposals have been made to improve the policy of the Republic of Belarus in the field of external labour migration.

Keywords: external labour migration, migration potential, migration motives, migration policy.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь (решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5) к числу основных национальных интересов в демографической сфере отнесена оптимизация внешних миграционных потоков, обеспечение положительного сальдо миграции. Такое внимание к миграции населения определяется ростом социальной значимости миграционных процессов в совре-

менной Беларуси. Активизация эмиграционных процессов и нерегулируемая иммиграция в страну обозначена одной из основных угроз национальной безопасности. Важнейшими направлениями защиты от внешних угроз в демографической сфере являются оптимизация миграционных процессов, создание условий для уменьшения эмиграции, сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также активное противодействие незаконной миграции [1].

В Беларуси государственная статистика внешней трудовой миграции населения не отражает полноценную картину миграционных процессов. Это связано с тем, что Беларусь со многими постсоветскими странами имеет режим безвизового передвижения населения. В результате в республике затруднены учет и определение реальных масштабов внешней трудовой миграции населения.

Основным источником официальных статистических данных, позволяющих отслеживать направления и объемы внешней трудовой миграции в Республике Беларусь, является Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Однако эти сведения касаются только тех трудовых мигрантов, которые выезжают за границу по договорам и контрактам, а также въезжающих в Беларусь на основе специальных разрешений на право занятия временной трудовой деятельностью. Согласно этим данным в 2024 г. численность трудовых эмигрантов, выехавших за границу с целью работы по контрактам и договорам, составила 3497 человек, а трудящихся-иммигрантов – 33 818 человек [2]. С 2017 г. в ведомственную миграционную статистику Министерства внутренних дел Республики Беларусь стали входить некоторые категории трудовых иммигрантов, которые работают в Беларуси без специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью. Такой возможностью в основном пользуются граждане государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): чаще всего приезжают на работу граждане Российской Федерации (преимущественно для строительства Белорусской атомной электростанции), чуть реже – граждане Республики Казахстан и Республики Армения и совсем редко – Кыргызской Республики. Всего в течение 2017–2024 гг. из ЕАЭС в Беларусь на работу прибыло 40 317 граждан ЕАЭС, из них 33 293 гражданина России, 3189 – Казахстана, 1110 – Кыргызстана и 2725 – Армении [2].

В то же время трудовые эмигранты, которые нашли работу за границей самостоятельно или воспользовались для этого услугами соответствующих служб или агентств занятости иностранных государств, в эту статистику не попадают. Вместе с тем ежегодный объем внешней трудовой миграции в Беларуси, по оценке экспертов, колеблется от 150 до 300 тыс. человек [3].

Еще одним источником статистических данных о белорусских трудовых мигрантах выступают миграционные службы иностранных государств, являющихся потребителями белорусской рабочей силы. Так, в России – это

Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел [4] и Росстат – Федеральная служба государственной статистики [5]. Миграционную статистику предоставляют также Министерство семьи, труда и социальной политики Польши, Министерство внутренних дел Литвы, Статистический комитет Чехии [6, с. 3]. В рамках Евразийского экономического союза статистику внешней трудовой миграции ведет Департамент трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии [7]: в странах ЕАЭС за период 2015–2024 гг. временно работали 547,8 тыс. трудовых мигрантов из Беларуси. Основным потребителем белорусских трудовых мигрантов являются Россия и Казахстан, где за этот же период временно работали 546,3 тыс. белорусских трудовых мигрантов. В 2024 г. в России работали 65 915 человек, а в Казахстане – 1850 [8].

Миграционная статистика позволяет отслеживать многие стороны миграционных процессов. Однако миграция населения – это не простое механическое передвижение людей, а сложный общественный процесс. Возросшая сложность и многогранность современных миграционных процессов обусловили востребованность новых методов исследования этого социального явления, и прежде всего социологических методов. Социологические данные выступают в качестве одного из важных источников информации при разработке и принятии научно обоснованных управленческих решений в области миграционной политики. Данные социологических исследований позволяют определить потенциал внешней трудовой миграции, направления возможных миграционных потоков; выявить «выталкивающие» и «сдерживающие» факторы и условия, определяющие ее количественные и качественные параметры.

В 2019 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь в ходе переписи населения изучал настроения граждан страны по возможному планированию выезда. Всего было опрошено 145 793 человека, 58 387 (40,0 %) из которых ответили, что планируют выехать за границу с целью работы, что является самым распространенным ответом из всех предложенных (получение образования, семейные обстоятельства, медицинское лечение и реабилитация и др.) [9].

С целью выработки мер государственного регулирования процессов внешней трудовой миграции по заказу Комитета по миграции в 1998 г. НИИ труда Министерства труда Республики Беларусь провел социологическое исследование, которое позволило определить потенциал внешней трудовой миграции [10].

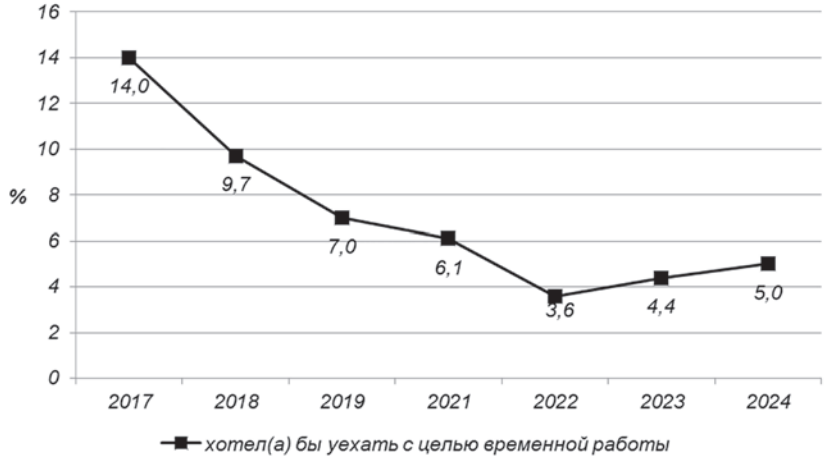
Особое место в системе социологической информации в области миграции населения принадлежит мониторинговым социологическим исследованиям, предоставляющим возможность сопоставления и сравнения информации в динамике с выходом на существенные тренды социально-политической, социально-экономической и социокультурной жизни страны. В Беларуси наиболее известным является социологический мониторинг миграционных процессов, который проводится с 2010 г. Институтом социологии НАН Беларуси.

Далее дадим общую характеристику динамики потенциала внешней трудовой миграции населения Беларуси и ее регионов за период 2017–2024 гг.

Согласно данным мониторинговых исследований Института социологии НАН Беларуси за 2017–2024 гг., потенциал внешней трудовой миграции населения Беларуси (доля желающих выехать за границу с целью временной работы в общей численности опрошенных) за характеризуемый период был наибольшим в 2017 г. (14,0 %). В последующие годы прослеживалась устойчивая тенденция сокращения потенциала внешней трудовой миграции – до 3,6 % в 2022 г., или в 3,9 раза по сравнению с 2017 г.

Снижение за период 2017–2022 гг. доли потенциальных трудовых мигрантов в общей численности респондентов во многом было определено пандемией COVID-19 (ее пик пришелся на 2020–2021 гг.). Затем в 2022–2023 гг. начался период постепенного возвращения к доковидным объемам внешней трудовой миграции. Об этом свидетельствует миграционная статистика ЕАЭС. Согласно данным Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, если в 2017 г. в России временно работали 52 606 белорусских трудовых мигрантов, то в 2022 г. – 37 194, в 2023 г. – 44 508. Этот тренд нашел свое отражение и в социологических данных: устойчивая тенденция сокращения потенциала внешней трудовой миграции, наблюдавшаяся с 2017 до 2022 г., в 2023 г. сменилась определенным ростом доли желающих выехать за границу с целью временной работы в общей численности опрошенных (рисунок).

Однако анализ динамики потенциала внешней трудовой миграции населения регионов Беларуси за период 2017–2024 гг. позволяет сделать вывод о нестабильности отмеченного в 2024 г. незначительного роста доли желающих выехать за границу с целью временной работы в общей численности опро-



Динамика потенциала внешней трудовой миграции населения Беларуси за период 2017–2024 гг., % от числа ответивших

шенных. Так, если в целом по выборке этот показатель вырос с 4,4 % в 2023 г. до 5,0 % в 2024 г., то в г. Минске он снизился с 4,4 до 3,3 % соответственно. Такой же тренд отмечается в Гомельской (снижение показателя за 2023–2024 гг. с 7,6 до 6,8 %) и Минской (с 4,2 до 3,8 % соответственно) областях. И только в Брестской, Витебской, Гродненской и Могилевской областях доля желающих выехать за границу с целью временной работы незначительно выросла (табл. 1).

Таблица 1. **Динамика потенциала внешней трудовой миграции регионов Беларуси за период 2017–2024 гг., % от числа ответивших**

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение потенциала за период 2017–2024 гг., п. п.
В целом по республике	14,0	9,7	7,0	6,1	3,6	4,4	5,0	–9,0
г. Минск	9,9	9,2	5,9	5,0	4,8	4,4	3,3	–6,6
Брестская обл.	10,6	10,0	3,0	12,6	4,5	4,4	7,3	–3,3
Витебская обл.	21,1	6,3	7,9	5,9	3,2	3,6	4,2	–16,9
Гомельская обл.	25,9	6,7	8,6	4,5	2,6	7,6	6,8	–19,1
Гродненская обл.	11,4	16,5	6,8	5,8	3,0	1,5	4,1	–7,3
Минская обл.	10,9	15,9	11,4	4,5	2,7	4,2	3,8	–7,1
Могилевская обл.	7,3	3,6	4,7	4,3	4,0	4,1	6,7	–0,6

Как видим по данным, приведенным в табл. 1, за период 2017–2024 гг. потенциал внешней трудовой миграции населения всех регионов Беларуси резко снизился. Так, если в 2017 г. среди жителей г. Минска он составлял 9,9 %, то в 2024 г. – 3,3 % (стал в 3,0 раза ниже). Среди областей в 2024 г. по сравнению с 2017 г. наиболее значимое падение потенциала внешней трудовой миграции населения наблюдалось в Витебской – в 5,0 раза и Гомельской – в 3,8 раза областях. Далее идут Минская – в 2,9 раза, Гродненская – в 2,8 раза, Брестская – в 1,5 раза и Могилевская – в 1,1 раза области.

Анализ страновых предпочтений потенциальных мигрантов показывает, что за рассматриваемый период произошли существенные изменения. В 2017 г. наиболее предпочтительными странами для временной работы являлись Россия – 32,4 %, США – 23,5 %, Германия – 8,8 %, Польша – 2,9 %. Однако в последующем Россия стала менее привлекательной для белорусских граждан. В 2024 г. только 17,2 % (2017 г. – 32,4 %) респондентов отметили, что планируют поработать в этой стране. На второе место по привлекательности вышла Германия, в которую желали бы выехать для временной работы 14,0 % (2017 г. – 8,8 %) респондентов, на третье – Польша – 12,9 % (2017 г. – 2,9 %).

Рассмотрим *социально-демографический портрет потенциальных трудовых мигрантов среди белорусского населения.*

Согласно данным мониторинговых исследований Института социологии НАН Беларуси за период 2017–2024 гг., динамика миграционной активности респондентов во многом зависит от их дифференциации по полу, возрасту, уровню образования и социально-профессиональному положению.

Так, уровень миграционной активности мужчин снизился с 17,1 % в 2017 г. до 8,4 % в 2024 г., или в 2,0 раза. Аналогичная картина наблюдается и относительно женщин: если в 2017 г. 11,3 % из них хотели бы уехать за границу с целью временной работы, то в 2024 г. – только 2,4 % (т. е. миграционная активность снизилась в 4,7 раза).

За рассматриваемый период для всех возрастных групп респондентов характерно резкое снижение миграционной активности. В 2024 г. доля респондентов в возрасте до 29 лет, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 10,0 % (в 2017 г. – 18,7 %); в возрасте 30–49 лет – 6,3 % (в 2017 г. – 17,6 %); в возрасте 50 лет и старше – 2,1 % (в 2017 г. – 7,7 %).

Уровень миграционной активности за период 2017–2024 гг. снизился и во всех группах респондентов по уровню образования. Доля желающих уехать за границу с целью временной работы среди лиц, имеющих общее среднее образование, составила в 2024 г. 6,9 % (в 2017 г. – 14,3 %); среднее специальное образование – 4,5 % (в 2017 г. – 15,8 %); высшее и незаконченное высшее образование – 4,3 % (в 2017 г. – 13,4 %).

Данные опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2024 г., свидетельствуют о том, что доля желающих уехать за границу с целью временной работы среди респондентов, занятых в ключевых секторах экономики, по сравнению с показателями 2021 г., значительно снизилась. Так, в 2024 г. на потенциальных трудовых мигрантов среди респондентов, занятых в промышленности, пришлось 7,6 % (в 2021 г. – 12,9 %), в строительной отрасли – 9,6 % (в 2021 г. – 14,1 %), в сфере торговли – 4,3 % (в 2021 г. – 5,8%), в сельском хозяйстве – 1,7 % (в 2021 г. – 8,7%). В то же время в следующих сферах экономики доля потенциальных трудовых мигрантов увеличилась: в IT-сфере – с 8,8 % в 2021 г. до 12,8 % в 2024 г., в сфере образования и науки – с 1,9 до 4,2 % соответственно, в сфере медицины и здравоохранения – с 1,5 % в 2021 г. до 6,2 % в 2024 г.

Обратимся к *особенностям мотивационной структуры миграционных намерений белорусов.* Данные мониторингового исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2024 г., показали, что к основным причинам намерения выехать за границу с целью временной работы респонденты отнесли следующие: желание улучшить свое материальное положение (75,3 % %); желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (43,0 %); желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (31,0 %); а также желание повысить свой профессиональный уровень, квалификацию (28,0 %). Следует отметить, что такая возможная цель выезда из страны с целью временной работы, как установить контакты для эмиграции в будущем, не входит в число основных для опрошенных и приходится всего на 1,1 % из них (табл. 2).

Опрос показал, что структура мотивации трудовой миграции во многом различается в зависимости от пола респондентов. Так, если и для мужчин, и для женщин первое место занимает мотив улучшить свое материальное по-

ложение и своей семьи (79,4 и 64,0 % соответственно), то ранговое распределение других мотивов трудовой миграции в обеих группах достаточно значимо различается. Если на женщин, которые связывают свои миграционные планы с желанием посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране приходится 68,0 %, то на мужчин – всего 33,8 %. Аналогичная картина сложилась в связи с таким важным мотивом выезда за границу с целью временной работы, как обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование: среди опрошенных женщин подобный мотив имеют 40,0 %, среди мужчин – только 26,5 % (табл. 3).

Таблица 2. **Основные причины желания выезда из страны за границу с целью временной работы, %***

Варианты ответа	%
«Заработать капитал для своего дела»	17,2
«Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование»	31,0
«Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию»	28,0
«Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране»	43,0
«Улучшить свое материальное положение и своей семьи»	75,3
«Установить контакты для эмиграции в будущем»	1,1
«Нет ответа»	4,3

* Сумма по столбцу составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 3. **Основные причины желания выезда из страны за границу с целью временной работы в зависимости от пола респондента, %***

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
«Заработать капитал для своего дела»	19,1	12,0
«Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование»	26,5	40,0
«Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию»	27,9	28,0
«Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране»	33,8	68,0
«Улучшить свое материальное положение и своей семьи»	79,4	64,0
«Установить контакты для эмиграции в будущем»	1,5	0,0
«Нет ответа»	5,9	0,0

* Сумма по столбцу составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов.

Еще большие различия в структуре мотивации трудовой миграции наблюдаются в зависимости от возраста респондентов. Так, если основной причиной выезда из страны за границу с целью временной работы для всех возрастных групп является желание улучшить свое материальное положение и своей семьи, то другие цели трудовой миграции у возрастных групп существенно различаются. Мотив «посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране» занимает 2-е место у респондентов возрастных групп до 29 лет (65,5 %) и стар-

ше 50 лет (33,3 %), тогда как 3-е место – у респондентов возрастной группы 30–49 лет, для которых на 2-м месте мотив «обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование» (37,0 %) (табл. 4).

Таблица 4. **Основные причины желания выезда из страны за границу с целью временной работы в зависимости от возраста респондента, %***

Варианты ответа	Возраст					
	до 29 лет	ранг	30–49 лет	ранг	Старше 50 лет	ранг
«Заработать капитал для своего дела»	20,7	4–5	17,4	5	11,1	5
«Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование»	20,7	4–5	37,0	2	27,8	3–4
«Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию»	34,5	3	23,9	4	27,8	3–4
«Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране»	65,5	2	32,6	3	33,3	2
«Улучшить свое материальное положение и своей семьи»	72,4	1	78,3	1	72,2	1
«Установить контакты для эмиграции в будущем»	3,4	–	0,0	–	0,0	–

* Сумма по столбцу составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов.

Анализ основных результатов социологических мониторингов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси за период 2017–2024 гг., дает основание сделать следующие выводы.

1. Снижение в последние годы доли потенциальных трудовых мигрантов в Беларуси во многом определено пандемией COVID-19, а также напряженной геополитической обстановкой.

2. Доля желающих уехать за границу с целью временной работы среди респондентов, занятых в ключевых секторах экономики, в 2024 г. по сравнению с показателями 2021 г. значительно снизилась.

3. Молодежь значительно больше настроена на внешнюю трудовую миграцию, чем другие возрастные группы населения.

4. Анализ страновых предпочтений потенциальных трудовых мигрантов показал, что за рассматриваемый период в них произошли существенные изменения. Так, в 2017 г. наиболее привлекательными странами для временной работы среди респондентов являлись Россия – 32,4 %, США – 23,5 %, Германия – 8,8 %, Польша – 2,9 %. Однако в последующие годы Россия стала менее привлекательной для трудовых мигрантов. В 2024 г. только 17,2 % респондентов высказались о планах поработать в этой стране. Среди стран потенциального выезда опрошенных для временной работы на второе место вышла Германия (14,0 %), на третье – Польша (12,9 %).

5. В 2024 г. среди основных причин своего намерения выехать за границу с целью временной работы респонденты выделили следующие: желание

улучшить свое материальное положение (75,3 %); желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (43,0 %); желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (31,0 %); желание повысить свой профессиональный уровень, квалификацию (28,0 %). Следует отметить, что такая возможная цель выезда из страны за границу с целью временной работы, как установить контакты для эмиграции в будущем, не является у респондентов значимым мотивом внешней трудовой миграции.

На основании приведенных выводов и действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь можно сформировать следующие предложения по совершенствованию политики Республики Беларусь в области внешней трудовой миграции.

1. Разработка государственных программ для повышения конкурентоспособности белорусского рынка труда.

2. Разработка и внедрение программ для поддержки возвращения трудовых мигрантов, включая финансовые и консультационные услуги.

3. Установление двусторонних соглашений с другими государствами для защиты прав белорусских граждан, работающих за границей.

4. Информирование населения о возможностях трудовой деятельности внутри страны и рисках трудовой миграции.

5. Для регулирования миграционных процессов целесообразно учитывать региональные и профессиональные особенности потенциальных мигрантов, а также развивать программы поддержки трудовой мобильности в приоритетных секторах экономики.

Эти меры могут способствовать укреплению национальной безопасности страны, снижая зависимость от внешних факторов, связанных с миграцией рабочей силы, и не противоречат принятой Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы [11].

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.04.2025).

2. Учет трудящихся мигрантов // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – URL: https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov (дата обращения: 06.02.2025).

3. *Артюхин, М. И.* Динамика внешней трудовой миграции в Беларуси за период 2014–2021 гг. (по данным МВД Республики Беларусь) / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич // Социологический альманах. – Мн., 2023. – Вып. 14. – С. 167–179.

4. Главное управление по вопросам миграции // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm (дата обращения: 06.02.2025).

5. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – М., 1999–2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 06.02.2025).

6. *Крупа, Е. В.* Целостная оценка текущих стратегий экономического развития, трудовой миграции и денежных переводов в Республике Беларусь / Е. В. Крупа, Е. В. Масленкова //

Международная организация по миграции. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/Holistic-Assessment-Belarus-RUS.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

7. Департамент трудовой миграции и социальной защиты // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/migration (дата обращения: 17.04.2025).

8. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/506/h2lyg7mmxfbox40psgqarmtuma8o00io/Svedeniya-2024-god.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

9. Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F604N_ru.saiku (дата обращения: 06.02.2025).

10. *Шахотько, Л. П.* Миграционные процессы в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 5. – С. 16–25.

11. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 янв. 2024 г. № 48 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.04.2025).

Поступила 07.02.2025 г.

УДК 316.64(=161.3)+316.7:93/94

А. В. СЕМЁНОВА,
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alexandrasemoma@gmail.com

ТРУДОЛЮБИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ[1]

В статье раскрывается роль семьи в воспитании и воспроизводстве ценности трудолюбия. На основе данных мониторинга Института социологии НАН Беларуси изучены самооценки белорусов относительно присущих им положительных качеств, в том числе трудолюбия, а также их реальный опыт в семейной преемственности ценности труда.

Ключевые слова: трудолюбие, национальный этос, автостереотип, преемственность ценностей, семейное воспитание.

A. V. SIAMIONAVA,
Junior Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: alexandrasemoma@gmail.com

DILIGENCE IN THE CONTEXT OF THE CONTINUITY OF FAMILY VALUES OF BELARUSIANS

The article reveals the role of the family in the education and reproduction of the value of diligence. Based on the monitoring data of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, self-assessments of Belarusians regarding their inherent positive qualities, including diligence, were studied. The real experience of respondents in the family continuity of the value of labor was also studied.

Keywords: diligence, national ethos, autostereotype, continuity of values, family upbringing.

Ключевыми направлениями идеологии белорусского государства являются поддержание в обществе ценностной и нравственной установки на труд, уважительного отношения к трудовым традициям белорусов, подготовка и включение молодежи в созидательную деятельность. В стране созданы благоприятные социально-экономические условия для реализации населением различных трудовых мотиваций и ориентаций, основанных на духовно-нравственных ценностях при гармоничном сочетании их с материальными. Однако современные процессы модернизации и глобализации, а также формирование свободного, нерегулируемого рынка труда обусловливают проблему девальвации

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Социальные представления белорусов о национальном характере и его преемственности в условиях современных вызовов и угроз», договор с БРФФИ № Г23ИП-032 от 02.05.2023 г.

духовно-нравственной составляющей ценности труда в пользу тенденций трудовой прагматизации, инструментализации и дегуманизации. Данная проблема особенно актуальна в связи с согласованием обыденных и научных представлений о трудолюбии как черте белорусского национального характера.

Трудолюбие – «черта характера социального субъекта, которая связана с его положительным эмоционально-волевым, ценностно-мотивационным и практическим отношением к труду как высшей социальной ценности при гармоничном сочетании с установкой на материальные ценности, субъективно-индивидуально проявляющаяся в высказываниях и поступках по поводу восприятия трудовой деятельности как источника саморазвития и самосовершенствования, служения во благо обществу (социальная направленность, ориентированность и ответственность), способа признания в обществе» [1, с. 362–363]. Положительное отношение субъекта к труду, как правило, реализуется в его повседневных моделях трудовой деятельности. Трудолюбие категоризируется с отсылкой к онтологическим взглядам Г. Гегеля, И. Канта на труд как основу бытия человека, нравственное предписание для всех членов общества, к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса об ориентации человека на самосовершенствование через труд физический и умственный, гармонично сочетающийся с ценностями материального и прагматического характера, а также к трудовой пуританской морали М. Вебера, содержащей социальные требования бережливости и приумножения богатства, прилежания и честности в ведении дел, трудового воспитания детей и семейных ценностей.

Главная роль в воспроизводстве национального этоса (т. е. «базового ядра национальных ценностей, идеалов, норм, смысложизненных ориентаций, культурных паттернов, которые являются доминантными в каждой конкретной культуре и которые выполняют функцию контроля за поведением носителей данной культуры» [2, с. 15]), содержащего ценность труда, принадлежит семье. Согласно Н. Адлеру, национальная культура может разделяться большинством членов сообщества, и его взрослые члены пытаются передать культуру младшим. Культурная преемственность начинается с того этапа жизни индивида, когда он приобретает способность беспрепятственно воспринимать и усваивать информацию. Корни этой преемственности заложены в семье, в которой ребенок делает первые шаги. Впоследствии данная функция передачи культуры также обеспечивается школой, соседями, друзьями и др. В подростковом возрасте человек становится более независимым и пытается быть активной силой для общества [3].

Если обратиться к научным исследованиям белорусских этнографов конца XIX–XX вв. (М. В. Довнар-Запольский, Н. Я. Никифоровский, Е. Р. Романов, А. К. Сержпутовский, П. В. Шейн и др.) и современности (Л. М. Воронецкая, Е. Л. Михайлова, А. П. Орлова, Л. В. Ракова, И. С. Сычева, В. С. Титов, С. Г. Туболец, Н. Э. Шабанова и др.), посвященных быту, семейному укладу, традициям трудового воспитания белорусов, среди основных результирующих позиций можно выделить передачу морально-нравственной составляю-

щей традиционной трудовой этики в белорусском обществе на генетическом, ментальном уровнях, развитие трудолюбия прежде всего в процессе семейного воспитания, а затем и всей сознательной жизнедеятельности человека.

Современные белорусские социологи Л. И. Науменко, Г. В. Гатальская, Н. М. Ткач, В. В. Кириенко и другие в рамках исследований ментальности, этнических автостереотипов белорусов среди основных социально-духовных характеристик выделяют трудолюбие. Вместе с тем в социологических исследованиях на уровне общих смыслов осуществляется фиксация места автономных ценностей семьи и труда в иерархии ценностных приоритетов различных групп населения. При этом, рассматривая труд как одну из доминирующих ценностей, сложно утверждать, положительную или отрицательную коннотацию он имеет (является терминальной или инструментальной ценностью) в представлениях белорусов. Хотя в тройке главных ценностей населения выделяется ценность семьи, не обосновывается характер ее восприятия: сквозь призму отношения белорусов к трудовой деятельности. Так, недостаточно изученным остается вопрос о роли семьи в формировании нравственной составляющей трудовых ориентаций молодого поколения. Ведь при условии наличия в семье стабильной устойчивой системы трудовых ценностей и ориентаций гарантировано воспроизводство молодым поколением трудового поведения в соответствии с традиционной трудовой этикой.

Таким образом, возрастает актуальность эмпирического изучения оценок населения относительно роли семьи в воспроизводстве традиционной ценности труда (трудолюбия) в ядре белорусского этоса.

Для анализа были использованы данные республиканского опроса Института социологии НАН Беларуси, проведенного в октябре – ноябре 2022 г. (объем выборочной совокупности составил 1848 человек). В целях подтверждения гипотезы о том, что трудолюбие является чертой национального характера, т. е. присущей всему населению, рассмотрено распределение ответов на отобранные по теме исследования вопросы групп респондентов, дифференцируемых по возрасту, полу, уровню образования и типу населенного пункта. На наш взгляд, существенных различий во мнениях представителей выделенных групп быть не должно. Кроме того, для выявления реального опыта белорусов в формировании ценности труда в процессе семейного воспитания, в том числе на личном примере, рассмотрены ответы респондентов, у которых есть дети (74,1 % в выборке), и респондентов, у которых детей нет (25,5 % в выборке).

В первую очередь обратимся к самооценкам респондентов относительно наличия у себя качеств, положительных с точки зрения социальных взаимодействий, личностного потенциала, эффективности в делах, и месту среди них трудолюбия.

Как видно из данных табл. 1, трудолюбие выступает одной из основных характеристик всех без исключения категорий опрошенных. На одном уровне ее выделяют горожане и сельчане – 66,0 и 67,7 % соответственно; чуть больше женщины, чем мужчины, – 69,6 и 62,3 % соответственно, что, вероятно, объясняется первыми, помимо обязанностей, выполняемых на рабочем месте,

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных качеств Вам присущи?» среди белорусов в зависимости от возраста, пола, уровня образования, типа населенного пункта, %**

Группы респондентов	Варианты ответа																				
	«Дисциплинированность»	«Инициативность»	«Любознательность»	«Сообразительность, смекалка»	«Ответственность»	«Жизнерадостность»	«Чувство юмора»	«Предприимчивость»	«Адаптивность»	«Рассудительность»	«Трудолюбие»	«Самоорганизованность»	«Стрессоустойчивость»	«Изобретательность»	«Настойчивость, упорство»	«Коммуникабельность»	«Умение достигать цели»	«Доброта, отзывчивость»	«Тактичность, вежливость»	«Самоуважение»	«Уважение к окружающим людям»
По возрасту, лет																					
18–29	61,3	40,2	53,7	51,8	66,6	53,4	60,1	26,7	44,2	49,7	55,2	35,0	38,0	27,0	42,9	51,5	37,4	64,4	57,1	52,8	60,7
30–39	62,5	31,6	44,7	42,3	69,1	45,2	54,0	24,2	30,9	44,9	61,4	30,6	33,0	19,9	35,6	50,0	30,3	64,4	51,6	50,8	58,8
40–49	65,9	34,7	38,7	42,8	65,9	44,5	56,6	24,3	26,3	42,2	67,9	27,2	29,5	18,8	32,1	43,1	29,5	60,4	50,6	48,3	61,6
50–59	71,1	31,2	37,0	37,6	70,1	50,2	52,1	22,8	23,5	43,4	66,2	27,0	26,4	17,4	34,4	42,1	25,1	58,8	50,5	48,9	59,5
60+	68,0	25,9	36,6	27,0	69,0	39,3	44,1	15,3	14,6	45,0	77,0	20,7	20,7	11,9	25,5	34,7	17,2	61,9	45,2	42,9	66,5
По полу																					
Мужской	61,5	31,6	40,1	42,7	61,2	42,7	57,4	25,1	27,8	39,6	62,3	25,8	30,7	22,9	34,7	38,5	28,6	53,4	42,4	45,6	54,4
Женский	69,1	32,6	43,0	36,7	73,6	48,2	49,1	19,8	26,2	49,2	69,6	28,9	27,5	15,0	32,4	47,6	26,0	68,7	56,8	50,3	67,5
По уровню образования																					
Базовое, среднее общее	58,2	27,5	35,9	34,0	61,2	44,4	46,4	20,0	23,7	43,4	69,9	19,6	25,1	15,7	29,4	33,6	23,3	64,5	45,5	46,4	62,1
Профессионально-техническое, среднее специальное	65,9	29,8	40,4	37,0	66,6	44,3	53,2	21,0	24,5	40,7	66,9	24,0	29,2	17,6	33,4	41,9	25,7	60,9	48,2	45,5	60,3
Высшее	71,9	39,4	48,3	46,9	76,1	49,2	57,1	25,3	32,9	52,5	62,9	39,0	31,6	22,0	36,7	54,3	32,2	61,7	57,0	53,8	63,6
По типу населенного пункта																					
Город	67,5	33,1	41,7	39,1	68,9	45,4	53,2	21,5	27,5	45,1	66,0	27,3	27,5	18,4	34,4	43,2	27,3	61,8	52,0	48,4	61,2
Село	60,1	29,2	42,0	40,1	66,0	47,3	51,1	24,2	24,7	44,9	67,7	28,3	33,5	18,5	30,2	45,1	26,6	62,9	45,6	48,0	63,7

домашними хлопотами (поддержание порядка, благоустройство); с незначительным различием в порядке возрастания опрошенными с высшим, профессионально-техническим и средним специальным, базовым и средним общим образованием, что можно сопоставить с характером выполняемого труда (физический / умственный), – 62,9, 66,9 и 69,9 % соответственно; также респондентами в порядке возрастания (более заметном) в зависимости от возраста (от самой младшей до старшей возрастной группы), что, скорее всего, связано с соответствующим данному жизненному этапу основному виду деятельности и организацией в связи с этим свободного времени, развитости трудовых навыков и компетенций: 55,2 % – 18–29 лет, 61,4 % – 30–39 лет, 67,9 % – 40–49 лет, 66,2 % – 50–59 лет, 77,0 % – в возрасте 60 лет и старше (см. табл. 1).

Следует отметить, что в пределах 60–70 % белорусов, независимо от социально-демографических характеристик, отмечают наличие у себя таких качеств, как дисциплинированность и ответственность. В ряду качеств, определяющих хорошего работника, меньшей части респондентов присущи самоорганизованность, настойчивость (упорство), изобретательность, инициативность, умение достигать цели (чем моложе и чем выше уровень образования, тем больше процент указавших на них). Это свидетельствует о патерналистских склонностях белорусов, их способности достигать результатов в рамках тех задач, которые ставит и выполнение которых контролирует руководящий орган, а также о доминировании в обществе ценностей коллективизма над ценностями индивидуализма. Последнее подтверждается кроме вышеизложенного тем, что респондентам в целом несколько больше присущи (по самооценкам) качества, связанные с эмпатией, – доброта и отзывчивость, вежливость, уважение к окружающим, чем с саморазвитием и самореализацией – любознательность, сообразительность (смекалка), стрессоустойчивость и т. п. (см. табл. 1).

Примечательно, что большинство белорусов, у которых есть дети, считают себя трудолюбивыми – 70,3 %. На не имеющих детей таких пришлось 54,7 %. Среди первых также несколько больший процент приходится на склонных считать себя ответственными (70,3 % против 61,9 %), дисциплинированными (67,2 % против 61,3 %) людьми, однако среди вторых – любознательными (49,4 % против 39,1 %), изобретательными (27,2 % против 15,3 %), умеющими достигать цели (34,0 % против 24,7 %), стрессоустойчивыми (37,2 % против 26,2 %), инициативными (37,4 % против 30,3 %), предприимчивыми (26,8 % против 20,5 %). Это свидетельствует о том, что детные направляют свой физический и интеллектуальный потенциал в бытовую сферу, посвящают себя заботе и воспитанию детей, тогда как бездетные – в сферу труда, имеют больше возможностей для профессиональной самореализации (рис. 1).

Далее рассмотрим данные опроса, которые отражают реальные образцы поведения и взаимодействия в белорусских семьях, в том числе связанные с развитием у детей ценности труда. Более половины представителей каждой из рассматриваемых групп респондентов указали на то, что в их семьях при-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных качеств Вам присущи?» среди белорусов в зависимости от наличия детей, %

нято приучать детей к труду, выполнению домашних обязанностей. В особенности выделяются в данных практиках 40–49-летние опрошенные (66,0 %), что, на наш взгляд, обусловлено современной тенденцией позднего родительства; женщины (60,7 %), которые в ведении домашнего хозяйства меньше полагаются на супругов, обеспечивающих бюджет семьи ввиду занятости и, соответственно, проведения большей части своего времени за ее пределами; а также незначительно преобладают сельчане (59,7 % против 55,1 % горожан), что, очевидно, коррелирует с традиционными представлениями о сельском укладе жизни (кроме основной занятости сельчане часто включаются в работу на приусадебном участке, в личном подсобном хозяйстве и т. п.) (табл. 2).

Доминирующим у населения, независимо от социально-демографических характеристик, является поддержание сценариев взаимоотношений между членами семьи, в которые закладываются установки на заботу и доброжелательность друг к другу (в пределах 78–86 % в разрезе групп), уважительное отношение к старшим (в пределах 63–68 %). Это указывает на высокую значимость взрослых членов семьи как референтной группы, оказывающей влияние на формирование и дальнейшее воспроизводство младшими поколениями социокультурных ценностей в основных сферах жизни. При этом передавать опыт от старшего поколения младшим является принятой практикой

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Что из нижеперечисленного принято в Вашей семье?» среди белорусов в зависимости от возраста, пола, уровня образования, типа населенного пункта, %**

Группы респондентов	Варианты ответа														
	«Заботливо и доброжелательно относиться друг к другу»	«Совместно отмечать праздники»	«Оказывать материальную помощь друг другу»	«Совместно проводить досуг»	«Уделять внимание вопросам здоровья (питание, физкультура и т.д.)»	«Обсуждать личные проблемы, переживания»	«Уважительно относиться к старшим»	«Передавать опыт от старшего поколения младшему»	«Оказывать помощь друг другу в освоении новых технологий (смартфон, планшет, Интернет и т. д.)»	«Бережно относиться к окружающей среде»	«Соблюдать семейные традиции»	«Стремиться к приобретению новых знаний, навыков, компетенций»	«Поддерживать хорошие отношения с соседями»	«Не употреблять ненормативную лексику»	«Приучать детей к труду, выполнению домашних обязанностей»
По возрасту, лет															
18–29	81,8	71,1	65,8	48,9	46,2	57,8	64,3	40,6	55,4	48,9	49,2	36,0	32,6	38,2	50,2
30–39	83,0	69,4	57,2	53,7	43,1	62,2	66,5	39,1	39,4	51,1	52,9	34,6	41,0	41,5	56,4
40–49	83,1	68,3	58,3	58,3	41,1	63,1	66,0	39,1	43,4	50,6	54,3	31,4	47,1	45,4	66,0
50–59	81,9	65,7	59,2	54,4	37,9	62,1	69,6	41,1	38,8	50,5	58,9	30,7	46,9	42,7	54,4
60+	81,3	60,2	59,3	37,5	39,0	53,7	62,3	44,0	31,2	44,4	53,2	21,6	50,9	45,3	54,1
По полу															
Мужской	78,7	62,9	56,8	46,1	37,6	51,8	60,8	40,1	37,7	44,1	49,5	27,3	40,4	36,5	50,3
Женский	84,9	69,2	62,2	52,4	44,2	65,3	69,0	41,7	43,1	52,4	56,8	32,4	47,3	47,7	60,7
По уровню образования															
Базовое, среднее общее	76,6	64,6	57,9	42,7	34,9	53,6	62,9	41,0	34,5	43,0	55,1	25,8	43,4	36,9	55,1
Профессионально-техническое, среднее специальное	82,4	66,5	57,8	49,3	37,9	58,2	64,4	38,5	39,0	46,7	53,3	25,5	43,8	41,8	56,4
Высшее	86,4	68,0	64,3	55,8	51,4	65,8	69,0	44,5	48,4	56,5	52,8	40,5	45,6	49,1	56,7
По типу населенного пункта															
Город	83,0	64,7	58,9	49,3	41,2	60,0	64,7	38,8	40,1	49,2	51,2	29,1	41,3	41,6	55,1
Село	79,4	72,5	63,0	50,9	41,7	57,3	68,0	48,3	42,9	47,4	61,8	33,9	54,0	47,2	59,7

в семьях около 40 % респондентов (несколько чаще указывают на это участники опроса в возрасте 60 лет и старше – 44,0 %, с высшим образованием – 44,5 %, сельские жители – 48,3 %). Кроме того, стремление к приобретению новых знаний, навыков, компетенций в качестве поведенческого паттерна воспринимается только третью белорусов. Следует иметь в виду, что практики саморазвития способствуют повышению эффективности в трудовой сфере (см. табл. 2).

Выделяются 61,4 % респондентов, которые непосредственно в процессе воспитания приучают своих детей к труду, выполнению домашних обязанностей. Среди опрошенных без детей таких оказалось 41,7 %. Скорее всего, последние в большинстве своем ответ на вопрос ассоциируют с собой как с потенциальными родителями и моделями воспитания будущих детей (о которых не у всех есть четкие представления), упуская из внимания прожитый этап детскости и свои взаимоотношения в тот период с поколениями родителей (прародителей). Несмотря на сохранение в обеих группах высокой степени воспроизводства таких моральных и нравственных основ функционирования любой семьи, как забота, доброжелательность, уважение, меньшая часть их представителей действует в передаче одобряемых в обществе сценариев поведения опытным путем: принято передавать опыт от старшего поколения младшему в семьях с детьми 41,9 % и в семьях без детей 38,5 % опрошенных, стремиться к новым знаниям, умениям, компетенциям – 29,9 и 31,2 % соответственно (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Что из нижеперечисленного принято в Вашей семье?» среди белорусов в зависимости от наличия детей, %

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Что придает Вам силы, дает энергию?» среди белорусов в зависимости от возраста, пола, уровня образования, типа населенного пункта, %**

Группы респондентов	Варианты ответа											
	«Активный отдых»	«Работа на даче и приусадебном участке»	«Семья, забота о близких»	«Интерес к чему-либо»	«Наличие цели в жизни»	«Общение, ощущение нужности людям»	«Поддержка и помощь со стороны других людей»	«Моя работа»	«Сон»	«Участие в общественной жизни»	«Физическая активность»	«Хобби»
По возрасту, лет												
18–29	57,1	17,5	58,4	50,2	49,2	26,7	32,1	16,5	62,9	13,3	35,9	43,8
30–39	43,8	21,6	62,6	36,5	41,0	27,5	21,3	23,6	58,4	5,6	27,0	35,1
40–49	40,2	31,5	67,6	29,5	37,8	27,7	21,1	22,9	53,6	8,0	19,9	24,4
50–59	35,5	43,5	66,8	31,2	29,6	34,6	23,6	24,9	51,5	6,3	20,6	25,9
60+	24,2	49,6	68,5	22,7	20,9	31,3	24,0	11,5	40,5	4,0	23,1	17,0
По полу												
Мужской	42,8	33,7	58,8	33,7	31,8	24,7	21,8	22,3	49,0	6,3	27,0	29,9
Женский	36,2	33,7	69,8	32,7	37,0	33,3	26,2	17,0	55,2	7,8	23,7	27,2
По уровню образования												
Базовое, среднее общее	38,6	34,3	64,5	32,5	28,6	27,3	28,0	14,3	48,9	6,8	22,3	28,4
Профессионально-техническое, среднее специальное	35,3	35,5	66,7	27,0	33,7	29,1	20,4	19,5	52,8	5,8	23,1	25,4
Высшее	44,6	30,7	63,2	42,3	41,0	32,1	26,9	23,0	55,0	9,3	30,3	32,5
По типу населенного пункта												
Городские жители	38,9	32,7	64,2	34,8	35,8	29,8	22,9	18,9	53,0	6,3	24,7	29,5
Сельские жители	39,5	37,1	67,8	27,8	31,2	28,8	28,8	20,5	50,7	10,0	26,6	24,6

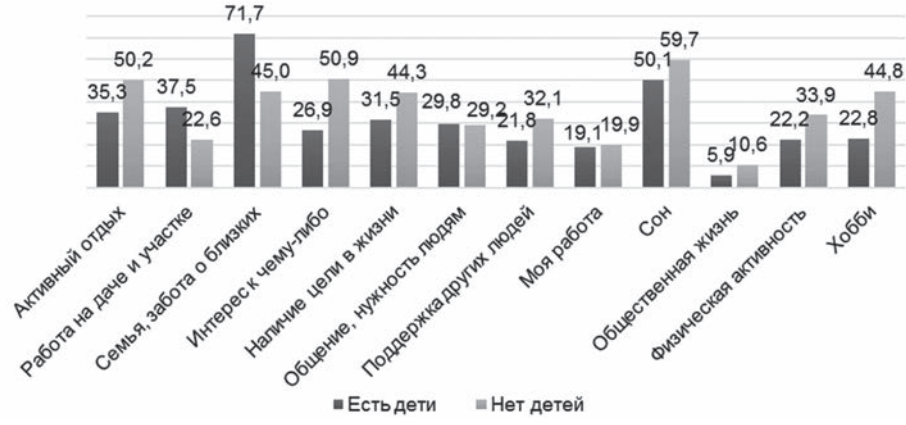


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что придает Вам силы, дает энергию?» среди белорусов в зависимости от наличия детей, %

Результаты исследования, связанные с ценностно-мотивационными аспектами деятельности и поведения респондентов в основных сферах жизни, подтверждают обозначенную нами ценность семьи в качестве главной в белорусском обществе. Так, большинство (в пределах 60–69 %) представителей всех групп опрошенных указали на то, что семья и забота о близких придает им силы, дает энергию. С другой стороны, на том же основании трудолюбие, связанное с позитивным, стимулирующим восприятием собственных трудовых практик, присуще меньшему числу белорусов: придает силы и дает энергию работа каждому четвертому-пятому трудоспособному респонденту, а работа на даче или приусадебном участке – практически каждому третьему респонденту (больше таких в возрасте 50–59 лет и 60 лет и старше – 43,5 и 49,6 % соответственно, значит, чаще прародители демонстрируют подрастающим поколениям ценность труда) (табл. 3).

Наличие детей (собственной семьи) стимулирует развитие у белорусов ответственности за других не только как нормы, обеспечивающей функционирование семьи, но и главного ценностно-мотивационного регулятора деятельности и поведения: придает силы и дает энергию семья и забота о детях 71,7 % детным респондентам и 45,0 % бездетным. Среди первых и вторых 19,1 и 19,9 % получают удовольствие от своей работы, тогда как от работы на даче или приусадебном участке – 37,5 и 22,6 % соответственно (рис. 3).

Таким образом, анализ результатов социологического исследования показал высокую значимость семьи и ее восприятие белорусами как основного источника формирования паттернов поведения, базирующихся на социокультурных ценностях общества, воспринимаемых как черты национального характера (в частности, ценность труда). Об этом свидетельствует отсутствие существенных различий в распределениях ответов респондентов в зависимости от социально-демографических параметров. Несмотря на то что в боль-

шинстве случаев опрошенные жители страны среди основных личностных качеств выделяют трудолюбие, а также в процессе семейного воспитания приучают детей к труду и выполнению домашних обязанностей, они реже на примере личного опыта демонстрируют позитивное отношение к работе (как в рамках формальной занятости, так и в рамках домашнего хозяйства).

Список использованных источников

1. *Семёнова, А. В.* Отношение белорусов к ценности труда в контексте семейных традиций / А. В. Семёнова // Наука и общество в условиях новых вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 26–27 сент. 2024 г.) / редкол.: Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Альфа-книга, 2024. – С. 362–365.

2. *Салтыкова, О. В.* Национальный этос и ценности трудовой деятельности : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Салтыкова Ольга Витальевна ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 19 с.

3. *Adler, N. J.* International Dimensions of Organizational Behaviour / N. J. Adler. – 3rd ed. – Boston : PWS-Kent, 1997. – URL: https://archive.org/details/internationaldim00adle/page/n13/mode/2up (date of access: 14.01.2024).

Поступила 10.03.2025 г.

УДК 316.613.5-027.542

И. Н. ХАРИТОНОВ,

научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: igorha@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА[1]

В статье рассматриваются языковые особенности белорусского народа в контексте его национального характера, факторы преемственности белорусского национального характера в его языковой составляющей, угрозы для языковой преемственности. Анализируются результаты опросов общественного мнения, позволяющие сделать выводы об особенностях языковых практик, отношении к государственным языкам Беларуси, их роли в ракурсе характеристики национального характера.

Ключевые слова: государственные языки, белорусский национальный характер, преемственность национального характера, языковые особенности белорусов.

I. N. HARITONOV,

Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: igorha@mail.ru

LINGUISTIC FEATURES OF BELARUSIANS IN THE CONTEXT OF CONTINUITY OF NATIONAL CHARACTER

The article examines linguistic features of the Belarusian people in the context of their national character, factors of the continuity of the Belarusian national character in its linguistic component, threats to the linguistic continuity. The results of public opinion polls have been analyzed, allowing us to draw conclusions about the features of linguistic practices, attitudes toward the state languages of Belarus, and their role in the context of characterizing the national character.

Keywords: state languages, Belarusian national character, continuity of national character, linguistic features of Belarusians.

Преемственность белорусского национального характера подразумевает сохранение определенных традиций и ценностей, значимых ментальных, социокультурных и исторических особенностей белорусского народа, социальных представлений о его базовых характеристиках, что обеспечивает историческую и временную тождественность коллективной идентичности белорусов

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Социальные представления белорусов о национальном характере и его преемственности в условиях современных вызовов и угроз», договор с БРФФИ № Г23ИП-032 от 02.05.2023 г.

в определенных аспектах духовной и социальной жизни, достижение общественного консенсуса о значимом духовном и материальном наследии Беларуси. Социальные представления о характере белорусского народа, по сути, отражают в стереотипной форме суммарную, комплексную «мы-концепцию» коллективной белорусской идентичности.

Преемственность является объектом и следствием политики исторической памяти, позволяет избегать радикальных пересмотров значимых коллективных ценностей белорусского народа, необоснованной перестройки его общественного сознания, которые диктуются сильнейшим информационным и политическим давлением всевозможных исторических и социально-политических «альтернативных» концепций, идей и интерпретаций, часто имеющих иностранное происхождение, далеких от реальной картины жизни и угрожающих единству, социальному миру и благополучию в Беларуси.

Государственные языки Республики Беларусь играют значимую роль в процессе преемственности белорусского национального характера, являясь его важным компонентом и инструментом. Преемственность белорусского характера обеспечивается этими языками за счет сохранения в них культурного наследия, особенностей массового (общественного) и индивидуального сознания. Кроме *транслирующей функции*, передающей культурный и идентичностный опыт последующим поколениям белорусского народа, государственные языки также выполняют и *символическую функцию*, когда этническая (национальная) идентичность связывается с тем или иным языком (языками).

Значимость языка (языков) для этнической идентичности, «духа» народа отмечается многими исследователями. Первым традицию связывать характер народа с его языком ввел в науку В. Гумбольдт, который отмечал, что «через свою сущность и силу воздействия на возможности познания и чувства разные языки задают различные мировоззрения» [1, с. 138]. Советский этнолог Ю. В. Бромлей определял этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих среди прочего и относительно стабильными *особенностями языка* [2, с. 57–58]. Э. Смит выделял три обобщенных компонента, которые объединяют нацию: общность земли, территории проживания; общность культуры, включающей в себя язык, обычаи, историю, мифы происхождения, религиозные представления; общность социально-политической жизни [3].

Таким образом, изучение преемственности белорусского национального характера раскрывается в том числе и через исследование преемственности языковых практик и языкового континуума, вклада языков в данный характер. В этом отношении история Беларуси показывает, что наша страна всегда отличалась довольно высоким уровнем многоязычия. На протяжении длительного периода на территории Беларуси использовались белорусский, русский, польский языки, а также идиш, латынь, церковнославянский и балтские языки. Белорусский язык формировался в тесном взаимодействии с другими языками. Многоязычие, несомненно, отразилось на белорусском националь-

ном характере. В частности, важным для белорусского народа стало стремление избегать языковых конфликтов, жить в полиязычной среде.

Однако в современных условиях имеются определенные угрозы для обозначенной многоязычной особенности белорусского национального характера. Среди них можно выделить две основные: угроза (или даже можно сказать «призрак») этнолингвистического национализма, который тесным образом связан с особенностями так называемого «восточного национализма», выделенного и охарактеризованного как «плохой» американским исследователем Г. Коном [4]. Он рассматривал «восточный национализм» как ставящий акцент на культурные атрибуты нации, в том числе и такие, как язык и фольклор. Данный акцент в условиях исторического периода разрушающихся империй (Австро-Венгерской и Российской) при образовании новых национальных государств в Восточной Европе приводил местами к формированию политики дискриминации в отношении нетитульных национальностей и их культур [5]. Вторая угроза связана с риском утраты языкового многообразия и наследия, вытеснения одного языка Беларуси другим, потери культурного наследия, связанного с тем или иным языком.

В связи с этим необходимо выделить факторы, способствующие языковой преемственности белорусского национального характера, воспроизводству его специфических языковых (лингвистических) особенностей. На основе изучения работ значительного круга ученых (В. М. Алпатов, Ю. В. Бромлей, В. Гумбольдт, Л. М. Дробижева, В. В. Кириенко, Г. Кон, И. А. Марзалюк, В. А. Маслова, А. П. Мельников, Л. И. Науменко, К. С. Пивовар, Э. Смит и др.), а также данных эмпирических исследований можно выделить следующие основные факторы:

– культурный;
– исторический;
– общественно–политический;
– социологический.

Культурный фактор языкового компонента белорусского национального характера, его преемственности заключается в том, что он задается непосредственно особенностями белорусской культуры, а также собственно социальными институтами, действующими в сфере культуры. Как уже отмечалось, на территории Беларуси активно сосуществовали, взаимно обогащая друг друга, многообразные культуры – прежде всего белорусская, русская, польская и еврейская. Известно, что в белорусской лексике содержится значительная доля заимствований из русского, польского, литовского, украинского языков и идиш. Следствием этого стал не только импорт отдельных иностранных слов в белорусский язык, но и перенятие белорусами элементов культур, связанных с этими языками (ввиду тесного контакта с их носителями), а также внедрение в белорусскую культуру новых социокультурных артефактов. Особенностью также было и то, что на различных социальных группах населения Беларуси влияние других культур отражалось по-разному. Все это

способствовало становлению мультикультурного национального характера белорусского народа, а также формированию у него толерантного отношения к многоязычию, отсутствия стремления к этнолингвистическому национализму, ориентированному на доминирование только языка титульной национальности (белорусского).

Для поддержания мультикультурного характера белорусского народа большое значение имеет деятельность учреждений культуры. В театрах республики, помимо спектаклей по произведениям классиков русской литературы и современной драматургии на русском языке, активно осуществляются постановки и на белорусском языке, а в некоторых театрах также и на польском и украинском языках. Белорусский язык наравне с русским используется на радио и телевидении, что позволяет поддерживать его функционирование несмотря на доминирование русского языка в сфере повседневного общения.

Исторический фактор связан с теми историческими особенностями, которые по сей день влияют на языковую ситуацию в стране. По мнению академиков НАН Беларуси В. Г. Гусакова и А. А. Ковалени, ситуация с двуязычием в стране носит исторический характер, «может трактоваться как объективное следствие развития историко-культурного и национально-государственного процесса» [6, с. 509]. Кроме того, ученые отмечают, что белорусская культура не является закрытой [6, с. 510].

Многоязычие устанавливалось основными законами Беларуси на ранних этапах существования белорусского государства. Так, Конституция БССР 1927 г. устанавливала «полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков» [7], Конституция БССР 1937 г. предписывала публиковать законы на белорусском, русском, польском и еврейском языках, обеспечивать образование, а также работу судов на родных языках [8], Конституция БССР 1978 г. устанавливала русский и белорусский языки в качестве языков делопроизводства и образования [9]. В связи с вышесказанным исторический фактор также определяет существование такой национальной особенности белорусов, как отсутствие этнолингвистического национализма, – для них естественно использование помимо белорусского и других языков.

Общественно-политический фактор языковой преемственности связан прежде всего с деятельностью государства и общественных институтов, в частности института образования. Белорусская государственная языковая политика опирается на результаты референдума 1995 г., по итогам которого на вопрос: «Согласны ли Вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» положительно высказались 83,3 % участников [10].

Ведущие политические силы, подавляющее большинство политиков и управленцев страны на республиканском и местном уровнях выражают поддержку политике двуязычия и способствуют ее претворению в жизнь. Идея приоритета белорусского языка как единственного государственного связывается с немногочисленными представителями оппозиционных политических

сил и рассматривается в политическом пространстве как «националистическая», т. е. маргинальная.

Социологический фактор формирования и сохранения национальных языковых особенностей в первую очередь определяется спецификой языковых практик различных социальных групп населения, а также их отношением к государственным языкам. Языковая преемственность обеспечивается установками и поведением жителей Беларуси. Посредством социологического исследования можно выявить эти особенности и их распространенность в зависимости от основных характеристик социальных групп: пола, возраста, места проживания, социального положения и уровня образования. В частности, осенью 2024 г. Институт социологии НАН Беларуси в рамках социологического мониторинга провел опрос общественного мнения, нацеленный на изучение патриотизма, национальной идентичности, отношения к национальной культуре и языкам (выборка составила 1850 человек). В контексте изучения языковой преемственности в данном исследовании для нас представляют интерес следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, является главным национальным символом Беларуси?», «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?», «Что, на Ваш взгляд, в наибольшей степени способствует сплочению белорусского народа?». На их основе через призму восприятия населением образа патриотизма, национальных символов Беларуси, а также объединяющих начал белорусского народа, на наш взгляд, возможно частично раскрыть и особенности отношения жителей страны к преемственности белорусского национального характера, а также к его языковой составляющей.

Если рассмотреть ответы респондентов в корреляции с их полом, возрастом, местом проживания, семейным статусом, то обнаруживается ряд интересных моментов. Так, при ответе на вопрос: «Что, по Вашему мнению, является главным национальным символом Беларуси?» вариант ответа «белорусский язык и литература» несколько более активно выбирала возрастная группа 18–29 лет (35,6 %) (в других возрастных группах – от 28,0 до 30,9 %). Этот вариант ответа также выбирался несколько более активно женщинами, чем мужчинами (32,2 % против 28,8 %). Можно говорить и о заметном территориальном разбросе в распределениях ответов респондентов относительно выбора белорусского языка и литературы в качестве национальных символов Беларуси: в г. Минске его выбрали 35,2 %, в Гомельской области – 23,6 %. По социальному положению в данном вопросе существенных отличий выявлено не было. В целом по стране считают язык и литературу национальными символами 30,7 % респондентов, что свидетельствует о высоком символическом значении элементов белорусской культуры.

При ответе на вопрос: «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?» вариант ответа «любить белорусскую культуры и язык» более активно выбирали респонденты Минской области, г. Минска и Брестской области (39,0, 37,8 и 35,0 % соответственно), реже – жители Гомельской и Могилевской областей (20,2 и 15,8 % соответственно). Чаще высокую эмоциональную привязанность

к белорусскому языку и культуре демонстрируют женщины-респонденты, чем мужчины (вариант «любить белорусскую культуру и язык» выбрали 34,2 % опрошенных женщин и только 27,3 % мужчин). В возрастном разрезе эмоционально-позитивное отношение к белорусской культуре и языку как символу патриотизма в большей мере представлено в возрастных группах 18–29 и 30–39 лет, а также 60 лет и старше, нежели у респондентов в возрасте 40–59 лет. В целом по выборке данный вариант ответа был выбран 31,2 % респондентов. Это свидетельствует о том, что любви к белорусскому языку и литературе не придается абсолютное значение в рамках личных представлений респондентов о патриотизме, значимость национального языкового и культурного компонента патриотизма не гипертрофируется у населения страны.

При ответе на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, в наибольшей степени способствует сплочению белорусского народа?» вариант ответа «особенности национальной культуры и язык» чаще выбирали жители г. Минска (28,4 %) и Минской области (26,1 %), представители возрастных групп 18–29 лет (27,2 %), 30–29 лет (23,5 %). В общем по выборке данный вариант был отмечен каждым пятым респондентом. Так же как и в случае с двумя предыдущими вопросами, здесь не выявлено различий во мнениях групп опрошенных по типу населенного пункта.

Главными языковыми особенностями белорусского населения являются фактический лингвистический и культурный плюрализм, отсутствие жесткой связи национального характера и языка. Это находит свое выражение в отсутствии как бытовой, так и государственной языковой дискриминации, а также в низкой роли белорусского языка при национальной идентификации. Согласно данным исследования, проведенного в мониторинговом режиме Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г., 71,6 % респондентов считали, что в стране нет дискриминации по языковому признаку [11].

Кроме того, в 2013 г. данные Института социологии НАН Беларуси показали, что при ответе на вопрос: «Что прежде всего объединяет белорусский народ?» из десяти вариантов ответ «белорусская культура и язык» был выбран всего 7,0 % респондентов. Вариант ответа «приоритетное развитие белорусского языка и культуры» был выбран 1,9 % опрошенных. Указанные результаты позволяют предполагать о стабильном отсутствии «лингвонационалистической» тенденции у белорусского народа. Об этом также свидетельствуют и результаты более ранних исследований по изучению этностереотипов белорусов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, согласно которым по отношению к языку респондентами выбирались прежде всего категории «интернационализм», «безразличие к своему языку» [11, с. 61].

Результаты опросов показывают, что большинство населения считает существующую ситуацию с положением двух государственных языков приемлемой. То есть можно говорить о том, что не имеется разрыва между социальными представлениями и проводимой в стране актуальной политикой

социокультурной идентичности, а также об адекватности и приемлемости социокультурной политики.

Еще одной белорусской национальной языковой особенностью является непротиворечивость использования русского языка и белорусской национальной идентификации, т. е. русский язык в качестве родного не мешает белорусам осознавать себя белорусами. Данную особенность можно назвать полномерной включенностью русского языка в белорусский национальный характер. Так, белорусский политолог В. В. Шимов по результатам переписей населения показывает, что доля тех, кто считает русский язык родным, не соответствует доле идентифицирующих себя как русские и, соответственно, обеспечивается идентифицирующими себя как белорусы. С 1999 по 2009 г. доля жителей страны, считающих русский язык родным, выросла с 14,3 до 37,0 % [12, с. 98]. Согласно переписи населения 2019 г. их процент еще более увеличился, а процент белорусов, считающих русский язык родным, составил 42,3 % [13, с. 294].

Таким образом, можно сделать вывод, что выявленные на основе проведенных социологических эмпирических исследований языковые особенности характеризуются стремлением жителей Беларуси к традиционализму, консерватизму в языковых практиках, а также лингвистическим и культурным плюрализмом, отсутствием «лингвонационалистической» тенденции в стране, принятием социокультурной (языковой) политики государства, полномерной включенностью русского языка в белорусскую культуру и национальную идентичность, не препятствующей белорусской самоидентификации, что обеспечивается деятельностью социальных институтов, культурными и историческими предпосылками.

Среди основных факторов, с одной стороны, определяющих языковые особенности белорусского национального характера, а с другой – преемственность его языкового компонента, можно выделить культурный, исторический, общественно-политический и социологический. Важно, что все эти факторы не противоречат друг другу в своем влиянии по общей направленности – все они способствуют наличию такой характерной черты, присущей белорусскому народу, как многоязычие, а также показывают незначимость и неактуальность для него этнолингвистического национализма.

Список использованных источников

1. *Крюкова, Л.* С. Вильгельм фон Гумбольдт. Язык как отражение национального характера народа / Л. С. Крюкова // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 1А. – С. 137–144. – URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2022-1/14-kryukova.pdf (дата обращения: 24.02.2025).

2. *Бромлей, Ю. В.* Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 412 с.

3. *Сміт, Э.* Нацыяналізм у XX стагоддзі / Э. Сміт. – Мн., 1995. – 292 с.

4. *Кон, Г.* Азбука национализма / Г. Кон. – URL: nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1989-25-26/25-26-242-287.pdf (дата обращения: 24.02.2025).

5. *Кон, Г.* Западный и восточный национализм / Г. Кон // Национализм : антология. – М. : Факел, 2000. – С. 629–634.

6. *Гусаков, В. Г.* Белорусско-русское двуязычие – исторически сложившаяся духовно-культурная ценность народа / В. Г. Гусаков, А. А. Коваленя // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 506–512. – URL: https://doklady.belnauka.by/jour/article/view/908/905 (дата обращения: 24.02.2025).

7. Конституция 1927 года / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/index.php#1927 (дата обращения: 24.02.2025).

8. Конституция 1937 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/index.php#1937 (дата обращения: 24.02.2025).

9. Конституция 1978 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda/index.php#1978 (дата обращения: 24.02.2025).

10. Паведамленне Цэнтральнай камісіі Рэспублікі Беларусь па выбарах і правядзенню рэспубліканскіх рэферэндумаў аб выніках галасавання на рэспубліканскім рэферэндуме 14 мая 1995 года // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. – URL: https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-referenda-1995-itogi.pdf (дата обращения: 24.02.2025).

11. *Науменко, Л. И.* Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Мн. : Бел. навука, 2012. – 205 с.

12. *Шимов, В. В.* Белорусы и проблемы «родного языка» / В. В. Шимов // Современная Европа. – 2012. – № 1 (49). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/belorusy-i-problemy-rodnogo-yazyka (дата обращения: 24.02.2025).

13. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года : стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Т. 2. – Мн. : Альтиора-Форте, 2021. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41896/ (дата обращения: 24.02.2025).

Поступила 07.03.2025 г.

УДК 316.4

О. В. ШТЕЕР,
преподаватель,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк,
e-mail: v.shteyer@psu.by

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена рассмотрению перспектив использования туристического потенциала историко-культурного наследия Республики Беларусь. Раскрыты основные теоретические подходы к изучению понятия «историко-культурное наследие», рассмотрены ключевые составляющие туристического потенциала историко-культурного наследия, проанализированы региональные тенденции и перспективы использования туристического потенциала историко-культурного наследия в Республике Беларусь.

Ключевые слова: туристический потенциал, историко-культурное наследие, культурные ценности, материальное наследие, духовное наследие, потребности туристов.

O. V. SHTEYER,
Lecturer,
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk,
e-mail: v.shteyer@psu.by

ON THE PROSPECTS OF USING THE TOURIST POTENTIAL OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the prospects of using the tourist potential of the historical and cultural heritage of the Republic of Belarus. The paper reveals the main theoretical approaches to the study of the concept of “historical and cultural heritage”, considers the main components of the tourist potential of historical and cultural heritage, analyzes regional trends and prospects for using the tourist potential of historical and cultural heritage in the Republic of Belarus.

Keywords: tourist potential, historical and cultural heritage, cultural values, material heritage, spiritual heritage, tourist needs.

Введение. Историко-культурное наследие в современном мире вызывает все больший интерес. Оно все чаще выступает одним из определяющих факторов при выборе направления для путешествий, способствует привлечению иностранных туристов, развитию малого бизнеса и созданию новых рабочих мест. Повышение привлекательности туристического потенциала территории за счет объектов историко-культурного наследия может стать одной из пер-

спективных стратегий не только формирования и укрепления позитивного имиджа страны, но и ее успешного продвижения на международной арене, экономического развития, нивелирования сезонных колебаний туристических потоков, формирования этнической идентичности.

По данным БЕЛТА число организованных туристов и экскурсантов – граждан Беларуси, совершивших путешествия в пределах страны, по итогам 2024 г. составило более 2 млн человек (для сравнения: в 2023 г. по стране путешествовали 1,76 млн белорусов, а в «доковидное время» в 2019 г. – не более 1,1 млн), число внутренних индивидуальных туристических поездок превысило 20 млн. Вместе с тем наличие богатого и во многом уникального историко-культурного наследия диктует необходимость использования туристического потенциала территории для увеличения потока туристов.

В последние годы в стране развивается внутренний и въездной туризм с учетом историко-культурного потенциала конкретных местностей, включения объектов материального и нематериального наследия в турпродукт и в нитку туристических маршрутов. Вышеперечисленные обстоятельства определяют цель данной статьи – оценить перспективы использования туристического потенциала историко-культурного наследия Беларуси. Предметом исследования выступает туристический потенциал историко-культурного наследия.

Туристический потенциал историко-культурного наследия как катализатор развития регионов Беларуси. В настоящее время термин «историко-культурное наследие» весьма популярен. Вместе с тем в социогуманитарных науках, и в социологии в частности, отсутствует единый подход к его пониманию. Сложность концептуализации понятия «историко-культурное наследие» состоит в том, что само слово «наследие» имеет различные интерпретации. Повышенный интерес к исследованию термина «наследие» в англоязычной литературе был отмечен в середине 1980-х гг. и был вызван рядом причин: существовал устойчивый интерес к сохранению того, что воспринималось как хрупкие творения человеческого духа, которые следует беречь, хранить в неприкосновенности и передавать будущим поколениям; активное вовлечение наследия в туристический сектор, что было чревато товаризацией и диснейфикацией прошлого; академическим интересом [1].

Французский историк П. Нора говорит о парадоксе наследия: чем выше интенсивность модернизационных процессов в современном обществе, чем стремительнее оно движется по пути прогресса, обрывая тончайшие связи с традицией, тем сильнее оно пытается сохранить фрагменты прошлого, причисляя к категории наследия все, что может быть утрачено. Ученый первым выдвинул концепцию «мест памяти». Место памяти, по мнению П. Нора, – «это место единства духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти или коллективной памяти людей» [2].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под наследием понимают «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» [3].

Наследие с позиции социологического подхода – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями и оказывающих существенное влияние на жизнедеятельность последующих поколений [4, с. 194].

Словосочетание «историко-культурное наследие» объединяет два концепта: историю и культуру. Это приводит к тому, что понятие «историко-культурное наследие» ученые часто подменяют на термин «культурное наследие».

В Декларации прав культуры Д. С. Лихачева, которая была представлена 10–11 декабря 1997 г. на Учредительном съезде Конгресса интеллигенции Российской Федерации, был сделан акцент на культуре, которая представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. По сути, вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла [5].

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, под культурным наследием понимаются памятники, ансамбли и достопримечательные места, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки [6]. Отличие данного подхода от предыдущего состоит во всеобщности, ценности для всех членов общества, а не для представителей конкретной культуры.

В социологическом словаре под редакцией А. И. Кравченко содержится достаточно емкое определение: «культурное наследие – часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями и активно используемая последующими поколениями» [7, с. 152].

Ряд российских ученых сходятся во мнении, что «культурное наследие» во многом тождественно с понятием «культурные ценности» и, по сути, представляет собой «особо охраняемые правом вещи или результаты интеллектуального труда, являющиеся уникальными произведениями творчества человека определенной исторической эпохи, отображающие его выдающиеся достижения в какой-либо сфере жизнедеятельности и имеющие общенациональное или общечеловеческое культурное значение» [8]. Согласно философскому подходу культурные ценности «служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимого обществу типа личности». В структуре культурного наследия выделяются два ключевых элемента: совокупность материальных объектов и совокупность духовных объектов [9].

В главе 16 Кодекса Республики Беларусь о культуре приводится следующее определение: «историко-культурное наследие представляет собой сово-

купность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях» [10].

В зависимости от выбранного ракурса ученые трактуют историко-культурное наследие через призму культуры, традиций, ценностей, экономики и туризма.

На протяжении всей истории существования белорусского государства изучение и сохранение историко-культурного наследия являлось одной из приоритетных задач государственной политики. Это нашло отражение в статье 15 Конституции Республики Беларусь: «государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия» [11].

На основании вышеизложенного представляется возможным предложить определение понятия «историко-культурное наследие», систематизирующее все многообразие подходов и отвечающее современным тенденциям общества. Под историко-культурным наследием в настоящей работе мы понимаем совокупность материальных и нематериальных объектов, традиций, практик и знаний, передающихся из поколения в поколение и способствующих формированию групповой идентичности и сплоченности. Историко-культурное наследие не является статичным набором объектов. В данном случае это динамичная развивающаяся система, которая оказывает влияние на социальные отношения, взаимодействия и восприятие мира; определяет принадлежность к конкретному сообществу или культуре.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года одной из ключевых задач является сохранение историко-культурных ценностей и исторической памяти народа, национально-культурной самобытности и традиций [12]. В проекте Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2040 года (НСУР–2024) в целях сохранения историко-культурного наследия предусматривается «продолжить работу по вовлечению отреставрированных и законсервированных историко-культурных ценностей в культурный и туристический оборот, по реставрации памятников архитектуры, сместив фокус в сторону целостного восстановления объектов, имеющих важное значение в контексте формирования национального самосознания; приумножить историко-культурное наследие путем выявления и выдвижения культурных ценностей для придания им статуса историко-культурной ценности. Целевой ориентир – увеличить к 2040 году количество новых культурных ценностей, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, не менее чем на 126 единиц (в 2023 году – 5683 объекта); повысить эффективность системы охраны объектов историко-культурного наследия за счет разработки и реализации соответствующих региональных комплексов мероприятий» [13].

Все это свидетельствует о том, что в стране уделяется особое внимание сохранению и приумножению историко-культурного наследия, традиций

и обычаев, укреплению единства и сплоченности белорусского народа на основе национальной идентичности. Использование потенциала историко-культурного наследия способствует популяризации как отдельных территорий, так и страны в целом.

Национальный тренд последних лет – это рост внутреннего туризма. Отдых в Беларуси доступен для различных слоев населения, дифференцируемых по уровню дохода, возрасту, состоянию здоровья и прочим параметрам жизни. Все больше белорусов выбирают путешествия внутри страны. Историко-культурное наследие в настоящее время выступает в качестве инструмента и движущей силы для социального и экономического развития республики, поэтому необходимо уделять особое внимание оценке и изучению потенциала историко-культурного наследия конкретной территории.

Сам термин «потенциал» происходит от латинского «potentia» и в переводе означает мощь, силу, возможность. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова «потенциал» трактуется как «физическое понятие, характеризующее величину потенциальной энергии в определенной точке пространства, а также как совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-нибудь» [14].

В «Большом толковом социологическом словаре» приводится следующее определение потенциала: «социальное явление, характеризующееся выдвижением потребления и потребительских благ в качестве высших ценностей, господствующих над другими ценностями человеческой жизни» [15].

Категории «ресурсы», «резервы» и «возможности» характеризуют отдельные проявления потенциала (рис. 1) и отражают его «с разных сторон» [16].

Потенциал историко-культурного наследия – сложный и многогранный феномен, отражающий не только прошлое, но и определяющий настоящее и будущее общества.

Под туристическим потенциалом будем понимать совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации туристической деятельности на определенной территории [17]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что ряд ученых к туристическому потенциалу относят еще и разницу между фактической и предельно возможной численностью туристов по отношению к туристическому объекту.

Рис. 1. Составляющие потенциала историко-культурного наследия

Рис. 2. Структура туристического потенциала

Говоря о туристическом потенциале историко-культурного наследия территории, необходимо остановиться на двух аспектах.

Во-первых, исходя из структуры туристического потенциала территории, специалисты часто рассматривают его через призму туристической привлекательности, отождествляя два этих понятия (рис. 2). Однако если придерживаться социолого-управленческого подхода к определению понятия «туристическая привлекательность», то привлекательность территории выстраивается на фундаменте таких составляющих, как туристический потенциал, нормативно-правовое поле, целевые программы [18]. На основании этого можно говорить о том, что понятие туристической привлекательности шире, чем понятие туристического потенциала.

Во-вторых, важным аспектом определения туристического потенциала является пропускная способность территории, т. е. показатель того, сколько туристов максимально может принять регион единовременно. Соответственно, туристический потенциал историко-культурного наследия Республики Беларусь можно рассматривать как конкурентоспособность конкретной территории в глазах потенциальных туристов, т. е. способность конкретных историко-культурных объектов формировать и удовлетворять туристические потребности. Существенным моментом в данном подходе выступает такое обстоятельство, как возможность более эффективного планирования туристического маршрута на основании изучения мотивов путешествия. Это позволяет сделать вывод о том, что туристический потенциал историко-культурного наследия может изменяться, а значит, им можно управлять, его можно модернизировать и подстраивать под конкретные запросы туристов. Главное – осознанно и целенаправленно подходить к данному процессу. Все

вышеперечисленное способствует использованию различных маркетинговых инструментов для продвижения и развития историко-культурного наследия страны.

На сегодняшний день в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включено 5685 объектов, в том числе 5366 недвижимых материальных историко-культурных ценностей, 138 движимых материальных историко-культурных ценностей, 181 нематериальная историко-культурная ценность [19].

На первом этапе оценить туристический потенциал историко-культурного наследия Беларуси можно через сравнительный анализ численности объектов историко-культурного наследия по областям. Лидером выступает Могилевская область, где количество недвижимых материальных историко-культурных ценностей превышает 1000 объектов (рис. 3).

На следующем этапе, чтобы оценить в полной ли мере используется туристический потенциал отдельных областей, сопоставим количество объектов историко-культурного туризма в области с потоками внутреннего туризма (рис. 4, 5). В целом динамика численности туристов и экскурсантов, которые выбирают туры по Республике Беларусь, является положительной, но неравномерной по областям. Наличие в регионе историко-культурных ценностей объясняет показатель туристических прибытий, однако эта взаимосвязь проявляется не всегда.

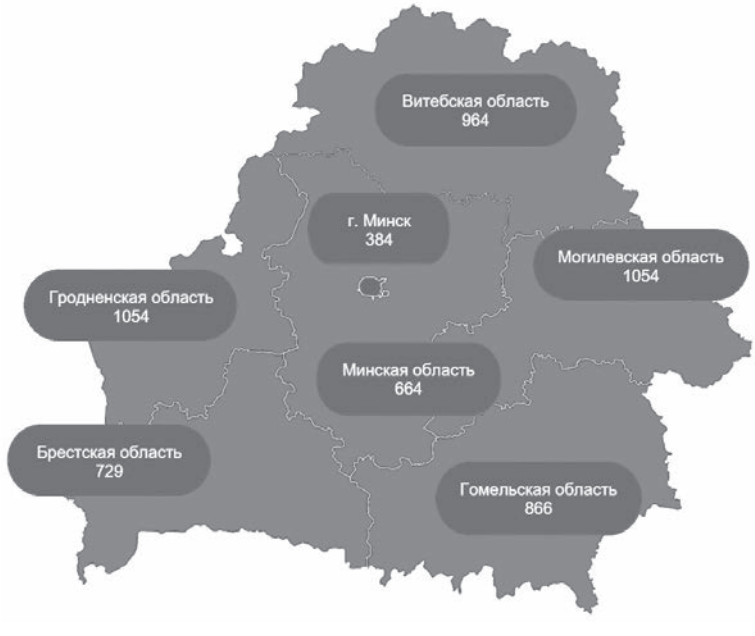


Рис. 3. Распределение недвижимых материальных историко-культурных ценностей по областям [20]

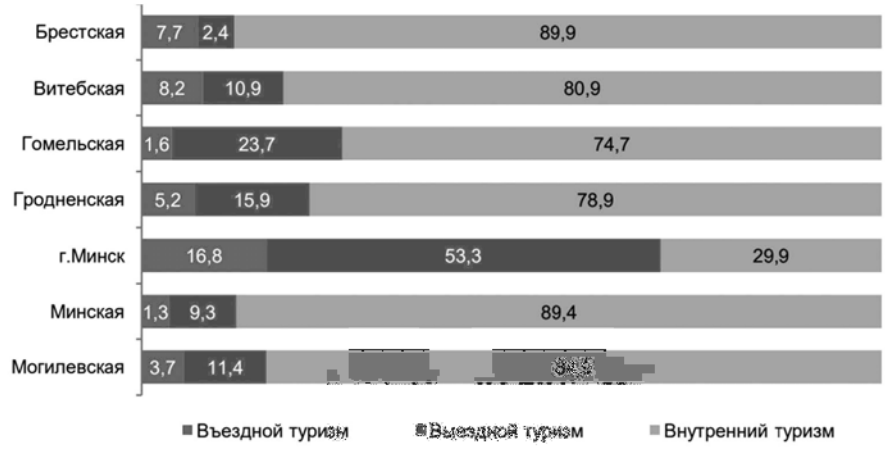


Рис. 4. Распределение численности туристов и экскурсантов, обслуженных организациями, которые осуществляли туристическую деятельность по областям и г. Минску в 2023 г. (в % к итогу) [21]

Рис. 5. Численность туристов и экскурсантов – граждан Республики Беларусь, направленных в туры в пределах территории Республики Беларусь, по областям и г. Минску (тыс. человек) [21]

Анализ соотношения распределения материальных историко-культурных ценностей по областям и численности туристов и экскурсантов, совершающих путешествия в пределах страны, выявил существенные диспропорции, свидетельствующие о том, что ряд областей не используют туристический потенциал историко-культурного наследия в полной мере. Так, например, Витебская область по количеству объектов историко-культурного наследия занимает 2-е место в стране, а по развитию внутреннего туризма находится на 4-м месте. Брестская область, наоборот, занимает 4-е и 1-е места соответственно. Аналогичная ситуация складывается с Минской областью. На ее потенциал влияние оказывает целый ряд факторов: значимость объектов, их популярность, доступность, логистика, наличие инфраструктуры и др. Можно

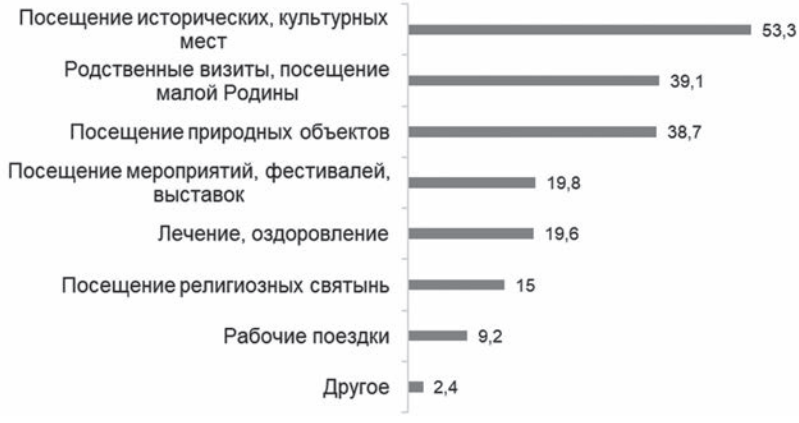


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «С какой целью Вы путешествуете по Беларуси?», % респондентов, практикующих путешествия по стране

говорить о проблеме региональной неравномерности в использовании туристического потенциала территории.

В данном контексте под социологической оценкой туристического потенциала мы будем понимать соотнесение запросов, предпочтений и пожеланий туристов с возможностями конкретной территории удовлетворять эти туристические потребности. Однако для более полной социологической оценки туристического потенциала историко-культурного наследия необходимо вернуться к вопросу потребностей самого туриста – что для него является ключевым мотивом путешествия.

На рис. 6 представлено распределение ответов участников телефонного опроса (900 респондентов) относительно цели путешествия по республике согласно результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси во втором квартале 2024 г. [22].

Кроме того, данные социологических опросов позволяют определить текущие условия туристической активности населения в связи с удовлетворенностью основными параметрами туристической инфраструктуры. В целом респонденты на высоком уровне оценивают доступность и качество объектов и услуг в сфере внутреннего туризма (спортивно-оздоровительных, гостиничных, торговых, транспортных, культурно-просветительских), при этом они особо выделяют привлекательность достопримечательностей и туристических маршрутов, качество спортивно-оздоровительного сервиса (рис. 7).

Таким образом, учитывая, что практически каждый мотив путешествия можно удовлетворить с помощью объектов историко-культурного наследия, а также тот факт, что участники опроса считают достаточно привлекательными условия реализации внутреннего туризма, можно говорить о перспективах использования туристического потенциала историко-культурного наследия Беларуси.

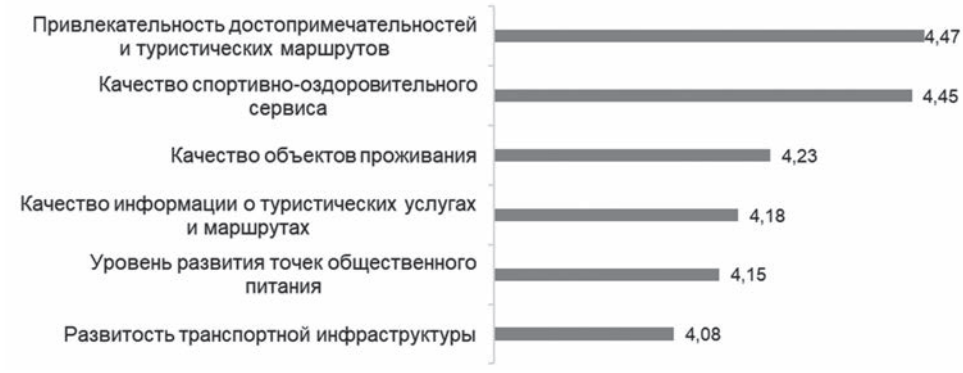


Рис. 7. Распределение оценок относительно доступности и качества объектов и услуг в сфере внутреннего туризма, % респондентов, оставивших оценку

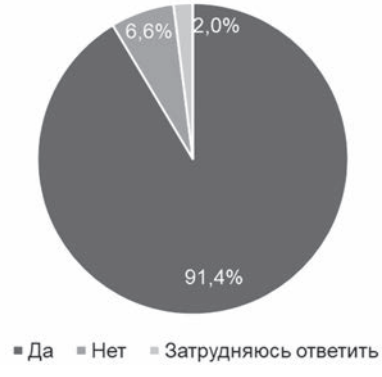


Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Интересуетесь ли Вы прошлым своей страны?», в % от числа опрошенных

Предпочтения туристов весьма разнообразны и зависят от множества факторов. Среди перспективных направлений отметим интерес к прошлому станы, отдельным значимым событиям в ее истории, в частности к Великой Отечественной войне. Например, в ходе телефонного опроса по теме «Общественное мнение о событиях Великой Отечественной войны, исторической памяти», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2023 г. (N = 902), на вопрос: «Интересуетесь ли Вы прошлым своей страны?» 91,4 % респондентов ответили утвердительно (рис. 8) [23].

Выстраивается логическая причинная связь: население интересует прошлое (наследие, историко-культурные ценности), следовательно, его интересуют места и объекты, которые сохранили информацию об этом прошлом, люди и материалы, которые могут достоверно, понятно и интересно транслировать саму историю этого места / объекта и, соответственно, возможность посетить это место, а это – наличие удобных подъездных путей, указательных

знаков и обозначений, инфраструктура, удовлетворяющая потребность в питании / отдыхе и т. д. Можно сделать вывод о том, что сам объект историко-культурного наследия и туристический интерес к нему – это база, необходимая для использования туристического потенциала конкретной территории.

Актуализация историко-культурного наследия территории играет важную роль в формировании уникального туристического предложения, которое способно вызвать эмоциональный отклик у туристов. Это, в свою очередь, приведет к увеличению туристического спроса на данный турпродукт и, как следствие, популяризации объектов историко-культурного наследия данной географической территории.

Туристический потенциал историко-культурного наследия важно рассматривать и с экономической точки зрения. Обращение к внутренним ресурсам территории, творческому потенциалу местного населения, а также к истории и культуре конкретной местности позволяют создавать новые перспективные концепции туристической индустрии. Формирование территориального туристического продукта способствует созданию привлекательного образа местности, который, в свою очередь, формирует позитивный туристический бренд и продвигает как отдельный регион, так и страну в целом на международной арене.

При этом стоит отметить, что туры, сформированные с учетом историко-культурного наследия, не только обеспечивают экономическое процветание региона, но и дают местному населению основания гордиться своим уникальным наследием.

Заключение. В настоящее время историко-культурное наследие является одним из определяющих факторов при оценке туристического потенциала территории. Историко-культурное наследие и его использование, интеграция в жизнь общества позволяют сохранить культурную и национальную идентичность, а также противостоять негативному влиянию культурной глобализации.

Использование объектов историко-культурного наследия способствует повышению устойчивости экономики на различных уровнях, привлечению инвестиций, а также увеличению потоков внутреннего туризма. Высокая конкуренция и изменчивость окружающей среды определяют необходимость постоянного мониторинга туристического потенциала территории. Социологический мониторинг выступает в качестве эффективного инструмента выявления туристического потенциала в части использования историко-культурного наследия. Он позволяет проработать такие вопросы, как потребности и интересы туристов; проблемы освоения и использования историко-культурного наследия; анализ состояния территории. Ответы на эти вопросы помогают разрабатывать соответствующие мероприятия, направленные на регулирование использования туристического потенциала историко-культурного наследия, а также на повышение эффективности использования отдельных ресурсов и создание новых туристических направлений.

Список использованных источников

1. *Ананьев, В. Г.* Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «Авторизованный дискурс наследия» Лораджин Смит / В. Г. Ананьев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 232–239.

2. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 333 с.

3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.

4. Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.-координатор Г. В. Осипов ; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук, Ин-т социологии Рос. акад. наук. – М. : Норма, НОРМА- ИНФРА, 2000. – 480 с.

5. *Лихачев, Д. С.* Декларация прав культуры / Д. С. Лихачев. – СПб. : Logos, 1999. – 640 с.

6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // United Nations. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 05.02.2025).

7. *Кравченко, А. И.* Краткий социологический словарь / А. И. Кравченко. – М. : Проспект, 2017. – 347 с.

8. *Медведев, Е. В.* Культурные ценности как предмет государственно-правового регулирования / Е. В. Медведев. – М. : Юрид. науч. б-ка изд. «СПАРК», 2004. – С. 128–139.

9. *Медведева, Н. В.* Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению / Н. В. Медведева, А. С. Стоналова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – № 3 (16). – С. 138–143.

10. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліпеня 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. : адобраны Саветам Рэсп. 30 чэрвеня 2016 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413 (дата обращения: 05.02.2025).

11. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

12. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: proekt-Natsional-noj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 03.03.2025)

13. Толковый словарь русского языка: около 30000 слов / ред. Д. Н. Ушаков. – М. : АСТ, 2008. – 1054 с.

14. Большой толковый социологический словарь // GUFO.ME. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict?ysclid=m71ix59tuu773956508 (дата обращения: 05.02.2025).

15. *Реанович, Е. А.* Смысловые значения понятия «потенциал» / Е. А. Реанович // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – № 7 (2). – С. 14–15.

16. Туристское ресурсоведение : учебник / А. С. Кусков, А. В. Иванов, И. А. Яшков, П. С. Ширинкин. – М. : Унив. кн., 2011. – 348 с.

17. *Шуб, М. Л.* Культурное наследие в свете современных гуманитарных подходов / М. Л. Шуб, Н. Ю. Кособуцкая // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №. 41 (1). – С. 33–39.

18. Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь : [сайт]. – Мн., 2025. – URL: https://heritage.gov.by/map (дата звароту: 05.02.2025).

19. Историко-культурное наследие Беларуси // БЕЛТА. – URL: https://belta.by/infographica/view/istoriko-kulturnoe-nasledie-belarusi-37382/?ysclid=m71j9kv2cj451691978 (дата обращения: 05.02.2025).

20. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : стат. буклет / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.] ; Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мн., 2024. – 28 с. – URL: https://

www.belstat.gov.by/upload/iblock/9b3/br1vjwso15cj2wmx9faad2iu74rt61r0.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

21. Туристические предпочтения белорусов // Институт социологии НАН Беларуси. – URL: https://socio.bas-net.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov (дата обращения: 05.02.2025).

22. Молодежь Беларуси помнит: Великая Отечественная война в оценках молодых граждан страны // Институт социологии НАН Беларуси. – URL: https://socio.bas-net.by/molodezh-belarusi-pomnit-velikaya-otechestvennaya-vojna-v-otsenkah-molodyh-grazhdan-strany/ (дата обращения: 05.02.2025).

Поступила 24.04.2025 г.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 316.334:004

Е. М. БАБОСОВ,
академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: babosov@yandex.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛОВ ВО ВСЕХ СФЕРАХ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлен анализ сущности, способов и форм осуществления цифровой трансформации. Показано, что она интенсивно воздействует на формирование и реализацию социального и политического капиталов в процессах их взаимодействия. Выявлены проблемы, которые надлежит решать в ближайшей и более отдаленной перспективе.

Ключевые слова: цифровизация, социальный капитал, политический капитал, человеческий капитал, субъективность личности, национальная безопасность, цифровые технологии.

E. M. BABOSOV,
Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: babosov@yandex.ru

IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND POLITICAL CAPITAL IN ALL SPHERES OF BELARUSIAN SOCIETY

The article presents an analysis of the essence, methods and forms of digital transformation. It is shown that it intensively affects the formation and implementation of social and political capital in the processes of their interaction. Identified issues to be addressed in the

Keywords: digitalization, social capital, political capital, human capital, personality subjectivity, national security, digital technologies.

В первую четверть XXI века в социодинамике всемирного геополитического пространства проявляется несколько тенденций. Прежде всего среди них следует выделить, осмыслить и охарактеризовать главенствующую, которая реализуется в интенсификации и усложняющейся интеграции в различных социальных объектах, возникающих в процессах и результатах активных действий участников преобразований окружающей реальности, в качестве всеобъемлющей *цифровизации*, охватывающей все сферы жизнедеятельности человека. Это осуществляется посредством переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных техно-

логиях, применяемых повсеместно в производстве, торговле, образовании, здравоохранении, науке, культуре, финансах, робототехнике, биоинформатике, речевых технологиях, спорте, государственном управлении и военном деле. Впервые термин «цифровизация» был введен в научный оборот американскими экономистами из Гарвардского и Массачусетского университетов Д. Тапскоттом и Н. Негропонте, причем оба они характеризовали сущность, особенности, практическое применение данного феномена в основной сфере – экономике [1, с. 100].

Чаще всего цифровую экономику характеризуют как ту часть экономических отношений, которая в процессах производства, обмена и потребления опосредуется Интернетом, сотовой связью, информационно-коммуникационными технологиями. Важная и существенная отличительная особенность цифровой экономики заключается в том, что она переводит свои ресурсы – производственные, финансовые и другие – в информационные сообщения и на базе этого развивает интеллектуально емкие трудовые процессы. Вследствие этого перемещения информационно-коммуникационных потоков в экономической сфере обретают квантовые скорости и занимают доминирующие позиции в ней. Такая особенность резко ускоряет экономическое развитие, рост производительности труда и конкурентоспособности предприятий [1, с. 101].

Цифровые дивиденды обществу реализуются в виде более высокой производительности труда, повышения конкурентоспособности компаний, снижения издержек производства (за счет ускоренной реализации товаров и услуг, создания новых рабочих мест, роста занятости и снижения безработицы, уменьшения бедности и социального неравенства). Вместе с тем цифровые дивиденды приводят к более полному удовлетворению потребностей человека, более широкому развитию электронного банкинга, электронных платежей, электронной торговли. Благодаря развитию цифровых технологий потребитель может быстрее получать необходимые ему товары и услуги, заказывая их через интернет-магазины и интернет-офисы, а также экономить свои средства, покупая продукты по более низким ценам на оптовой закупке. Кроме того, можно оформить в Интернете доставку готовой еды на дом, сделать перевод другому человеку или организации через мобильный банк, зарегистрировать транспортное средство через портал госуслуг [1, с. 102].

Комплексная цифровизация в своей сущности, способах и формах, проявляющаяся в практико-ориентированной реализации, предстает как естественный и необратимый процесс превращения рабочих процедур и информационно-коммуникационных технологий в цифровой формат. Важная отличительная особенность цифровизации заключается в разнообразии ее ресурсов – производственных, исследовательских, образовательных, здравоохранительных, функционирующих в области биоинформатики, робототехники, энергетической безопасности, агропромышленного комплекса, речевых технологий, беспилотного транспорта, управленческой деятельности и обеспечении национальной обороны.

Расширяющиеся возможности цифровизации приводят к тому, что она формирует уже целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т. п.) с тем, чтобы решать целые классы задач [2, с. 47].

Наиболее активно использующие достижения цифровизации компании и организации в крупных масштабах преобразуют свою инфраструктуру, а это дает им ряд бизнес-преимуществ. Прежде всего цифровизация позволяет им развиваться намного быстрее, чем раньше: при появлении новых бизнес-возможностей организация с высоким уровнем развития цифровых технологий может воспользоваться ими быстрее конкурентов. Цифровые технологии дают возможность компаниям контролировать и использовать все формы цифровых каналов и соработничества с заинтересованными организациями. Благодаря этому компании могут расширять свою целевую аудиторию и географический охват сотрудничества.

Цифровизация улучшает все аспекты обслуживания заказчиков и способствует его персонализации, а это открывает путь к формированию, сохранению и развитию связей с заказчиками, необходимый для долгосрочного успеха в высококонкурентной среде. Цифровые организации генерируют огромное количество данных, которые нужно собрать, обработать и проанализировать, чтобы получить важную для бизнеса аналитическую информацию. Ранее платформы больших данных были очень дорогими, и их могли себе позволить только крупнейшие организации, в настоящее время существуют различные виды таких платформ, и их преимуществами могут воспользоваться компании разного масштаба.

Фундаментом цифровой организации должна быть надежная, динамическая и гибкая сеть. Критически важно, чтобы компании выбирали тех поставщиков, которые производят сетевые решения, соответствующие цифровой эпохе. Сеть содержит данные, собрать которые из других источников невозможно и которые могут быть полезны для коммерческой деятельности организации [3].

Разработка и внедрение новых технологий в процессе цифровизации экономики позволяет получать большое количество позитивных экономических и социальных эффектов. Главный из них – повышение производительности труда. Этот эффект приводит к возрастанию капитализации производственной деятельности и, следовательно, к формированию и развитию новых рынков товаров и услуг. Наряду с этим возрастает эффективность утилизации ресурсов, таких, в частности, как активы, капиталы, компетенции. Все это вместе взятое повышает конкурентоспособность предприятий и компаний, приводит к повышению качества жизни индивидов и социальных групп [1, с. 251].

Необходимо отметить, что цифровая действительность в своих сущностных особенностях – это гибкая и интенсивно развивающаяся система социаль-

но-экономических отношений, ориентированная на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики, использующая новейшие математические методы и модели переработки информации, основанные на учете цифровой формы ее представления и свойств цифровой информации; направленная на применение огромного количества данных, генерируемых в самых разнообразных информационных системах и перерабатываемых в целях извлечения из них полезной информации; а также на создание новых производств, бизнес-моделей и моделей управления в целях получения прибыли. Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Республики Беларусь, созданию и применению новейших информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы, созданию новых видов продуктов и услуг и их высокой адаптивности под новые ожидания и запросы потребителей, повышению уровня и качества жизни граждан нашей страны.

Стремительно возрастающие масштабность и результативность цифровизации во всех ее видах и проявлениях представляет собой интенсивно расширяющий свои возможности тренд прогрессивного и эффективного научно-технического развития, который в настоящее время успешно осуществляется в крупных творческих научно-исследовательских и практико-ориентированных проектах, действующих в России и Беларуси, во всех сферах миропреобразующей деятельности различных индивидов, групп и общностей, в функционировании которых проявляется возрастающая значимость социального капитала, многократно усиленная его синергетической взаимосвязью с капиталом политическим. В своем реальном осуществлении социальный капитал предстает в качестве сложно-ориентированной, многоуровневой, многокачественной диалектически развивающейся системы совокупных ресурсов, используемых людьми (группой, коллективом, организацией, фирмой, концерном и др.) в производственной, исследовательской, учебной и иных сферах активной миропреобразующей деятельности, в формах развивающихся знаний, навыков, умений, опыта, научно-технического прогресса, здоровья, жизненной мудрости, планирования и предвидения будущего.

Применение цифровой трансформации во всех сферах жизнедеятельности общества приводит к интеграции таких компонентов социального капитала, как креативность, коммуникативность, кооперативность, комплексность информатизации, использование алгоритмов искусственного интеллекта, широкое применение био- и нанотехнологий, виртуализации поведения и действий людей. В то же время стремительно расширяющийся цифровой мир несет с собой определенные социальные риски – цифровую деменцию, цифровое слабоумие, проявления эскапизма (бегства от реальности), манипуляцию общественным сознанием, духовно-нравственную деградацию личности, односторонность и клиповость мышления, кризис рациональности, киберпре-

ступность, тотальный контроль над людьми. В реальной жизни человеку не придет в голову излагать свои взгляды, интересы, пристрастия и тайные мысли незнакомым людям на площади, демонстрировать им фото своих детей или уровень дохода, но в социальных сетях он это делает не задумываясь, а ведь при помощи данной информации его можно оклеветать, начать шантажировать, ограбить квартиру, когда он в отъезде. На улице, в транспорте, торговых центрах, офисах и кафе за человеком наблюдают тысячи камер, способных распознавать лица и анализировать всю информацию о нем. Это значит, что маршрут, а также предпочтения и привычки человека можно проследить, а если сюда добавить сбор данных граждан со стороны любых частных цифровых платформ: Google, Yandex, Mail.ru, различных банков, их счетчиков, карт, поисковиков, электронных кошельков и т. п., то слежка может становиться тотальной.

Еще более противоречивым становится применение цифровой трансформации в интенсификации политического капитала, когда, с одной стороны, политик или партия, обладающие властью, оказывают доминирующее влияние на общественность в процессах принятия и осуществления политики и соответствующего законодательства, в ведении переговоров с другими политическими сторонами от имени своих избирателей в большинстве случаев добиваются успеха на политическом поприще, но при изменении ситуации могут и утратить политический капитал, если их действия не соответствуют надеждам и ожиданиям общественности в вопросах оплаты труда, динамики доходов, развития здравоохранения, образования или жилищно-коммунального хозяйства. В условиях сохраняющейся, а порой и обостряющейся дихотомии развертывания социального и политического капитала наша страна интенсивно развивается, сохраняет и укрепляет свой суверенитет, многовекторную внешнюю политику, доступные каждому человеку образование и медицину, разностороннее развитие и достойное качество жизни личности.

В противоположность этому военно-промышленный комплекс США и зависящие от него государства «коллективного Запада» стремятся навязать всему миру превосходство моделей развитых стран, их право и возможность вмешиваться во внутренние дела несогласных с ними государств и коалиций. Ими одна за другой устраиваются провокации в целях дискредитации и устранения неугодных им правительств и насаждения своих марионеточных политиков. В возрастающих масштабах осуществляется информационно-идеологическое давление на враждебные им государства в целях подрыва психологической и духовной обстановки в стране, разрушения в ней традиционных культурных, нравственных, эстетических ценностей. Проводятся прямые информационные атаки на руководство, управленческие структуры страны-соперника, ее экономическую, политическую системы, культурное достояние, архитектонику безопасности во всех ее видах – политическую, экономическую, информационную, производственную, военную. Кроме того, в неугодную им страну засылаются диверсанты для совершения актов дивер-

сий против государственно и общественно значимых зданий, сооружений, путей сообщения.

В тесном взаимодействии с социальным капиталом функционирует политический капитал. Он представляет собой многокомпонентную, поливероятностную систему факторов, определяющих сущность, направленность, цели и задачи политической власти, пути, средства и формы включения человека в деятельность, ориентированную на разработку и реализацию социально значимых целей в политической сфере общества, посредством его включения в деятельность политических институтов общества – государства, политических партий, общественных организаций, органов самоуправления, освоения норм и установлений функционирования политических процессов, делающих в своей совокупности государственную идентичность привлекательной для всего населения страны. Чем масштабнее и эффективнее развивается в стране цифровизация, тем значительнее в цифровизирующемся мире становится востребованность практической реализации принципа справедливости в деятельности всех граждан и субъектов хозяйствования, причем острее всего воспринимаются и оцениваются гражданами страны его социально-политические аспекты.

Для ускорения динамики социально-политического развития белорусского общества и результативного применения его достижений на благо личности, трудового коллектива, каждого субъекта хозяйствования принципиально важную значимость имеет неуклонное претворение в жизнь принципа справедливости. Этот принцип в своем реальном воплощении детерминирует возрастание трудовой активности каждого работника во всех видах трудовой деятельности, на каждом предприятии, в каждом учреждении, на каждом рабочем месте. Его структурная роль проявляется в том, что побуждает работника искать и находить лучшие, более эффективные способы и пути решения стоящей перед ним задачи или выполнения полученного задания. Но еще более важное значение приобретает справедливая оценка выполненной каждым работником повседневной трудовой деятельности. Именно принцип справедливости в своем воплощении в повседневных делах и поступках, во всех проявлениях жизненной активности человека мобилизует и усиливает его творческую энергию в любом трудовом свершении, приводит к сплочению коллектива и росту эффективности его деятельности в условиях углубляющейся цифровизации сфер жизнедеятельности.

Утверждение социальной справедливости тысячами прямых и обратных связей интегрировано с активизацией развития и функционирования гражданского общества и повышения его роли во всех сферах белорусского общества. В своем реальном проявлении и функционировании гражданское общество предстает в качестве диалектически развивающейся многомерной самоорганизующейся системы социально-экономических негосударственных отношений, в которых органически сочетаются частные и общие интересы его граждан. В условиях действия в Беларуси самостоятельного независимо-

го суверенного государства смысловым центром этого общества становится гражданственность, воплощающаяся в комплексе активно действующих морально-нравственных качеств, в первую очередь таких, как стойкость и готовность выступать в роли целенаправленно и активно действующего гражданина, обладающего высоко развитым чувством патриотизма, доброжелательности не только к своим близким, но и ко всем согражданам, социально ответственной гражданской позицией, ориентированной на созидательную, активно результативную позицию человека, на совершение им в своей деятельности конкретных дел на благо своего народа и страны.

Цифровизация как многомерный процесс включает в себя широкий круг инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий, применение мобильных и сенсорных сетей, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации. Развитие многокачественной цифровизации формирует новые, более многомерные представления о месте и роли человека в процессе труда, акцентируя внимание на уникальности человеческого капитала цифровой эпохи. Цифровые процессы улучшают условия жизни, так как группы населения, имеющие навыки пользования цифровыми технологиями, хорошо информированные, осознающие свою роль в трудовой деятельности и активно взаимодействующие с окружающими людьми, лучше обучаются, участвуют в общественной жизни, способствуют прогрессивным общественным преобразованиям и социокультурному развитию, создавая запрос на удовлетворение потребностей на более высоком уровне, достойном современного человека. Считается, что обеспечение достойного качества жизни современного человека осуществляется на базе актуальных потребительских стандартов – доступности для получения как материальных, так и духовных благ: продуктов питания, одежды, жилья, транспорта, коммунальных, бытовых, социальных услуг – медицинских, образовательных. Неотъемлемым компонентом данного ряда становятся продукты и услуги цифрового сектора экономики (услуги связи, цифровых платформ, телемедицины, онлайн-банкинга или цифрового сервиса государственных услуг).

В международной практике принято оценивать качество жизни по одноименному индексу, который включает показатели стоимости жизни, доступности жилья, безопасности, качества услуг здравоохранения, уровня загрязненности воздушной и водной сред, а также климатического комфорта проживания в данной местности [4].

В трансформационных преобразованиях существенное значение приобретает человеческий потенциал, воплощающийся в субъектности личности и особенностях видения реальности, а также в возможных вариантах ее ориентированности в движении к будущему (желательно к лучшему). Определив объективную ситуацию, в которой он реально существует и действует, человек, выступающий в качестве активного субъекта действия в цифровизирующемся мире, сам решает, как и какими средствами достигать своих целей и устремлений. Особенно актуально такой поворот событий реализуется

в целом из важнейших направлений в развитии, состоящих в возрастающем воздействии цифровизации на содержание трудовых отношений и на состояние занятости в стране и регионах. Вместо традиционных профессий и должностей на рынке труда появляются совершенно новые мобильные и гибкие трудовые функции, предполагающие возникающую универсальность знаний и навыков специалистов и рабочих, которые могут легко трансформироваться в зависимости от изменений профиля и видов деятельности компании, экономической ситуации, складывающейся на рынке товаров, работ, услуг, капиталов. Цифровизация трансформирует существующие рабочие места, обусловливает возникающую потребность обретения работниками новых навыков для выполнения новых задач, которые вызывают необходимость постоянного повышения квалификации, получения новых знаний на протяжении всей жизни, умения использовать новое программное обеспечение, новые автоматизированные и роботизированные технологические процессы. При таких трансформациях работодателям нужно быстро переобучить работников или произвести их замену специалистами, которые уже имеют соответствующие знания и умения. Чтобы сформировать условия, содействующие становлению информационного общества на основе развития человеческого капитала и широкого внедрения элементов электронного обучения, в Беларуси разработан ряд новых IT-специальностей, созданы информационная система электронного зачисления в учреждения высшего образования, информационные сервисы для обеспечения взаимодействия учреждений образования, органов управления и населения [5].

Уровень развития цифровой экономики, рынка труда и занятости коррелирует с повышением уровня качества жизни населения страны. Основу оценки данного качества составляют шесть взаимосвязанных показателей (индексов): плотность развития цифровых государственных услуг; функционирование человеческого капитала; степень интеграции цифровых технологий; интенсивность использования Интернета; степень развития связи (социальных сетей); благоприятность для человека социокультурной среды.

Воздавая должное таким трансформациям, не следует оставлять без внимания немало сложностей и трудностей, возникающих в процессе их реализации. В ходе развертывания цифровизации за счет авторизации высвобождаются человеческие ресурсы, в результате чего, по мнению профессора В. Г. Буданова, отдельные личности и даже их группы оказываются выключенными из процесса социализации, не умеют жить в коллективе, теряют жизненные цели, при этом размывается культурный код, формируются системы – возникают проблемы утраты субъектности [5, с. 159].

Дихотомическое разветвление позиций различных государств в современной мировой социодинамике привело исследователей к противопоставлению двух видов политических капиталов – позитивного политического капитала и негативного политического капитала. Их сущностные характеристики и способы осуществления в современном разделенном сообществе государств

скрупулезно проанализированы российским политологом А. А. Галкиным [6]. И все-таки основные тренды развития политических процессов в осложняющейся и турбулизирующейся панораме властных взаимодействий и конфликтных противоборств в условиях формирования и практической реализации цифровой трансформации приводят к виртуализации слияния в интегральное единство социального и политического капитала. Однако разнообразными – политическими, экономическими, социокультурными и другими турбуленциями в современном мире такое интегральное единение реального и виртуального миров осложняется агрессивными устремлениями и действиями военно-политических кругов НАТО, прежде всего США, способными поставить человечество на грань всемирной ядерной катастрофы.

Однако следует иметь в виду, что такое интегральное единение различных видов капиталов отнюдь не исключает глубоких противоборств в их реальном осуществлении применительно к смысловым нарративам качественной социологии, которой приходится все чаще иметь дело со сложными, изменчивыми и непредсказуемыми событиями, накрепко привязанными к нескончаемому потоку трансформирующихся ситуаций.

В цифровизационных преобразованиях, которые осуществляются в Беларуси, создана инновационная экосистема, позволяющая обеспечить тесное сотрудничество между крупными предприятиями, исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, ускорить процедуры трансфера и коммерциализации инноваций, соответствующие запросам цифровой эры. Важным направлением является создание цифрового правительства – такой платформы, где правительство выступает посредником, организующим и связующим звеном между различными участниками научно-производственной деятельности, позволяющим им качественно и эффективно выполнять свои задачи.

В Республике Беларусь развитие и применение цифровизации наиболее интенсивно и продуктивно осуществляется в Институте повышения квалификации и переподготовки руководителей и специалистов промышленности. В этой научно-производственной организации практические аспекты цифровой трансформации промышленного предприятия развертываются широким фронтом. Исходным началом образовательной программы обучающих курсов здесь выступает раскрытие сущности цифровизации с четко выделенным акцентом на особенностях внедрения цифровых решений и цифровой трансформации действующей организации. Центр внимания обучающихся руководителей и специалистов разного профиля сфокусирован на выработке цифрового иммунитета и применении инструментов цифровой трансформации. Курс направлен на освоение практики внедрения цифровых решений на промышленном предприятии.

Изучаются и используются инструменты карьерного развития персонала предприятия, овладевающего цифровизацией и успешно осуществляющего ее достижения, с акцентированием творческих усилий и их концентрацией на

формировании и развитии лидерского и управленческого потенциала кадрового резерва организации под углом его перспективного вовлечения в подготовку и применение креативных решений в ситуации беспрецедентного экономического давления на Беларусь со стороны «коллективного Запада». Важное место в повышении и переподготовке руководящих кадров и промышленных специалистов предприятий различных отраслей народного хозяйства занимает усвоение ими и умение применять на практике особенности современного менеджмента в плане знания его основных тенденций и перспектив как непременного условия эффективности цифровых решений в управлении промышленным предприятием.

К числу основных направлений деятельности Института повышения квалификации и переподготовки руководителей и специалистов промышленности относится совершенствование организации, планирования и управления производственными процессами на предприятии. В качестве базы учебных курсов здесь выступает ориентация на учет технологий цифровой трансформации в промышленности, идей подхода к производству «Индустрия 4.0», инновационного программного обеспечения для промышленной автоматизации. Разумеется, завершающим итогом учебно-обучающей программы, осуществляемой данным научно-производственным центром, является организация и проведение серии практико-ориентированных семинаров, на которых отрабатываются практические действия по внедрению цифровых решений и технологий на промышленных предприятиях.

Становящиеся все более масштабными и интенсивными цифровизационные трансформации в мировом сообществе различных государств и их коалиций обостряют актуальность обеспечения безопасности, всех ее разновидностей. В условиях нарастающей неопределенности, нестабильности, непредсказуемости в развитии глобальных процессов, отягощенных множеством социальных турбуленций, жизненно важным, даже судьбоносным, становится такое направление цифровизации, как активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в обеспечение национальной и международной безопасности. И с учетом того, что в современном мире вновь обострилось многоярусное, многоаспектное противоборство между государствами и их коалициями, оснащенное новейшими коммуникационными цифровизованными технологиями, а в сопредельных с Республикой Беларусь странах, опоясывающих ее полукольцом с запада и северо-запада, усиливаются натовские вооруженные формирования, обладающие новейшими видами вооружений, первостепенное значение имеет переоснащение вооруженных сил нашей страны новейшими технологичными средствами ведения военных операций. Именно хорошо обученные и оснащенные новейшими техническими средствами боеспособные и боеготовые воинские формирования выступают эффективно действующими гарантиями мирной жизни белорусского народа, сохранения независимости, территориальной целостности и суверенитета Республики Беларусь в стремительно развивающемся цифровизирующемся сообществе государств.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Наука и человекомерность окружающей реальности / Е. М. Бабосов. – Мн. : Бел. навука, 2021. – 299 с.

2. Принять вызов цифровой экономики. Управленческое консультирование // Эксперт. – URL: http://expert.ru/siberia/2017/48/priyat-vyizov-tsifrovoj-ekonom¡k¡/ (дата обращения: 26.11.2024).

3. *Керравала, З.* 10 главных принципов построения сети цифровизации / Зевс Керравала // ZK Research, подразделение Kerravala Consulting. – URL: https://www.cisco.com/c/dam/m/ru_ua/offers/assets/pdfs/dna/nb-04-dna-zk-research_10_networking_priorities-cte-ru.pdf(дата обращения: 22.11.2024).

4. Quality of Life Index by Country 2024 // Numbeo : [living cost database]. – Serbia, 2009. – 2024. – URL: https.//www.nunibe<Lcom/quality−of-life/rankings by country.isp (date of access: 20.11.2024).

5. *Томашевский, К. Л.* Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К. Л. Томашевский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – Т. 2, № 2. – URL: https.//doi.org/10.21638/spbu14.2020/210 (дата обращения: 21.11.2024).

6. *Галкин, А. А.* Власть и политический капитал /. А. А. Галкин // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2013. – № 4 (71). – С. 6–22.

Поступила 03.12.2024 г.

УДК 316:303.425.6:324+004

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: khamutouskaya@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В «ЗЕРКАЛЕ» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ[1]

В статье на базе анализа результатов социологических исследований, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, определяются представления населения об электронном голосовании как новой информационно-коммуникационной технологии, отношение к возможности введения последней на выборах в органы государственной власти. Выявляется общественное мнение граждан нашей страны о достоинствах и недостатках электронного голосования.

Ключевые слова: цифровизация избирательного процесса, выборы, новые технологии голосования, общественное мнение.

S. V. KHAMUTOUSKAYA,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: khamutouskaya@yandex.ru

ELECTRONIC VOTING IN THE "MIRROR" OF PUBLIC OPINION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article, based on an analysis of the results of sociological research conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, reveals the view of the population about electronic voting as a new information and communication technology, the attitude to the possibility of introducing the latter in elections to state authorities. The public opinion of the citizens of our country about the advantages and disadvantages of electronic voting is revealed.

Keywords: digitalization of the electoral process, elections, new voting technologies, public opinion.

В течение нескольких последних десятилетий в связи с активным развитием и внедрением во все сферы общества, включая политическую, электронных форматов взаимодействия государства и граждан актуальным является

[1] Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г23ИП-032 от 02.05.2023 г. «Социальные представления белорусов о национальном характере и его преемственности в условиях современных вызовов и угроз»).

выявление представлений населения Республики Беларусь как единственного источника государственной власти и носителя суверенитета, осуществляющего «свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией» [1], о достоинствах и недостатках, а также наличии либо отсутствии необходимости введения в нашей стране электронного голосования. Под последним подразумевается применение информационно-коммуникационных технологий при голосовании и подведении его итогов. «Это понятие охватывает использование систем электронного голосования, сканеров избирательных бюллетеней и интернет-голосования» [2, с. 9–10].

Электронное голосование может быть организовано в стационарных (контролируемых) условиях (на избирательных участках) либо в удаленных (неконтролируемых) условиях, когда волеизъявление происходит за пределами избирательного участка (посредством домашнего компьютера, планшета, смартфона и т. п.). В зависимости от условий и используемых устройств, выделяют следующие основные виды новых технологий голосования[1]:

1) технология сканирования бюллетеней: применяется в контролируемой среде; предполагает, что «заполненный на избирательном участке либо самим избирателем, либо при помощи устройства для проставления отметки в бюллетене, бумажный бюллетень вводится в сканирующее устройство и учитывается путем электронного считывания отметки избирателя» [2, с. 11];

2) системы электронного голосования с прямой записью: используются преимущественно в контролируемой среде; с помощью устройств с сенсорным экраном или кнопками регистрируют выбор избирателя, а затем проводят электронное подведение итогов голосования;

3) интернет-голосование: происходит в неконтролируемых условиях; позволяет избирателям голосовать в любом месте, «хранение и подсчет голосов осуществляется централизованно в электронной форме» [2, с. 11];

4) смешанные формы новых технологий голосования: основаны на сочетании контролируемых условий с централизованной записью и подсчетом голосов, полученных в результате интернет-голосования; для волеизъявления избиратели пользуются компьютером, установленным на избирательном участке, либо голосуют с помощью Интернета, а «поданные голоса затем передаются в электронной форме на центральный сервер» [2, с. 11].

В Беларуси частичная автоматизация избирательного процесса и внедрение в него новых информационно-коммуникационных технологий начали осуществляться примерно в конце 1990-х гг., когда по заданию Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (ЦИК) Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси была разработана технология печати списков и индивидуальных приглашений избирателей. «Печать осуществлялась под управлением компьютера на ос-

[1] Термины «электронное голосование» и «новые технологии голосования» рассматриваются как синонимы.

новании сведений из базы персональных данных. При этом в рамках общего направления работ по логическим методам защиты документов были созданы… криптографические алгоритмы синтеза индивидуальных номеров избирателей. Номера печатались в автоматическом режиме в виде штрих-кодов на бланках приглашений вместе с фамилией и адресом избирателя, номером и адресом избирательного участка» [3]. В дальнейшем, принимая во внимание имеющиеся технические возможности и уровень сетевого развития страны, соответствующие разработки и апробирование тех или иных технологий, направленных на автоматизацию избирательного процесса, периодически продолжались [3–5].

В 2024 г. в единый день голосования на выборах депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва и местных Советов депутатов двадцать девятого созыва применялись отдельные элементы цифровизации, в частности подготовка списка избирателей посредством обращения к государственной централизованной информационной системе «Регистр населения», которая включает в себя базу персональных данных граждан нашей страны, иностранных граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории страны. Кроме того, на сайте ЦИК предоставлялась возможность найти необходимый избирательный участок по введенному адресу. Получить такую же информацию, а также сведения о кандидатах в депутаты в Минский городской Совет депутатов, новости о текущей избирательной кампании минчане могли с помощью мобильного приложения «Голосуй» (для устройств с операционной системой Android и iOS), созданного при поддержке Минского городского комитета Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи».

На выборах Президента в 2025 г. в Беларуси не планировалось введение электронного голосования. Однако, во-первых, заинтересованные субъекты детально изучают зарубежный опыт в данной области – России, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и др., а во-вторых, ЦИК разработал концепцию цифровизации избирательного процесса. Как отметил председатель ЦИК И. В. Карпенко, «концепция предполагает создание информационной системы, которая охватывает все стадии избирательного процесса. Например, создание единого регистра избирателей» [6], может быть, кабинета избирателя, а также возможность электронного голосования для отдельных категорий граждан [6]. Он подчеркнул, что в ходе цифровизации избирательного процесса важно «опираться на отечественный программный продукт, на свои технические возможности. И, конечно же, сопровождение этой цифровизации и обслуживание этой системы тоже должен реализовать какой-то государственный орган. Это перспективное планирование на будущее» [6]. Ранее в процессе обсуждения предложений для обновления Конституции нашей страны (с 27 декабря 2021 г. по 19 января 2022 г.) в рамках 3 тыс. диалоговых площадок, более 17 тыс. встреч в трудовых коллективах гражданами также «высказывались предложения по обеспечению цифровизации избирательных

процедур, повышению требований к кандидатам на выборные должности, активизации их общественной активности в ходе выборов и после их проведения» [7]. Данные предложения отчасти уже учтены как в действующей редакции Конституции Республики Беларусь, так и в Законе Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З «Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь».

В связи с вышеизложенным целесообразно выявить представления населения Беларуси об электронном голосовании. Прежде всего необходимо отметить, что, как показывают результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле – августе 2023 г. (выборочная совокупность, необходимая для достижения целей исследования, составила 1863 человека; доверительный интервал равнялся ±2,3 %; выборка репрезентативна), подавляющее большинство населения участвовало в выборах различного уровня: 79,1 % респондентов сказали, что они участвовали в выборах Президента, 41,7 % – в выборах в Национальное собрание Республики Беларусь, 43,3 % – в выборах в местные Советы депутатов [8, с. 219]. Анализ итогов опроса, осуществленного Институтом социологии НАН Беларуси ранее, в мае – июне 2023 г. (выборочная совокупность, необходимая для достижения целей исследования, составила 1848 человек; доверительный интервал равнялся ±2,28 %; выборка репрезентативна), продемонстрировал, что также более 50 % респондентов, по их собственным утверждениям, принимали участие в выборах: в 2018 г. – в местные Советы депутатов, в 2019 г. – в нижнюю палату парламента, более 70 % – в 2020 г. в президентских выборах [8, с. 219–220]. Кроме того, в мае – июне 2023 г. 55,1 % опрошенных указали, что считают предстоящие (на момент проведения опроса) в 2024 г. выборы депутатов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва и депутатов местных Советов депутатов двадцать девятого созыва важным событием в жизни страны. Противоположной точки зрения придерживались всего 16 % респондентов, 28,4 % – затруднились ответить. Почти половина респондентов (49,6 %) также выразили положительное отношение к нововведению на данных выборах в виде единого дня голосования, выступали против него всего 6,1 % [8, с. 220].

По данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле 2020 г. (выборочная совокупность, необходимая для достижения целей исследования, составила 2099 человек; доверительный интервал равнялся ±2,1 %; выборка репрезентативна), немногим менее половины опрошенных (40,6 %) утвердительно ответили на вопрос о том, должны ли применяться новые информационно-коммуникационные технологии на выборах в Беларуси. Однако, следует заметить, что практически такое же количество респондентов (40,5 %) затруднились ответить. Были убеждены в том, что подобные технологии не следует применять на выборах в нашей стране, 17,9 % опрошенных.

В рамках выполнения задания 5.03. «Разработка методологии анализа цифровой трансформации как фактора социально-политической динамики

белорусского общества» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. в январе – феврале 2024 г. Институтом социологии НАН Беларуси было осуществлено эмпирическое социологическое исследование в пределах республики (объем выборочной совокупности, необходимый для достижения цели исследования, составил 1855 человек; доверительный интервал равнялся ±2,28 %; выборка репрезентативна), в ходе которого выяснилось, что, как и в 2020 г., немногим более, чем одной третьей частью респондентов, на момент опроса скорее позитивно, чем нет воспринималась такая возможная в нашей стране электронная практика участия в социально-политической жизни, как электронное голосование: 37 % респондентов признались, что в целом относятся к электронному голосованию положительно (в 2020 г. – 36,4 %); 24,6 % – отрицательно (в 2020 г. – также 24,6 %), 37,6 % – затруднились ответить (в 2020 г. – 36,9 %).

В январе – феврале 2024 г. в качестве достоинств данной практики опрошенными было названо то, что она:

– «ускоряет подведение итогов голосования» (50,9 % придерживались такого мнения, что на 5,5 п. п. больше по отношению к июлю 2020 г. (45,4 %), 8,7 % – противоположного, 38,2 % – затруднились ответить);

– «снижает затраты органов, проводящих выборы или референдумы (финансовые, временные и т. п.)» (46,7 % придерживались такого мнения, что на 4,2 п. п. больше по отношению к июлю 2020 г. (42,5 %), 10,6 % – противоположного, 41,7 % – затруднились ответить);

– «позволяет лучше обслуживать избирателей (например, дает возможность голосовать дистанционно с помощью Интернета)» (40,2 % придерживались такого мнения, что на 1,6 п. п. меньше по отношению к июлю 2020 г. (41,8 %), 15,6 % – противоположного, 43,5 % – затруднились ответить).

К недостаткам электронного голосования было отнесено то, что оно:

– «ненадежно, так как может подвергаться вмешательству извне (“взломам”, “хакерским атакам” и т. п.)» (39,5 % придерживались такого мнения, что на 12 п. п. больше по отношению к июлю 2020 г. (27,5 %), 14,4 % – противоположного, 45,1 % – затруднились ответить);

– «не обеспечивает тайну голосования» (33,1 % придерживались такого мнения, что на 9,9 п. п. больше по отношению к июлю 2020 г. (23,2 %), 15,9 % – противоположного, 50 % – затруднились ответить);

– «сложно поддается контролю» (30,4 % придерживались такого мнения, что на 7,4 п. п. больше по отношению к июлю 2020 г. (23 %), 16 % – противоположного, 52,2 % – затруднились ответить).

Кроме того, отвечая на вопрос: «Что, по Вашему мнению, должна включать в себя электронная демократия?», в 2024 г. 23,6 % респондентов указали «взаимодействие населения, общественных движений, объединений и организаций, политических партий и органов государственной власти с помощью современных информационно-коммуникационных технологий»; 21,8 % –

«возможность для граждан открыто выражать и отстаивать свои политические убеждения в Интернете»; 20,3 % – «отслеживание гражданами работы органов государственной власти, политических партий, общественных организаций, движений, объединений». Всего 9,5 % заявили о том, что для них это означает «формирование органов государственной власти посредством электронного голосования избирателей», 7,5 % – «создание политическими партиями, общественными организациями, объединениями и движениями собственных сайтов». В свою очередь 56,5 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Если обратиться к современной научно-популярной литературе, то в ней встречается точка зрения, согласно которой электронное голосование является одним из составляющих электронной демократии. К примеру, в словаре-справочнике «Цифровое общество» Л. С. Киселева и А. А. Семенова определяют цифровую демократию как новую форму демократии, «при которой граждане участвуют в процессе государственного управления с помощью информационных технологий» [9, с. 75], как новый, интерактивный тип политической деятельности [9, с. 75]. Авторы подчеркивают, что цифровая демократия есть «совокупность практик по реализации демократических процедур с помощью digital-инструментов, которые помогают минимизировать для граждан и властных институтов временные, пространственные и прочие ограничения в производстве решений, но при этом не приводят к отказу от прежних, “аналоговых” форм политического участия» [9, с. 75–76]. К главным элементам электронной демократии Л. С. Киселева и А. А. Семенова относят: «1) интернет-голосование граждан, опрос, по результату которого властями принимается какое-либо решение локального или государственного уровня; 2) внедрение информационных технологий в политические процессы, в том числе в выборы; 3) сетевую коммуникацию граждан и представителей власти; 4) электронный сбор подписей (петиции)» [9, с. 76].

Исследователи М. С. Абламейко, Лю Игун и С. Ю. Артемьев считают, что электронное голосование в рамках концепции электронной демократии может рассматриваться как новый способ участия граждан в общественно-политической жизни страны, посредством которого «люди имеют возможность выразить свою политическую волю через Интернет» [10, с. 57].

Следует отметить, что сейчас электронное голосование в нашей стране применяется на внутриорганизационном уровне, например в работе Совета Республики и Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. В обеих палатах парламента голосование по вопросам, которые они рассматривают, может осуществляться как с использованием электронной системы голосования, так и без нее (поднятием рук или с помощью бюллетеней для голосования). В главе 12 «Использование электронной системы регистрации и голосования» постановления Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь от 20 марта 2023 г. № 413-СР7/Х «О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» отмечается,

что «в Совете Республики используется электронная система регистрации и голосования для: регистрации членов Совета Республики; подсчета голосов и определения результатов голосования; оперативной выдачи информации; иных целей, повышающих эффективность работы Совета Республики» [11]. Глава 12 «Использование электронной системы голосования» постановления Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 18 декабря 2015 г. № 707-П5/VIII «О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь» также предполагает возможность обращения к электронному голосованию для «регистрации депутатов Палаты представителей; подсчета голосов и определения результатов голосования; оперативной выдачи информации» [12].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в белорусском обществе не сформировано «однозначно положительное» или наоборот «однозначно отрицательное» отношение как в целом к применению новых информационно-коммуникационных технологий на выборах в органы государственной власти, так и к электронному голосованию в частности. Наблюдается наличие запроса как со стороны граждан, так и со стороны ЦИК на частичную цифровизацию избирательного процесса. При этом, наряду с постепенным ростом количества граждан, выделяющих прежде всего достоинства электронного голосования, также увеличивается и число тех, кто видит в последнем больше недостатков, сложностей и рисков. Примечательным является и тот факт, что от 38,2 до 52,2 % респондентов затрудняются охарактеризовать электронное голосование с точки зрения его «плюсов» и «минусов», что свидетельствует о недостаточном уровне информированности граждан Беларуси о данной технологии. Однако с учетом того, что в нашей стране активно развиваются и внедряются во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в политическую, информационно-коммуникационные технологии, предполагающие перевод определенных процедур и сервисов в электронную форму, и население, и органы государственной власти ориентированы на то, что цифровые изменения, касающиеся избирательного процесса, могут рассматриваться как объективно необходимое направление развития последнего, требующее концептуализации и правового регулирования, над чем сейчас и ведется работа.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

2. Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования / Бюро ОБСЕ по демократ. ин-там и правам человека. – Варшава : БДИПЧ ОБСЕ, 2013. – 96 с.

3. Результаты апробирования технологий и систем электронного голосования / В. Ю. Липень, М. А. Воронецкий, Д. В. Липень, Э. Л. Полевиков // Объед. ин-т проблем информатики Нац. акад. наук Беларуси. – URL: http://uiip.bas-net.by/structure/l_kg/results_testing_technology.php?sphrase_id=237357 (дата обращения: 02.07.2024).

4. *Хамутовская, С. В.* Электронное голосование (e-voting) как новая информационно-коммуникационная технология: сущность, виды, зарубежный опыт / С. В. Хамутовская // Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества (ИТ-страны) в Республике Беларусь / Р. Б. Григоняц [и др.] ; Объед. ин-т проблем информатики ; под ред. В. Г. Гусакова. – Мн., 2019. – С. 136–142.

5. *Хамутовская, С. В.* Информационно-коммуникационные технологии для организации и проведения электронного голосования: отечественные разработки (на примере экспериментальной системы Интернет-голосования «Гарант») / С. В. Хамутовская // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2019. – № 3 (101). – С. 23–28.

6. Игорь Карпенко рассказал о цифровизации избирательного процесса // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/june/78025/ (дата обращения: 02.07.2024).

7. Администрация Президента – о том, как предложения граждан улучшают белорусское законодательство // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/august/75133/ (дата обращения: 02.07.2024).

8. *Хамутовская, С. В.* Выборы как форма политического участия в «зеркале» общественного мнения населения Республики Беларусь / С. В. Хамутовская // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции : материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 218–221.

9. *Киселева, Л. С.* Цифровое общество : словарь-справочник / Л. С. Киселева, А. А. Семенова. – М. : Проспект, 2023. – 152 с.

10. *Абламейко, М. С.* Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы / М. С. Абламейко, Лю Игун, С. Ю. Артемьев // Право и демократия : сб. науч. тр. – Вып. 25 (2014) : раздел I. – Мн., 2014. – С. 54–68.

11. О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20 марта 2023 г. № 413-СР7/X // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=L22300413 (дата обращения: 15.07.2024).

12. О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18 дек. 2015 г. № 707-П5/VIII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.07.2024).

Поступила 27.11.2024 г.

УДК 316.454.54

А. В. ШУРКО,

младший научный сотрудник, аспирант,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: annasurko91@gmail.com

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ВИДЕОИГРАХ ПОСРЕДСТВОМ «ЦИФРОВОГО ТЕЛА»

В статье выявляются и анализируются особенности коммуникативной интеракции индивидов и социальных групп в видеоиграх с использованием «цифровых тел». Охарактеризована классификация видеоигр по степени социального взаимодействия игроков друг с другом, а также с игровыми персонажами. Определено, что реальные и «цифровые» тела оказывают взаимовлияние на поведение индивидов и социальных групп как в видеоиграх, так и в действительности.

Ключевые слова: взаимодействие, «цифровое тело», видеоигры, аватары, фреймы, парасоциальность.

H. V. SHURKO,

Junior Researcher, Postgraduate Student,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: annasurko91@gmail.com

COMMUNICATIVE INTERACTION OF INDIVIDUALS AND SOCIAL GROUPS IN VIDEO GAMES THROUGH THE "DIGITAL BODY"

The article identifies and analyses the features of communicative interaction of individuals and social groups in video games with the use of "digital bodies". The classification of video games according to the degree of social interaction of players with each other, as well as with game characters is characterized. It is determined that real and "digital" bodies have a mutual influence on the behavior of individuals and social groups both in video games and in reality.

Keywords: interaction, "digital body", video games, avatars, frames, parasociality.

Новые технологии позволяют индивидам использовать новые инструменты для взаимодействия как между собой, так и с продуктами данных технологий, что наиболее отчетливо отражается в видеоиграх. Социальное взаимодействие в видеоиграх представляет собой процесс обмена информацией, эмоциями и ресурсами между игроками в рамках игрового цифрового пространства. Это взаимодействие в некоторых ситуациях проявляется в форме командной игры, соревнований, обмена опытом и знаниями, а также в созда-

нии и поддержании социальных связей между участниками игрового сообщества.

Социальное взаимодействие в видеоиграх способствует развитию коммуникативных навыков, улучшению социальной адаптации участников игрового процесса, в том числе через формирование позитивных эмоций, укрепление дружеских отношений и повышение уровня доверия между игроками. Социальная интеракция в видеоиграх является важным аспектом игрового опыта, который может оказывать положительное влияние на различные аспекты жизни человека и помогать с образованием и развитием социальных навыков.

Целью данной работы является выявление особенностей коммуникативного взаимодействия индивидов и социальных групп в видеоиграх друг с другом, а также с определенной средой с применением «цифровых тел». Российские психологи Е. В. Галанина и К. С. Никитина акцентируют внимание на существовании неоднозначных взглядов на влияние видеоигр на поведение и самочувствие индивида. С одной стороны, некоторые исследования свидетельствуют о том, что жестокие видеоигры способны повышать агрессию человека [1, с. 102], а с другой – указывают на то, что подобное влияние минимально или вообще отсутствует [1, с. 103, 104]. Кроме того, существует мнение, что видеоигры помогают безопасному проявлению негативных эмоций [1, с. 104], восполнению социальных контактов [1, с. 105], удовлетворяют потребность в автономности и взаимосвязи [1, с. 112]. Е. В. Галанина и К. С. Никитина также обращают внимание на существование видеоигр, повышающих физическую активность [1, с. 106]. К таким, например, относится Just Dance, суть которой заключается в повторении жестовых конструкций «цифровых тел» на экране для создания танца и получения баллов в зависимости от точности движений. Таким образом происходит специфическое взаимодействие реального тела и «цифрового», где и первое, и последнее влияют друг на друга, осуществляя изменения и в реальном, и в цифровом пространстве. Игры такого рода могут предполагать участие в команде и способны содержать элемент соревнования, что делает саму игру и «цифровые тела» посредниками реальной социальной интеракции. Видеоигры в большинстве своем предлагают человеку использование «цифрового тела», хотя в некоторых случаях игрок может его и не видеть. Под «цифровым телом» понимается опосредованное информационными технологиями условие присутствия человека в виртуальной компьютеризированной или реальной среде, посредством которого он способен взаимодействовать со средой [2].

При изучении видеоигр необходимо в первую очередь разобраться в их классификации, так как в зависимости от вида в них могут быть или не быть социальные взаимодействия, присутствовать или отсутствовать «цифровые тела» как таковые. Видеоигры по степени социального взаимодействия допустимо подразделять на следующие виды.

1. Однопользовательские, которые исключают возможность социального взаимодействия с кем-либо (Alien Shooter, Pac-Man, Tetris и т. п.).

2. Однопользовательские, которые позволяют взаимодействовать с неигровыми персонажами (НПС или Non-Player Character) и выстраивать отношения с ними (Dragon Age, The Witcher, Disco Elysium, Pillars of Eternity и т. п.). В этом аспекте представляется интересным феномен парасоциальных отношений и парасоциального взаимодействия, так как, в отличие от персонажей кинофильмов или настоящих медиафигур, НПС запрограммированы тем или иным образом отвечать на действия персонажа игрока и вступать в коммуникацию с ним.

3. Кооперативные, в которых игрок чаще всего знает соигроков и имеет доступ к взаимодействию с ними (в некоторых случаях и с их реальными телами, если все игроки находятся в одном помещении). В кооперативных играх обычно есть выбор соигроков, количество которых в среднем не превышает 6 человек (It's take two, MONSTER HUNTER, Divinity: Original Sin, Titan Quest, Diablo II и т. п.). Данный вид игр характеризуется тем, что взаимодействие происходит на двух уровнях: реальном и цифровом, когда игроки вступают в интеракцию между собой посредством реальных тел в реальном мире и посредством «цифровых» в цифровом. С этой точки зрения «цифровое тело» встраивается во фрейм игры, где отдельный индивид выполняет роль и игрока, и персонажа, и участника взаимодействия с такими же игроками и персонажами.

4. Массовые многопользовательские онлайн-игры (ММО), которые позволяют играть одновременно большому количеству человек, осуществлять социальную интеракцию с часто незнакомыми людьми (т. е. в игре происходит процесс знакомства и выстраивания отношений с начального уровня) (World of Warcraft, Lineage II, Guild Wars, ArcheAge и т. п.).

Среди жанров видеоигр следует выделить computer role-playing game (RPG). Именно он предполагает наибольшую вовлеченность игрока в персонажа, так как построен на исполнении какой-либо роли (например, избранного героя, драконоборца, авантюриста, космодесантника и т. д). Здесь стоит сделать оговорку, что ролевые игры выделяются среди других игр. Американские исследователи К. Сайлен и И. Зиммерман называют игрой систему, в которой игроки вступают в искусственный конфликт, определяемый правилами, что приводит к количественно измеримому результату [3, p. 94]. Ролевые игры, в свою очередь, не соответствуют, по крайней мере абсолютно четко и без оговорок, условию количественно измеримого результата. С другой стороны, в ролевых играх может быть система оценки, количественного вознаграждения или подсчет успешно достигнутых целей [3], за которые игроком получается награда, иногда направленная на его «цифровое тело». Так, при решении какого-либо квеста или при достижении определенного результата характеристики «цифрового тела» игрока могут быть увеличены (например, в таких играх, как Baldurs Gate 3, Elden Ring и т. д.).

Одну из самых известных и востребованных ММО RPG (World of Warcraft) изучали психологи Н. Йи и Дж. Бейлисон, пытаясь определить, связаны ли

привлекательность и физические показатели моделей персонажей разных рас с их внутриигровой успешностью (достигнутым уровнем). Авторы пришли к выводу, что рост и привлекательность аватаров действительно играют роль в воплощении персонажа в онлайн-игре. Так, высокие привлекательные аватары превосходят другие аватары. При этом названные физические атрибуты могут взаимодействовать друг с другом неожиданным образом. Результаты исследования показывают, что внешний вид аватара способен влиять на поведение пользователя в онлайн-среде [4]. Кроме того, с аватарами могут быть связаны различные психологические эффекты, такие как иммерсия, эффект протея, укоренение, конфабуляция и инкарнация [5]. Среди перечисленных категорий следует обратить особое внимание на понятие «инкарнация». Российский психолог С. А. Белозеров определяет его как «психологическое состояние оператора аватара, при котором качества собственного тела оператора бессознательно переносят на аватар, и наоборот» [5]. Данный эффект обусловливает связь личности человека и его «цифрового тела», за счет чего повышается иммерсивность игры и меняется поведение субъекта внутри цифрового мира, так как в зависимости от представлений о себе, о своем теле, опыте и наблюдении за другими не исключено формирование стратегий интеракций как со своим «цифровым телом», так и с «цифровыми телами» других участников игры. Инкарнация также в некоторых случаях является одним из оснований косплея, когда воспроизводятся внешние и внутренние черты персонажей.

Видеоигры как социальный феномен могут изучаться с помощью различных подходов. Британский социолог Г. Крауфорд в своей работе [6] описывает два инструмента исследования видеоигр: «магический круг» и фреймовый анализ (первый им критикуется, а второй, наоборот, одобряется). «Магический круг» представляет собой концепцию, объясняющую игры и видеоигры как ритуализированные действия с «сильными» границами, отделенные от повседневной жизни людей. Сам «магический круг» – это пределы, ограничения во времени и пространстве, «миры внутри обычного мира» [6, p. 4]. Автор статьи утверждает, что игры (и видеоигры) связаны с повседневной жизнью гораздо сильнее, чем предполагается в концепции «магического круга», так как игры и повседневность взаимопроникают друг в друга (тот же феномен косплея, когда игра и ее персонажи проникают в реальный мир через телесность и ролевой отыгрыш косплеера). Более удачным подходом, по мнению Г. Крауфорда, является фреймовый анализ, согласно которому человек одновременно является и носителем определенной роли (сын, ученик и т. д.), и игроком, и персонажем, за которого играет и с которым себя идентифицирует.

В том случае, когда субъект играет в игру, одна из рамок, т. е. одна из его ролей, может выходить на первый план, и мир (в данном случае цифровой) имеет потенцию стать главенствующим над реальным. В этой ситуации социальные нормы игры доминируют над социальными нормами физической

реальности (например, допустимость убийства или кражи) и распространяются только на ту реальность, в которой находится игрок (цифровую). С другой стороны, привычные стратегии поведения, основанные на социальных нормах физического мира, могут проникать и в мир игры, создавая проблему морального выбора (например, попытка избегания убийств, если это не запрещено игровыми механиками). Реальное тело, благодаря своей множественности, является прочным связующим (медиатором) между двумя ролями, так как другие рамки могут снова стать главенствующими без «выхода» из игры в случае, если реальное тело испытывает боль. В свою очередь «цифровое тело» является посредником между цифровым миром и сознанием человека, временно помещенным, благодаря иммерсивным механикам, в тело другого. Интересно, что тело при этом не обязательно является видимым (или человеческим / антропоморфным), например, игрок во время действий видит только руки (DOOM, Kingdom Come: Deliverance и т. п.) или только спину (The Witcher, Red Dead Redemption и т. п.) персонажа.

Кроме того, необходимо отметить, что в научной литературе встречается разделение игры как процесса и системы (в английском варианте play и game [3, p. 9]). Специалист в области гейм-дизана К. Сайлен и профессор философии И. Зиммерман разделяют категории game (как игра) и play (как играние), где игра включает в себя и правила, и культуру, и играние, которое, в свою очередь, состоит из множества видов игровой деятельности [3, p. 96]. С точки зрения «цифрового тела» играние – и значит быть телом в его множественном проявлении, т. е. чувствовать, действовать и взаимодействовать, а игра означает наличие системы, в которую оно включено и внутри границ которой находится. Изучение «цифрового тела» с позиции самой игры позволяет осмыслить его место в системе, связи с другими элементами и функции, которые оно выполняет, а изучение с позиции играния – выделить существующие тенденции.

Другим важным вопросом в изучении «цифрового тела» с позиции видеоигр является проблема отнесения их к медиа, так как в зависимости от этого могут изменяться стратегии исследования и решения о применении таких категорий, как, например, парасоциальность или аудитория. Г. Крауфорд, осуществив сравнительный анализ видеоигр и традиционных средств массовой информации, сделал вывод, что видеоигры подобны последним [6]. Нидерландский исследователь К. Кондрат также рассматривает видеоигры как один из видов медиа [7, p. 172]. Медиа и медиаобраз тесно связаны с феноменом парасоциальных отношений и парасоциального взаимодействия [8]. Как отмечает российский доктор психологических наук В. Р. Орестова, в качестве парасоциальных отношений можно рассматривать отношения между потребителем контента и экранными фигурами «без взаимного обмена, но с переживанием близости» [9, с. 72].

Необходимо учитывать, что персонажи видеоигр могут выступать объектом парасоциальных отношений, однако в парасоциальном взаимодействии

с ними есть своя специфика. Парасоциальные отношения обладают более длительным характером [10], они не одномоментны и не предполагают завершения после выхода из игры. Взаимодействие с персонажем видеоигры, в зависимости от заданных создателем стратегий его поведения, могут не быть парасоциальными (если считать социальными взаимодействия с обратной связью, что является дискуссионным вопросом). Во время игры, когда происходит интеракция между аватаром игрока и НПС, неигровой персонаж способен отвечать на слова и действия персонажа игрока, в том числе на невербальные сигналы, что ставит под вопрос парасоциальность такой интеракции. Кроме того, персонажем видеоигры может быть также аватар другого человека, который реагирует на действия аватара соигрока. Однако при завершении игры установленные отношения становятся односторонними, так как игрок все еще может состоять в каких-либо связях с персонажем, в отличие от последнего.

Интересно рассмотреть этот процесс с точки зрения фреймового анализа. При взаимодействии с другим игроком и его персонажем с позиции игрока и своего персонажа создается многослойная ролевая конструкция социальных отношений, которые впоследствии трансформируются в социально-парасоциальные. Имея изначально отношения игрок – игрок, игрок – персонаж, персонаж – игрок и персонаж – персонаж, все части которых могут быть полностью социальными, при завершении игры отношения игрок – персонаж, персонаж – игрок становятся парасоциальными, а персонаж – персонаж вообще исчезают (ставятся «на паузу» или теряют возможность вообще когда-нибудь возобновиться).

Телесная привлекательность персонажа может выступать основанием для вступления зрителя в парасоциальные отношения с ним. Белорусский исследователь К. П. Нейман в работе [10] приводит результаты исследования, проведенного в мае – июне 2023 г. Институтом социологии НАН Беларуси, где респондентам было предложено выбрать пример для подражания при просмотре телевизора, посещении сети Интернет, чтении книг, газет, журналов. Героев видеоигр выбрали всего 2,2 % опрошенных, что может свидетельствовать как о слабом потенциале персонажей видеоигр быть объектом парасоциальных отношений, так и о невысокой доле попавших в выборку респондентов, играющих в видеоигры.

Российский психолог В. Р. Орестова указывает, что парасоциальные отношения связаны с феноменом идентификации, несмотря на кажущееся отсутствие пересечения данных явлений (идентификация предполагает отождествление себя с персонажем, а парасоциальные отношения – некоторое дистанцирование) [9]. Возвращаясь к категории эмпатии, а именно к разделению ее на симпатию и сочувствие, следует заметить, что к своему персонажу для идентификации с ним игрок должен испытывать симпатию, т. е. разделять свой и его опыт, а к персонажу, с которым выстраиваются парасоциальные отношения, испытывать сочувствие. С другой стороны, если допустить, что

парасоциальные отношения могут иметь отрицательный характер, использование категории «сочувствие» как одной из характеристик таких отношений оказывается под сомнением. Так как к медиаперсонам, а также к персонажам, в том числе в играх, допустимо испытывать не только положительные эмоции, но и неприязнь и ненависть, которые исходят исключительно от человека за экраном и являются устоявшимся отношением в сторону другого, в таких парасоциальных отношениях не исключено намеренное избегание сочувствия или же его отсутствие по другим причинам, что способно оказаться отправной точкой негативных проявлений эмоций.

Телесность персонажей и потенциальное коммуникативное взаимодействие с ними в некоторых случаях как привлекает к игре, так и негативно влияет на отношение к отдельным слоям населения (например, вырабатывает отрицательные стереотипы о женщинах). Румынский социолог К. Кондрат, поднимает вопрос гендерной репрезентации в видеоиграх. По ее мнению, демонстрация стереотипов о женщинах, а также нереалистичных женских параметрах способна отрицательно сказаться на положении женщин в обществе [7, p. 173]. К. Кондрат обращает внимание на то, что наиболее распространенными способами стереотипизации в видеоиграх является представление женщин как «дам в беде», а также сексуальная объективация [7, p 172]. Одно из отличий в отношении к женскому и мужскому телам отражает интимную сферу человеческих взаимоотношений. Женское тело, которое, как писал философ и социолог Ж. Бодрийяр (связывая это с рабством и освобождением от него), больше эксплуатируется как сексуальный объект, чаще страдает от объективации как секс-инструмента [11].

В контексте отношения мужского и женского полов тело теряет свою субъектность, становясь объектом восприятия, потребления, воспроизводства и так далее, но так как тело (или в данном случае лучше воспользоваться термином «телесность») является не только физической оболочкой, но и заключается во всей целостности человека. Подобное взаимодействие с обществом в целом и отдельными его представителями в частности может негативно влиять на психику и физическое здоровье как женщин, так и мужчин.

Важным социальным элементом многих компьютерных ролевых игр является насилие. В случае с реальным телом насилие часто становится способом демонстрации власти одного субъекта над другим и во многих ситуациях запрещено законом, а также порицается обществом. В случае же видеоигр, особенно имеющих соревновательный боевой контекст, насилие, как правило, выступает основной задачей игрока. Как замечает российский философ Е. С. Соколов, видеоигры с элементами насилия вызывают достаточно негативную реакцию со стороны отдельных индивидов и социальных групп, так как «игры учат убивать» [12, с. 170]. С другой стороны, современные психологи говорят о способности агрессивных игр реализовывать негативные эмоции и не транслировать их на других [1].

Таким образом, исследование видеоигр является важной частью изучения «цифрового тела», как способа коммуникативной интеракции между различ-

ными социальными субъектами. При этом к основным особенностям коммуникативного взаимодействия индивидов и социальных групп друг с другом, а также со средой посредством «цифровых тел» относятся: 1) взаимовлияние реальных и «цифровых» тел, имеющее воплощение как в реальном, так и цифровом пространстве; 2) формирование и моделирование механизмов и стратегий социальных интеракций индивидов как со своим «цифровым телом», так и с «цифровым телом» других; 3) создание многослойных ролевых конструкций социальных отношений, которые впоследствии имеют потенциал быть преобразованными в парасоциальные.

Список использованных источников

1. *Галанина, Е. В.* Как видеоигры изменили нашу жизнь? / Е. В. Галанина, К. С. Никитина // Видеоигры: введение в исследования / А. С. Ветушинский, А. С. Салин, Е. В. Галанина [и др.]. – Томск : Изд. дом. Том. гос. ун-та, 2018. – С. 100–131.

2. *Шурко, А. В.* Сущность понятия «цифровое тело» сквозь призму социальной интеракции / А. В. Шурко // Молодежь в науке – 2024 : тез. докл. XXI Междунар. науч. конф. молодых ученых (Минск, 29–31 окт. 2024 г.) : в 2 ч. / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : Бел. навука, 2024. – Ч. 1 : Аграрные, биологические, гуманитарные науки и искусства. – С. 860–862.

3. *Salen, K.* Rules of play: game design fundamentals / K. Salen, E. Zimmerman. – Cambridge ; London : MIT, 2003. – 672 p.

4. *Yee, N.* The Proteus effect: implications of transformed digital self-representation on online and offline behavior / N. Yee, J. N. Bailenson, N. Ducheneaut // Communication Research. – 2009. – Vol. 36, iss. 2. – P. 285–312.

5. *Белозеров, С. А.* Виртуальные миры: анализ содержания психологических эффектов аватар-опосредованной деятельности / С. А. Белозеров // Cyberpsy. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/belozerov-virtualnye-miry/ (дата обращения: 12.10.2023).

6. *Crawford, G.* Forget the magic circle (or towards a sociology of video games) / G. Crawford // Worktribe. – URL: https://salford-repository.worktribe.com/output/1439207/forget-the-magic-circle-or-towards-a-sociology-of-video-games (date of access: 03.04.2024).

7. *Kondrat, X.* Gender and video games: how is female gender generally represented in various genres of video games? / X. Kondrat // Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology. – 2015. – Vol. 6, iss. 1. – P. 171–193.

8. *Тихонова, И. Ю.* Парасоциальные отношения в современном мире / И. Ю. Тихонова, А. С. Кравец // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 1. – С. 41–49.

9. *Орестова, В. Р.* Исследование связи склонности к формированию парасоциальных отношений с персонажами видеоигр и особенностей межличностной коммуникации пользователей видеоигр / В. Р. Орестова, Д. П. Ткаченко, Т. С. Самсонов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2022. – № 2. – С. 70–84.

10. *Нейман, К. П.* Парасоциальные отношения как компонент социальной реальности / К. П. Нейман // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XVI Бел.-Рос. науч. конф., Москва, 22–23 нояб. 2023 г. / Междунар. ассоц. акад. наук [и др.] ; редкол.: Н. В. Вдовина (пред.) [и др.]. – Мн. ; М., 2023. – С. 382–388.

11. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М. : АСТ, 2022. – 319 с.

12. *Соколов, Е. С.* Игры, которые нас убивают: видеоигры и насилие в дискурсе российской печатной прессы / Е. С. Соколов // Социология власти. – 2020. – Т. 32, № 3. – С. 165–188.

Поступила 14.02.2025 г.

УДК 316.34

ЮЙХАН ЛИ,

аспирант,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: mzcu1999@gmail.com

ИННОВАЦИИ И ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ОСНОВАННОЙ НА СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Представлен анализ влияния средств массовой информации на формирование культурной идентичности китайской молодежи в период с 2000 по 2020 г. Показано, что культурная идентичность молодежи развивалась под влиянием интергрупповой дифференциации, диверсификации, а также под влиянием восстановления традиционной китайской культурной идентичности. Выявлены проблемы, которые связаны с интеграцией мультикультурных ценностей и необходимостью укрепления самоидентификации молодежи для устойчивого развития культурной идентичности.

Ключевые слова: культурная идентичность, средства массовой информации, молодежь, инновации, интеграция, Китай.

YUHANG LEE,

Postgraduate Student,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: mzcu1999@gmail.com

THE INNOVATION AND INTEGRATION OF MEDIA-BASED CHINESE YOUTH CULTURAL IDENTITY

The article presents an analysis of the influence of mass media on the formation of the cultural identity of Chinese youth in the period from 2000 to 2020. It is shown that the cultural identity of young people developed under the influence of intergroup differentiation, diversification, as well as the restoration of traditional Chinese cultural identity. The revealed problems are associated with the integration of multicultural values and the need to strengthen the self-identification of young people for the sustainable development of cultural identity are identified.

Keywords: cultural identity, mass media, youth, innovation, integration, China.

Культурная идентичность – это склонность людей соглашаться и признавать культуру, включающую три уровня: форму, обличье и ценность [1]. Культурная идентичность является не только важной частью личностного самосознания, но и ключевым фактором формирования сплоченности социальных групп, влияющим на единство и стабильность нации и страны в целом [2]. Она позволяет человеку находить общий язык с другими людьми и группами в сложной и изменчивой социальной среде, помогая тем самым укрепить свою

самоидентификацию. Утрата культурной идентичности в стране сопровождается ослаблением сплоченности нации и разрушением стабильности в обществе [2].

С конца XX по начало XXI в., в связи со стремительным развитием науки и техники, методы коммуникации в средствах массовой информации (СМИ) претерпели кардинальные изменения. Китай постепенно переходит от традиционных средств массовой информации, таких как газеты, радио и телевидение, к мультимедийной эре Интернета – мобильного Интернета и социальных сетей. Эта трансформация глубоко повлияла на процесс культурной идентификации современной китайской молодежи [3].

Расцвет традиционной культуры и влияние глобализации в совокупности сделали культурную идентичность современной китайской молодежи более сложной и разнообразной. С одной стороны, поскольку традиционная китайская культура вновь привлекла внимание молодого поколения, тенденция культурного возрождения среди молодежи очевидна. С другой стороны, мультикультурный шок, вызванный глобализацией, привел к тому, что китайская молодежь постепенно формирует инклюзивное и открытое отношение к иностранным культурам, демонстрируя пробуждение глобалистского сознания [4]. Рассмотрим основные понятия в рамках исследования темы.

Культура, идентичность и культурная самобытность. Одно из классических определений культуры дано Э. Тейлором: «Культура, или цивилизация, в ее широком этнологическом смысле – это комплекс, который включает в себя все знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и любые другие таланты и привычки, освоенные и принятые людьми, которые являются членами общества» [5]. Культура – это все, что связано со следами присутствия человека. Она пронизывает все аспекты социальной жизни в материальном и нематериальном виде и формирует родословную отдельных людей, государств и наций.

Идентичность прямо связана с вопросами: «Кто я такой?» и «Кем я являюсь как человеческое существо?», поэтому она всегда была предметом обсуждения во многих дисциплинах, таких как философия, психология, социология, политология и культура. З. Фрейд предположил, что идентичность относится к «процессу эмоционального и психологического сближения между индивидами и другими людьми, группами или имитирующими их персонажами. Индивиды создают свою собственную идентичность, вкладывая средства в идентичность других» [6]. Как утверждает С. Кларк, идентичность – это процесс, посредством которого индивиды эмоционально и психологически сближаются с другими людьми или группами [7].

Культурная идентичность относится к самоидентификации и чувству принадлежности индивида или группы к определенной культуре. Она включает в себя идентификацию культурных форм, норм и ценностей, которые влияют на самосознание индивида и его взаимоотношения с обществом. Сущность культурной идентичности заключается в признании культурных ценностей [8].

В современном обществе СМИ являются основным носителем культурной коммуникации и важной силой в формировании культурной идентичности. В процессе быстрого развития информационных технологий методы, содержание и сфера влияния средств массовой коммуникации претерпели фундаментальные изменения, связанные не только с предоставлением людям доступа к культурной информации, но и с воздействием на процессы культурного познания и самоидентификации людей. Средства массовой информации незаметно влияют на культурную идентичность индивида посредством избирательного распространения информации, формируя культурные символы, а также путем укрепления коллективного сознания.

Прежде всего СМИ являются важным каналом передачи культурной информации. Благодаря газетам, телевидению, Интернету, социальным сетям и другим платформам люди могут получать доступ к разнообразному культурному контенту, охватывающему множество аспектов, таких как национальная, местная и глобальная культура, и предоставляющему разнообразные ресурсы для формирования индивидуальной культурной идентичности. Однако с развитием Интернета и новых СМИ разнообразие и фрагментарность распространения информации позволили молодежным группам познакомиться с более широким спектром культурных элементов, что свидетельствует о тенденции к мультикультурной идентичности [9].

Масс-медиа являются не только распространителями культурной информации, но и создателями культурных символов. В современном обществе они создают символические культурные образы с помощью фильмов, телесериалов, коротких видеороликов, рекламы и т. д., которые влияют на формирование самоидентификации и культурной самобытности молодежи [10].

Сутью культурной идентичности является ценностная идентичность. Средства массовой информации также подразумевают передачу ценностей в процессе распространения культуры. Путем избирательного усиления и распространения определенных культурных ценностей СМИ влияют на признание ценностей молодежными группами [11].

Таким образом, являясь важным инструментом культурной коммуникации в современном обществе, средства массовой информации расширили каналы распространения культурной идентичности с точки зрения формы, а также оказали большое влияние на культурную идентичность молодежных групп с точки зрения содержания и ценностей.

Современное состояние и особенности культурной идентичности современной китайской молодежи. В эпоху традиционных средств массовой информации каналы культурной коммуникации были относительно ограничены, и государственные СМИ, такие как газеты и телевидение, играли центральную роль в распространении информации и формировании культуры. В этот период культурная идентичность проявлялась в виде более унифицированных ценностей и культурных норм, а культурная идентичность молодежных групп была в большей степени сосредоточена на национальной культуре.

Типичным примером является программа «Прикоснувшись к Китаю» на Центральном телевидении Китая. С тех пор, как она начала выходить в эфир в 2003 г., каждый год отбирается группа выдающихся личностей, которые внесли значительный вклад в развитие общества, и их благородные поступки транслируются национальной аудитории Китая. «Прикосновение к Китаю» не только подчеркивает чувство ответственности человека и его преданность обществу, но и укрепляет коллективизм, национальную честь и патриотические чувства, рассказывая о великих деяниях простых людей. Такого рода унифицированное и централизованное распространение культурного контента помогает формировать общие ценности и культурную идентичность молодежных групп в относительно единой медиасреде [12].

С развитием Интернета и цифровых технологий распространение информации перешло от односторонней передачи к разнонаправленному взаимодействию. Появление новых средств массовой информации, таких как социальные сети и платформы для создания коротких видеороликов, сделало культурный контент, с которым знакома молодежь, богаче и разнообразнее. Это изменение привело к тенденции диверсификации культурной идентичности.

Типичный пример – популярный тематический раздел «Традиционные культурные мероприятия», представленный на крупнейшей китайской видеоплатформе Билибили (Bilibili) (основана 26 июня 2009 г.). Все больше и больше молодых людей используют эту видеоплатформу для понимания, изучения и популяризации традиционной китайской культуры. По состоянию на 2021 г. число поклонников традиционной культуры на Билибили превысило 177 млн человек, среди которых люди в возрасте 18–30 лет составляют около 70 %. При этом среди создателей видео о традиционной культуре для платформы 18–30-летние составляют 62 % [13]. Это явление свидетельствует о переосмыслении и возрождении традиционной китайской культуры молодежными группами.

В эпоху цифровых медиа социальные сети и платформы для создания коротких видеороликов стали важными носителями культурной идентичности китайской молодежи. Такой платформой является Доин (Douyin), среди аудитории которой наиболее востребована направленная на распространение культуры программа «Нематериальное культурное наследие» (Immersial cultural heritage). Многие пользователи Доин создают короткие видеоролики, демонстрирующие традиционные китайские ремесла, танцы, оперу и другие материалы, относящиеся к нематериальному культурному наследию, что привлекает внимание большого числа молодых людей. Например, популярные видеоролики, такие как «Вырезка из бумаги», «Пекинская опера», а также «Вышивка Шу» собрали миллионы лайков и комментариев. Это свидетельствует о том, что молодежь не только интересуется такими формами традиционного китайского искусства, но и активно участвует в дискуссиях и взаимодействиях через платформу, демонстрируя свою идентичность и любовь к традиционной китайской культуре [14; 15] (таблица).

Отчет о данных по нематериальному культурному наследию за 2024 г., в % (сост. по: [15])

Показатель	Темпы роста в годовом исчислении, %
Объем видеообмена национальным нематериальным культурным наследием	36
Количество видеороликов о национальном нематериальном культурном наследии, находящемся под угрозой исчезновения	33
Число преемников нематериальной китайской традиционной культуры (танцоры, певцы и т. д.) в возрасте до 30 лет	72
Объем онлайн-заказов на нематериальное культурное наследие	356

Интерактивность социальных сетей и визуальное воздействие коротких видеороликов превращают культурную идентичность из процесса пассивного принятия в процесс активного участия, выбора и созидания молодыми людьми. Делясь информацией, комментируя и ставя лайки, молодые люди могут обрести чувство принадлежности к своей культурной идентичности в виртуальном пространстве и создавать сообщества с другими людьми, обладающими схожей культурной идентичностью. Формирование такого рода цифровых сообществ также привело к тому, что культурная идентичность стала более иерархичной и групповой.

Инновационный путь формирования культурной идентичности молодежи, поддерживаемый средствами массовой информации. Движимая глобализацией, молодежь знакомится с разнообразным культурным контентом через средства массовой информации, что способствует терпимости и признанию мультикультурализма. Демонстрируя разнообразие мировых культур, новая медиа-платформа позволяет молодым людям соприкасаться с другими культурами и укреплять свое чувство идентичности с местными культурами. Разнообразие этой среды также способствует культурной интеграции, когда молодые люди могут обрести чувство принадлежности к богатой культурной среде.

Современные средства массовой информации открыли новые пути распространения традиционной культуры в виде коротких видеороликов, онлайн-драм, варьете-шоу и т. д. Они значительно расширили сферу культурной коммуникации. С помощью СМИ молодые люди могут лучше ориентироваться в традиционной культуре. Например, контент, посвященный нематериальному культурному наследию на платформе коротких видеороликов, позволил молодежи обратить внимание на традиционные навыки, находящиеся под угрозой исчезновения, и изучить их, укрепив собственное чувство принадлежности к традиционной культуре. Творческое самовыражение в современных медиа не только усиливает влияние культуры, но и способствует инновациям и воссозданию культурных продуктов, а также интеграции культурного наследия и инноваций.

Средства массовой информации символически сформировали идентичность «молодежь», придав ей важную роль в культурной коммуникации.

Молодежь – это не только потребители культуры, но и ее создатели и коммуникаторы. С помощью социальных интернет-платформ молодые люди могут активно участвовать в производстве и воссоздании культурного контента и стать главной движущей силой культурного наследия и инноваций. Расширение возможностей для самовыражения повысило культурную гордость молодых людей и способствовало осознанию ими своей самоидентификации. В рамках социальной психологии СМИ рассматриваются из-за их способности предоставить молодым людям возможность проявить свою индивидуальность и выразить свое мнение, подчеркивая их субъективность в культурных инновациях.

Выводы. Культурная идентичность современной китайской молодежи заключается не только в наследии традиционной китайской культуры, но и в ее современном многогранном проявлении. Это несколько неопределенное состояние культурной идентичности, если оно продлится слишком долго, может привести к конфликтам между людьми, обществом и культурой, что не способствует здоровому развитию китайской молодежи и китайского общества. Последнее все еще находится в процессе продолжающейся глубокой трансформации и развития, и культурная идентичность китайской молодежи неизбежно будет меняться и развиваться вместе с ней. Таким образом, формирование культурной идентичности китайской молодежи должно поднять самосовершенствование молодых людей на новый уровень.

В целях укрепления культурной самобытности молодежи в будущем необходимо уделять больше внимания сотрудничеству между образованием и средствами массовой информации. Школьное образование может способствовать пониманию и признанию молодыми людьми местной культуры с помощью учебных программ по культуре, в то время как новые медиа могут повысить культурную уверенность молодых людей в себе с помощью более ярких и интересных форм. Средства массовой информации и образование должны работать сообща, чтобы помочь молодежи сохранить свою культурную уникальность в условиях глобализации и укрепить свою веру в собственную культуру.

В будущем, в связи с ускоренными процессами глобализации и цифровизации, культурная идентичность молодежи столкнется с более сложными вызовами и возможностями. Средства массовой информации будут продолжать играть важную роль в формировании и распространении культурной идентичности. Поощряя межкультурные обмены и интеграцию, необходимо также защищать уникальность местной культуры. Новые технологии, такие как короткие видеоролики и виртуальная реальность, предоставят новые сценарии и модели культурной коммуникации, чтобы молодые люди могли повысить свою самооценку и культурную идентичность более разнообразными и инновационными способами. В будущем инновации в области культурной идентичности будут в большей степени зависеть от интеграции и развития науки, техники и культуры.

Список использованных источников

1. 崔新建. 文化认同及其根源 / 崔新建 // 北京师范大学学报 (社会科学版). – 2004. – № 4. – P. 102–104. = Цуй Синьцзянь. Культурная идентичность и ее истоки / Цуй Синьцзянь // Журнал Пекинского педагогического университета. Серия: Социальные науки. – 2004. – № 4. – С. 102–104.

2. 吴春晓. 文化认同研究简述 / 吴春晓 // 文化产业. – 2022. – № 11. – P. 80–82. = У Чуньсяо. Краткий обзор исследований культурной идентичности / У Чуньсяо // Культурная индустрия. – 2022. – № 11. – С. 80–82.

3. 韦路, 丁方舟. 新媒体时代传播学研究的转型 / 韦路, 丁方舟 // 浙江大学学报 (人文社会科学版. – 2013. – Vol. 43, № 4. – P. 93–103. = Вэй Лу. О трансформации коммуникативных исследований в эпоху новых медиа / Вэй Лу, Дин Фаньчжоу // Журнал Чжэцзянского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – Т. 43, № 4. – С. 93–103.

4. 杨洁. 全球化背景下大学生文化认同与教育研究：教育学博士论文 / 杨洁. – 南京：南京师范大学, 2014. = Ян Цзе. Исследование культурной идентичности и образования студентов колледжей в контексте глобализации : дис. … канд. пед. наук / Ян Цзе ; Нанкин. пед. ун-т. – Нанкин, 2014.

5. *Тайлор, Э. Б.* Первобытная культура : пер. с англ. / Э. Тейлор. – М. : Акад. проект, 2021. – 628 с.

6. *Freud, S.* Group Psychology and the Analysis of the Ego / S. Freud. – New York : W. W. Norton & Company, 1989. – 137 p.

7. *Кларк, С.* Культура и идентичность / С. Кларк // Руководство Sage по культурному анализу. – 2008. – С. 510–529.

8. 陈世联. 文化认同、文化与社会的和谐 / 陈世联 // 西南民族大学学报 (人文社科版). – 2006. – Vol. 27, № 3. – P. 117–121. = Чэнь Шилянь. Культурная идентичность, культурная гармония и социальная гармония / Чэнь Шилянь // Журнал Юго-Западного университета национальностей. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – Т. 27, № 3. – С. 117–121.

9. 李华. 现代媒体图像对文化认同的影响 / 李华 // Identity Space: Global Media, World and the Electronic Landscapes of Cultural Boundaries. – 2017. – P. 92–93. = Ли Хуа. Влияние изображений современных медиа на культурную идентичность / Ли Хуа // Пространство идентичности: глобальные медиа, мир и электронные ландшафты культурных границ. – 2017. – С. 92–93.

10. 李春梅. 媒介融合背景下传统文化的传承与发展 / 李春梅 // 文化艺术创新国际学术论坛. – 2023. – Vol. 2, № 6. – P. 39–41. = Ли Чуньмэй. Наследование и развитие традиционной культуры в контексте интеграции медиа / Ли Чуньмэй // Инновации в культуре и искусстве : Международный академический форум. – 2023. – Т. 2, № 6. – С. 39–41.

11. 周晓虹. 中国体验: 全球化、社会转型与中国人社会心态的嬗变 / 周晓虹. – 北京：社会科学文献出版社, 2017. – 468 p. = Чжоу Сяохун. Китайский опыт: глобализация, социальные преобразования и трансформация китайского социального менталитета / Чжоу Сяохун. – Пекин : Изд-во лит. по обществ. наукам, 2017. – 468 с.

12. 麦尚文. 价值沟通与社会认同: 对《感动中国》年度人物价值的分析 / 麦尚文 // 国际新闻界. – 2009. – № 5. – P. 71–75. = Май Шанвэнь. Ценностная коммуникация и социальная идентичность: анализ ценностей человека года в «Прикосновении к Китаю» / Май Шанвэнь // Международная пресса. – 2009. – № 5. – С. 71–75.

13. Ежегодный отчет о данных по традиционной культуре // Bilibili. – URL: https://www.bilibili.com/read/cv15258656 (дата обращения: 16.09.2024).

14. 王一如. 抖音传播中非物质文化遗产的效用提升研究 / 王一如 // 新闻研究导刊. – 2021. – Vol. 12, № 8. – P. 80–81. = Ван Ижу. Исследование повышения эффективности распространения нематериального культурного наследия в Douyin / Ван Ижу // Руководство по новостным исследованиям. – 2021. – Т. 12, № 8. – С. 80–81.

15. 卫中. 《2024抖音非遗数据报告》显示: 30岁以下传承人年增72% / 卫中 // 文汇报. – 2024. = Вэй Чжун. Отчет о нематериальном культурном наследии Douyin за 2024 год показывает, что число наследников до 30 лет увеличилось на 72 % в год / Вэй Чжун // Вэньхуэйбао. – 2024. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1801111119364933189 (дата обращения: 08.09.2024).

Поступила 21.10.2024 г.

УДК 369.011:316.334.4

Н. И. ЯКОВЛЕВА,
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: an.nata.an@gmail.com

СИСТЕМА СТРАХОВОЙ ЗАЩИТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ

В статье приводятся методологические основания социологического исследования процессов интеллектуализации системы страхования и социальной защиты Республики Беларусь посредством содержательного рассмотрения факторов формирования страховой активности и характеристик интеллектуализации сферы страхования. Представлены результаты апробации в эмпирическом исследовании, разработанных методик и индикаторов интеллектуализации в сфере социальной защиты. Показаны перспективы дальнейшей аналитической работы.

Ключевые слова: система страхования, страховое поведение, интеллектуализация, характеристики интеллектуализации системы страхования.

N. I. YAKOVLEVA,
Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: an.nata.an@gmail.com

SYSTEM OF INSURANCE IN THE CONTEXT OF INTELLECTUALISATION PROCESSES

The article presents the methodological bases of the sociological research of the processes of intellectualisation of the insurance and social protection system of Republic of Belarus by means of the substantive consideration of the factors of insurance activity formation and characteristics of the insurance sphere intellectualisation. The results of approbation in empirical research, developed methods and indicators of intellectualisation in the sphere of social protection are presented. Prospects of further analytical work are shown.

Keywords: insurance system, insurance behavior, intellectualisation, characteristics of insurance system intellectualisation.

На современном этапе цивилизационного развития интеллект и связанные с ним процессы интеллектуализации всех сфер жизнедеятельности человека являются основными факторами достижения конкурентного преимущества общества и обеспечивают успешное экономическое и социальное эволюционное развитие страны.

Понятие «интеллектуализация» в социальных науках часто интерпретируют как способность общества оперировать интеллектуальными умениями людей, а также как способность системы (государство, институт, организа-

ция) к разработке инновационных решений в науке, экономике, безопасности и т. д. [1, с. 92–93]. Проблема разума, творчества, волновавшая исследователей на протяжении многих веков, крайне высоко актуализирована в современный период развития цивилизации в связи с тем, что достижения научно-технической революции и информатизации изменили и усилили интеллектуальные возможности человека, и сегодня основой динамики цивилизационного прогресса представляется развитие у индивида способностей, энциклопедизма, ума. В то же время достижение необходимого уровня интеллектуализации общества в целом невозможно без четких, понятных и принятых ценностно-культурных ориентиров, развитых социально-нравственных норм как на уровне личности, так и общества.

В число ключевых характеристик современного общества принято включать информатизацию социальных институтов и общественных отношений. Позитивным моментом внедрения информационных технологий в повседневную жизнь является всеобщая доступность коммуникативного пространства, тогда как негативной особенностью стал тот факт, что такие феномены общественной жизни, как социальное напряжение и конфликты, перешли в информационную среду и считаются элементом виртуально-компьютерной сферы, отнюдь не утрачивая своей актуальности и значимости в социальной системе [2, с. 76]. Однако информационные технологии и виртуальная реальность, метавселенная и искусственный интеллект выступают неотъемлемой частью современного общества, поэтому их важно изучать непосредственно как отдельную сферу общественной жизни в ее когерентности со всеми отраслями социальной, экономической и политической жизни.

Таким образом, рассматривая различные изменения в обществе, которые усложняются с невероятной скоростью, сквозь призму трансформаций в социуме, техносфере, биосфере (экология) и с учетом развития наукотехники, можно заключить, что происходит изменение самой модели эволюционного общественного развития, в которой основополагающей системой становится глобализированный интеллектуальный техногенный социум, продуцирующий новые закономерности развития и формирования процессов жизненного уклада в социотехносфере [3, с. 47]. Общество, социальные институты и просто люди не всегда успевают адаптироваться к таким быстрым и часто кардинально отличающимся изменениям социосферы, происходит исключение из экономической, трудовой, социальной сфер общественной жизни многих групп населения, довольно большие по численности группы людей теряют свой трудовой потенциал, становятся получателями социальных гарантий, что неблагоприятно влияет на качество всего общественного капитала.

Актуальность изучения сферы страхования в контексте интеллектуализации определяется важностью исследования проблем современного глобального мира, в котором процессы интеллектуализации ориентируют на себя все большую часть экономики и науки: на воспроизводство и развитие разнообразных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), искусствен-

ного интеллекта (ИИ) и их носителей, их программного, кадрового и ресурсного обеспечения. Интеллектуализация становится главным фактором конкурентной борьбы на геополитической площадке [1, с. 94]. Интеллектуализация сферы страхования в виду ее когерентности со сферой социально-экономического развития будет способствовать решению одной из задач государства – формирование интеллектуального потенциала страны как фактора достижения благосостояния, поддержания стабильности и сохранения безопасного уровня жизни в обществе.

В качестве научного обоснования исследования интеллектуализации выступили труды различных исследовательских школ. Анализ содержания понятия «интеллектуализация» в научной среде основывается на концепциях интеллекта: культурно-исторические теории Л. С. Выготского [4], теория личности Г. Ю. Айзенка [5], развивающее обучение З. И. Калмыковой и теории умений К. Фишера [6, с. 54]. Современные ученые также обращают внимание на многогранность феномена интеллектуализации и, соответственно, на необходимость его комплексного анализа при исследовании – О. В. Беляева [7], Ю. А. Романова. В научных трудах определен спектр характеристик интеллектуализации: интеллектуальное самосознание, интеллектуальная культура и достаточный уровень информационной культуры в обществе, что создает условия для генерации новых знаний.

Теоретико-методологическим основанием исследования интеллектуализации сферы страхования выступает структурный подход к развитию общества, принципы организации процессов интеллектуализации в их взаимосвязи с процессами гуманизации, технологизации, цифровизации с учетом их когерентности с важнейшими сферами жизнедеятельности социума – экономикой, культурой, безопасностью, образованием и др. Интеллектуализация сферы страхования, не смотря на универсальность процессов интеллектуализации в целом, предполагает учет специфических характеристик национального института страхования, особенности половозрастной структуры белорусского общества, социальные характеристики и предпочтения нашего населения, что позволит предложить решения, соответствующие представлениям белорусов о справедливом и надежном способе достижения своих целей через систему страхования на всех жизненных этапах. Данный подход предполагает такие меры совершенствования института страхования, которые бы не только соответствовали актуальным потребностям социально-экономического развития, но и способствовали бы формированию у населения позиции активного страхователя и ответственного поведения в целях адекватного и своевременного применения стратегий защиты от рисков.

Целью данного исследования является выявление проблем интеллектуализации сферы страхования, определение факторов, способствующих развитию потенциала института социальной защиты и страхования, как системы, содействующей социально-экономическому развитию страны, поддержанию благополучия и безопасности граждан.

Решение поставленной научной задачи предполагает исследование в качестве объекта население Беларуси, а также институт социальной защиты и страхования как системы. В качестве предмета исследования выступает изучение отношения граждан нашей страны к системе страхования, а именно доверие к ней.

Основным методом исследования является анкетный опрос, проведенный на основе репрезентативной выборочной совокупности жителей страны в 2022 г., а также сравнительный анализ, выполненный по данным исследований Института социологии НАН Беларуси в рамках изучения проблематики сферы страхования и социальной защиты в 2013, 2018 и 2022 гг.

Научно-практическая значимость изучения процессов интеллектуализации в целом, и в сфере страхования в частности, прежде всего связана с возникающими в процессе интеллектуальной эволюции новых рисков, характерных для современного мира [6, с. 55]. Сегодня в Республике Беларусь, как и во многих государствах, происходит процесс трансформации технологий экономического, социального и образовательного укладов под влиянием растущей интеллектуализации общества, востребован поиск новых подходов к организации жизни общества, взаимодействия его институциональных систем. На смену идее о том, что можно заимствовать и напрямую применять успешные в других странах и обществах технологии, пришло знание, что в процессе структурной трансформации общества своей страны важно выработать национальный план развития, гармонизированный с общемировыми тенденциями.

Таким образом, существует научная потребность в разработке поля проблем интеллектуализации, его апробации применительно к различным сферам общества, в том числе в сфере страхования и социальной защиты.

В этой связи под интеллектуализацией сферы социальной защиты и страхования понимается, с одной стороны, трансформация системы: направленность на человека и его потребности (гуманизация), удаленное онлайн-страхование и т. д. (цифровизация), появление методов стимуляции активного страхового поведения (страховая культура); а с другой стороны – трансформация сознания человека в результате освоения им новых знаний о способах минимизации рисков и использование этих знаний (рационализация) для достижения своих жизненных целей (семья, здоровье, труд, безопасность и др.). Таким образом, под методикой интеллектуализации в страховании и сфере социальной защиты подразумевается своего рода социальная технология, основанная на совокупности системных знаний и методов трансформации института, ориентированная на разные уровни системы (общество – организация – индивид), на всех участников страховых отношений (государство – страховщики – страхователи) и на разные возрастные, социальные и профессиональные группы.

Понятие интеллектуализации в системе страхования и социальной защиты характеризуется наличием такого отличительного параметра разума-интеллекта, как управление будущим на основе функций прогнозирования, планирования и актуарного проектирования. Прогрессивное развитие системы

тесно связано с социально-экономическим и информационным развитием цивилизации, с общественным интеллектом, который детерминирует и реализует функцию управления будущим через нормотворчество, законотворчество, формирование общественно-необходимых (для поддержания устойчивости) ценностей и идеалов социума [6, с. 58]. Страховая система функционирует как аккумулятор знания о рисках, потребностях общества, превентивных мерах в отношении угроз и на их основе продуцирует инновационные интеллектуальные механизмы поддержания блага, общественной стабильности и безопасности, т. е. система страхования – механизм восходящего (эволюционного, интеллектуального) воспроизводства общественного капитала и капитала каждого отдельного человека.

Интеллектуализация системы социальной защиты и страхования в качестве долгосрочного проекта может сделать систему страхования одним из институтов, способствующих смене социально-экономических парадигм. Данный принцип в системе социальной защиты и страхования предполагает переход от формирования «недостаточно активного участника системы страховой защиты», который получает постоянные социальные дотации, к формированию ответственного, активного страхователя, который выбирает путь превентивных мер в случае наличия рисковой ситуации. Интеллектуализация системы страхования и социальной защиты связана не только с институциональными мерами – усовершенствованием законодательной базы, расширением видов и типов страховой защиты; не только с системой внешнего взаимодействия – обеспечением страхователя и страховщика информационно-техническими средствами, онлайн-страхованием; сколько с качественной реорганизацией деятельности института страхования и социальной защиты с целью развития ответственного активного страхового поведения в процессе взаимодействия с системой. Система социальной защиты и страхования в своей первоначальной основе имеет естественную для человека потребность в минимизации наступления возможных негативных ситуаций, в уверенности в том, что в случае ущерба, потери способности к труду убытки будут в некоторой мере восполнены, период нетрудоспособности будет компенсирован на достаточном уровне. Данная потребность полностью рефлексируется индивидом, осознается им и влечет за собой сознательное поведение – страхование (формальное / неформализованное).

Непосредственно в рамках системы страхования происходит исполнение таких задач, как защита населения от рисков, профилактика наступления неблагоприятных событий, сбережение существующего социального капитала страны, т. е. происходит своего рода стабилизация общественного напряжения, сдерживание рисков. Система страхования и социальной защиты уменьшает чувство страха у человека, дает ощущение безопасности, что позволяет трудиться и создавать семьи не смотря на множество рисков и угроз разного характера, существующих в настоящее время.

Имея в своем распоряжении такие материальные ресурсы, как взносы страхователей, уставные и гарантийные фонды, технико-материальная база

системы, доходность от невостребованных взносов и нематериальные ресурсы: человеческий капитал (сами страхователи, кадровый персонал), система законодательных мер, гарантийная помощь государства, система страхования и социальной защиты населения может стать одним из тех социальных институтов, который в условиях социально-экономической нестабильности будет способствовать формированию нового типа рациональности, основанной на совокупности интеллектуальной составляющей, технологической и научной сфер, которая направлена в первую очередь на гуманизацию и интеллектуализацию социума, а не только на повышение его экономической эффективности.

В сфере страхования интеллектуализация заключается в готовности людей к преодолению рисковых ситуаций на основе применения эффективных стратегий страхового поведения, своевременном выводе и внедрении в практику новых программ страхования со стороны страховщиков, повышении всеобщего уровня безопасности. Уровень страховой активности выражается в том, какие именно действия применяют люди с целью сделать свою личную жизнь безопасной, используют ли превентивные меры по минимизации рисков и насколько предпринимаемые населением меры включены в саму систему страхования.

В качестве характеристик интеллектуализации сферы страхования в рамках проведенного исследования были рассмотрены такие показатели как:

– уровень ответственности граждан, проявляющийся в критической оценке ситуации и сознательном выборе, который соответствует стратегии поведения людей – застраховать свою жизнь и здоровье, сделать накопления, повысить уровень квалификации и т. д.;

– уровень доверия институтам страхования, повышение которого свидетельствует об эффективном позитивном опыте страховых отношений у населения;

– наличие потребности в страховой защите, интерес к системе страхования, основанный на желании обезопасить, сберечь значимые ценности, как материальные (жилье, автомобиль и т. д.), так и нематериальные (здоровье, жизнь) [8, с. 299].

На примере исследования динамики уровня доверия страховым организациям различной формы собственности можно отметить в целом довольно неплохие показатели по уровню доверия в Беларуси (около половины опрошенных отметили, что «доверяют» и «скорее доверяют» системе страхования), а также проследить положительный прирост численности доверяющих институту страхования респондентов. Таким образом, с учетом роста уровня доверия к страховым компаниям среди населения, а также взаимосвязи доверия в системе страхования с осознанием вероятности наступления рисковой ситуации, со страховой потребностью, страховым интересом, информированностью о предлагаемых продуктах, а также опытом страховых отношений, можно говорить о том, что процесс интеллектуализации сферы страхования и социальной защиты населения реализуется, поскольку население все чаще проявляет страховую активность, берет на себя ответственность за личное будущее (рисунок).

Динамика уровня доверия страховым компаниям различной формы собственности, %

Так, результаты исследования, проведенного в 2013 г.[1], показали, что не доверяют государственным страховым компаниям 21 % всех опрошенных респондентов, скорее доверяют, чем нет 41,6 %, и абсолютно доверяют 35,4 %. В то же время частным страховым организациям не доверяют 50,9 % всех респондентов, скорее доверяют, чем нет 36,7 %, и абсолютно доверяют 7,9 %.

Характеризуя уровень доверия системе страхования граждан нашей страны, на основе результатов исследования, проведенного в 2018 г.[2], отметим, что государственным страховым компаниям не доверяют 20,2 % опрошенных, скорее доверяют, чем нет 50,8 %, и абсолютно доверяют 24,2 %. В то же время частным страховым организациям не доверяют 29,7 % всех респондентов, скорее доверяют, чем нет 50,7 %, абсолютно доверяют 12,6 % [9, с. 206].

По результатам исследования, проведенного в 2022 г.[3], не доверяют государственным страховым компаниям 12,2 % всех опрошенных, скорее доверя-

[1] ГПНИ «История, культура, общество, государство» подпрограммы «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях (“Социология”)» на 2011–2015 гг. в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы». В 2013 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 1594 человека, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

[2] ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы «Социология и философия (“Социология”)» на 2016–2020 гг. в соответствии с заданием 3.1.03 «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества». В 2018 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 2129 человек, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

[3] ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы «Социология и философия (“Социология”)» на 2021–2025 гг. в соответствии с заданием 5.04

ют, чем нет 17,4 %, и абсолютно доверяют 41 %. В то же время частным страховым организациям не доверяют 12,7 % всех респондентов, скорее доверяют, чем нет 18,3 %, и абсолютно доверяют— 18,4 %.

Исходя из анализа представленных данных, очевидно, что уровень доверия граждан Беларуси к государственным страховым компаниям незначительно снизился за счет уменьшения числа «абсолютно доверяющих» системе респондентов. Напротив, уровень доверия населения к страховым компаниям частной формы собственности ощутимо возрос. Увеличение уровня доверия к частным страховым компаниям можно объяснить тем, что многие из них на белорусском страховом рынке работают уже много лет и зарекомендовали себя как надежные партнеры. Кроме того, в страховых организациях частной формы собственности, в сравнении с государственными компаниями, зачастую более выгодные для страхователя условия заключения договоров и более широкий спектр оказываемых страховых услуг [8, с. 299].

Некоторое снижение доли «абсолютно доверяющих» страховым организациям государственной формы собственности можно объяснить принятием новых законодательных актов в сфере страховой деятельности, к которым как страховщикам, так и страхователям необходимо адаптироваться. Например, с 1 октября 2024 г. в Беларуси действует добровольное страхование дополнительной накопительной пенсии; с 2024 г. появился новый вид обязательного страхования ответственности субъектов хозяйствования – за невыплату зарплаты и неуплату обязательных страховых взносов при неплатежеспособности организации; также с 2024 г. введена новая форма страхования – вмененное, в том числе Министерством финансов Республики Беларусь были внесены изменения в инструкцию об особенностях страхования жизни, которые расширили права физических лиц (страхователей), и др.

В целом к факторам, обусловливающим существующий уровень доверия граждан к сфере страхования, а также препятствующим его более значимому приросту, можно отнести:

– общую социально-экономическую нестабильность государства после распада СССР;

– отсутствие страховой культуры, непонимание принципов страхования и незнание, что существуют такие инструменты вложений, как страхование;

– недостаточное доверие к долгосрочным вложениям, которое было вызвано последовательным разрушением ожиданий людей после краха различных финансовых систем в 1990-х гг., а затем и банковским кризисом 2004 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимым условием развития системы страховой защиты является доверие к финансовым институтам, страховым компаниям, персонифицированное доверие к страховому

«Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества». В 2022 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 2129 человек, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – кандидат социологических наук В. Р. Шухатович).

агенту. Сегодня восприятие страхования обусловлено негативным опытом времен перестройки и последующих кризисов, подрывом институционального доверия к финансовым институтам на уровне общества, а также наличием негативного опыта страховых отношений на уровне индивида, в связи с чем важно инициировать программы по преодолению данного обстоятельства и активизацию ресурсов доверия на формирование позитивного опыта страховых отношений [9, с. 207].

Интеллектуализация сферы социальной защиты и страхования, выражающаяся во внесении в практику повседневной жизни элементов защиты от вероятных угроз с применением как институциональных, так и неформализованных механизмов данной системы, может способствовать накоплению и перераспределению социальной самосохранительной активности в обществе на развитие и внедрение предупредительных способов защиты от рисковой составляющей современной цивилизации, на развитие интеллектуального ответственного индивида, на его рационально-положительное взаимодействие со всеми социально-экономическими институтами общества, на восходящее развитие самого общества.

Список использованных источников

1. *Антипина, Н. Л.* Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы / Н. Л. Антипина, С. М. Моор, Е. В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (61). – С. 91–98.

2. *Зенин, К. А.* Инновационные формы социального неравенства в России начала XXI в. / К. А. Зенин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. – С. 75–77.

3. *Володина, О. В.* Идеологические основы интеллектуализации образования / О. В. Володина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 4. – С. 44–51.

4. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Нац. образование, 2016. – 368 с.

5. *Айзенк, Г.* Природа интеллекта – битва за разум: как формируются умственные способности / Г. Айзенк, Л. Кэмин. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 352 с.

6. *Белов, В. И.* Технологии интеллектуализации общества для Евразии / В. И. Белов, О. В. Белова, С. В. Лапина // Информация и инновации. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 53–63.

7. *Беляева, О. В.* Интеллектуализация образования современного общества знания: роль и перспективы / О. В. Беляева // Виперсон. – URL: https://viperson.ru/wind.php?ID=644842 (дата обращения: 12.12.2023).

8. *Яковлева, Н. И.* Актуальные тенденции развития общества в условиях интеллектуализации / Н. И. Яковлева // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9–10 нояб. 2023 г. / редкол.: Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн., 2023. – С. 297–300.

9. *Яковлева, Н. И.* Сфера страхования в оценках граждан Беларуси / Н. И. Яковлева // Неэкономические факторы устойчивого развития общества / под ред. С. А. Шавеля ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Бел. навука, 2020. – С. 201–208.

Поступила 13.02.2025 г.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АЛЯКСАНДР МІКАЛАЕВІЧ ДАНІЛАЎ. ДА 70-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ

14 мая 2025 года споўнілася 70 гадоў вядомаму беларускаму сацыёлагу, загадчыку кафедры сацыялогіі факультэта філасофіі і сацыяльных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, члену-карэспандэнту Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктару сацыялагічных навук, прафесару Аляксандру Мікалаевічу Данілаву.

Нарадзіўся Аляксандр Мікалаевіч у Віцебску, дзе атрымаў сярэднюю, а потым і вышэйшую адукацыю (у Віцебскім ветэрынарным інстытуце). Тэрміновую ваенную службу праходзіў у войсках стратэгічнага прызначэння. Працоўную дзейнасць пачаў яшчэ ў студэнцкія гады, на выбарных пасадах у камітэце камсамола ВНУ, Віцебскім абкаме і ЦК ЛКСМ Беларусі. Менавіта ў маладзёжным асяроддзі пачаўся шлях А. М. Данілава ў сацыялагічную навуку: з 1978 г. працуючы ў камсамольскіх органах, яму давялося ўзначальваць аддзелы студэнцкай моладзі абкама і ЦК, лектарскую групу ЦК камсамола, па яго ініцыятыве была створана сацыялагічная лабараторыя пры ЦК ЛКСМ Беларусі. Таму цалкам абгрунтаванай будзе наступная выснова: Аляксандр Мікалаевіч – сацыёлаг па прызванні і па жыцці: да абароны ў 1990 г. кандыдацкай дысертацыі на тэму «Сацыялагічны аналіз духоўных патрэбнасцей моладзі (па матэрыялах Беларускай ССР)» ён ужо меў за плячыма немалы вопыт даследніцкай працы, каардынаваў дзейнасць Савета па даследаванні праблем моладзі пры ЦК ЛКСМ Беларусі, шмат публікаваўся ў рэспубліканскім друку, навуковых выданнях.

У 1991 г. А. М. Данілаву прапанавалі стварыць сектар вывучэння грамадскай думкі і прагназавання ў Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, якім ён загадваў больш за тры гады. З першых дзён стварэння Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (1994 г.) Аляксандр Мікалаевіч працуе загадчыкам сектара, намеснікам начальніка Галоўнага ўпраўлення грамадска-палітычнай інфармацыі – начальнікам інфармацыйна-аналітычнага ўпраўлення Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, з 2000 г. – прафесарам кафедры сацыялогіі БДУ, у 2003–2016 гг. – намеснікам старшыні ВАКа Рэспублікі Беларусь, які курыраваў пытанні атэстацыі кадраў па гуманітарных і сацыяльных навуках.

Сваю працу ў органах дзяржаўнага кіравання Беларусі А. М. Данілаў заўсёды дапаўняў самаадданым служэннем сацыялагічнай навуцы. У 1993 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Моладзь Рэспублікі Беларусь ва ўмовах пераходу да рынкавых адносін (метадалагічны аспект)». З 2005 г. Аляксандр Мікалаевіч з'яўляецца загадчыкам кафедры сацыялогіі факультэта філасофіі і сацыяльных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Ён выдаў шэраг грунтоўных манаграфій: «Пераходны працэс і моладзь» (1993); «Пераходнае грамадства: праблемы сістэмнай трансфармацыі» (1997, 1998); «Улада і грамадства: пошук новай гармоніі» (1998); «Моладзь крызісных гадоў: ілюзіі і новыя надзеі» (1999); «Сацыялогія ўлады: тэорыя і практыка глабалізму» (2001); «Перадгісторыя сацыялогіі» (2009, у суаўтарстве з А. М. Елсуковым). Заснаваў серыю кніг «Кафедра сацыялогіі» і асабіста ўдзельнічаў ў напісанні шэрага навучальных дапаможнікаў: «Гісторыя сацыялогіі» і «Асновы сацыялогіі і паліталогіі» (2012, у суаўтарстве з А. М. Елсуковым); «Сацыялогія палітыкі» (2013, у суаўтарстве з Ж. М. Грышчанка), трох выданняў навучальнага дапаможніка «Сацыялогія» і многіх іншых кніг навучальнага кірунку (усяго апублікавана каля 300 навуковых прац).

Выключная працавітасць А. М. Данілава, яго навукова-арганізацыйны талент прынеслі яму прызнанне ў беларускай навуковай супольнасці: у 1996 г. ён абраны членам-карэспандэнтам НАН Беларусі і намеснікам старшыні Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў; у 1997 г. ён становіцца галоўным рэдактарам заснаванага ім навукова-тэарэтычнага часопіса «Сацыялогія», а таксама два тэрміны запар займае на грамадскіх пачатках пасаду намесніка акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі; у 1999 г. атрымлівае прэмію НАН Беларусі за лепшую навуковую працу; у 2000 г. выбіраецца старшынёй Беларускага грамадскага аб'яднання «Сацыялагічнае таварыства»; у 2001 г. яму прысуджаецца стыпендыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь за дасягненне высокіх вынікаў у сферы прафесійнай дзейнасці; у 2005 г. аб'яўлена Падзяка Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь за заслугі ў фарміраванні нацыянальнай сістэмы атэстацыі, плённую працу ў галіне падрыхтоўкі і атэстацыі навукова-педагагічных кадраў вышэйшай кваліфікацыі.

Сёння можна з упэўненасцю сцвярджаць, што за два дзесяцігоддзі сваёй працы на пасадзе загадчыка кафедры сацыялогіі БДУ А. М. Данілаву ўдалося галоўнае – сцвердзіць яе пазіцыі як вядучага адукацыйна-навуковага сацыялагічнага падраздзялення ў краіне. Зрабіць гэта ў наш няпросты час рэфармавання сістэмы адукацыі было вельмі складанай справай. Неабходна прызнаць, што шмат у чым гэта ўдалося дзякуючы асабістаму прыкладу паўсядзённай дзелавой актыўнасці загадчыка кафедры, які пастаянна генерыруе новыя навуковыя і педагагічныя ідэі, што і дазволіла падвоіць творчы патэнцыял калектыву кафедры і кожнага яе выкладчыка паасобку.

Па ініцыятыве А. М. Данілава, пад яго рэдакцыяй альбо з яго прадмовай пабачылі свет такія арыгінальныя працы, як «Сацыялагічная энцыклапедыя»

(2003); «Грамадская місія сацыялогіі» С. А. Шавеля (2010); «Сацыялогія як лёс: выбранае» Л. Г. Новікавай (2012); «Праблемы фарміравання беларускай дзяржаўнасці ў XX – пачатку XXI стагоддзя: выбраныя працы М. С. Сташкевіча» (2012); «Дэмаграфічныя рытмы і перамены: да пазнання беларускага сацыуму: выбранае» А. А. Ракава (2014); «Сінтэз філасофіі, навукі, культуры. Да 80-годдзя акадэміка В. С. Сцёпіна» (2014); «Сучасны соцыум у свеце глабальных змен: да 85-годдзя акадэміка Я. М. Бабосава» (2016); «Сацыясферная стратэгія развіцця грамадства» С. А. Шавеля (2022); «Эпоха акадэміка В. С. Сцёпіна» (2024); «Сацыёлаг С. А. Шавель. Шляхі да тайнаў быцця» (2025) і інш. Гэта цудоўная здольнасць А. М. Данілава – прызнаць талент іншага чалавека, без зайздрасці і крывадушнасці прыцягнуць увагу грамадскасці да таго лепшага, што створана іншымі і што па праве павінна захавацца ў сучасным навуковым кантэксце як наша агульная спадчына. Хіба гэта не высакародная місія Чалавека неабыякавага, які бескарысна папулярызуе ідэі калег са свайго гуманітарнага цэха? Тым больш, што частка з іх ужо пайшла з гэтага жыцця.

Аляксандр Мікалаевіч – аўтар дзясяткаў разгорнутых біяграфічных нарысаў і эсэ пра беларускіх вучоных і дзеячаў культуры. Частка гэтых нарысаў і эсэ ўвайшла ў кнігу «Слова аб сучасніках: эсэ, інтэрв'ю» (2013), якая выклікала вялікую цікавасць у навуковай грамадскасці Беларусі. Больш таго, гэта кніга стала для многіх чытачоў сапраўдным адкрыццём, раскрыўшым маральнае крэда самога аўтара, здольнага зразумець і ацаніць асобу безадносна да яе фармальна-статусных характарыстык.

Намаганнямі юбіляра арганізуюцца і праводзяцца шматлікія сацыялагічныя і іншыя навуковыя канферэнцыі, сустрэчы навуковай грамадскасці з выдатнымі расійскімі вучонымі (акадэмікамі В. С. Сцёпіным, А. А. Гусейнавым, У. А. Лекторскім, членамі-карэспандэнтамі Р. С. Грынбергам, У. В. Міронавым, Ж. Ц. Тошчанкам і інш.). У час імклівых перамен, калі рвуцца існуючыя навуковыя і іншыя сувязі, такія сустрэчы ўводзяць прысутных у атмасферу аднароднай дыялогавай прасторы, дапамагаючы не проста зразумець адзін аднаго, але і інтэграваць намаганні ў напрамку асэнсавання праблем сучаснага светапогляду, які зараз імкліва трансфармуецца.

Сёння А. М. Данілаў – не толькі бясспрэчны аўтарытэт у галіне тэорыі, метадалогіі і гісторыі сацыялогіі, сацыялогіі трансфармацыйных працэсаў у пераходных грамадствах, сацыялогіі ўлады, сацыялогіі моладзі і сацыялогіі навукі, але і яскравы жыццёвы прыклад для навуковай моладзі. Аляксандру Мікалаевічу ёсць чым ганарыцца: у 38 гадоў ён – доктар навук, у 41 год – член-карэспандэнт НАН Беларусі, у 70 гадоў – сапраўдны мэтр акадэмічнай і вузаўскай навукі, пад умелым кіраўніцтвам якога абаронены некалькі дзясяткаў доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый. Галоўнае ж – ён заўсёды акружаны людзьмі, якія цягнуцца да яго як да эпіцэнтра сацыяльнага аптымізму і жыццёвай энергетыкі. А яшчэ Аляксандр Мікалаевіч – шчаслівы бацька, які разам са сваёй жонкай Людмілай Уладзіміраўнай выхаваў цудоўных дзяцей – дачку Кацярыну, кандыдата сацыялагічных навук, і сына Антона.

Пажадаем жа нашаму дарагому юбіляру і далей заставацца такой жа шматграннай асобай, што плённа працуе на педагагічнай і навуковай ніве, зараджаным на выніковыя даследаванні сацыёлагам, цудоўным арганізатарам навукі, удумлівым педагогам! Мы верым у яго сумленнасць і прынцыповасць, у яго талент і моц духа, у яго неадольнае жаданне славіць друкаваным словам людзей працы і ведаў. Моцы, здароўя і доўгіх гадоў жыцця табе, дарагі сябар! Няхай збудуцца ўсе твае самыя смелыя планы і мары!

Я. М. БАБОСАЎ,
акадэмік НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар

П. А. ВАДАП’ЯНАЎ,
член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар

А. А. КАВАЛЕНЯ,
акадэмік НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар

М. Л. МЫСЛІВЕЦ,
кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт

В. К. ШЧЭРБІН,
кандыдат філалагічных навук

Паступіла 10.04.2025 г.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ БЕЛОРУССКИХ СОЦИОЛОГОВ

ИЗ ЭПОХИ РОМАНТИКОВ И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ. К 90-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Г. Н. СОКОЛОВОЙ (1935–2018)

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
Борис Пастернак

Годы становления как социолога и научная деятельность Галины Николаевны Соколовой – это время романтиков, первооткрывателей. Это время, когда исследователи шли в социологию, тогда еще мало кому известную науку, которую нужно было возрождать, чтобы «расколдовать» общество, в котором они жили. Конечно, шли по призванию, по велению сердца, без всякого расчета, ибо богатства и карьеры явно не просматривалось на горизонте. Никто не спрашивал, какой вуз ты заканчивал, где работал и почему решил все бросить и окунуться в мир неизвестной науки, да еще и не очень легальной… Первая статья Галины Николаевны, которую опубликовал в первом номере за 1976 г. тогда единственный в СССР профессиональный социологический журнал «Социологические исследования» под названием «Опыт измерения взаимосвязей требований промышленного предприятия с потребностями рабочего» была подписана так: «Галина Соколова, старший инженер-социолог Молодечненского завода силовых полупроводниковых вентилей». Здесь истоки восхождения на академический Олимп будущей звезды социологической науки.

Впереди автора ждала блестящая научная карьера, потребовавшая огромных усилий и полного погружения в предмет своих исследований. Но разве это могло остановить молодого ученого, увлеченного, полного сил и энергии, влюбленного в новую науку, открывающую неизвестные социальные дали и уводящую далеко за горизонт. Вглядываясь в историю жизни Галины Николаевны, вполне определенно можем констатировать – она удалась. Главным было дело всей жизни – наука социология! И Галине Николаевне никогда, даже в самые тяжелые минуты, не хотелось бросить хотя бы тень сомнения на правильность сделанного выбора.

В социологию Г. Н. Соколова пришла социально зрелым человеком: за плечами уже был Рязанский радиотехнический институт и опыт работы в трудовом коллективе. Ее «открыли» университетские социологи, разглядев в молодом, инициативном и ответственном инженере-конструкторе будущего социолога. Только поняв: «Ну вот, наконец, это мое», – Галина Николаевна смело ступила на еще неведомую ей стезю ученого. Все силы ее недюжинного таланта исследователя, природная любознательность и творческое горение

всегда были направлены на успех, на победу. А настойчивости и упорства в достижении поставленной цели Галине Николаевне было не занимать. Характер достался от родителей действительно сильный и натура под стать – цельная, сориентированная на добросовестное служение избранному делу.

Это сладкое слово – победа – творит с людьми невозможное. Она возвышает и одновременно вдохновляет на новые, еще более значимые, свершения. Сколько их было точно, больших и малых, в жизни профессора социологии Галины Николаевны Соколовой, сказать не берусь. Но, смею утверждать, они действительно были… С пяти лет она подружилась с книгой, имела достижения в спорте, свободно владела английским языком. Прекрасная семья, сын, внуки… И, конечно, самозабвенная, упоительная, занимающая все время без остатка радость служения социологии. Здесь восхождение и покорение вершин подобно Эвересту: очная аспирантура Института социологических исследований АН СССР (г. Москва) с отличием, последовательное выполнение всевозрастающих по сложности и напряженности задач в исследовательских проектах. Причем поражают масштабы и объем исследований – от локальных, на отдельных промышленных предприятиях, до общенациональных и международных, уровня целых отраслей. Защита кандидатской (1976 г.) и докторской (1985 г.) диссертаций, публикация монографий, преподавательская деятельность, присвоение почетного звания «Заслуженный работник образования Республики Беларусь» (1999 г.), и в итоге – ведущий социолог Республики Беларусь, создатель и лидер Белорусской экономико-социологической школы (БЭСШ), в рамках которой выработана и развивается методология и методика социально-экономических исследований белорусского общества на разных этапах и в разных аспектах его функционирования и развития. На алтарь победы было возложено все – фактически вся жизнь Галины Николаевны, без остатка принадлежащая науке. И победа – это высокий, заслуженный авторитет, уважение и признание среди коллег и научной общественности.

В судьбе Г. Н. Соколовой отразилось множество характерных черт целого поколения. Родители – врачи по специальности – отправились по комсомольской путевке строить Комсомольск-на-Амуре. Там, в далекой и суровой Сибири, у них родилась дочь, которую назвали Галей. Далее детство, опаленное войной, долгожданная Великая Победа, возвращение с войны отца, майора медицинской службы, который по жизни навсегда оставался для дочери примером для подражания. Затем учеба, работа и неустанный поиск себя. О чем только не мечталось… Хотелось заниматься всем, испытать себя даже в самых немыслимых делах, все изучить и познать, везде и во всем «дойти до самой сути». И при этом обязательно – покорять небо, прыгать с парашютом, заниматься спортивной гимнастикой, непременно освоить английский язык и горячее, не проходящее желание, танцевать. Кстати, многие мечты сбылись, ведь Галина Николаевна не из тех, кто легко меняет свою позицию и бросает начатое дело на полпути.

Как ученый Галина Николаевна Соколова реализовалась в науке максимально, хотя дорога к своему признанию была долгой и непростой. Целеустремленность, трудолюбие и талант сделали свое дело. Самые лучшие ее учителя – в настоящее время уже классики гуманитарного знания, порой общение и дружба с ними давали больше любых занятий. Она стала свидетелем и активным участником возрождения социологической науки в стране. Учеба в Москве открывала новые горизонты научного роста и дала огромный творческий импульс на всю жизнь. «Как профессиональный социолог я умею все», – говорила после окончания московской аспирантуры Галина Николаевна. «Сейчас я бы этого не сказала», – поправляла она сама себя по прошествии времени. Г. Н. Соколовой никогда не была свойственна самоуверенность, наоборот, каждодневная, я бы даже сказал, каторжная работа в науке, неукротимое стремление к совершенству, открытию новых знаний и еще помощь коллегам стали ее жизненным кредо.

Профессор Г. Н. Соколова – настоящий интеллигент, тонкий ценитель богатого классического культурного наследия, глубоко знающий отечественную и мировую культуру, особенно симфоническую музыку, поэзию и литературу. Она стала лидером научного направления, активно работающим в науке исследователем, признанным экономическим аналитиком, автором учебных стандартов и основных базовых учебников по социологии труда и экономической социологии, практикума и хрестоматии, энциклопедического словаря по своей любимой дисциплине. Галина Николаевна всегда была погружена в работу со студентами, аспирантами и докторантами: лекции, консультации, заседания в ученых советах. Каждый ее день был расписан буквально по минутам.

Высокий профессиональный уровень, самоотверженность и принципиальность по жизни и в профессии позволили Галине Николаевне покорить вершины науки, и сегодня они освещают творческий путь идущим в социологию, помогают уверенно смотреть в будущее. Для очень многих специалистов, молодых социологов профессор Галина Николаевна Соколова навсегда стала примером честного и самоотверженного служения профессии, образцом Исследователя и Педагога! Мы помним и гордимся талантом выдающегося ученого.

А. Н. ДАНИЛОВ,
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор социологических наук, профессор

Поступила 11.01.2025 г.

КОГДА УХОДЯТ ЛЕГЕНДЫ…
К 85-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА С. А. ШАВЕЛЯ (1940–2023)

Это не некролог… Это грусть по невосполнимой утрате. И чем дальше уходит в историю эта трагическая дата – 19 августа 2023 г., тем более ощутима эта потеря. Он действительно незаменим, еще при жизни стал символом социологической науки, а для очень многих – своего и последующих поколений – другом и учителем. Среди белорусских социологов С. А. Шавель – человек-легенда. Он был всецело поглощен исследовательской работой, самой возможностью «расколдовать» общество, в котором мы живем. В работе был скрупулезен, глубок и объективен в оценках, не в каждой кампании был готов открыть свою душу. В каждом коллективе, где он работал, его любили и воспринимали как интеллектуального лидера. Причем его лидерство было естественным и потому – безоговорочным.

Сергей Александрович прожил трудную, но интересную и счастливую жизнь. Он родился 17 октября 1940 г. в деревне Герутево Свислочского района Гродненской области в крестьянской семье. Во время Великой Отечественной войны малолетним ребенком вместе с матерью был вывезен оккупантами в Германию. Его отец был расстрелян как участник партизанского движения. Только после Великой Победы в 1945 г. С. А. Шавель вернулся в родную деревню. Учеба в школе, работа по дому, полуголодное детство… В послевоенные годы дети рано уходили в самостоятельную жизнь. Как и многие его сверстники, Сергей увлекся авиацией. В 1958 г. поступил в Выборгское авиационное училище, в 1961 г. начал свою трудовую биографию техником Кременчугского вертолетного училища. Однако хрущевская реформа армии поставила молодого лейтенанта перед необходимостью выбрать гражданскую специальность. Любовь к книгам привела его в 1964 г. на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В период студенчества Сергей Александрович определился с научной специализацией – социологией.

Годы учебы в ведущем вузе страны запомнились Сергею Александровичу на всю жизнь. Времени хватало и, главное, все было в радость. На ударных комсомольских стройках в составе строительных отрядов С. А. Шавель был в первых рядах: возводил жилье в Целиноградской области, обустраивал жизнь воркутян, принимал участие в строительстве городской типографии в г. Иланский Красноярского края, школы – на острове Сахалин. Вместе со своими друзьями, будущими философами П. А. Водопьяновым и М. А. Слемневым, в составе московского аспирантского отряда сплавлял лес по реке Печора.

После окончания МГУ молодой философ С. А. Шавель вернулся в родную Беларусь, где состоялся как выдающийся ученый-социолог, раскрылся как тонкий и внимательный педагог. Он, как никто другой, чувствовал время и хорошо понимал, что будущее – за социологической наукой. Он стремился раскрыть потенциал социологии и наглядно подтвердить, что без фундаментальных знаний сами по себе цифры ничего не значат. Показать их смысл, заставить служить решению проблем общества, интерпретировать полученные результаты мог только профессионал-мыслитель с богатым воображением. Именно таким и был С. А. Шавель.

В науку Сергей Александрович пришел уже социально зрелым человеком. С. А. Шавель совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал по хоздоговорной тематике с различными организациями, заводскими социологами и постоянно совершенствовался: читал, изучал каждую новую публикацию по социологии, экспериментировал и учился на собственном опыте, опыте коллег. Все, кто хоть однажды встречался с Сергеем Александровичем, были очарованы его интеллектом, добротой и интеллигентностью.

Ученого С. А. Шавеля трудно представить без «странного упоения» своей работой. Цельность его натуры и трудолюбие были просто поразительные. К науке он относился как к высшему божеству – трепетно. Как известно, ученого всегда манит неизвестность, он стремится опередить время и заглянуть в будущее развитие социума. В своих работах Сергей Александрович, пытаясь раскрыть методологические аспекты социологического изучения социума, обращался к анализу социальных ожиданий, ценностей, потребностей, мотивов деятельности человека. Интересным представляется исследование восприятия людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Он обращается к концептуализации понятия «социальная сфера», обосновывает сферный подход в социологической теории, раскрывает императивы его развития, анализирует перспективы интеграционного процесса на постсоветском пространстве.

В 1977 г. С. А. Шавель защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Управление развитием социальной структуры общества». Работал в Белорусском государственном университете в секторе прикладной социологии под руководством профессора Г. П. Давидюка.

С. А. Шавель стал учителем для многих белорусских социологов, особенно в освоении тонкостей математической статистики. Это было настолько захватывающим, интересным и увлекательным, что сомнения в целесообразности освоения математических и статистических методов анализа данных отпали почти сразу. Решение практических задач с вычислением средних величин, дисперсий, коэффициентов корреляции, визуальное знакомство с таблицей больших чисел, матрицей факторных нагрузок (все это висело как наглядное пособие на стенах лаборатории) и, наконец, самое главное – получение навыков оперирования всеми этими данными, когда внимание сфокусировано не

на том, как вывести дисперсию (в конечном итоге ее величину выдаст математик), а на том, что она значит для социолога и как ее интерпретировать в контексте анализа социологической информации.

В 1981 г. С. А. Шавель перешел на работу в Институт философии и права АН БССР на должность старшего научного сотрудника, а после образования в 1990 г. Института социологии возглавил одно из его ведущих подразделений – отдел теории, методологии и методики социологических исследований, работал заместителем директора Института. Здесь в полной мере раскрылся его многогранный талант ученого-исследователя и организатора. Основное направление научной деятельности С. А. Шавеля – теория и методология социологических исследований, социальная мотивация, ее истоки и направленность. В 1990 г. он одним из первых в Беларуси успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социальная сфера и мотивация труда».

В этот период в своих научных работах С. А. Шавель рассматривает широкий круг проблем, таких как устойчивое развитие современного общества, социальная дифференциация, социальный капитал, социальный порядок, мотивационные стратегии потребления, социальные инновации как источник развития общества, потребление и стабильность, консенсус, образ устойчивого социума и метод его конструирования, парсонсовская модель устойчивости и воспроизводства социального действия и многие другие. Кроме того, целый ряд работ ученого непосредственно связан с будущим социологической науки в современных условиях – ее высокой общественной миссией, реальностью общественного мнения, методологическими императивами социологии, концепцией и алгоритмом построения республиканской социологической репрезентативной выборки, методологическими принципами «отнесение к ценности» и «свобода от оценки» в программе социологического исследования, методологическими основами оценки кадров и др.

В последние годы Сергей Александрович разрабатывал методологические аспекты социологического перспективизма, исследовал эвристические функции категорий «воображение», «детерминизм», «постэкономическое общество», анализировал социологические перспективы личностного роста, социальной сферы и непосредственного жизнеобеспечения, развития Союзного государства Беларуси и России. Он возвращался к раскрытию содержания общественного мнения в новых условиях как обратной связи, стабилизирующей социум, рассматривал риски в контексте перспектив инновационной деятельности.

Профессор С. А. Шавель уделял большое внимание социологическому изучению истоков возникновения белорусского этноса, формирования на его основе белорусского народа и образования суверенного национального государства, проблемам полиэтнической идентичности и консолидации белорусского народа в контексте исторической памяти.

Сергей Александрович с оптимизмом смотрел в будущее и высказывал уверенность в том, что социология в нашей стране имеет серьезные перспек-

тивы и будет успешно развиваться, не боялся браться за самые трудные и, казалось бы, неподъемные темы и обязательно находить решения. Он постоянно возвращался к тезису о том, что ученые должны изучать общество, в котором живут, хотя бы потому, что в XX в. недостаток этих знаний неоднократно приводил к тяжелым последствиям. Молодым людям независимо от их профессионального выбора он желал овладеть основами социологических знаний, а тем, кто идет в социологию или уже выбрал эту профессию, – твердости духа, ясности мышления и социологического воображения. Сегодня эти слова звучат как завещание учителя.

Сергей Александрович Шавель горячо любил свою страну, искренне был предан своей малой родине – небольшой деревеньке на Гродненщине. Мы всегда будем помнить доброту и уроки жизни нашего учителя и друга Сергея Александровича Шавеля, разделяя его веру в человека, профессию, идеалы общества и родную Беларусь.

А. Н. ДАНИЛОВ,
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор социологических наук, профессор

Поступила 11.01.2025 г.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 16

Редактор *Т. Е. Янчук*
Художественный редактор *Ю. П. Барабанова*
Технический редактор *О. А. Ткачёва*
Компьютерная верстка *И. В. Счеснюк*

Подписано в печать 01.12.2025. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,08. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 120 экз. Заказ 230.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск.